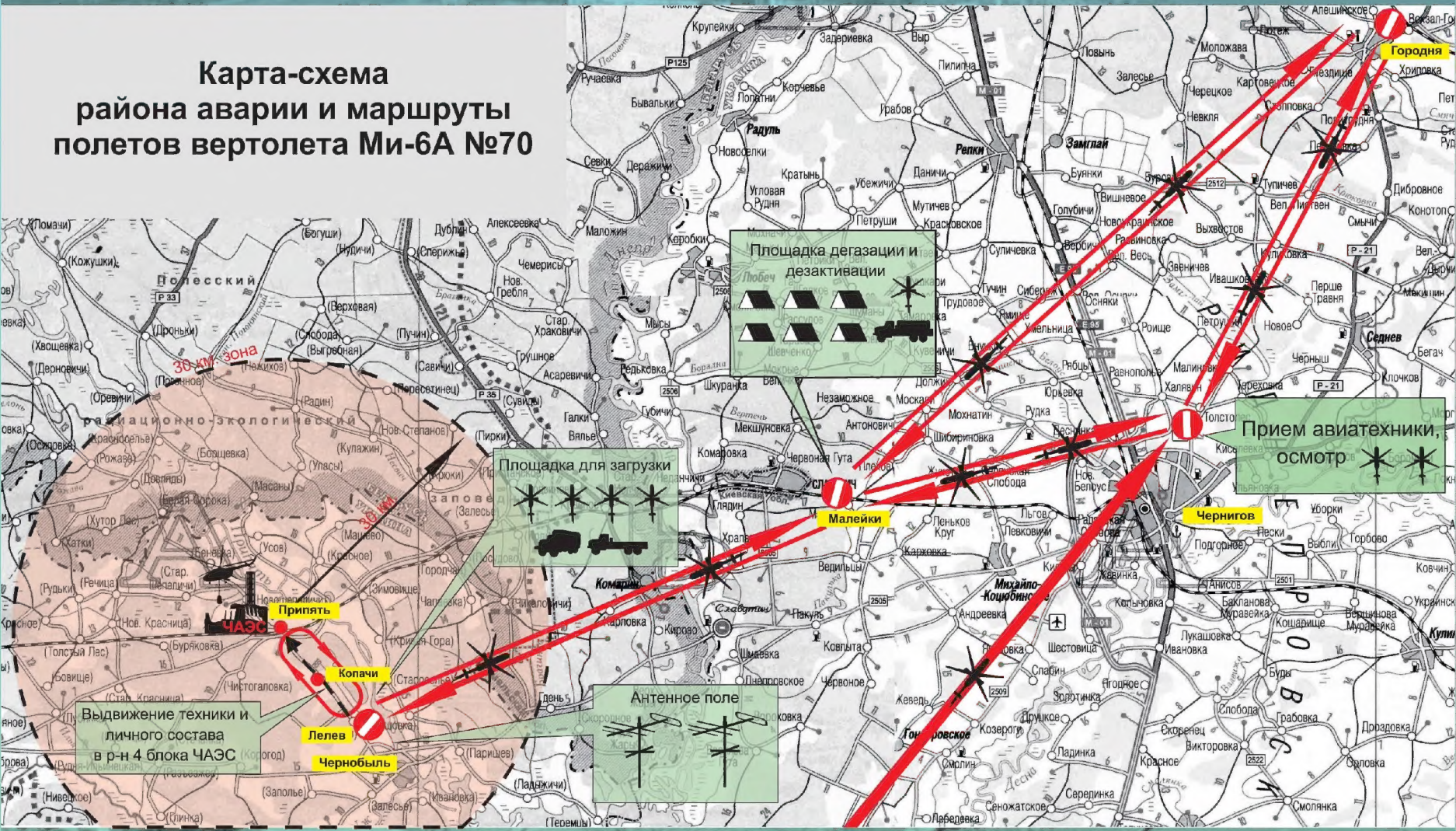
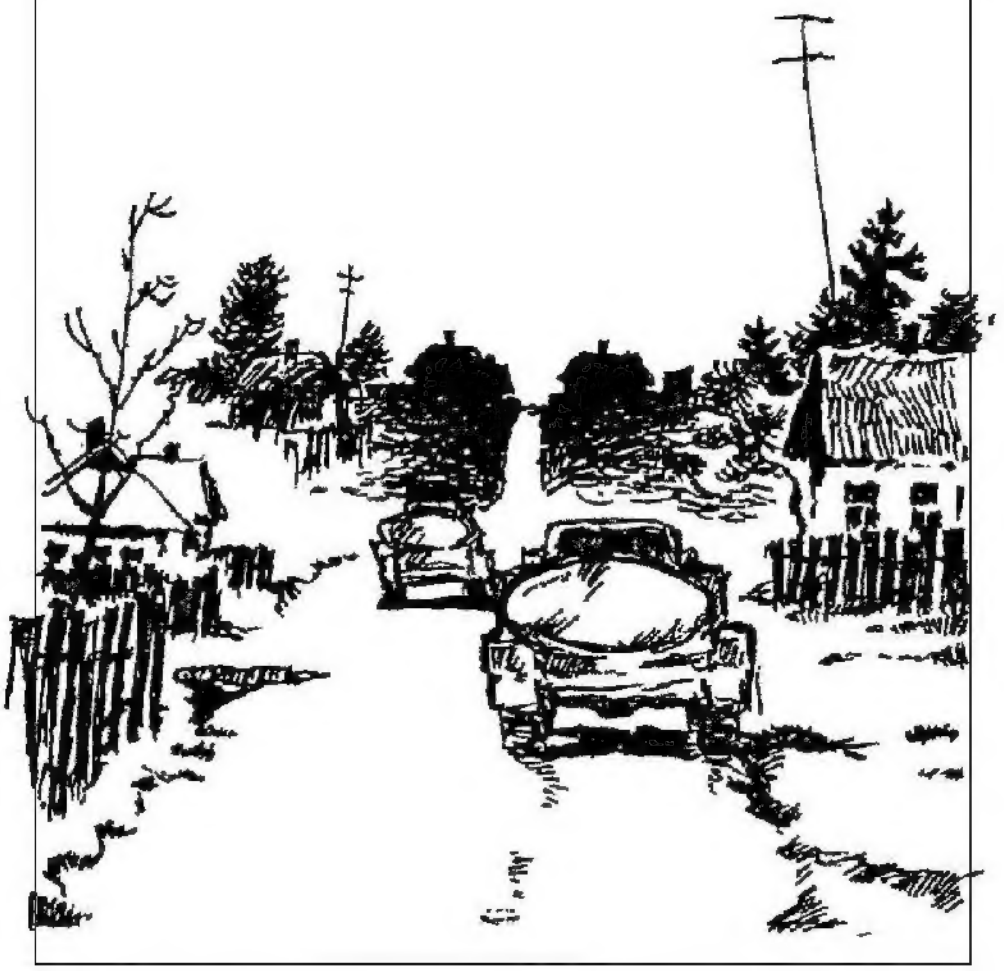
КОМАНДИРОВКА В АД

Карта-схема района аварии и маршруты полетов вертолета Ми-6А №70



Командировка в АД



Чита, 2021

УДК 621.039
ББК 31.47
К 81

Искренне благодарим всех участников ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, предоставивших ценные воспоминания, документы и фотографии для книги, а также генерал-полковника **М. В. Коваль** – канд. ист. наук, Первого заместителя Секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины; генерал-майора **А. Н. Алимшиева** – начальника Харьковского Национального Университета Воздушных Сил имени И. Кожедуба; Героя Советского Союза, генерал-полковника **Н. Т. Антошкина** – председателя Правления Клуба Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы г. Москвы и Московской области, заслуженного военного лётчика РФ, ликвидатора аварии на Чернобыльской АЭС; Героя Советского Союза, полковника **А. М. Райлян** – заместителя начальника боевой подготовки Управления армейской авиации, заслуженного военного лётчика РФ; **Е. И. Труфанову** – члена Союза журналистов России; **Р. Д. Кочневу** – председателя общества «Союз–Чернобыль» (г. Краснокаменск), участника ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС; **И. Г. Котельникову** – члена Союза журналистов России.

Выражаем особую благодарность **В. А. Тугай** за оказание финансовой поддержки в издании книги

Ответственный за выпуск В. М. Пестов

Командировка в ад : воспоминания. 3-е изд., доп. / авт.-сост. В. А. Тугай ; отв. за вып. В. М. Пестов. Чита : ИП Непомнящих С. Я., 2021. – 496 с. : ил.
ISBN 978-5-901856-42-0

Обновлённый выпуск публицистического сборника «Командировка в ад» - лауреата международной премии в области литературы и искусства «Звезда Чернобыля» 2012 года, посвящённый 35-й годовщине со дня трагедии на ЧАЭС, пополнен документальными фактами и свидетельствами забайкальцев, мужественных людей, жертвовавших своими жизнями и здоровьем при ликвидации последствий аварии, научно-публицистическими материалами из истории освоения «мирного атома».

УДК 621.039
ББК 31.47

Рисунки выполнены по воспоминаниям В. А. Тугай художником ***А. В. Декиным***

ISBN 978-5-901856-42-0

© Тугай В. А., автор-составитель, 2021
© ИП Непомнящих С. Я., 2021

Печатный Спас

Икона «Чернобыльский Спас»*

В память о погибших при катастрофе и от радиоактивного заражения и во здравие выживших написана икона «Чернобыльский Спас». Её уникальность в том, что впервые в Православии рядом с ликами святых изображены люди.

Замысел создания иконы принадлежит Юрию Андрееву, посвятившему свою жизнь ядерной энергетике, а во время аварии получившему огромную дозу радиоактивного облучения. Икона много раз являлась Юрию Борисовичу во сне.

И однажды он спросил у митрополита Киевского Владимира, возможна ли икона Спаса вместе с чернобыльцами, спасавшими планету от радиации. Чужой крови они не пролили, а своей не пожалели.

Владыка дал благословение иконописцу В. Горецкому на написание иконы. В верхней части расположены фигуры Богородицы, Иисуса Христа и Архистратига Михаила – он ведёт человеческую Божию рать живых и мёртвых чернобыльцев.

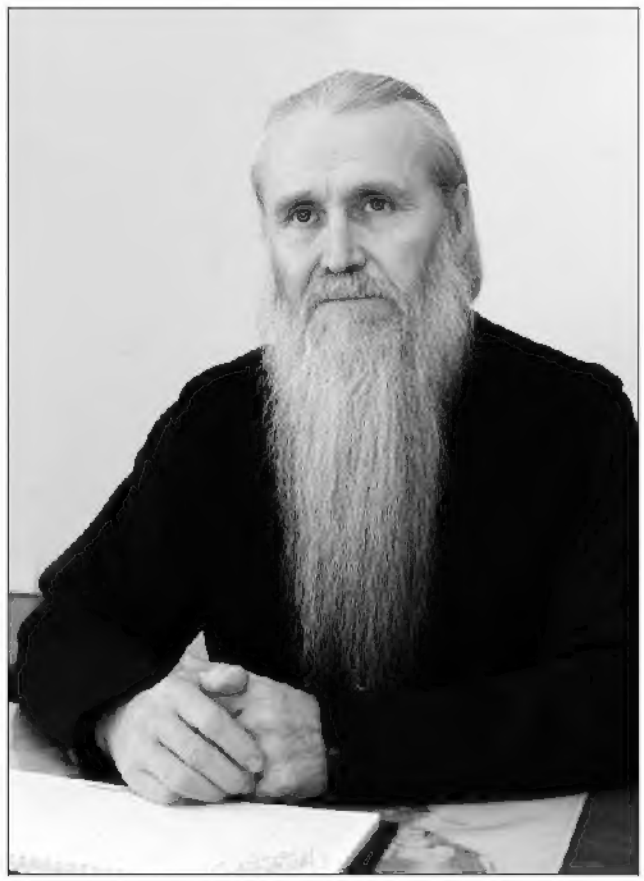
Слева изображены души умерших чернобыльцев, справа – ликвидаторы аварии: пожарный в респираторе, работник станции, лётчик, медсестра. На горизонте, за очертаниями саркофага – зарево восхода, в небе летит звезда Полынь. Вокруг сосны – земля обожжённая, у ног ликвидаторов – зелёная, оживающая.

В центре Чернобыльская сосна – образ, не придуманный человеком. Она похожа и на крест, и на тризуб, который является гербом Украины. Эта сосна стоит в зоне очень плотного загрязнения – от 100 до 1200 рентген в час. Во время ликвидации аварии весь лес был захоронен, а сосну, с воинскими обелисками рядом, оставили – дерево стало символом чернобыльской трагедии.

Во время освящения иконы 28 августа 2003 года у стен Успенского храма в Киево-Печерской Лавре было чудесное явление, свидетелями которого стали тысячи людей. Сперва над иконой пролетел голубь, высоко в небе возникла радуга в виде нимба (дождя накануне не было!), потом в центре его появился православный крест в солнечном сиянии.

По инициативе Союза «Чернобыль Украины» был осуществлён точный список иконы «Чернобыльский Спас» для Храма Христа Спасителя – дар чернобыльцев Украины чернобыльцам России.

Чернобыльская катастрофа – это испытание, данное Господом, чтобы предостеречь человека от страшных ошибок. Чернобыльцы-спасатели заслужили высшую награду, возможную на земле, – быть приравненными к Божией рати.



Премудрый и Милосердный Бог создал мир и всё, что в нём разумно и гармонично, основав его на вечных и незыблемых духовных и физических законах. Над всем Своим Творением Он поставил человека как венец Творения, дав повеление: *«Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею...»* (Быт. 1 гл., ст. 28).

В этих словах сказано о необходимости бережливого и отеческого отношения ко всему сотворённому Богом для человека и его великой ответственности за всё Творение. Когда человек слушается повелений Божиих, тогда у него всё *«добро зело»*, когда же он проявляет свою злую волю, неминуемо следует наказание. Это происходит не потому, что Бог гневается, а потому, что человек сам наказывает себя, нарушая законы, на которых стоит мир. Как презревший закон всемирного тяготения калечит своё тело, так презревший закон духовный калечит свою жизнь.

Это верно и по отношению к целым народам и всему человечеству, только в больших масштабах. Все катаклизмы со времён Всемирного потопа начинаются в душах челове-

ческих и лишь потом выплёскиваются в окружающий мир, зависимый от человека. Эту взаимосвязь люди понимали с древних времён, она отражена в Ветхом Завете как понятие «гнева Божьего». Уже там прослеживается зависимость событий истории и явлений природы от поведения людей, исполнения ими нравственного закона.

Священное Писание говорит, что и волос с головы человека не падает без воли Божией (Мф.10:30; 1Цар.14:45). Тем более глобальные события и катастрофы всегда происходят или по благословению Божию, или по Его попущению. В этом правиле нет исключений, и оно снова подтверждается в наше время.

Во время случившейся катастрофы на Чернобыльской атомной станции мы жили в другой стране. В те дни уже начал веять ветер перемен, опьяняя предчувствием свободы. И никто не вспомнил о том, что сеющий ветер может пожать бурю. Именно тогда были заложены первые заряды под фундамент великой страны. Под лозунгом «перестройки» начался катастрофический процесс распада СССР, который не только дестабилизировал социально-экономическую и политическую жизнь входящих в него республик, но и едва ли не стал причиной возникновения вражды между братскими славянскими народами. В угоду частным интересам сеялись рознь и вражда, раздувались межнациональные конфликты, разваливалась экономика, дробилась страна и перекраивались её границы, в мире царили разброд и шатание.

Чернобыльская катастрофа явилась первым предупреждением. «Чернобыль» в переводе с белорусского означает «полынь». А полынь в Библии является символом наказаний Господних: *«И сказал Господь: за то, что они оставили закон Мой, который Я поставил для них, и не слушали гласа Моего, и не поступали по нему, а ходили по упорству сердца своего и во след Ваалов, как научили их отцы их. Посему так говорит Господь Саваоф, Бог Израилев: вот Я накормлю их, этот народ, полынью и напою их водою с желчью»* (Иер. 9:13–15).

Чернобыльская авария стала одной из величайших экологических и техногенных катастроф, последствия которой страны СНГ – Белоруссия, Украина и Россия – ощущают до сего дня. Не случайно беда особым образом коснулась именно этих стран. Историческая взаимосвязь этих народов, вышедших из Киевской купели Крещения, проявляется во всём – в общих истоках, православной вере, национальном самосознании, культурной традиции. На протяжении веков исторические катаклизмы, крушение политических режимов, конфликты не смогли сломить их волю к единению. И вот, накануне больших перемен, Господь, стремясь удержать братские народы от гибельного разделения, которое уже бродило в умах, объединяет их перед лицом общей беды.

Ликвидация последствий чернобыльской катастрофы ещё раз подтвердила единство духовных корней славянских народов, способность людей, воспитанных в единой культуре, имеющей своей основой Православие, жертвовать собой ради Родины и ближних. Способность жертвовать собой, это высшее проявление любви по Евангельскому слову, за тысячелетие православной истории вошла в плоть и кровь нашего народа, и результатом этого стало строительство великой и сильной державы Российской.

Подвиг ликвидаторов чернобыльской аварии показал, что российский народ не утратил тот духовный потенциал любви и жертвенности, который является непременным условием жизни и развития человечества в целом. Лишаясь его, народ становится стадом зверей и погибает либо под игом завоевателей, либо в результате природных катастроф, либо рассеиваясь среди других народов. Ни одна жертва никогда не бывает напрасной. Как знак надежды на духовное возрождение Господь даровал нам спустя два года после катастрофы торжество 1000-летия Крещения Руси.

В Москве на Митинском кладбище освящена часовня-памятник, а рядом с нею на звоннице – три колокола, отлитые на Украине, в Белоруссии и России, как символ подвига трёх православных народов-братьев, которые плечом к плечу за-

щищали в Чернобыле миллионы жизней мирных людей. Звон этих колоколов напоминает всем о хрупкости нашего мира и о том, что ни военная мощь, ни деньги, ни власть не спасут общество, где нарушен Закон Божий.

Как сказал Святейший Патриарх Московский и Всея Руси Кирилл, «может случиться и духовный Чернобыль. Полное безразличие к жизни души, погоня за исключительно материальными благами, увлечение псевдодуховными учениями, покоящимися на человеческих страстях, – вот очаги множественного поражения в современном мире. Не очаги роста, а очаги стагнации, загнивания, очаги начинающейся гангрены. Представьте, какой страшный вред себе и своим близким может нанести попавший в эти очаги человек, если он не защищён сильными, неизменными, Божественными нравственными ценностями».

Бог создал человека свободным и никогда не отнимает у него свободы. Он дал нам совесть и разум, чтобы отличать добро от зла и выбирать правильный путь, ведущий к жизни, счастью и процветанию.

Мы выражаем искреннюю признательность и благодарность мужественным и самоотверженным людям, закрывшим собою своих соотечественников от страшной опасности. Желаем доброго здравия, крепости сил и помощи Божией всем, кто остался жив. Тем же, кто «положил душу свою за други своя», – вечная светлая память.

Епископ Читинский и Краснокаменский Евстафий

2013 г.

Памятник жертвам чернобыльской трагедии в Киеве.
На нём слова Т. Г. Шевченко:«І мертвим, і живим та ненародженим»

Apr. 06.

Валентин Тугай

Эта песня посвящается экипажу вертолёта Ми-6А № 70 340-го Бреславского транспортно-боевого вертолётного полка (в/ч 22672) и всем лётчикам первого эшелона в Чернобыле

Десять дней на войне

Десять дней на войне. Кто-то скажет: «Так мало!».
Но не надо спешить, разберёмся давай!
Там был день – словно год, там родная Держава
Захлебнулась в слезах от беды через край.

Рвался в небо рассвет в блеске пепла и стали,
Вот и ангел застыл, как святой Прометей.
Мы взлетали, а нас по церквям отпевали,
А мы мчались на цель – Рай спасти для людей!

Десять дней мы в Аду, мы – в нейтронной ловушке.
За свинцовой бронёй всюду скалится смерть!
Этот взорванный блок держит души на мушке,
Но нам надо сейчас до него долететь!

Падал, корчившись, груз в перекрестии цели,
Рой невидимых пуль обжигал нам сердца.
Словно тысячи струн, наши нервы звенели,
Как последний аккорд, что звучал без конца...

Но не трусили мы, и броню вертолёта
Прошивало насквозь электронным кольцом.
Наш родной экипаж под восторги полёта
Забросал амбразуру тяжёлым свинцом!..

Кто был первым тогда – тихо сгладило время,
Позабыла страна своих славных парней.
Но за мужество их лишь сравнить можно с теми,
Кто окрасил Афган алой кровью своей.
Кто был первым тогда?!..

Чернобыль, май 1986 года

Без иллюзий

Авария на Чернобыльской АЭС признана крупнейшей в истории всей атомной энергетики и по количеству погибших, и по числу пострадавших от её последствий. Масштабы трагедии могли бы стать неизмеримо большими, если бы не мужество, самоотверженность участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, прибывших со всей страны, в том числе и из Забайкалья, и вступивших в «бой» с радиацией. В течение нескольких лет в условиях чрезвычайной ситуации ликвидаторы трудились на месте катастрофы, выполняя свой долг по защите сограждан от губительного воздействия радиации. Эти люди не называли себя героями, но то, что они сделали – истинный героизм.

Вооружённые Силы, министерства и ведомства СССР, научно-исследовательские учреждения, производственные организации командировали в Чернобыль своих представителей, как на войну. Все патриотические силы страны устремились в Чернобыль добровольцами, как в своё время на фронт. Большая часть ликвидаторов была военнослужащими: части

и соединения химических, инженерных войск, войск гражданской обороны, военная авиация, внутренние войска, военные строители и резервисты, призванные на специальные военные сборы, составляли основу группировки сил, которая к 25 августа 1986 года насчитывала уже 110 соединений, частей и воинских учреждений общей численностью 50 тысяч «штыков» (32 000 резервистов и 18 000 офицеров и прапорщиков) и более 10 тысяч единиц техники.

Более тридцати лет потребовалось для того, чтобы пройти путь от страха перед чернобыльским ядерным реактором к «атомному ренессансу» (возрождению), но четырёх дней марта 2011 года, прошедших с момента японского землетрясения и цунами, оказалось достаточно, чтобы страх вернулся..., борьба с «мирным атомом» в Японии продолжается до сих пор. Человечество учится «приручать» атом и учится этому на своих ошибках...

За всю историю «приручения» атома ядерными державами осуществлены более двух тысяч ядерных взрывов. Первое ядерное испытание было проведено Соединёнными Штатами Америки 16 июля 1945 года в штате Нью-Мексико. Первое ядерное испытание в СССР – 29 августа 1949 года. Первое термоядерное устройство испытано также США на атолле Эниветок (Маршалловы острова) 1 ноября 1952 года, в СССР – 12 августа 1953 года. Самым крупным термоядерным зарядом за всё время испытаний стала советская «Царь-бомба».

В 1963 году все ядерные и многие безъядерные государства подписали Договор об ограничении ядерных испытаний, по которому обязались воздерживаться от ядерных взрывов в атмосфере, под водой и в космическом пространстве, разрешались лишь подземные испытания. Но Франция продолжала наземные испытания вплоть до 1974 года, а Китай – до 1980 года. Последнее подземное ядерное испытание в Советском Союзе было проведено в 1990 году, в США – в 1992, во Франции и Китае – в 1996 году.

После подписания Договора о полном запрещении ядерных испытаний в 1996 году все эти страны обязались не возобновлять испытаний ядерного оружия. Не подписавшие Договор Индия и Пакистан провели последние испытания в 1998 году.

Оглядываясь на этапы развития атомной энергетики, мы убеждаемся в том, что аварии на ядерных реакторах – объективная реальность, с которой нельзя не считаться, а их история связана непосредственно с появлением атомных реакторов.

Авария на АЭС Фукусима-1

В разных государствах на сегодняшний день зарегистрировано более 330 аварийных ситуаций.

В последние десятилетия стали открываться новые, доселе скрытые страницы о становлении атомной индустрии в нашей стране. В них понемногу давалась информация и об авариях, сопровождавших этот процесс, и о людях, ликвидировавших их последствия. Вот их хронология.

Ленинградская АЭС

7 января 1974 года произошёл взрыв железобетонного газгольдера вытяжки радиоактивных газов на первом блоке, жертв не было.

6 февраля 1974 года в результате разрыва промежуточного контура на первом блоке, произошедшего из-за вскипания воды с последующими гидроударами, погибли трое специалистов. Высокоактивные воды были сброшены во внешнюю среду.

В октябре 1975 года из-за частичного разрушения активной зоны реактор был остановлен. Во внешнюю среду выброшено около 1,5 миллиона кюри высокоактивных радионуклидов.

Белоярская АЭС

1977 год — на втором блоке расплавилась половина топливных сборок активной зоны. Ремонт с переоблучением персонала АЭС длился около года.

31 декабря 1978 года сгорел второй блок станции. Пожар возник от падения плиты перекрытия машинного зала на маслобак турбины. Реактор оказался без контроля. Переоблучились восемь человек.

Чернобыльская АЭС

В сентябре 1982 года в результате разрушения центральной топливной сборки на первом блоке из-за ошибочных действий эксплуатационного персонала произошли выброс радиации на промзону и город Припять, а также переоблучение ремонтного персонала во время ликвидации «малого козла».

Армянская АЭС

В октябре 1982 года взорвался генератор первого блока, машинный зал сгорел, реактор остался без надзора в панике бежавшего персонала. И только прибывшая самолётом с Кольской АЭС оперативная группа помогла спасти гибнущий реактор.

Балаковская АЭС

27 июня 1985 года при проведении пусконаладочных работ вырвало предохранительный клапан, и трехсотградусный пар стал поступать в помещение, где работали люди. Погибли

четырнадцать человек. Авария произошла в результате необычайной спешки и нервозности и из-за ошибочных действий малоопытного оперативного персонала.

Аварийность на ядерных объектах в течение всего периода становления энергетики государства обусловливалась во многом сложностью и новизной решаемых задач, освоением совершенно новых производств и технологий, не имевших аналогов, использованием оборудования, неприспособленного для работы в жёстких условиях радиации.

Радиационная авария на «плутониевом» комбинате № 817 (ныне ПО «Маяк») в Челябинской области

Предприятие первого в стране плутониевого производства (ПО «Маяк») было размещено на Южном Урале, в Челябинской области, в междуречье Течи и Мишеляка. Место его расположения связано с необходимостью обеспечить атомное производство чистой водой для охлаждения ядерных реакторов и использования водной системы реки Теча для удаления образующихся жидких радиоактивных отходов низкой активности.

Источниками загрязнений стали: сброс с 1949 по 1956 год жидких радиоактивных отходов в реку Теча; сброс с 1951 года жидких радиоактивных отходов в озеро Карачай; взрыв в 1957 году одной из ёмкостей с высокоактивными отходами; ветровой разнос в 1967 году радионуклидов с берегов озера Карачай.

В результате производственной деятельности ПО «Маяк» и радиационных аварий территория общей площадью около 23 тысяч кв. км подвергалась долговременному радиоактивному загрязнению, в том числе речная система протяжённостью 600 км, а радиационному воздействию – около 400 тысяч человек. Последствия оказались очень серьёзными для окружающей среды, экономики и населения Уральского региона.

Первая радиационная авария на комбинате «Маяк» произошла 19 июня 1948 года, на следующий же день после выхода

на проектную мощность атомного реактора по наработке оружейного плутония на объекте «А». В результате недостаточного охлаждения нескольких урановых блоков произошло их локальное сплавление с графитом, так называемый «козёл». Реактор был остановлен. Руководители атомного проекта понимали, что случившиеся аварии придётся устранять в условиях повышенного радиационного фона. Тем не менее, в течение девяти суток «закозлившийся» канал расчищали путём ручной рассверловки. Допустимая доза облучения для ликвидаторов была установлена специальным приказом директора комбината – 25 рентген (Р). Уже на четвёртый день весь мужской персонал реактора набрал эту норму. Затем к работам привлекли солдат строительных батальонов. Людей даже при такой дозе явно не хватало, часть рабочих, правда, с их согласия, привлекались дважды и трижды для работ в реакторном зале.

Спустя месяц после первой аварии, 25 июля 1948 года, был зарегистрирован аналогичный «козёл». При проведении частичных ремонтных работ без остановки реактора в активную зону его попало много воды. Она усилила коррозию оборудования, и уже к концу 1948 года началась массовая протечка каналов. В январе 1949 года реактор пришлось всё-таки остановить для капитальной починки. Запасной загрузки урана в стране в то время не было. И тогда, в нарушение существовавших правил, приняли решение вручную поднять блоки в центральный зал реактора, провести ревизию, а после ремонта загрузить их в новые каналы. Всего таким образом извлекли более 39-ти тысяч урановых блоков. В течение полуторамесячной работы облучился весь персонал объекта. В тот год около 60 процентов работников получили дозы от 25 до 100 Р, а более 30 процентов – от 100 до 400 Р.

Около 2-х тысяч работников комбината стали при обслуживании облучённого в реакторе урана на объекте «Б» «носителями плутония». Однако в это число не вошли военнослужащие, участвовавшие в ликвидации разливов радиоактивного раствора, практически вытиравшие его тряпками

вручную. Один из бывших сотрудников комбината написал о них в статье «Северное сияние над Кыштымом»: «Я не помню их лиц. Перед глазами – безликая толпа, сидящая на полу длиннющего коридора. Тесно прижавшись к стене и друг к другу, в рваных комбинезонах и ботинках третьего сорта они напоминали серых нахохлившихся воробьёв в осеннюю непогоду. Призванные в армию из азиатских республик Союза, едва понимавшие по-русски, они в прямом смысле закрывали нас своими телами, чем сохранили здоровье и жизни сотням специалистов, занятым в производстве плутония. Для них не было понятий «рабочий день» и «смена». Их работа – «допуск». За талон «доппитания» они тряпкой убирали разливы высокорадиоактивных растворов, отмывали до допустимых пределов поверхности оборудования. Время их допуска – 10, 15, 20 минут из расчёта: 5 Р в заход и 45 Р за три месяца работы. После окончания этого срока их сменяли новые бригады. Земной поклон им и вечная наша благодарность!».

Поступление радиоактивных веществ в реку Теча, предусмотренное первоначальными техническими решениями, началось сразу же после пуска первого ядерного реактора, так как менее чем через полгода были полностью заполнены хранилища жидких высокоактивных отходов первого промышленного реактора, а к концу 1949 года аналогичная ситуация сложилась на радиохимическом заводе. Сбросы именно этого производства явились главным источником загрязнения реки. По оценкам специалистов, всего было сброшено около 76 млн куб. метров высокоактивных сточных вод, суммарная активность которых оценивается в 2,75 млн Ки. Преобладающая доля активности пришлась на период с марта 1950 года по ноябрь 1951 года. Именно в этот период население, проживавшее на реке, получило основную долю радиоактивного облучения. Его переселение началось в 1954 году из десяти населённых пунктов в верхнем течении реки Теча. По среднему и нижнему течению реки в 1957 году было переселено 14 населённых пунктов полно-

стью и из 10 населённых пунктов, включая Курганскую область, – частично. Всего было отселено 8 тысяч человек.

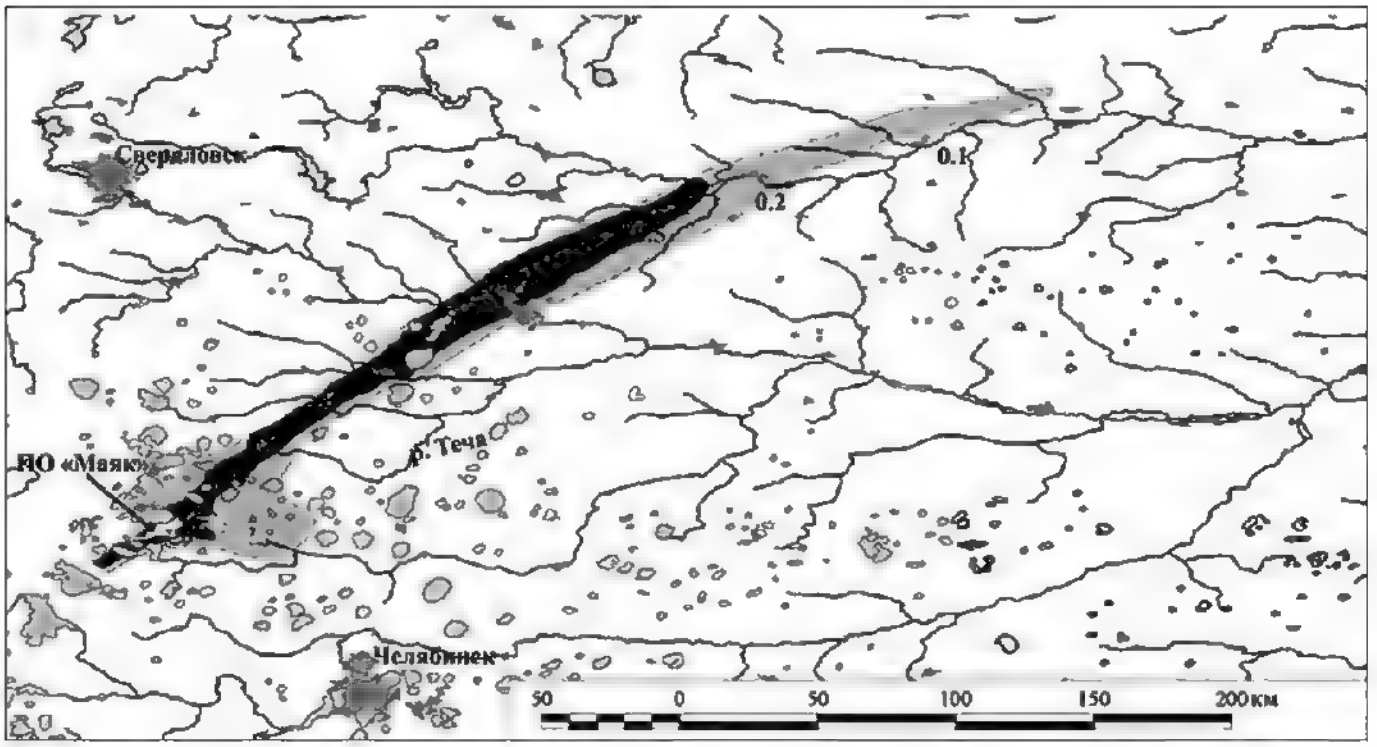
Кыштымская авария

29 сентября 1957 года в одной из ёмкостей хранилища радиохимического завода произошёл химический взрыв жидких высокоактивных отходов. В ёмкости содержалось около 20 Мки суммарной активности. Силой взрыва 10 процентов отходов были подняты на высоту 1,8 км, подхвачены юго-западным ветром (при скорости около 5 м/с.) и рассеяны на площади 23 тыс. кв. км.

Основной причиной взрыва явилось недостаточное охлаждение ёмкости с отходами, которая подверглась сильному нагреву и взорвалась. По оценкам экспертов, 18 Мки осело на территории объекта, а 2 Мки рассеялось на территории Челябинской и Свердловской областей. Специалисты оценили мощность взрыва в 70 -100 т в тротиловом эквиваленте. Радиоактивное облако за 10 часов прошло над Челябинской, Свердловской и Тюменской областями. Образовался радиоактивный след, позже названный Восточно-Уральским радиоактивным следом. Территория, подвергшаяся радиоактивному загрязнению, представляла собой полосу шириной до 20–40 км и протяжённостью около 300 км.

Территория, на которой потребовалось введение мер радиационной защиты и которой был присвоен статус радиоактивно загрязнённой (по стронцию-90), составила узкую полосу шириной до 10 км и протяжённостью около 105 км, включая территорию промышленной площадки. По современной международной классификации данная авария относится к тяжёлым и имеет индекс 6 по 7-балльной системе.

На территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению, насчитывалось 217 населённых пунктов с жителями около 270 тысяч человек, включая город Каменск-Уральский. Мощности доз радиации в населённых пунктах, оказавшихся в начале радиоактивного следа, уже в первые сутки после аварии достигали уровня 0,015 Зв/час.



Основная масса выброса осела на территории комбината «Маяк». Радиоактивному загрязнению подверглось значительное число производственных и строящихся объектов, а также транспортных коммуникаций. В эту зону, в которой мощность облучения в первые сутки составила от нескольких десятков до нескольких сотен рентген в час, попали пожарная и войсковая части, полк военных строителей и лагерь заключённых. Эвакуация началась лишь через 10 часов и только после того, как было получено разрешение из Москвы. Людей с территории, ставшей опасной, увозили на открытых бортовых машинах или выводили пешим строем.

По оценкам специалистов, в первые часы после взрыва и до эвакуации с промплощадки комбината разовому облучению (до 100 Р) подверглись более 5-ти тысяч человек. О судьбах многих солдат, остававшихся в первый день под невидимыми лучами радиации, теперь можно только догадываться. Их распределили по разным воинским частям и вывели, таким образом, из-под официального контроля.

Во избежание повышенного облучения была организована защитная зона со специальным режимом охраны ведомственной милиции. Общая площадь этой зоны ограничивалась примерно 1000 кв. км. Из хозяйственного исполь-

зования было выведено около 50 тыс. га в Челябинской области и 47 тыс. га в Свердловской области.

В течение 7–10 дней после аварии из мест, где дозы за первый месяц проживания могли достичь 0,01 Зв, были эвакуированы 1383 жителя из четырёх деревень. Всего к ноябрю 1959 года с территории, подвергшейся радиоактивному загрязнению, было отселено около 13-ти тысяч человек из 24 населённых пунктов.

Из-за высоких уровней радиации для дезактивации загрязнённых территорий требовалось очень много людей. На самые опасные и тяжёлые участки направляли солдат – «добровольцев». Опыта очистки поверхностей не было. Пользовались имевшейся техникой и инструментом: пожарными машинами, бульдозерами, лопатами и отбойными молотками. Дороги мыли специальным раствором, в наиболее загрязнённых местах снимали верхний слой почвы, спиливали деревья и вывозили в могильники. После каждой рабочей смены загрязнённость спецодежды была такова, что комбинезоны и резиновые сапоги требовалось сразу же уничтожать, зарывать в землю.

Ликвидаторам были установлены максимальные нормы облучения: не более 2 Р в смену и 25 Р за всё время работ. Но на практике они не соблюдались, облучение обычно превышало нормативное. Многие военнослужащие после окончания очистки территории досрочно были уволены в запас.

Впоследствии решениями исполкомов Челябинской и Свердловской областей в 1958 -1959 годах запрещались любая хозяйственная деятельность и доступ населения на территорию санитарной зоны, границы которой устанавливались по изолинии плотности загрязнения 2 -4 Ки/км^2 по стронцию-90. Статус санитарной зоны вводился уже после отселения жителей.

По официальной оценке, в ликвидации этой аварии в период с 1957 по 1959 год постоянно участвовало более 25-ти тысяч военнослужащих строительных частей. И это без учёта воинских частей, располагавшихся вблизи ПО «Маяк».

Семипалатинск

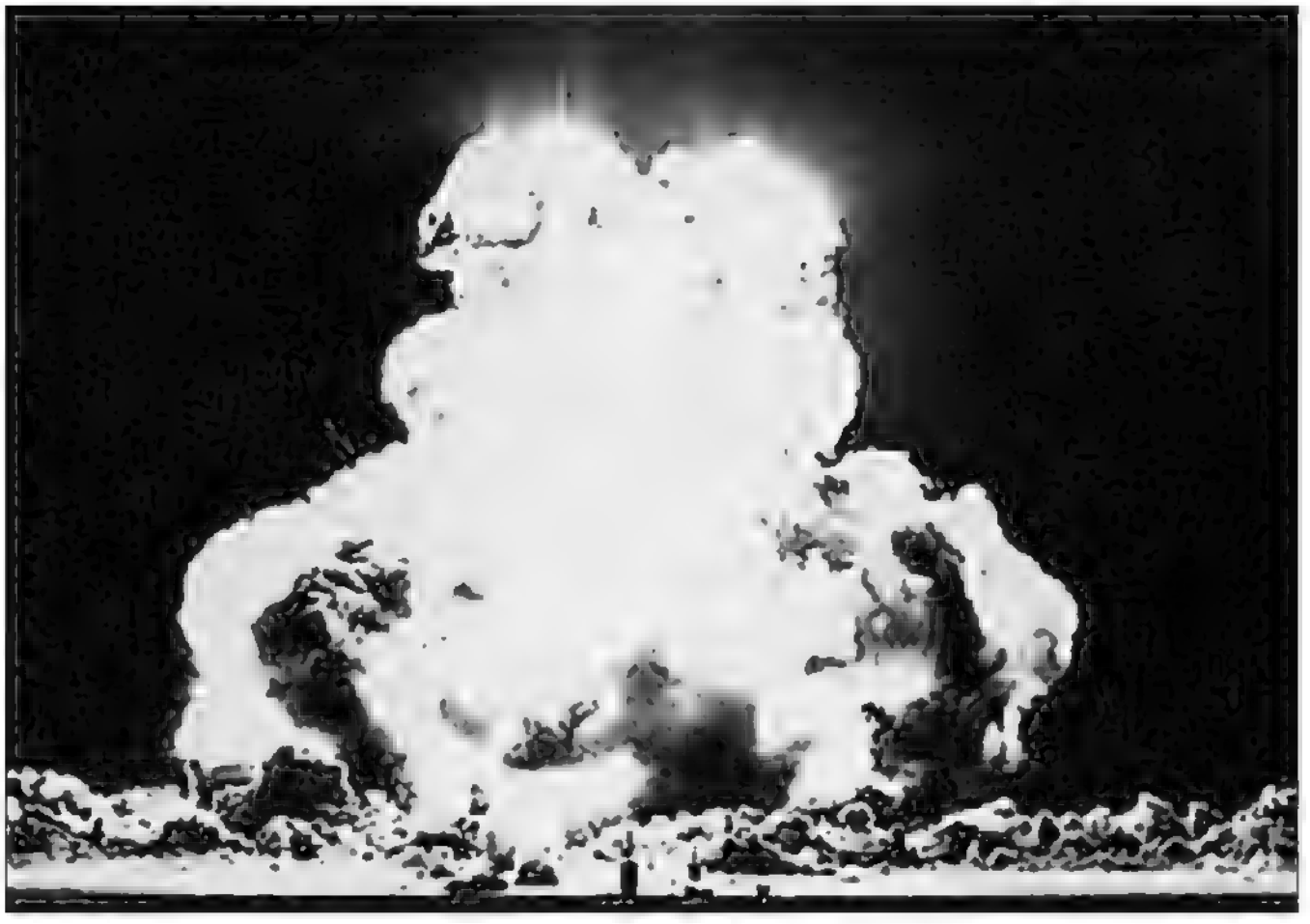
Работы по подготовке к испытаниям на Семипалатинском ядерном полигоне закончились в июле 1949 года. Первый взрыв ядерного устройства – наземный, мощностью 22 кт был произведён 29 августа с 7.00 часов; 18 января 1951 года – боевое испытание атомной бомбы; 12 августа 1953 года испытано термоядерное устройство; 29 ноября 1955 года – взорвана водородная бомба.

Позднее проводились испытания и в народнохозяйственных целях. Всего за период с 1949 по 1989 год на полигоне проведено около 470 ядерных испытаний, в которых взорвано не менее 616 ядерных и термоядерных устройств, в том числе 125 атмосферных и 343 испытательных подземных ядерных взрыва. Кроме того, проведены десятки гидроядерных и гидродинамических испытаний так называемых неполных цепных реакций (НЦР).

Образцы первых советских атомных бомб в музее ядерного оружия ВНИИЭФ

Суммарная мощность ядерных зарядов, испытанных на Семипалатинском полигоне, только за 1949 -1963 годы составила примерно 0,6 Мт, что в 2500 раз превышает мощность атомной бомбы, сброшенной на Хиросиму. При этом 73 процента испытанных мощностей приходится на первый термоядерный взрыв. Кроме ядерных, выполнено 175 взрывов с применением химических ВВ, в том числе 44 заряда весом более 10 тонн – на поверхности Земли.

Жители близлежащих посёлков и городов не получали ни предупреждений, ни защиты от радиации, они стали невольными «подопытными кроликами», пострадав от последствий взрывов, как специальных, так и случайных. Радиация поглотила три поколения Казахстана, вызвав у людей проблемы со здоровьем: от щитовидных заболеваний и рака до врождённых дефектов, преждевременного старения и сердечно-сосудистых заболеваний.



Взрыв 29 августа 1949 года

В опасных зонах бывшего полигона радиоактивный фон до сих пор доходит до уровня в 10–20 тысяч микрорентген в час. Территория полигона никак не охранялась и на местности никак не была обозначена до 2006 года. И лишь в 2005 году под давлением общественности и по рекомендации Парламента Казахстана были начаты работы по маркировке границ полигона бетонными столбами.

Накопленная за время проживания в окрестностях полигона кумулятивная пожизненная доза для многих местных жителей стала довольно большой. Всё это привело к непоправимым последствиям, которые в настоящее время до конца не изучены.

Вред от воздействия радиоактивного загрязнения при ядерных испытаниях и экспериментах усугублялся отсутствием гражданских систем мониторинга, в том числе окружающей среды, питьевой воды, сельскохозяйственных изделий, продуктов питания, что приводило к дополнительному облучению населения. Сверхнормативное загрязнение радиоактивными изотопами цезия и стронция обнаружено в реках Чаган, Ащису, озере Балапан и в других водных объектах на территории полигона. Почва и гидросфера полигона, по крайней мере на площади 4500 кв. км, загрязнены этими изотопами выше установленных норм. Общий масштаб загрязнения окружающей среды плутонием (и в пределах, и вне границ полигона) обусловлен использованием его в испытаниях в количестве более 290 кг.

После распада СССР, в 1991 году было предпринято весьма ограниченное количество попыток провести исследования в загрязнённых районах. Недостаток данных об опасности радиоактивного загрязнения не позволил объективно приблизиться к решению вопроса оценки риска территории.

Новая Земля

Ядерный полигон на Новой Земле (ЯПНЗ) с центром в Белушьей Губе был открыт 17 сентября 1954 года и включает три площадки: Чёрная Губа – использовалась в основном в 1955 1962 гг.; Маточкин Шар, где проводились подземные испытания в 1964 - 1990 гг.; Д-II на полуострове Сухой Нос,

на котором в 1957–1962 гг. проводились наземные испытания. Кроме этого, взрывы проводились и в других точках – официальная территория полигона занимает более половины всей площади острова.

До 24 октября 1990 года (дата объявления моратория на ядерные испытания) на полигоне было произведено более 130 ядерных взрывов, в том числе 87 в атмосфере, 3 подводных и 42 подземных взрыва. И очень мощные мегатонные испытания ядерных зарядов проводились в атмосфере над архипелагом.

В 1957 году на Новой Земле упразднили Совет депутатов, жителей отселили в Архангельск, Нарьян-Мар, на острова Вайгач и Колгуев. В конце 1950-х годов для военных построили жильё барачного типа, гарнизонный Дом офицеров, аэродром, бетонный завод, другие объекты. Для проживания испытателей в летнее время ВМФ фрахтовал у Архангельского пароходства теплоходы «Татария» и «Буковина». И лишь в 1960 году на ЯПНЗ построили первые кирпичные здания и дороги.

Для обеспечения подземных ядерных испытаний и чтобы исключить радиоактивное загрязнение биосферы, требовалось пробурить сверхглубокие скважины с большим диаметром – штольни. Этим и занимались специалисты треста «Гидромонтаж», жившие в «столице» одного из самых закрытых мест России – микроскопическом городке с названием Белушья Губа, построенном в 1960 году.

Подготовленная к взрыву штольня – это большая дыра, в которую уходит змеиное переплетение кабелей. Заряд в штольне окружён множеством датчиков, передающих информацию о взрыве; его многомерный «портрет» – сотни фотоплёнок. Глубокая штольня трамбуется сталью и бетоном, чтобы кляп не вылетел из каменного горла и радиоактивный ад не полыхнул в атмосферу. Забивочные работы шли круглосуточно, особенно тяжелы они были полярной ночью. Самый сложный период для их проведения – октябрь и ноябрь; бетонный завод должен работать, как часы, иначе холод и зимние дороги помешают процессу, а это недопустимо в штольне, начинённой взрывными устройствами и диагностическими системами.

В условиях Заполярья труд был нелёгким, требовал значительных психологических и физических усилий человека. Руководитель давал «зелёную улицу» вахтовому методу: три месяца работаешь, один отдыхаешь на материке. В «вахтовый» период работы треста на Новой Земле находились дивизия ПВО, пограничники. Встречались и офицеры в военно-морской форме. Развлечений почти никаких, климат – мало располагающий к прогулкам.

В 1967 году министр среднего машиностроения Е. П. Славский принял решение о создании собственного бурового предприятия, из-за нехватки времени и опытных специалистов участки которого были укомплектованы на 70 процентов выпускниками 1970 года Гурьевского нефтяного техникума и Хадыженского нефтяного ПТУ.

30 октября 1961 года на Новой Земле была взорвана мощнейшая в истории человечества водородная бомба – «Царь-бомба» (100 мегатонн), испытанная на половину своей мощности – около 57 мегатонн на площадке Д-II «Сухой Нос». Ударная волна, возникшая в результате взрыва, три раза обогнула земной шар, а на острове Диксон (в 800 километрах) взрывной волной выбило окна в домах.

В августе 1963 года СССР и США подписали Договор о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой. Были приняты ограничения и по мощности зарядов. Оставалось в силе разрешение на наземные и подземные испытания. И они продолжали осуществляться до 1990 года. В 90-е, в связи с окончанием холодной войны, испытания резко сошли на нет. Здесь занимались лишь исследованиями в области ядерных систем вооружений (объект Маточкин Шар).

Вместе с тем, Новоземельский полигон является источником радиоактивного загрязнения окружающей среды. Хотя взрывы проводились с учётом погодных условий, в основном в утренние часы, когда ветер дул с материка, особую опасность представляли атмосферные испытания. При больших мощностях испытываемого оружия вредные выбросы распространялись на несколько километров. Во время подземных взрывов

«Царь-бомба»

в 15-ти случаях наблюдалось «просачивание» инертных радиоактивных газов – криптона, ксенона и др.

После испытаний в 1961–1962 годах уровни радиоактивных выпадений в Арктике и Арктическом бассейне увеличились по сравнению с 1960 годом в 2–3 раза. Комплексное медицинское обследование населения в 1962–1963 годах выявило значительное накопление радиоактивных элементов у оленеводов. Последний выброс радиоактивного облака из штольни имел место 2 августа 1987 года. Потенциальную опасность представляет размещение полигона на архипелаге с 5-балльной зоной природных сотрясений. Экологическая угроза ещё более возросла, в связи с захоронением в районе полигона 11-ти тысяч контейнеров с радиоактивными отходами, 15-ти аварийных реакторов с атомных подводных лодок и ледокола «Ленин», в том числе с невыгруженным ядерным топливом.

Главными причинами большого числа пострадавших среди работников атомных производств, ликвидаторов аварий и проживавшего вблизи опасных объектов населения явились авральные методы труда, чрезмерный режим секретности, недооценка значимости каждой человеческой жизни. Не существо-

вало реальных планов действий в случае аварийных ситуаций. К ликвидации их привлекался персонал предприятий, хотя в его должностных инструкциях эти работы не предусматривались. Для проведения же наиболее радиационно опасных работ направлялись молодые солдаты. За 1948–1954 годы по признакам лучевой болезни только на комбинате «Маяк» было снято с ядерного производства около 10,5 тысяч человек, и практически у каждого четвёртого из них установлена лучевая болезнь. Несомненно, что среди солдат-десорбщиков и других военных ликвидаторов имеются радиационно пострадавшие, в том числе получившие плутониевое поражение. Но состояние здоровья этого контингента нигде не учитывалось.

Справки, выдаваемые на руки буровикам, убывающим с Новой Земли, давали им право встать на учёт в Центр радиационной медицины, где лечат «чернобыльцев». Другие льготы распространяются по закону только на ветеранов подразделений особого риска. Однако к ним относятся лишь военнослужащие, участвовавшие в испытаниях ядерного оружия, и только те гражданские лица, которые работали на полигонах по найму в Вооружённых Силах: секретарши, повара, продавщицы – люди, которые за весь срок своего контракта могли не увидеть ни скважины, ни штольни... Рабочие МСУ-24 треста «Гидромонтаж», который ранее входил в систему Минсредмаша, почему-то не являлись «ветеранами подразделений особого риска».

До Чернобыля была Чажма

За год до Чернобыля, 10 августа 1985 года, в Советском Союзе случилась крупная ядерная авария. Тогда при перегрузке ядерного топлива на атомной подводной лодке «К-431» на судоремонтном заводе в бухте Чажма Приморского края в результате грубейших нарушений технологии проведения этой операции произошёл взрыв, который сорвал пятитонную крышу реактора и выбросил наружу его радиоактивное содержимое. Все десять человек, проводивших регламентные работы, погибли мгновенно – чудовищная радиация превратила останки людей в биомассу. (По золотому обручальному

кольцу одного из погибших было установлено, что в момент взрыва мощность радиации достигала 90 000 рентген!).

Ликвидация этой аварии началась так же – стихийно. К действиям сразу же приступили экипажи подводных лодок, стоявших поблизости. Работали в чём придётся, едва ли не в тапочках на босу ногу, подвергаясь страшному облучению. Никаких средств защиты у первого эшелона ликвидаторов не было. Переоблучились тогда все, да и как могло быть иначе, если контроль радиационной обстановки практически не вёлся. При ликвидации аварии пострадали 290 человек. Десять погибли в первые её моменты, у десяти была вскоре определена острая лучевая болезнь, у 39 — лучевая реакция. Значительная часть пострадавших – военнослужащие, первыми начавшие ликвидировать последствия аварии.

Пожар на лодке удалось потушить за 2,5 часа. Спустя полчаса прибыла аварийная флотская команда. Вскоре выходы с завода перекрыли. Всех, принимавших участие в тушении пожара, собрали вместе на территории завода и отправили на дезактивацию. Одежду отобрали, так как она была радиоактивной, сменной же на предприятии не оказалось. До двух часов ночи на заводе оставались раздетыми мужчины и женщины, пока со складов не привезли одежду и не отпустили уставших, измождённых людей по домам, а матросов – в казармы.

В посёлке Шкотово, что в полутора километрах от завода, никто ничего особенного не заметил. Здесь не слышали взрыва. К вечеру появилась тревога - люди всегда возвращались с работы в одно и то же время, а в тот день опаздывали. Стали просачиваться слухи о случившейся большой аварии. В посёлке отключили связь, и никакой информации не было. (Не правда ли, всё это очень похоже на Припять 86-го).

Авария продемонстрировала полную неподготовленность к решению задач чрезвычайного реагирования многочисленных служб Тихоокеанского флота. Для ликвидации её последствий потребовалось более двух тысяч человек и не менее десяти типов различных подразделений флота. Для координации действий возникла необходимость создать командный пункт,

пригласить экспертов и консультантов, сформировать штаб чрезвычайной ситуации, ввести спецрежим работ, наладить взаимодействие с гражданским населением, с государственными органами и т. д. Выявились недоработки подготовительного характера, многие вопросы можно было решать в повседневной деятельности. Через год почти все эти же недостатки проявились в период Чернобыльской трагедии.

Чернобыль

26 апреля 1986 года произошла авария на Чернобыльской АЭС. По масштабам и совокупности последствий она признана крупнейшей радиационной катастрофой XX века.

Чернобыльская АЭС расположена на территории Украины, вблизи города Припять, в 18-ти километрах от города Чернобыль, в 16-ти километрах от границы с Белоруссией и в 110-ти километрах от Киева.

Ко времени аварии на ЧАЭС использовались четыре реактора РБМК-1000 (реактор большой мощности канального типа) с электрической мощностью 1000 МВт (тепловая мощность 3200 МВт) каждый. Ещё два аналогичных реактора строились. Станция производила примерно десятую долю электроэнергии УССР.

В ночь на 26 апреля 1986 года на четвёртом энергоблоке Чернобыльской АЭС во время эксперимента*, совмещённого с техническим регламентом реактора, из-за несанкционированного отключения дежурным персоналом системы безопасности реактора произошёл перегрев ТВЭЛов (термовыделяющих элементов), разрушение системы их охлаждения. Выделился водород, который при смешивании с кислородом окружающего воздуха образовал взрывоопасную смесь. Взрыв произошёл в 1 час 23 минуты.

В результате здание реактора было разрушено, произошло расплавление ТВЭЛов, температура их расплава составила свыше 2000°С, в различных помещениях и на крыше начался пожар. Всего возникло более 30-ти очагов пожаров. Остатки активной зоны расплавились. Смесь из расплавленного металла, песка, бетона и частичек топлива растеклась

* Подробно на стр. 479 – Чернобыль, версии о диверсии.

по подреакторным помещениям. При этом погибли два человека - оператор насосов ГЦН (Главный Циркуляционный Насос) Валерий Ходемчук (тело не найдено, завалено обломками двух 130-тонных барабан-сепараторов) и сотрудник пусконаладочного предприятия Владимир Шашенок (умер из-за перелома позвоночника и многочисленных ожогов в Припятской медсанчасти в 6.00 26-го апреля).

В результате аварии произошёл выброс в окружающую среду радиоактивных веществ, в том числе изотопов урана, плутония, йода-131 (период полураспада до 8 дней), цезия-134 (период полураспада 2 года), цезия-137 (период полураспада 33 года), стронция-90 (период полураспада 28 лет). Суммарный выход радиоактивных материалов в окружающую среду составил 50 млн кюри, что равнозначно последствиям взрывов 500 атомных бомб, сброшенных в 1945 году на Хиросиму.

Впоследствии даже в радиусе 250 километров от места катастрофы среди населения фиксировались случаи острой лучевой болезни.

Хаос начального периода чернобыльской аварии общеизвестен. Однако службы постоянной готовности – пожарные, милиция, «Скорая помощь» оперативно и профессионально отреагировали на случившееся.

Пожарные подразделения прибыли на станцию спустя 5 минут после взрыва. Первому эшелону пожарных в количестве 69 человек пришлось бороться с огнём в условиях сильного радиоактивного излучения, к тому же при отсутствии предварительной радиационной разведки и специальных средств защиты. Все, кто первыми вступили в борьбу с пожаром, получили опасные дозы облучения. Ценой собственной жизни и здоровья они сумели предотвратить распространение беспрецедентной массы огня. Шесть из них в ту ночь получили дозы облучения, несовместимые с жизнью – от 7 до 16 тысяч Р. В их числе начальники пожарных караулов лейтенанты Владимир Правик и Виктор Кибенок, которым было по двадцать лет. В эту ночь получили смертельные дозы радиации и впоследствии умерли 28 пожарных станции.

Сегодня мы зачастую наблюдаем некоторое оптимистичное отношение к последствиям катастрофы, но необходимо учитывать следующее обстоятельство – судьба тогда распорядилась так, что реально реализовались не самые худшие из возможных вариантов развития аварии. Именно на этот факт указывал Г. Шашарин, являвшийся в то время заместителем министра энергетики и электрификации СССР по атомной энергетике: «Трудно себе представить масштаб катастрофы, если бы поистине героическими действиями пожарных подразделений не был локализован пожар, если бы пламя перекинулось на примыкающий 3-й и далее, на 2-й и 1-й энергоблоки. Это легко могло произойти, учитывая незначительную огнестойкость покрытий крыш машинных залов».

Пожарные ПЧ № 2 потушили пожар на крыше реакторного блока и снаружи к утру 26 апреля, но внутри графит продолжал гореть, потушить реактор и засыпать его песком предстояло авиаторам.

Отдавая должное мужеству пожарных, надо отметить, что, с одной стороны, в их действиях проявились верность долгу, высокий профессионализм и решительность при работе в сложной обстановке, а с другой - оказались техническая неприспособленность пожарных подразделений к действиям в экстремальных условиях, неумение оценивать реальную опасность технологического цикла прикрываемого ими опасного производства.

Через 50 минут после возникновения аварии прибыли наряды милиции. Перед личным составом стояла задача: закрыть въезд в город транспортных средств, не связанных с работами по ликвидации аварии, обеспечить общественный порядок, перекрыть все подъезды к АЭС.

Был канун воскресного дня. Обычно сюда, в живописные окрестности станции, по выходным дням приезжало немало отдыхающих. Не догадываясь о реальной опасности, милиционеры прибыли на место без дозиметров и средств защиты, и, как следствие, многие из них получили сверхнормативные дозы облучения. Но действовали они правильно – срочно

ограничили доступ населения в предполагаемую опасную зону. К 7.00 утра в районе аварии власти сосредоточили уже более тысячи сотрудников МВД Украины, в подавляющем большинстве – молодые люди в возрасте до 30-ти лет.

Быстро и правильно действовали на первом этапе аварии и медицинские службы, принявшие информацию через 15 минут после возникновения аварийной ситуации. Помощь первым пострадавшим оказывалась дежурным средним медперсоналом здравпункта станции. Через 30 минут к ним подключились дежурные бригады скорой медицинской помощи из Припяти и Чернобыля. Всю ночь они вывозили со станции пострадавших, не пользуясь даже простейшими средствами защиты. К 8 мая в этих мероприятиях участвовали более 1850 врачей, 3470 человек - среднего медперсонала, 421 специализированная врачебная бригада. В течение мая – июня медицинскими службами было проведено 70 тысяч радиометрических исследований, лабораторно обследовано около 30-ти тысяч человек. Никто заранее не обучал их действиям в подобных условиях, не предоставил никаких средств защиты, да и законодательно они не были защищены.

26 апреля началась эвакуация жителей города Припять, осуществить которую удалось к исходу дня. И только в начале мая, с окончанием майских праздников, приступили к эвакуации всего населения с территории в радиусе 30 километров от атомной станции. Впоследствии из 186 тысяч населённых пунктов ряда областей Украины и Белоруссии, а также Брянской области Российской Федерации, подвергшихся радиоактивному загрязнению, было эвакуировано 116 тысяч человек.

Утром того же дня в район аварии прибыл полк гражданской обороны Киевского военного округа с целью выяснения сложившейся обстановки, а с 27 апреля - 122-й мобильный отряд химических войск, ежедневно дважды проводивший радиационную разведку местности на территории станции. Однако полк ГО со своими задачами не справился – личный состав (солдаты срочной службы) сразу же получил значительные дозы облучения. И уже к исходу 27 апреля в полном составе

полк был госпитализирован. Полковая техника – шесть разведывательных машин УАЗ 469-рх без какой-либо радиационной защиты и по причине негерметичности кабин — быстро вышла из строя. А 122-й отряд в количестве 52-х человек был доставлен в госпиталь 12 мая с дозами облучения от 25 до 72 бэр.

Выброс радиоактивных веществ (РВ) к 6 мая 1986 года составлял уже 63 килограмма и оказался эквивалентным действию примерно 85 атомных бомб мощностью в 20 кт. (Для сравнения: бомба именно такой мощности была сброшена в 1945 году на японский город Хиросима).

Военные авиаторы участвовали в локализации и ликвидации последствий аварии с 26 апреля 1986 года по июль 1988 года. За это время они выполнили более 28 тысяч самолёто- и вертолетовылетов: 4300 – общая и радиационная воздушная разведка; свыше 4300 — сброс различных наполнителей и воды в аварийный реактор (более 5 тыс. т) и другие задачи; 6400 вылетов связано с дезактивацией и поливом местности спецжидкостями (вылито 55200 т); свыше 13 тысяч вылетов связано с перевозкой личного состава и грузов (более 42 тыс. чел. и около 7500 т грузов).

Военные авиаторы выполняли много разных задач: вели общую воздушную разведку и фотографирование, радиационную разведку, поднимали в район реактора членов Государственной комиссии, учёных, представителей МВД, КГБ, выявляли лесопожарную обстановку в ближайших к реактору лесных массивах.

В середине мая экипаж полковника Н. А. Волкозуба на Ми-8МТ в режиме зависания опускал в реактор прибор для замера параметров состояния этого реактора. Прибор крепился к концу троса. Операция прошла успешно.

Экипажи А. И. Серебрякова, Ю. Н. Яковлева вместе с Б. А. Нестеровым поднимали в район реактора учёных, специалистов.

Экипаж Ка-252Е летчика-испытателя Н. Н. Мельника 19 июня с ювелирной точностью опустил в реактор стальную трубу длиной 18 метров и диаметром 10 сантиметров с датчи-

ками внутри. Труба крепилась к тросу длиной 200 метров. Эта успешная операция получила название «Игла».

Впоследствии в ходе работ экипажи доставляли на крышу реактора робототехнику и снимали её.

Работники гражданской авиации также активно включились в работы по ликвидации последствий аварии. Два Ил-18 ГосНИИ ГА 11 мая были направлены в Борисполь. Им была поставлена задача не дать прорваться в район АЭС майским грозам с выпадением осадков на заражённую территорию в радиусе 30-ти километров от реактора, чтобы избежать попадания с дождевой водой радиоактивных смывов в реку Припять, а затем и в реку Днепр. Только 12 мая самолёт Ил-18 провёл в воздухе более 11-ти часов, разрушая с использованием химических реагентов облака и не давая им разразиться дождём. Таким образом, осадки выпадали на безопасном расстоянии от места аварии. Лётчики ГосНИИ ГА единственные в стране имели опыт выполнения таких работ. Ежедневно они получали необходимую точную информацию, анализировали погодные условия и составляли план полётов. Снова и снова поднимались в воздух. Такая работа продолжалась до тех пор, пока берега рек и прудов-охладителей не были укреплены земляным валом, исключающим попадание осадков в реки. Продолжавшиеся почти год вылеты давали необходимый результат – ни одна капля дождя не упала в район аварии. Участие в этих полётах приняли 80 лётчиков, работавших в Лётно-испытательном комплексе ГосНИИ ГА*.

Созданная к тому времени Правительственная комиссия приняла решение «заглушить» дышащий радиацией энергоблок с воздуха. С этой целью к работам привлекли экипажи вертолётов МО и МВД СССР, которые сбрасывали в самое пекло с наружных подвесок песок и свинец, подвергая себя и машины неимоверной опасности.

Основной объём работ, которые были выполнены с целью ликвидации аварии и минимизации поступления

* Из статей международного авиа-космического журнала «АвиаСоюз». – *Н. Антошкин. «Ангелы Чернобыля».*

радионуклидов в окружающую среду, заключался в сооружении защитной оболочки над разрушенным реактором Чернобыльской АЭС. Понятно, что работы по ликвидации последствий катастрофы проводились и на других объектах, находящихся в районе Чернобыльской зоны отчуждения, но сооружение защитной оболочки было наиболее важным и чрезвычайно опасным, и рискованным.

Сооружение, получившее название «Объект "Укрытие"», создали в очень короткий период времени – за шесть месяцев. Если принять во внимание, какие методы были применены для его сооружения, а также радиационные условия окружающей среды и функции, которые сейчас выполняет этот объект, можно утверждать, что аналогов ему в мире нет.

Строительство объекта «Укрытие» началось после решения Государственной правительственной комиссии по долговременной консервации четвёртого блока с целью предотвращения выхода радионуклидов в окружающую среду и уменьшения влияния проникающей радиации на промышленной площадке ЧАЭС. (Постановление ЦК КПСС и СМ СССР 634-188 от 29.05.1986. В данном постановлении защитная оболочка получила название «Укрытие реактора № 4 Чернобыльской АЭС»).

Учитывая чрезвычайно большую ответственность за надёжность и прочность, которые возлагались на это сооружение, проектировщиками было рассмотрено восемнадцать (!) вариантов проекта объекта «Укрытие».

В первую очередь обсуждалась возможность заглушить реактор, дышащий смертью. Предполагалось с помощью вертолётной подвески закрыть жерло четвёртого реактора «пробкой» – пятнадцатитонной железобетонной крышкой с вмонтированными приборами и датчиками. Эта конструкция была изготовлена в Киеве и доставлена на базовый аэродром вертолётами, управляемыми лучшими лётчиками фирмы им. Громова*.

После трёх дней подготовки экипажа 17 мая был дан приказ на её установку. Однако, сильная болтанка такого груза

* См. фото в цветной вклейке.

на двухсотметровой подвеске при взлёте и во время полёта не позволила выполнить эту задачу.

Окончательный проект был разработан к 20 августа 1986 года главным проектировщиком защитного сооружения – Всероссийским проектным научно-исследовательским институтом комплексной энергетической технологии (ВПНИИКЭТ, г. Санкт-Петербург).

Сегодня объект «Укрытие» классифицируется как место поверхностного хранения (временное хранение) неорганизованных радиоактивных отходов. Грандиозность конструкторской мысли, которая воплотилась в этом защитном сооружении, можно охарактеризовать несколькими примерами. Так, для сооружения объекта «Укрытие» использовались краны с максимальной на то время грузоподъёмностью – 600 тонн. Для создания перекрытия над разрушенным реактором была дистанционно (!) установлена уникальная металлическая балка. Длина этого элемента конструкции объекта «Укрытие» составляет 70 метров, высота – 6, а вес – 147 тонн. Из-за своих размеров балка названа «Мамонт».

Саркофаг

Создание мощной защитной оболочки обеспечило предохранение территорий, которые граничат с ЧАЭС, от поступления радиоактивных веществ из разрушенного реактора. Но оперативность в строительстве защитного сооружения привела к человеческой трагедии – получили громадную коллективную дозу облучения строители и монтажники.

В первый период после аварии (май – июнь) в работах по ликвидации её последствий принимали участие 9 отдельных механизированных полков и отдельный батальон спецзащиты ГО. Это свыше 5,5 тысячи военнослужащих войск гражданской обороны и около 1,5 тысячи единиц техники.

В 30-километровой зоне, совместно с подразделениями гражданской обороны, химической и инженерной разведки, были задействованы учреждения сети наблюдения и лабораторного контроля (7,5 тыс. учреждений), санитарно-эпидемиологические станции. Всего по состоянию на 1 мая 1986 года в радиационном контроле принимали участие уже 90 тысяч человек.

Напряжённо действовали пункты специальной обработки людей (ПуСО) и станции обеззараживания транспорта, развёрнутые на основных дорогах загрязнённой территории и на выходе из 30-километровой зоны. К концу августа ими было обработано 350 тысяч человек и свыше 120 тысяч единиц различной техники. В общей сложности за время работ через ПуСО и станции системы радиационного контроля прошли более 872-х тысяч человек, продезактивировано 328 тысяч единиц техники. Кроме того, «помыта» 41 тысяча километров дорог.

Работы принимали всё более организованный характер. Правительство окончательно определило перечень основных задач по ликвидации последствий аварии, в том числе решаемых Оперативной группой ГО СССР; в их числе:

- ликвидация очага выброса радиации, включая возведение защитного саркофага над 4-м энергоблоком (объект «Укрытие»);

– очистка и подготовка к запуску 3-го энергоблока;

- дезактивация территории вокруг станции (30-км зоны): дорог, населённых пунктов, вырубка и захоронение заражён-

ного леса (сосновый массив), вывоз и захоронение в подготавливаемых могильниках радиоактивных отходов и заражённой техники, рекультивация территорий;

– проведение лечебно-эвакуационных и санитарно-гигиенических мероприятий;

– строительство городка для специалистов-атомщиков и обеспечение их производственной деятельности;

– проведение научных исследований в области воздействия «малой радиации» на живые организмы и окружающую среду и обследование аварийного энергоблока специалистами института Курчатова;

– восстановление и реабилитация пострадавших.

С началом аварийных работ главным гигиенистом МО СССР решался вопрос о необходимости установления предельной дозы облучения военнослужащих на уровне, установленном ещё в 1948 году для гражданских специалистов - 25 Р, в целях сохранения квалифицированных, технически обученных, опытных кадров для будущей их деятельности в атомной промышленности. Однако, с правовой и физиологической точек зрения военные – такие же люди.

После долгих согласований на высоком уровне указанная предельная доза облучения для военнослужащих была утверждена начальником Центрального военно-медицинского управления МО СССР. В первых числах мая 1986 года по его поручению данное решение в телефонном режиме было сообщено начальнику химических войск В. К. Пикалову. Тот в ответ заявил: «Вы мне лекции не читайте. Здесь находятся заместитель министра здравоохранения СССР Воробьёв и другие корифеи медицины, и мы решили установить дозовый предел для военнослужащих 50 бэр (50 Р – авт.), как это регламентировано на военное время». И всё же, учитывая описанную выше ситуацию, 21 мая приказом Министерства обороны за № 110 определили окончательно решение о введении дозового предела в 25 бэр.

Однако, несмотря на отсутствие законных оснований для использования военных на наиболее опасных участках

работ, такая практика продолжалась. Это привело к тому, что средние дозы облучения военнослужащих в ходе работ превышали дозы облучения других категорий работников: в 1986 году – от 1,5 до 15 раз, а в 1987 – от 2 до 6 раз. Надо отметить, что к 1989 году предельный уровень дозовой нагрузки был снижен до 5 бэр, с учётом чего реальное превышение полученных к тому времени ликвидаторами доз оказалось во много раз больше. По данным Российского государственного медико-дозиметрического регистра, только средняя доза внешнего облучения участников ликвидации последствий аварии составила 12 Р, а 44 процента получили до 25 Р.

Следует обратить внимание на признание ряда экспертов того факта, что к работам привлекалось неоправданно большое количество людей, перед которыми зачастую ставились нереальные задачи. К тому же, насколько реалистичны масштабы и темпы запланированных действий – не оценивалось.

В конце мая 1986 года руководством государства принимается решение об ускорении дезактивационных мероприятий. В зону ЧАЭС направили значительное количество военнослужащих – «срочников» в возрасте 18–20 лет. В соответствии с решением Правительственной комиссии курсантам Харьковского и Львовского пожарно-технических училищ МВД СССР, в частности, была поручена дезактивация второй, третьей, четвёртой и пятой трубных площадок.

К дезактивационным работам привлекли резервистов. Из материалов КГБ: «В июне 1986 года в районе Чернобыльской АЭС находилось 94 воинских частей и подразделений гражданской обороны, мобилизованных по распоряжению Министра обороны СССР для ликвидации последствий катастрофы, преимущественно сформированных из лиц 3-ей категории приписного состава».

Решение на сосредоточение в зоне аварии сотен тысяч резервистов без чёткого плана их использования привело к тому, что зачастую многие работы выполнялись не потому, что они были необходимы, а потому, что наличие столь значительного количества работников давало возможность

осуществлять любые малообоснованные и малоэффективные операции. Когда схлынула горячка первых месяцев, этих людей требовалось загрузить работой, чтобы обосновать их нахождение в зоне аварии. В связи с этим, значительную часть дозы облучения эти люди (так называемые «партизаны», как, впрочем, и кадровые военные) получали уже не при выполнении каких-либо плановых мероприятий, а в нерабочее время, в местах своего размещения, ввиду плохой организации режима радиационной безопасности. Некоторые из кадровых военнослужащих были переведены в Чернобыль после окончания командировки в Республику Афганистан, и прибыли туда вместе с семьями (часть офицеров полка Уральского военного округа, 1989 год). Резервисты не имели опыта работы с источниками ионизирующих излучений. Лишь в конце 1989 года тотальная дезактивация населённых пунктов была прекращена ввиду её низкой эффективности. К этому времени в указанных мероприятиях приняли участие более 225 тысяч военнослужащих, в том числе призванных из запаса.

С предложением не привлекать военнообязанных на специальные сборы, если они не были связаны с решением оборонных задач, обращался в Совет Министров даже Генеральный прокурор СССР. Ведь это противоречило и Советской Конституции, и Закону СССР «О всеобщей воинской обязанности».

Спустя год после аварии ситуацию попытались исправить. 10 апреля 1987 года был опубликован Закон СССР «О правовом режиме чрезвычайного положения», который определил, что «военнообязанные специалисты, необходимые для ликвидации последствий стихийных бедствий, крупных аварий и катастроф, могут призываться на срок до двух месяцев». Однако и после этого людей направляли на работу в зону аварии на три месяца и на полгода.

По сообщениям КГБ Украины, немало военнообязанных, получив предельно допустимые дозы облучения, но подчиняясь приказам, продолжали нести службу, как, например, 170 «партизан» 554-го отдельного инженерно-позиционного батальона, получивших предельные дозы облучения по состо-

янию на 2 июля 1986 года. Они оставались в части до тех пор, пока стихийно не начали протестовать, отказываясь от приёма пищи.

Непродуманным было и решение форсировать очистку и подготовку к пуску 3-го, соседствующего с аварийным, энергоблока, против чего выступали и военные, и атомщики, и медики. Надежды на очистку с помощью робототехники кровли машинного зала 3-го блока от высокоактивных материалов, выброшенных при аварии, не оправдались. Поэтому «в связи с невозможностью использования роботов и привлечения гражданских специалистов» на эти работы направили воинов Советской Армии. Лучшим «роботом» в век технического прогресса опять оказался советский солдат. Действуя вручную, в примитивных средствах защиты, в условиях высоких радиационных полей (от 500 до 10 000 рентген в час) 3 тысячи военнослужащих осенью 1986 года выполнили и эту задачу.

Всего же на работы по ликвидации последствий катастрофы было мобилизовано около 600 тысяч человек, в том числе 340 тысяч военнослужащих, из них примерно 24 тысячи - кадровых военных. По данным кадровых органов Вооружённых Сил СССР, подавляющее большинство офицеров химических, инженерных войск и войск гражданской обороны из округов восточной части страны, в том числе и Забайкалья, участвовали в этих мероприятиях; некоторые – от одного до трёх раз.

Вместе с ними в первые месяцы после аварии трудились солдаты срочной службы Министерства обороны, а также молодые сотрудники милиции и военнослужащие внутренних войск МВД. Уже в первую неделю из их числа было привлечено более 3-х тысяч человек для обеспечения эвакуации населения из города Припяти и поддержания особого режима в зоне аварии.

Во всех видах работ по ликвидации последствий аварии на протяжении всего периода, начиная с первых минут, принимали участие военнослужащие Забайкальского военного

округа, офицеры войск гражданской обороны, медики, работники МВД, сотрудники милиции, пожарные, другие специалисты из Забайкальского края.

Анализируя причины аварии в зоне Чернобыльской АЭС, многие специалисты отмечают, что лицам, ответственным за принятие основных решений, в первые часы приходилось выбирать между строгим выполнением предписания планов, здравым смыслом и предполагаемой реакцией со стороны начальства за самостоятельные действия. Так, один из представителей руководства – заместитель директора Чернобыльской АЭС по режиму майор КГБ В. Богдан, руководствуясь служебными инструкциями, отключил связь атомной станции с внешним миром, мотивируя это исключением паники среди населения.

«Всё это и предопределило практически полную неготовность к оперативному реагированию на происшедшее всех министерств и ведомств, ответственных за исполнение работ» писал в статье о работе Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС руководитель научного центра Министерства обороны СССР А. Дьяченко.

«...В результате аварии на четвёртом энергоблоке ЧАЭС радиоактивному загрязнению подверглась значительная часть Украины, Белоруссии, Брянской и Калужской областей Российской Федерации. Население, проживавшее в 30-километровой зоне от АЭС (в том числе и население города Чернобыля) – более 120 тысяч человек, постепенно было эвакуировано. К ноябрю 1986 года аварийный блок изолирован...» – так спокойно и коротко информирует нас Большой энциклопедический словарь (Изд. 2-е, СПб., 2000 г.).

На самом деле авария на Чернобыльской атомной электростанции несоизмерима ни с какой другой в мире. Загрязнёнными цезием оказались территории 17 стран Европы с общей площадью в 207,5 тыс. кв. км. Катастрофа привела к радиационному загрязнению 23% территории Республики Беларусь, 1,5% – РФ, до 10% – Украины, на общей площа-

ди более 150 000 кв. км. Облучению подверглось свыше 8 млн человек, в том числе около 2-х млн детей. Переселено из зон, подвергшихся заражению, 404 тысячи жителей; 14 субъектов РФ с территорией более 59,3 тыс. кв. км подверглось радиоактивному загрязнению, на которой проживало около 2,6 млн человек. В настоящее время в России наиболее загрязнёнными территориями являются Брянская, Калужская, Тульская и Орловская области. В населённых пунктах в границах этих субъектов, отнесённых к зонам радиоактивного загрязнения, проживают около 1,6 млн человек.

Гомельская область Белоруссии. Село Тульговичи до аварии было большим – в нём насчитывалось около 300 дворов

Ликвидация последствий чернобыльской катастрофы потребовала беспрецедентной для мирного времени мобилизации сил и средств для работ в зонах высокого радиоактивного загрязнения. В них принимали участие более 600 тысяч человек – жители всех республик СССР, в том числе более

200 тысяч россиян: гражданских специалистов, военнослужащих и военнообязанных, чей героический самоотверженный труд в период с апреля 1986 по декабрь 1990 года позволил предотвратить её глобальные последствия.

Томск-7

Чернобыльские события кое-чему нас научили, однако авария, произошедшая 6 апреля 1993 года на радиохимическом заводе Сибирского химкомбината в г. Томск-7, показала, что многие ошибки повторились. Взрыв аппарата, содержавшего 25 кубометров уран-плутониевого раствора, произошёл также в нарушение технологического цикла: операторы вовремя не заметили засорение линии подачи воздуха для перемешивания растворов, что привело к недопустимому повышению температуры и давления в ёмкости. (По счастью, в аварийном аппарате шла одна из замыкающих операций цикла, когда в растворе почти не было радиоактивных цезия и стронция-66, поэтому впоследствии и не произошло переоблучения ни пожарных, ни участников ликвидационных работ).

Взрыв сопровождался также пожаром, и произошли разрушения конструкций здания и выброс радиоактивных аэрозолей в окружающую среду. В северо-восточном направлении образовалась зона радиоактивного загрязнения местности протяжённостью до 25 км и площадью заражения около 100 кв. км.

Главный инженер предприятия, зная, что проводить аварийные работы должны специалисты объекта, а никак не 20-летние пожарные, в разведку всё же направил пожарных. Бывший начальник спецучета ядерной продукции одного из заводов химкомбината А. Григорьев вспоминает: «Через две минуты после взрыва караул в составе шести человек во главе с начальником пожарной части подполковником Дунаевым выехал на место происшествия. Начальник караула ... раздавал всем индивидуальные кассеты для определения гамма-облучения. Дозиметрический прибор ДП-5В был уже приготовлен...».

Да, чернобыльские события научили людей многому, в том числе, к сожалению, не надеяться на то, что власти вовремя позаботятся о них. Именно поэтому 4–7 ноября 2004 года с получением ложной информации население трёх областей страны в панике пыталось как-то уберечься от несуществующей угрозы, связанной с аварийным инцидентом на Балаковской АЭС.

На сегодня правомерным остаётся вопрос: всё ли мы знаем о Чернобыле, все ли последствия имевших место аварий учтены? Ответ на него предстоит дать уже новому поколению живущих. Уроки Чернобыля не могут быть забыты, а память о человеческом горе и беззаветном мужестве «ликвидаторов» должна оставаться в сердцах поколений.

По данным Союза «Чернобыль» России, из числа граждан, принимавших участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, к 2016 году ушло из жизни более 30-ти тысяч ликвидаторов, и только 6-ти тысячам смерть связали с радиационным воздействием; инвалидами стали почти 90 тысяч человек (из них только у 57-ми тысяч инвалидность была признана связанной с ЧАЭС); кроме того, более 1,5 млн человек сегодня проживают на загрязнённых радионуклидами территориях, и каждый четвёртый из них - ребёнок.

Несмотря на отдалённый период после Чернобыльской катастрофы, её негативные последствия и в наши дни дают о себе знать. Заболеваемость жителей зон отселения и зон с правом на отселение превышает средний показатель по России. Современный анализ данных радиационного контроля показывает, что в России без проведения защитных мероприятий уменьшение годовых доз облучения населения до уровня 1 мЗв. будет проходить длительное время, в «критических» населённых пунктах – до 2060 года.

К 25-летию катастрофы Постановлением Центрального Совета Общероссийского союза общественных объединений «Союз «Чернобыль» России» № 39 от 14 апреля 2010 года учреждена памятная медаль – «В память о катастрофе на Чернобыльской АЭС. 25 лет». Этой медалью награждены вдовы участников ликвидации катастрофы на ЧАЭС, а также лица, подвергшиеся облучению в результате аварии.

В Госкорпорации по атомной энергетике «Росатом» создана общественная организация «Союз – Чернобыль – Росатом». Главной целью созданной организации является объединение участников ликвидации в решении вопросов социальной поддержки, удовлетворении духовных и нематериальных потребностей, защиты их прав, законных интересов, оказания медицинской помощи.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл благословил прошедшее 26 апреля 2011 года во всех храмах Русской Православной Церкви молитвенное поминовение жертв аварии на Чернобыльской АЭС.

Властями Украины 26 апреля 2011 года открыт мемориально-туристический парк на территории Чернобыля. Этот мемориал - маленькая копия зоны отчуждения. Не остался в стороне ни один из 94-х городов и деревень, принявших на себя действие невидимых лучей радиации. В качестве элементов экспозиции использованы дома, деревья и дорожные указатели. Основа мемориально-туристического парка - экспозиция населённых пунктов, из которых были эвакуированы жители. Все эти населённые пункты отмечены обелиском, у каждого установлена табличка с указанием числа эвакуированных.

В октябре 2009 года отметил своё 20-летие Сибирский региональный «Союз Чернобыль». Работа этой организации завоевала авторитет не только в Новосибирской области, но и далеко за её пределами. В составе Сибирской организации действуют 10 региональных структур: Алтайская региональная общественная организация инвалидов «Семипалатинск – Чернобыль»; Алтайская республиканская организация СЧР; Хакасская республиканская общественная организация Союз «Чернобыль»; Красноярская краевая общественная организация инвалидов Союз «Чернобыль»; Иркутское региональное отделение СЧР; Кемеровская областная организация СЧР; Новосибирская областная общественная организация инвалидов «Сибирский региональный Союз «Чернобыль»; Омская региональная организация СЧР; Томское региональное отделение СЧР; Республиканская общественная организация инвалидов и лиц, пострадавших от радиации - Союз «Чернобыль» Бурятии.

В Забайкалье создана и 18 марта 2011 года зарегистрирована Забайкальская краевая общественная организация «Союз Чернобыль». Её учредителями стали участники работ по ликвидации аварии на ЧАЭС: П. П. Коновалов, В. А. Новиков, В. М. Пестов, В. Д. Славинский и В. А. Тугай. Председателем Забайкальской краевой общественной организации был избран Новиков Владимир Алексеевич, полковник запаса, участник работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в апреле – мае 1987 года. Правление организации совместно с Администрацией Губернатора Забайкальского края активизировали работу по оперативному уточнению списков забайкальцев – участников работ по ликвидации аварии на ЧАЭС, лиц, пострадавших в радиационных авариях на Семипалатинском и Новоземельском полигонах, ПО «Маяк» (р. Теча), установлению числа умерших ликвидаторов, их вдов и детей, а также лиц, переселённых (эвакуированных) с заражённых территорий.

По состоянию на 29 апреля 2020 года в уточнённых списках граждан всех категорий, проживающих в Забайкальском крае и причастных к радиационным авариям и катастрофам, без учёта детей, родившихся в 1-м и 2-м поколении после аварии на ЧАЭС, а также работников (служащих) федеральных ведомств, установлено 536 человек. В их числе 290 человек, непосредственно принимавших участие в работах на ЧАЭС, 28 человек - «семипалатинцы», 9 пострадавших на ПО «Маяк», один - участник работ на полигоне «Новая Земля»; 90 ликвидаторов за время, прошедшее с 2006 года, ушли из жизни, остальные — или вынужденные «переселенцы» – 97 человек, или члены семей участников работ – 86 человек. Судьба 28-ми человек подлежит уточнению.

В год 25-летия со дня трагедии на Чернобыльской АЭС каждый участник работ по ликвидации радиационных аварий и катастроф был отмечен региональным памятным знаком «За мужество и самоотверженность. 25 лет» и благодарственными письмами Губернатора Забайкальского края. Кроме того, краевая организация «Союз Чернобыль» способствовала изданию книги воспоминаний забайкальцев, в которую вошло уже более ста пятидесяти материалов об участниках работ по ликвидации аварий на радиационно-опасных объектах: их воспоминания, фотографии и документы. Финансовые средства на пер-

вое и второе издания были выделены решениями Губернатора Забайкальского края, главы муниципального района «Город Краснокаменск и Краснокаменский район», главы городского поселения «Краснокаменск» и руководства Краснокаменского ПГХО, епископа Читинского и Краснокаменского Евстафия.

Хочется верить в правильность наших совместных шагов по объединению коллективных усилий в рамках созданной в Забайкальском крае общественной организации «Союз Чернобыль», зная её ответственную миссию, и не только по защите законных прав и интересов граждан, пострадавших вследствие радиационных аварий и катастроф, ядерных испытаний, сохранению памяти погибших, умерших, но и по воспитанию молодого поколения на примерах вашего патриотизма, мужества, самоотверженности и трудового героизма.

Мы гордимся своими земляками и никогда не забудем их имена. Они сделали всё необходимое и возможное, пошли на смертельный риск ради сохранения жизни. Многие из них награждены орденами и медалями за свой вклад в победу над радиацией. Жизнь уготовила им всем разные судьбы, но кем бы они не стали, где бы не находились, живут среди нас или уже покинули этот мир, они заслужили нашу огромную человеческую благодарность и признательность.

Отдавая долг подвигу участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, других радиационных аварий, мировой общественностью принято рассматривать день катастрофы не только как трагический исторический факт, но и как символ благодарности людям, самоотверженно вставшим на защиту мира от ядерной опасности, как напоминание об ответственности человечества за судьбу планеты и как день памяти погибших в радиационных авариях и катастрофах.

Эта книга посвящается всем участникам тех событий и всем пострадавшим от «мирного атома».

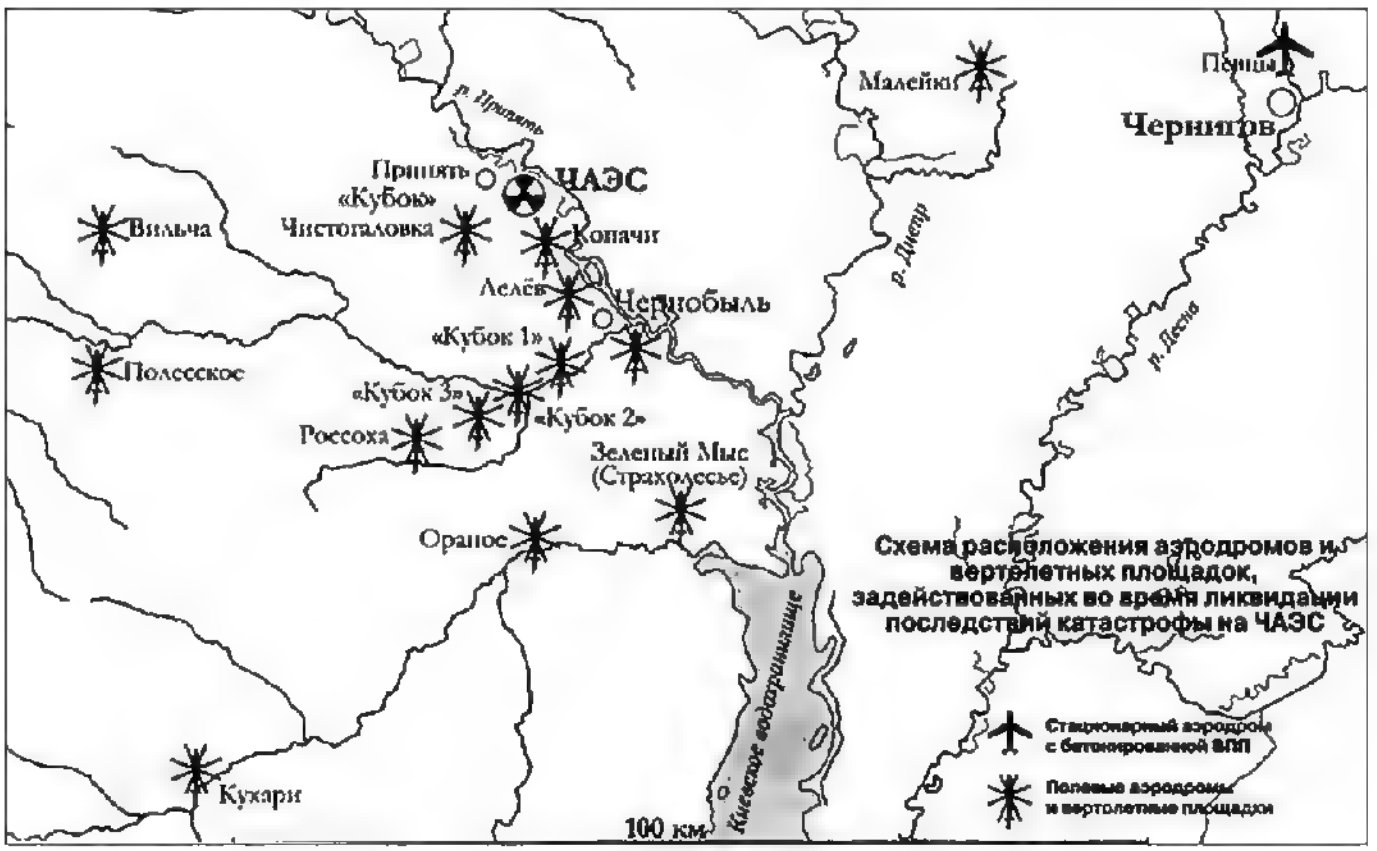
От имени Правления Забайкальской
краевой общественной организации
«Союз Чернобыль»,
В. М. Пестов

Apm.06.

Первым командиром сводной авиационной группы численностью 100 единиц летательных аппаратов, в том числе – 80 вертолётов, 26 апреля 1986 года назначили генерал-майора авиации Н. Т. Антошкина, о котором, хотя он и не забайкалец, невозможно умолчать. Решением Правительственной комиссии на авиационную группу возложили задачу забрасывания с вертолётов армейской авиации в разрушенный взрывом четвёртый энергоблок поглощающих и нейтрализующих материалов. Предусматривалось создать в верхней части активной зоны фильтрующе-изолирующий слой, предназначенный для предотвращения выбросов в атмосферу радиоактивных веществ.

В условиях радиоактивной загрязнённости, высокой физической и нервной напряжённости генерал-майор авиации Н. Т. Антошкин руководил действиями военных вертолётчиков. Это был самый напряжённый период локализации катастрофы – с 27 апреля по 6 мая. За это время в аварийную зону вертолётчики выполнили 1800 заходов, сбросив около 5-ти тысяч тонн различных материалов.

АНТОШКИН
Николай Тимофеевич,
генерал–полковник,
Герой Советского Союза,
заслуженный военный
лётчик РФ, профессор,
Президент Межрегиональной
организации «Клуб героев
Советского Союза, героев
Российской Федерации
и полных кавалеров
«Ордена Славы» г. Москвы
и Московской области»



В результате прекратились постоянные выбросы радиоактивных веществ в природную среду и атмосферу. Уровень радиации 6 мая на высоте 200 м над четвёртым энергоблоком ЧАЭС снизился до 60–70 Р/ч (27 апреля он составлял 3500 Р/ч), что уже позволило приступить к дальнейшим работам по ликвидации катастрофы.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 года № 6245-XI «За личный вклад в успешное проведение работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, устранение её последствий и проявленное при этом мужество и героизм» Антошкину Николаю Тимофеевичу присвоено звание Героя Советского Союза. Он стал единственным в ВВС, получившим это звание в должности начальника штаба ВВС округа (ВА).

Международная академия наук Сан-Марино за разработку методики тушения и закрытия аварийного реактора с воздуха в Чернобыле присвоила Н. Т. Антошкину учёную степень доктора военных наук и звание профессора.

ТУГАЙ
Валентин Алексеевич,
подполковник, бортовой радист Ми–6А
Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 27 апреля по 17 мая 1986 года

Во время случившейся катастрофы на Чернобыльской АЭС проходил службу в 340-м Бреславском отдельном транспортно-боевом вертолётном полку (в/ч 22672), базировавшемся на аэродроме Калинов Львовской области Украины, в звании майора, на должности начальника связи и РТО полётов – старшего воздушного радиста на вертолётах Ми-6А.

Окончил 2-е ХВАТУ в г. Харькове. Во время службы в Забайкалье прошёл с 1970 по 1974 год полный курс обучения в Читинском авиационно-спортивном клубе ДОСААФ по профилю пилот самолёта Як-12 с общим налётом 103 часа. В 1991 году окончил ХВВАУРЭ им. Ленинского комсомола Украины в г. Харькове. (Ныне – Харьковский национальный университет Воздушных Сил им. Ивана Кожедуба).

Всю службу проходил в авиации. Летал в качестве бортового радиста на самолётах Ан-8, Ан-12, Ил-20, Ил-14, Ан-24, Ан-26, Ту-134А и вертолёте Ми-6А. Общий налёт составляет свыше 2000 часов. Уволен в запас в 1995 году.

Чернобыльской зоны отчуждения
на базе карт Генштаба
ПРИПЯТЬ
ЧЕРНОБЫЛЬ

Командировка в ад

«Первый эшелон»

Каждый год, когда наступает день 26 апреля и на экране телевизора мелькает хроника тех событий, меня охватывает волнение, и перед глазами снова и снова встают картины того ада, в котором пришлось побывать нашему экипажу вертолёта Ми-6А № 70. Правда, острота этих ощущений с каждым годом уменьшается, сглаживаясь временем, и многое, что происходило тогда, постепенно забывается, хотя вряд ли те адские дни когда-нибудь забудутся окончательно и навсегда.

Наш экипаж находился в командировке с 27 апреля по 17 мая 1986 года.

С 27 апреля по 1 мая пребывали в режиме ожидания к вылету на запасном аэродроме Городня (Чернигов);

2–3 мая «работали по реактору» четвёртого энергоблока ЧАЭС, забрасывали реактор свинцовыми болванками;

4–7 мая обследовались в 1120 ОВГ (г. Львов);

8 -17 мая проходили реабилитацию в профилактории лётного состава «ШКЛО» Львовской области.

27 апреля 1986 года наш отдельный транспортно-боевой вертолётный полк, базировавшийся на аэродроме Калинов Львовской области Украины, в 9.00 московского времени был поднят по тревоге. Вообще-то учебная тревога в строевой авиационной части – дело обычное и нередкое, но на этот раз она мало походила на учебную; плановое проведение учебных тренировок по боевой готовности, прежде всего, согласуется с графиком полётов. В тот день общепринятые условия были явно нарушены, так как прошло всего лишь несколько часов после окончания ночных полётов. Значит, случилось что-то непредсказуемое и чрезвычайное, и поэтому при пронзительном звуке сирены у многих тревожно сжалось сердце.

Тем временем, пока осуществлялись сбор личного состава и выяснение обстановки, из Москвы поступило распоряжение направить один вертолёт Ми-6 в направлении на Чернобыль. Задача оказалась неожиданной и усложнялась тем, что большая часть лётного состава с вертолётов Ми-6А убыли в г. Торжок для переучивания на вертолёты Ми-26, а инженерный состав убыл в г. Ростов для приёмки вертолётов Ми-26, к тому же оставшиеся лётчики уехали отдыхать в Карпаты, кто-то на базар в г. Самбор, кто-то – во Львов, ведь было воскресенье - выходной день. В результате на построении в эскадрильях многие экипажи вертолётов оказались не в полном составе. Однако времени на долгое раздумье не было, поскольку Москва уже настойчиво требовала не медлить с вылетом. И тогда исполнявший обязанности командира полка подполковник Воронов А. Н. принял, пожалуй, единственно правильное решение: сформировать экипаж из лётного состава управления полка и самому возглавить

его. Началась срочная интенсивная подготовка экипажа к вылету. Разработать штурманский план и план связи на перелёт не представлялось возможным, поэтому я спешно собрал в штурманский портфель все необходимые контрольные экземпляры аэронавигационных документов с намерением подготовить все требуемые данные в полёте. В то время я служил в должности начальника связи и радиотехнического обеспечения полётов полка – старшего воздушного радиста на вертолётах Ми-6А.

Когда УАЗ привёз нас на аэродром, вертолёт был уже проверен и опробован дежурным экипажем, лопасти винтов вращались. Дежурный синоптик в/ч 22672 лейтенант Приходько С. П. прямо у вертолёта вручил метеобюллетень, который по сей день хранится у меня как реликвия, а диспетчер – прапорщик Дмитришин В. Д. дал коды опознавания, «я свой самолёт», на перелёт.

Разрешение на взлёт было дано без обычных проволочек, и через час после объявления тревоги вертолёт поднялся в воздух. Его вёл навстречу неизвестности сборный экипаж в составе: командир – подполковник Воронов А. Н., штурман – майор Юриков В. Т., помощник командира – старший лейтенант Шалашов В. Ф., бортовой радист – майор Тугай В. А., бортовой техник – капитан Савчук Н. В. и бортовой механик – прапорщик Кульчицкий О. М. В полёте по маршруту Калинов – Чернигов штурман составлял штурманский план, а я, согласно его плану, – план связи, настраивал бортовую командную радиостанцию Р-832М и вёл связь с радиодиспетчерскими службами по маршруту полёта.

ПРИХОДЬКО
Сергей Петрович,
инженер–синоптик

Ныне майор в отставке, начальник авиации Первого региона Бамако миссии ООН в Республике Мали

в/ч 22672

Форма АВ-12

БЮЛЛЕТЕНЬ ПОГОДЫ № 53

По маршруту (району) Калинов - Овруч - Чернигов

Руководитель полетов (командир экипажа) м/а-м Воронов

Бюллетень действителен для полетов (вылета) от 10 час. до 11 час. 27. апреля 1986 г.

Давление на уровне ВПП в пункте вылета 784.0 мм.

Минимальное давление по маршруту, приведенное к уровню моря 759.0 мм.

Фактическая погода в пункте вылета по маршруту и в пункте посадки:

ПУНКТЫ	Время	Облачность			Явления погоды	Видимость		Ветер у земли		Температура	Влажность
		кол.	Нн. гр.	Нв. гр.		гориз.	полет.	напр.	скор.		
Калинов	900	9/0	средн.		утром	8		110	9	11.5	66
Овруч	900	8/0	средн.		утром	8		100	3	10.5	71
Чернигов	900	6/2	нет		утром	6		70	4	10.5	74

3. Фактический ветер на высотах (в м/с):

ПУНКТЫ	Высота	300 м		600 м		900 м		1000 м		м		м	
	Время	напр.	скор.	напр.	скор.	напр.	скор.	напр.	скор.	напр.	скор.	напр.	скор.
Киев	0700	110	14	80	11	60	7	70	7				

4. Прогноз погоды по маршруту (району) Калинов - Чернигов до 14 час.

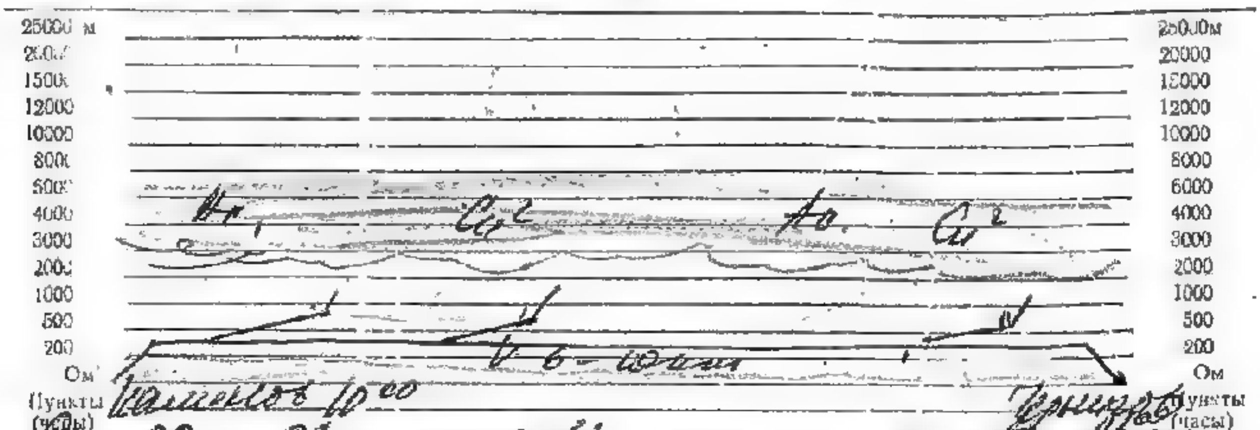
Обл. 6-9б средние выс. мощно-кучевые выс. 600-1000м. утром, в вод. видимость 6-10 км, ветер 90°-110°, 7-10, пор. до 15 м/с, темпер. 10-12°.

5. Орнитологическая обстановка по маршруту [району] полетов Перемещение стай и отдельных птиц до высоты 600м.

6. Прогноз погоды в пункте посадки от 10 час до 14 час. Обл. 6-9б средних, высоко-куч., выс. 1000-1500м, утром видимость 6-10 км ветер 80°-100° 4-7 м/с T=10-12°

7. Орнитологическая обстановка в пункте посадки Пролет до высоты 600м в различ. напр-ях.

8. Вертикальный разрез ожидаемого состояния атмосферы по маршруту (району):



9 час 00 мин. 27. апреля 1986 г. Дежурный синоптик ______ (подпись) Гриценко (фамилия)

Метеостановку изучил, бюллетень получил:
9 час. 10 мин. ______ (должность) 22672 (в/часть) м/а-м (звание) ______ (подпись) Воронов (фамилия)

В общем обычная работа, вот только полёт на этот раз был не совсем обычным. Каждый из нас, может быть, не столько понимал, сколько чувствовал это, и, наверное, поэтому у нас изредка возникали мелкие досадные эпизоды, которых в обычных условиях просто не бывает. Началось с того, что куда-то запропастились мои ларингофоны. Ну, а поскольку без них радисту, то есть мне, вести связь, особенно внешнюю, практически невозможно, пришлось позаимствовать их у борттехника, который вполне успешно общался с экипажем способом красноречивых жестов и громкого голоса.

А тут ещё одна досада: я всё не мог перестроить бортовую УКВ-радиостанцию на заданную волну. Второпях я забыл таблицу перевода частоты в набор толкателей запоминающего устройства радиостанции. И, как назло, не мог вспомнить формулу для такого пересчёта. Вертолёт, тем временем, на скорости 250 км/час выходил из зоны управления Львовской РДС, приближаясь к Ровенской РДС, и командир экипажа всё настойчивее тормошил меня: «Радист, радиостанцию перестроил?», а потом спрашивал штурмана: «Удаление позволяет установить связь?». – «Да-да, командир, должно быть уже слышно», – отвечал штурман. Следует

ВОРОНОВ
Александр Николаевич,
полковник, командир
экипажа Ми–6А

ЮРИКОВ
Виктор Тимофеевич,
подполковник, штурман
экипажа Ми–6А

ШАЛАШОВ
Виктор Фёдорович, капитан,
помощник командира
экипажа Ми–6А

САВЧУК
Николай Васильевич,
подполковник, бортовой
техник Ми–6А

отметить, если связь не удастся установить за пять минут до входа в зону ответственности управления следующей РДС, то придётся вернуться на аэродром вылета, а там, кроме позора, ожидать нечего. И тут уж, видимо, не избежать насмешек и напоминаний сослуживцев о том, как будущий Герой Советского Союза командир 2-й эскадрильи подполковник Райлян Александр Максимович как-то назвал меня, то ли в шутку, то ли всерьёз, лучшим из лучших начальников всех связей в ПрикВО.

Я даже вспотел, вспоминая эту проклятую формулу, но всё-таки вспомнил. Не знаю, как это объяснить с медицинской точки зрения, но от перенапряжения я несколько секунд после установления связи по направлению был как бы парализован, хотя всё слышал. Может, повлияло то, что я не поел после ночных полётов и утром до тревоги и полетел в командировку в общем-то голодным.

После посадки на аэродром Чернигов, куда, как оказалось, прибывала авиатехника со всего Советского Союза, в том числе с Каунаса и Александрии, нас перенацелили на запасной аэродром Городня, откуда потом и пришлось «работать по реактору». А тут ещё один казус – у штурмана не оказалось данных по запасному

аэродрому Городня (ни координат аэродрома, ни данных работы средств связи и радиотехнического обеспечения), так как карта готовилась в спешке в воздухе, и он просто не успел их нанести. Пришлось поблудить в течение 30-ти минут без связи. На общей командно-стартовой частоте всех аэродромов 124,000 МГц аэродром не отвечал, но сообща мы его нашли и благополучно приземлились. Старший штурман полка майор Юриков Виктор Тимофеевич, специалист первого класса, был очень опытный, прошедший Афганистан.

30 апреля проводилась предварительная подготовка к выполнению задачи. Руководил ею какой-то деловой полковник, прибывший с группой офицеров из Москвы. Они разъяснили нам обстановку, которая сложилась к этому времени на ЧАЭС, нарисовали схему расположения основных объектов в районе станции, пункты управления, манёвр захода на реактор. При этом добавили, что, возможно, мы и не потребуемся, поскольку пожарные уже потушили пламя в четвёртом реакторе, а сейчас вокруг него ведётся радиационная разведка вертолётом Ми-24 РХР с аэродрома Броды. Однако, это самое «возможно» оказалось напрасной надеждой.

КУЛЬЧИЦКИЙ
Орест Михайлович,
прапорщик, бортовой
механик Ми–6А

В ожидании команды мы укрепляли своё здоровье в спортгородке – играли в волейбол, загорали, получая радиацию от солнца и ... от реактора. Никто не обращал должного внимания на то, что дежурный по части докладывал каждое утро о значительном повышении радиационного фона, и на то, что часовой у штаба находился в средствах химзащиты, и даже на то, что местный радиоузел предупреждал жителей посёлка Городня, чтобы все колодцы с питьевой водой были закрыты. Некоторые члены нашего экипажа с удивлением заметили, что за пять дней, с 27 апреля по 1 мая, их индивидуальные дозиметры уже начали давать показания. На моём приборе стрелка стояла на нуле. Я всем говорил, что меня радиация не берёт, но это было не так.

По тревоге 2 мая в 3.00 московского времени наш экипаж был поднят и направлен в Чернигов. Здесь все экипажи проверялись, а вертолёты осматривались на предмет готовности лететь на реактор. В результате оказалось, что наш вертолёт к выполнению задачи не готов. Дело в том, что он не был оборудован приспособлением для сброса груза с внешней подвески в реактор. Нам пришлось пересесть на другой вертолёт, тоже из нашей части, но прилетевший на восемь часов позже и уже полностью оборудованный всем необходимым.

Экипаж уже начал расчехлять вертолёт, а бортовой техник по команде диспетчера пошёл набрать воды в канистры для дезактивации, но, как назло, в этот момент, с явно контрольной функцией, подошли два офицера из очередной комиссии из Москвы: полковник – председатель комиссии и подполковник – главный инженер по радио ВВС Киевского военного округа. Подполковник, проверив вместе со мной исправность бортового связного и радионавигационного оборудования вертолёта, правильность настройки командной радиостанции на частоту управления авиацией в районе реактора, остался доволен. А полковник, внимательно всё осмотрев и проверив, обратился к нам с грозным вопросом о том, почему не заполнен бортовой журнал подготовки вертолёта. Мы попытались объяснить ему, что это всего лишь дело времени и что журнал обязательно будет заполнен, но безрезультатно. Я не знаю, как сложилась дальнейшая судьба этого принципиального полков-

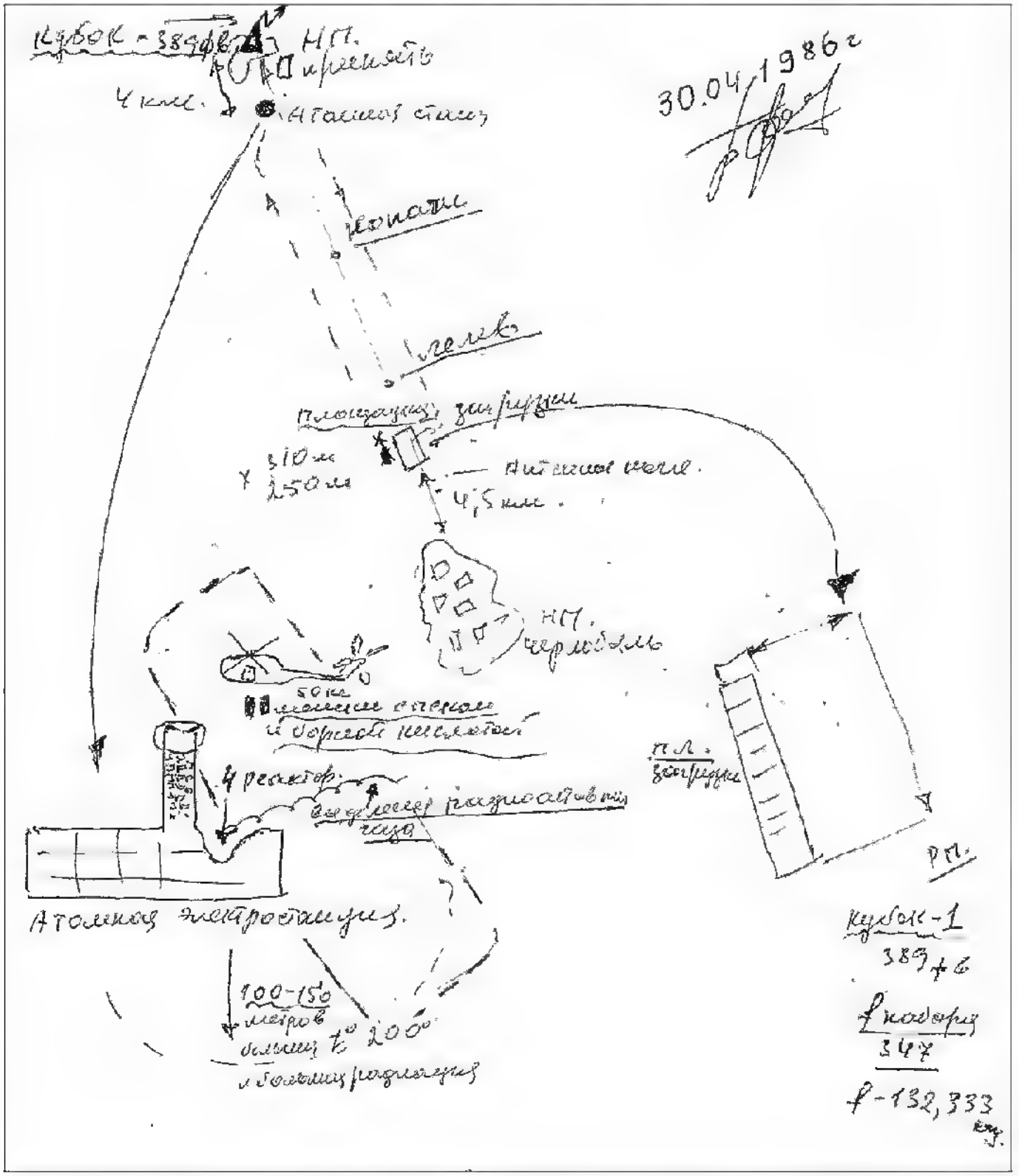


Схема расположения основных объектов в районе атомной электростанции – свидетельство тех дней

ника и до каких высот он дошёл в своей служебной карьере, но иногда, вспоминая те напряжённые мгновения, я невольно задаю себе вопрос: а какие же мысли теснились в голове у этого человека? Наверное, многие, кроме одной – об ответственности за судьбу экипажа, который готовится к выполнению слож-

нейшего задания. Иначе как можно расценить его фразу: «Вы разобьётесь над реактором, и чёрт с вами, а мне выговор объявят. Сейчас позвоню в Москву, чтобы вас отстранили от выполнения правительственного задания». Угроза показалась нам нешуточной, и поэтому мы удвоили усилия своих убеждений. В конце концов его всё же уговорили и убедили в том, что всё будет нормально, что наш экипаж из состава управления полка и поэтому просто не может допустить каких-либо оплошностей при подготовке к вылету. Однако на этом неожиданности не закончились. Перед вылетом на площадку Малейки к нам в экипаж определили ещё одного человека – подполковника, военного корреспондента газеты «Красная Звезда» из Москвы, который должен был следить за морально-психологическим состоянием нашего экипажа.

Трудно сказать, как он определял и в каких единицах измерял это самое состояние, но мы благодарны были за то, что во время полётов на задание он старался не привлекать наше внимание и не вмешивался в действия экипажа. Вполне возможно, что такова была тактика его действий, он не мешал нам работать.

На площадке дезактивации Малейки, в отличие от других аэродромов, чувствовалось какое-то особое напряжение. Эта площадка располагалась в 50-ти километрах восточнее Чернобыля и порядка 55-ти километров юго-восточнее реактора. Здесь был палаточный городок для обслуживающего персонала. Рядом находились спецмашины для дегазации и дезактивации вертолётов, прибывших из зоны, а метров за двести от палаточного городка был оборудован душ для помывки личного состава и имелись места для складирования заражённых комбинезонов и выдачи чистых. Командир экипажа приказал сложить в палатке все личные вещи, карты и аэронавигационные документы, штурманские портфели и другое снаряжение. Он получил указание свыше оставить всё это имущество на земле, чтобы не подвергать его лишний раз сильному радиационному воздействию над реактором. Оставлять имущество без охраны нельзя было, и командир сначала хотел поручить это бортмеханику, но передумал и, нарушая инструкцию экипажа вертолёта, оставил меня. Конечно, мне очень не хотелось,

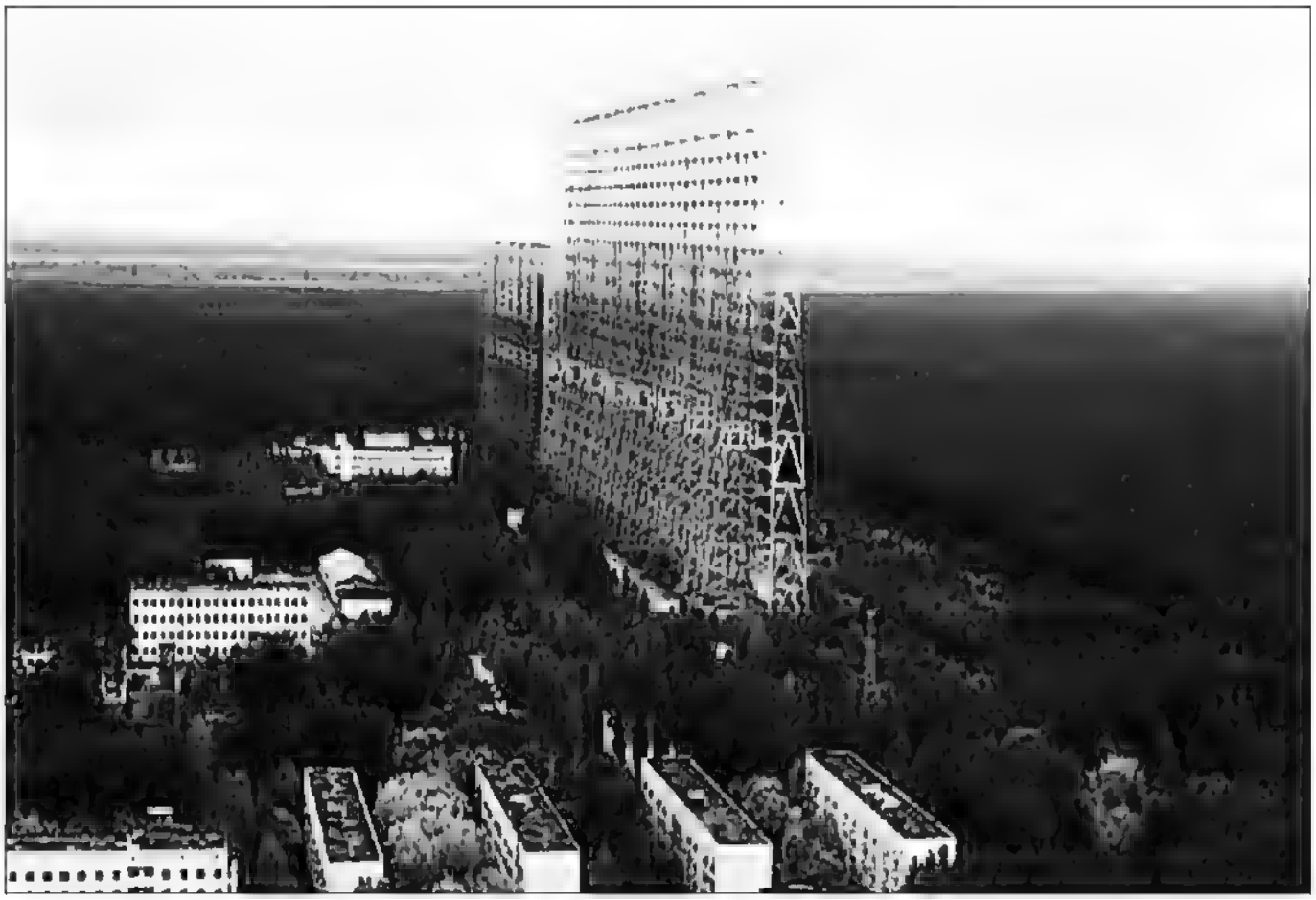
чтобы экипаж улетал без меня. Однако командир понимал, что во время работы с грузом на внешней подвеске присутствие на борту бортмеханика более необходимо, чем моё; хотя бы потому, что у меня не было допуска к такой работе с грузом. Перед вылетом я ещё раз проверил настройку бортовой радиостанции Р-832М на фиксированную волну 389, на которой осуществлялось руководство полётами на площадке загрузки «Кубок-1» и с командного пункта «Кубок», разместившегося на крыше гостиницы в г. Припять, рассказал и показал борттехнику порядок работы с аппаратурой связи в кабине, с рабочего места бортрадиста. Поскольку борттехник был уже достаточно опытным специалистом, а перестраивать бортовые УКВ и КВ-радиостанции не требовалось, сомнений в том, что он справится, у меня не возникало. И всё же чувство беспокойства не покидало, потому что один важный вопрос оставался открытым: в полёте некому было следить за уровнем радиации, так как рентгенометр ДП-3Б установлен был только у бортрадиста. Но иного выхода не было, и вскоре вертолёт взлетел, направляясь на площадку загрузки «Кубок-1». Вот уж действительно нет ничего хуже в подобной ситуации, чем ждать. Однако скучать мне пришлось недолго. На площадку время от времени садились отработавшие в зоне вертолёты для радиационного контроля и дезактивации. Вскоре ко мне подошёл майор Александр Симаков, начальник химической службы десантно-штурмовой бригады, дислоцировавшейся в Хырове (39-я ОДШБр, Львовская область), которого я знал по совместным учениям и учебно-тренировочным прыжкам с парашютом. Он попросил мой индивидуальный дозиметр ДКП-50А и долго с нескрываемым недоумением смотрел на его показания. Вернее, показаний никаких не было, что и удивило майора. В результате тщательной проверки выяснилось, что дозиметр просто-напросто не заряжен, поэтому прибор добросовестно показывал отсутствие даже ничтожного уровня радиации. Майор выдал мне другой дозиметр из своего комплекта, который оказался вполне исправным, пошутил: «Выставляю тебе по блату для развода один рентген по прибору, остальные наберёшь над реактором». Потом, пригласив меня на обед, угостил жирной тихоокеанской селёдкой и картошкой, сваренной «в мундире». Вскоре подъе-

хала передвижная автолавка, и мы всё это запили газированной водой. К концу дня мой индивидуальный дозиметр ДКП-50А показывал уже более трёх рентген, а уровень загрязнения радиоактивной пылью моей обуви и комбинезона составил, по измерениям химика-дозиметриста, 25 -30 миллирентген/час. Тогда я ещё подумал о том, что если уж здесь, на значительном расстоянии от центра катастрофы, такой уровень, то что же творится там, где сейчас находился мой экипаж?! Примерно такой вопрос я и задал, когда вертолёт приземлился на площадку для радиационного контрольного обследования и дезактивации. Не знал тогда, что пройдёт несколько часов и я получу исчерпывающие ответы на все свои высказанные и невысказанные вопросы. К своему удивлению и стыду за экипаж, я понял, что никто из них не умел пользоваться и не пользовался ДП-3Б в полёте. После дозиметрического контроля и специальной обработки мы улетели на аэродром Городня.

Третьего мая, оставив всё своё имущество в казарме на аэродроме Городня под специально организованной охраной, переоделись в подменные комбинезоны и вылетели на площадку загрузки «Кубок-1». При подлёте к населённому пункту Чернобыль руководитель полётов дал команду взять курс правее, чтобы обойти огромную антенну РЛС*. Если то, что творилось в то время под Чернобылем, сравнить с военной операцией, то площадку можно было смело назвать рубежом развёртывания для атаки или наступления. Размером 250 на 310 метров, она располагалась примерно в 10-ти километрах юго-западнее реактора и могла вместить до 12-ти вертолётов Ми-6 и Ми-8, а в 4,5 километрах юго-западнее от неё находился г. Чернобыль.

Когда после посадки мы вышли из вертолёта, я был ошеломлён происходящим вокруг непрерывным движением. На площадку нескончаемой чередой подходили тяжёлые КраЗы. Что-то необычное в них привлекло моё внимание. На первый взгляд машины выглядели пустыми, хотя их двига-

* Между с. Копачи и с. Диброва располагалось антенное поле загоризонтной радиолокационной станции «Дуга-1» высотой до 150-ти метров, протяжённостью до 800 метров, задачей которого было обнаружение пусков МБР с территорий Европы и США. Станция запитывалась от 4-го энергоблока ЧАЭС.



Радиолокационная станция «Дуга-1»

тели работали с явной нагрузкой. Потом выяснилось, что они подвозили свинцовые листы и тяжёлые свинцовые болванки, по 50–60 килограммов каждая, и сваливали их недалеко от вертолётов. Рядом с болванками лежала целая груда новых парашютов. Я ещё подумал, зачем тут парашюты. Но назначение их узнал чуть позже. С северной стороны площадки проходила дорога, по которой в сторону ЧАЭС непрерывно двигалась техника для работы в зоне: бронемашины, краны, автобусы с ликвидаторами, одетыми в средства индивидуальной защиты. С площадки один за другим взлетали вертолёты и уходили в сторону станции. Возвратившиеся с задания, они обследовались химиком-дозиметристом на площадке загрузки на предмет радиационного загрязнения, а также записывались показания индивидуальных дозиметров членов лётных экипажей. При загрязнении вертолётов более 200 миллирентген/час они отправлялись для спецобработки на площадку Малейки, а на их место заруливали прилетевшие с площадки дезактивации.

Made in Spain
Made in Spain
Made in Spain
Made in Spain
Apr. 06.

При подлёте к площадке невольно бросалось в глаза и другое: некогда кипевшая в этих краях жизнь остановилась. Казалось, всё вымерло. Стояли брошенные в поле трактора, так и не окончив пахотные и посевные работы. Лишь единственный раз я увидел старушку, которая шла через площадку по направлению к своему дому, и спросил её: «Куда вы, бабуля, там же кругом радиация?!». А она мне говорит: «Мне 77 лет, терять нечего, а дома скотина некормленая, куры голодные». – И пошла дальше. Со стороны реактора иногда доносился странный запах, напоминавший запах то ли пластмассы, то ли горелой резины. Мне объяснили, что так пахнет горелый графит.

Нам, как и другим экипажам, предстояло взять груз свинца на внешнюю подвеску, взлететь, на безопасной высоте подойти к разрушенному реактору и сбросить свинцовые болванки в образовавшийся от взрыва пролом. Перед вылетом каждому из нас выдали противоатомные очки, а для защиты от радиационного излучения на сиденья членов экипажа сверху парашютов положили свинцовые листы толщиной 5 миллиметров; такие же листы положили и в проходе между рабочими местами членов экипажа.

Для уменьшения последствий воздействия больших доз радиации нам выдали таблетки цистамина, которые следовало принимать в определённой последовательности: две таблетки за 40 минут до вылета, две таблетки во время полёта на реактор и две после полётов на реактор. Из средств индивидуальной защиты у нас были респираторы и химчулки. В общем, меры защиты принимались, на первый взгляд, существенные, но из всего комплекта защитных средств нас больше всего насторожили эксклюзивные противоатомные очки, предназначенные для защиты глаз при ядерной вспышке. Очки такого назначения (как известно из кинохроники) надевали американские лётчики бомбардировщиков Б-29 перед сбросом атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки в 1945 году*. А нам же предстояло в таких же очках лететь к разрушенному четвёртому блоку АЭС для предотвращения возможного ядерного взрыва!

* Сброшенная 6 августа атомная бомба эквивалентом 18 Кт тротила привела к мгновенной гибели 66-ти тыс. человек; 9 августа бомба эквивалентом 20 Кт уничтожила 39 тыс. человек.

Сразу же вспомнились занятия по защите от оружия массового поражения. В одном из полков, где довелось служить, начальник химической службы занятия начинал загадочной фразой: «При атомном взрыве бетон плавится, железо плавится и лётчик может получить ожоги». Мы тогда иронически посмеивались и шутили, что иначе и не может быть, потому что советский лётчик – это кремень, и при атомном взрыве, в отличие от расплавленного железа, он может получить всего лишь ожоги. Но сейчас было не до шуток. Если нам выдали специальные очки, значит кто-то где-то не исключал возможности ядерного взрыва, который может произойти в любой момент. Ведь предвидеть поведение аварийного реактора, загруженного 180 тоннами ядерного топлива, с выведенной из строя охладительной системой, было невозможно. Температура внутри реактора быстро повышалась. И, как объяснял начхим, была такая версия, что в расплавленном ядерном горючем могли появиться надкритические массы изотопов, в которых из-за большого давления внутри реактора могла возникнуть саморазвивающаяся цепная ядерная реакция*. Критическая масса, к примеру, для урана 235, как мы знаем, составляет 40 -60 килограмм, для плутония 239 – 10–20, для урана 233 - примерно один килограмм. Смогут ли тогда эти очки помочь нам, если вертолёт будет находиться в нескольких сотнях метров от эпицентра взрыва?!

Необычность обстановки вокруг нас, нервное напряжение от неопределённости относительно прогнозов дальнейшего поведения разрушенного реактора, проникающая радиация несли в себе затаённую реальную опасность, вызывая прилив адреналина в кровь, влияя на наше поведение и психику, повышая физическую и умственную активность. Наш мозг работал как никогда ясно и чётко. С чувством обречённости мы сознавали, что, жертвуя собой, будем спасать других. Но, видимо, так уж устроен человек, что его неудержимо привлекает всё новое и неизведанное. Наверное, благодаря именно этому

* По прогнозу ведущего специалиста страны в области баллистических ракет В. Нестеренко, если бы лопнула плита под активной зоной реактора, на которой стоит станция, и 1400 кг расплавленной топливной массы из урана и графита (при t 2000 °С) коснулись воды на дне под реактором, то произошёл бы ядерный взрыв мощностью 3–5 мегатонн (док. фильм «Битва за Чернобыль»).

В проходе между членами экипажа вертолёта Ми-6А защита – свинцовые листы

исследовательскому стремлению на планете всё меньше остаётся «белых» пятен. Тогда, конечно, был не совсем подходящий момент для исследований, но мне очень хотелось узнать и взглянуть на то, ради чего здесь собрались сотни людей, в том числе и мы.

Иногда казалось, что всё это происходит во сне и что мы участвуем в каком-то небывалом научном эксперименте, на какой-то планете, хотя под нами лежала обыкновенная земная трава, вдали зеленели обыкновенные земные деревья, а в небе светило земное солнце*.

Однако беспокойные мысли не мешали экипажу в обычном деловом режиме готовиться к очередному вылету. После нашего доклада о готовности руководитель полётов на площадке «Кубок-1», наконец, разрешил нам взлёт. Вертолёт тяжело оторвался от земли и стал медленно, как бы осторожно, набирать высоту и скорость. При пилотировании вертолёта с грузом на внешней подвеске требуется мастерство особо высокого уровня, поскольку ни в коем случае нельзя допустить раскачивания груза. Если же такое происходит, то обычно выполняется его аварийный сброс, так как раскачивающийся груз угрожает катастрофой вертолёту. Но наш командир справлялся со своей задачей блестяще. Впрочем, не легко приходилось в это время и штурману. Дело в том, что подобная задача, то есть прицельный сброс груза с внешней подвески, выполнялась на вертолёте Ми-6 впервые в практике вертолётной авиации, по крайней мере, отечественной. До этого никто этим не занимался, проверенной методики не существовало, поэтому сразу же возник вопрос о том, какие же известные принципы прицеливания применить в данном случае для повышения точности сброса. Принципы баллистики и бомбометания? Но у груза не было самого главного для этого параметра – характеристического времени. Принципы десантирования? Но в этом случае у груза отсутствовал парашют. В общем, ни один из известных и хорошо освоенных методов не годился. Да и вертолёт, к тому же, не был оборудован соответствующими прицела-

* К сожалению, фотоплёнки с кадрами нашей работы на площадке загрузки ЧАЭС были изъяты сотрудниками особого отдела.

ми. И тем не менее, методом проб и расчётов (обычно говорят «проб и ошибок», но это был не тот случай, когда можно было допускать такую «роскошь», как ошибки) способ был найден. Наш экипаж практически первым освоил разработанную методику прицельного сброса, и через некоторое время мы, уже в качестве инструкторов, обучали другой экипаж. Для этого брали на борт командира экипажа майора Сенченко Владимира Викторовича и помощника командира старшего лейтенанта Леонтьева Александра Юрьевича и организовывали вывозные полёты на реактор с объяснением всех деталей и особенностей работы в воздухе. Но это было потом, а сейчас наш вертолёт, рассекая несущим винтом раскалённый и ионизированный от радиации воздух, шёл курсом на цель, на четвёртый энергоблок, шёл прямо в ад!

В воздухе стояла дымка, ограничивая видимость, поэтому энергоблок хорошо наблюдался только с расстояния где-то 5–6 километров. Из разрушенного реактора тянулся сизоватый шлейф. Ветер дул нам навстречу. Внутреннее напряжение нарастало с каждым метром приближения к цели. Непривычно холодила свинцовая прокладка на чашке сиденья, сверху парашюта, предохранявшая от радиации. С тревогой в душе я включил бортовой рентгенометр ДП-3Б. Сначала стрелка прибора стояла неподвижно на нуле. «Слава богу! – промелькнула шальная мысль в голове. – Вот так бы до самого реактора! А может быть, опасения напрасны и высота полёта над реактором способствовала существенному ослаблению радиационного излучения?». Но мои радужные предположения оказались напрасными – при подлёте к реактору, метров за 800–900 стрелка ожила и вдруг резко пошла вправо, остановившись на пределе первого поддиапазона. Вертолёт шёл прямо в радиоактивном шлейфе, хватая смертоносные рентгены всей своей немалой поверхностью. Я подумал, нельзя ли лететь хотя бы немного в стороне от этого шлейфа, но штурман потом объяснил мне, что иначе нельзя, потому что полёт строго против ветра максимально снижает путевую скорость, за счёт которой повышается точность сброса груза. Тревожное чувство нарастало. Стрелка дозиметрического прибора неумолимо и зловеще

ползла всё дальше, уверенно прошла второй поддиапазон и лишь на третьем остановилась возле отметки 250 р/час. Я автоматически умножил на 10, как требовала инструкция по применению прибора, и слова доклада командиру застряли у меня в горле. Получалось, что уровень радиации в шлейфе, сквозь который мы летели, составлял 2500 р/час. Впрочем, хорошо что не доложил, потому что через несколько секунд, немного успокоившись, я вспомнил, что третий поддиапазон – прямо показывающий и, в отличие от первого и второго, не требует десятикратного увеличения показаний. В общем получалось, что уровень радиации составлял «всего» 220–250 р/час.

Ещё со школьной скамьи мы знаем, что радиация не имеет ни цвета, ни вкуса, ни запаха. Но когда своими глазами видишь стрелку прибора, беспристрастно указывающую на то, что через тебя проходит мощный поток радиоактивного излучения, в десятки миллионов раз превышающий допустимые нормы, разрушающий все живые клетки, здесь уже не до вкуса и запаха. Сознание парализуется, каждая секунда растягивается до вечности и кажется – ещё чуть-чуть и ты вспыхнешь и сгоришь, как спичка. Было такое чувство, что вместе с радиоактивным потоком из тебя стремительно уходит

СЕНЧЕНКО
Владимир Викторович,
майор, командир 2-го
экипажа Ми-6А

ЛЕОНТЬЕВ
Александр Юрьевич,
старший лейтенант,
помощник командира 2-го
экипажа Ми-6А

жизнь. Честно признаюсь: в это время хотелось выпрыгнуть из вертолёта, побежать назад, но это было невозможно.

Наконец, настал момент, когда можно было удовлетворить своё исследовательское любопытство. Я посмотрел в иллюминатор и увидел бесформенный разлом разрушенного реактора. Он показался мне огромной пастью какого-то сказочного, свирепого огнедышащего дракона. Эх, знал бы тот дракон, что все его огнедышащие способности, перед которыми робели самые стойкие и смелые герои-богатыри, всего лишь комариный укус по сравнению с чудовищным радиоактивным потоком, беспрепятственно вырывающимся из реактора и неумолимо растекающимся на огромных территориях. Для того и летели мы сейчас в самое пекло со свинцовым грузом под брюхом вертолёта, чтобы воспрепятствовать этому потоку. Всего лишь каких-то полчаса назад мы, то есть я, бортмеханик и помогавшие нам так называемые «партизаны» – запасники, тщательно упаковали этот груз и подготовили к применению. Подготовка заключалась в том, чтобы несколько десятков свинцовых 50-ти и 60-килограммовых болванок каким-то образом соединить во что-то единое, целое. Сначала мы попытались загружать свинец в купола парашютов (вот зачем потребовались они), но ткань рвалась, не выдерживая свинцовой тяжести. Тогда решили резать стропы парашютов и подвязывать на каждую по две свинцовые болванки. В конечном итоге получалась внушительная «гроздь» весом 3,5 тонны*, которая через несколько мгновений сорвётся с вертолёта и полетит вниз.

Действия экипажа в эти мгновения напоминали работу тщательно отрегулированного надёжного механизма. Командир, убедившись, что выполнению задачи ничего не препятствует, коротко докладывает руководителю полётов: «Выход на боевой, к работе готов».

Начинается самый ответственный участок полёта, потому что к точке сброса нужно подойти на предельной минимальной скорости. Сделать это на тяжёлом многотонном вертолёте не так-то просто. Стараясь погасить скорость, ко-

* Вес свинцовой подвески увеличивали с каждым заходом на реактор с 3,5 до 8 тонн по мере выработки топлива.

Арт. 06.

мандир плавно берёт ручку управления «на себя» и одновременно, действуя рычагом «шаг-газ», не допускает проседания машины и потери высоты.

Вертолёт, хватая мощными лопастями смертоносный воздух, отчаянно балансирует на тончайшей грани между падением и последними остатками эволюционной скорости. Каким образом и каким чувством командир улавливает эту грань, он, пожалуй, и сам не знает. Просто знает, что переходить за эту грань нельзя, нельзя потерять обороты несущего винта, иначе вертолёт упадёт. Конечно, груз при этом попадёт по назначению, но только вместе с экипажем, а допустить этого нельзя ни в коем случае.

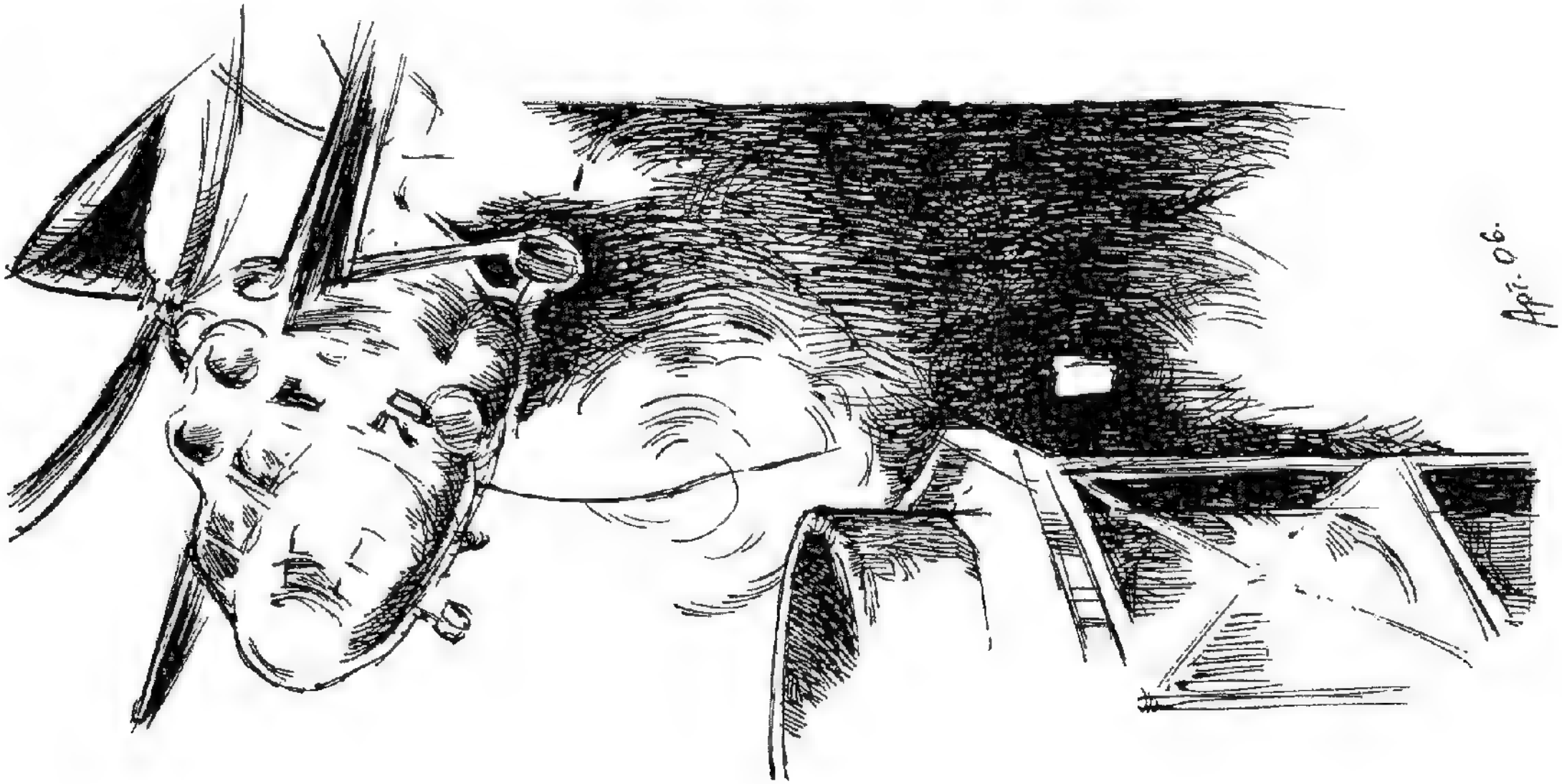
От напряжения вертолёт начинает дрожать, словно в лихорадке. Носовая часть, задираясь всё выше, закрывает обзор командиру, и он выдерживает направление полёта на цель по командам штурмана. Штурману же, чтобы выполнить максимально точное наведение, приходится вставать со своего рабочего места, отрываясь от спасительного свинца и получая повышенную дозу радиации. В эти минуты экипаж напряжён до предела, особенно командир. Он чувствует, как пот между лопатками буквально течёт, но отвлекаться нельзя ни на секунду.

Вот и цель. Ми-6 входит в зону раскалённого воздуха над эпицентром и проседает на 20–30 м*. Штурман в определённое и только ему известное мгновение подаёт команду: «Сброс!»**. Командир экипажа нажимает кнопку отключения электрозахвата – груз летит точно в жерло реактора. Бортмеханик по СПУ докладывает командиру о нормальной отцепке груза. Свинец, плавясь, растекался между стержнями ТВЭЛов, кипел, поглощая их температуру, а также вбирая часть радиации, препятствуя тем самым разгону реактора и возможности ядерного взрыва***.

* Разряжённый от высокой температуры воздух над реактором резко уменьшал подъёмную силу вертолёта.

** Вначале команду на сброс груза давал штурман, но после команду стал давать руководитель полётов, находившийся на крыше гостиницы «Полесье» г. Припять.

*** Вследствие перекрытия выхода смертоносных выбросов и их блокировки температура реактора и выбросы радиации уменьшились с 3500 р/час 2–3 мая 1986 г. до 60–70 р/час 6 мая.



Apr. 06.

Над самим реактором стрелка рентгенометра резко ушла вправо и легла на упор шкалы прибора, зашкаливая предельное значение – 500 рентген в час. Казалось, она даже прогнулась от желания двигаться дальше. В кабине сильно запахло озоном, во рту появился металлический привкус. В наушниках слышалось сильное гудение, стрелки магнитных компасов КИ-13 у лётчика и штурмана «отплясывали» какой-то странный танец. Они то быстро увеличивали, то уменьшали показания, а то даже поворачивались вокруг своей оси, как якоря электродвигателей. Всё это происходило, видимо, под воздействием магнитного поля, образованного вокруг реактора мощным потоком элементарных частиц, и, взаимодействуя с магнитным полем земли, появилась такая магнитная аномалия. В ступнях ног ощущалось лёгкое покалывание, как будто через них протекал слабый ток, электронные часы назойливо пикали, а меня почему-то подташнивало.

Сбросив груз, экипаж облегчённо вздыхает. И в общем-то неизвестно, кому или чему сейчас легче в большей степени: вертолёту, избавившемуся от почти четырехтонного груза, или экипажу, который наконец-то оставил позади ядерную «печку».

Кульминация полёта прошла, машина хорошо поддаётся управлению. Мы уже стараемся как можно быстрее уйти из смертельной зоны. После пролёта над реактором в наушниках резко наступила тишина, стрелка ДП-3Б упала до нуля, а нервное напряжение, сопровождавшее нас с момента взлёта, немного спало. Наблюдающий на вертолёте Ми-26, который висел где-то метрах в восьмистах от реактора и чуть правее курса нашего полёта, похвалил нас за точный сброс. От руководителя полётов мы также слышали похвалу: «Молодец, семидесятка, точно в цель!». Мы выполнили правый разворот и пошли на площадку загрузки.

Вкус свинца и гари на губах, жара в кабине вертолёта – всё это сопровождало наш экипаж в течение двух дней. Что такое два дня? На первый взгляд – пустяки, но в тех условиях каждый день растягивался до неимоверных размеров. Двух дней вполне хватало для того, чтобы любой работавший там экипаж в совершенстве освоил методику никогда ранее не выполняемой задачи прицельного сброса груза с внешней подвески

вертолёта, пусть даже эта методика и не отличалась особой сложностью. Прицельный сброс осуществлялся на скорости 140 км/ч по прибору, с высоты 200 метров, так как вытяжная труба рядом с реактором в 150 метров не давала возможности работать с меньшей высоты. Конечно, если наблюдать вертолёт на этой высоте с земли, то кажется, что это совсем рядом. Иное дело в воздухе. Сверху небольшой разлом, в который необходимо с предельной точностью сбросить закреплённый на тросе груз, представляет собой довольно сложную цель. К тому же, время на заход, прицеливание и сброс мы старались свести к минимуму, потому что каждая лишняя секунда над целью означала дополнительную дозу облучения, полученную нами. В общем, задача не из лёгких.

Заход на цель выполнялся строго против ветра. При этом экипаж попадал в самый активный радиационный поток, но зато путевая скорость, особенно при сильных порывах ветра, снижалась до 60–70 км/ч, что способствовало точности сброса.

При этом из членов экипажа в самых невыгодных условиях оказывался штурман в своей полностью остеклённой носовой кабине, которая практически ничем не защищала от излучения. Наш командир экипажа после выпол-

ВЛАСЕНКО
Владимир Васильевич,
старший лейтенант,
штурман 2–го экипажа
Ми–6А

Свинцовая защита штурманского места в вертолёте Ми-6А

Рабочее место командира экипажа Ми-6А

нения нескольких полётов на реактор даже шёл на то, что иногда оставлял штурмана на земле, чтобы хоть как-то снизить для него дозу облучения, сохраняя ему здоровье*.

Власенко рассказывает: «Свинцовый лист размером примерно метр на полтора не помещался в кабину штурмана, поэтому его надо было сначала согнуть. А в кабине он ложился на сиденье и закрывал часть люка, где

* 2–3 мая по решению командира обязанности штурмана экипажа выполнял ст. лейтенант Власенко Владимир Васильевич, а майор Юриков Виктор Тимофеевич летал с последующим экипажем майора Сенченко Владимира Викторовича.

установлен лафет пулемёта. Другие члены экипажа клали лист на чашку сиденья, сверху парашюта. Свинец также прикрывал спину лётчика, только ноги оставались незащищёнными. Припоминается, позже кто-то из членов экипажа говорил, что кожа на ступнях немного слезла, как от солнечного ожога».

Некоторые экипажи, стараясь попасть под меньшее влияние радиации, пытались обойти шлейф, тянущийся из реактора, заходя на цель как бы сбоку. Но из-за этого страдала точность попадания. Наш командир, наблюдая, как «корячится» впереди летящий вертолёт, возмущался в таких случаях, выражая своё негодование словами: «Ну что он делает?!». Моей задачей в воздухе было следить за уровнем радиации и докладывать об этом командиру экипажа, а он информировал руководителя полётов и экипажи, находящиеся в воздухе. Когда уровень радиации резко повышался, наш вертолётный конвейер по команде руководителя полётов садился на площадку до уменьшения выбросов из реактора. Я по своей натуре – исследователь, поэтому в одном из заходов на реактор решил узнать, во сколько раз обшивка вертолёта и свинцовая защита уменьшают мощность радиационного облучения. Для этого взял свой карманный дозиметр ДКП-50 и прикрепил его контровочной проволокой в отверстии люка для внешней подвески. В результате после пролёта через реактор его показания и показания карманных дозиметров членов экипажа оказались одинаковыми, хотя вообще-то я ожидал, что с учётом защитных свойств обшивки вертолёта показания будут различаться. Но если показания одинаковы, то значит, что защитные свойства обшивки или предельно минимальны, или их нет вообще?! Хотя по ТТД обшивка вертолёта должна ослаблять уровень радиации в 1,5 раза. Видимо, из всего спектра радиоактивного излучения нейтронное было преобладающим. Максимальная защита от него — экран из элементов с малыми атомными номерами (вода, парафин, полиэтилен, бетон и другие материалы, содержащие большое количество атомов водорода). Второй слой экрана, задерживающий медленные нейтроны – из атомов бора, а третий – из свинца, задерживающий возникающее гамма-излучение. На нашем вертолёте Ми-6А была только свинцовая защита.

В перерыве между полётами я и майор Сенченко решили сбегать в лесную посадку по нужде. И только мы «расчехлились», и наши взгляды устремились вверх, в небо - вдруг услышали шум и хлопанье винтов вертолёта. Прямо над нами завис Ми-6А на высоте примерно 30 -40 метров, с раскачивающимся грузом свинца на внешней подвеске, собиравшийся лететь на реактор. Вероятно, резкий порыв ветра раскачал вертолёт и груз. От увиденного мы застыли, как статуи, понимая, что экипажу в этом случае, согласно инструкции, необходимо сбросить груз, иначе – неизбежная катастрофа вертолёта. Но внизу-то – мы! Если груз упадёт, от нас останется мокрое место.

Каким-то образом (скорее - чудом) командир Ми-6А всё же мастерски выровнял машину и произвёл посадку вблизи. Вскоре к нам устремился ошалелый бортовой механик, ругаясь и крутя пальцем у виска: «Вы что, сдурели?! Вам повезло, что через люк внешней подвески я вас увидел и сообщил командиру, а то сбросили бы пять тонн свинца на вас». Но, видимо, мы родились в рубашках.

Одним словом, неожиданностей хватало. Неоднократно возникали проблемы с ведением связи. Началось с того, что из-за несоответствия дискретных сеток частот бортовых радиостанций (Р-832М на вертолётах Ми-6А с сеткой частот 50/83,3 КГц, Р-860 на Ми-8 с сеткой частот 83,3 КГц и радиостанции Р-809М2 у руководителя полётов с сеткой частот 25 КГц) наблюдался хрип при ведении радиообмена, что было недопустимо. Так как частота управления полётами f – 132,333 МГц, что соответствует 389 фиксированной волне, не на всех радиостанциях точно настраивалась из-за разных дискретных сеток радиостанций.

Во время очередной загрузки внешней подвески ко мне подошёл бортовой радист экипажа Ми-6А из Александрийского полка с письменным распоряжением от начальника связи эскадрильи на подстройку бортовой радиостанции Р-832М по предлагаемому набору толкателей запоминающего устройства. Цель: улучшение сопряжения по частоте с радиостанци-

ей руководителя полётов Р-809М2, а в итоге улучшение качества связи.

Я внимательно всё просмотрел и заметил, что на своём борту радиостанцию уже подстроил и проблем с качеством связи у нас нет. К тому же, моя подстройка запоминающего устройства радиостанции более точная. И как старший начальник дал указание на подстройку радиостанций на вертолётах Ми-6 по моей версии.

Ближе к вечеру 3 мая мы получили задание сделать ещё один, то есть для меня четвёртый за этот день, вылет на реактор, после чего сесть на площадку дезактивации Малейки и готовиться к перелёту домой. Это означало, что вылетов на реактор для нас больше не будет и поэтому принялись за подготовку вертолёта и упаковку груза с удвоенной энергией. Каждый из нас (чего греха таить!) в душе стремился как можно быстрее вырваться из этого ада. Можно сказать, что у нас в эти минуты было слегка приподнятое настроение. Этот полёт на реактор я выполнил без свинцовой защиты, так как борттехник, пока я загружал внешнюю подвеску, снял свинцовый лист с моего сиденья и загнул вокруг чисто мужской части своего тела. Видите ли, он почувствовал покалывание «туда», находясь над реактором, и решил защититься вдвойне. А когда дали команду на взлёт, то времени взять новый лист свинца у меня уже не было. Пришлось, так сказать, лететь налегке.

Во время полёта невольно напомнил о себе уже основательно забытый нами подполковник, который наблюдал и оценивал морально-психологическое состояние. Фотографировал членов экипажа, работы по загрузке вертолёта. Правда, до этого он проводил свои наблюдения с земли, оставаясь на площадке загрузки, но на этот раз ему пришлось лететь с нами, потому что после вылета мы уходили на другую площадку. Ему явно не хотелось лететь через реактор, но мы его успокоили, усадили в самое, по нашему представлению, защищённое место (в проходе между правым и левым пилотами), и не столько для физической защиты, сколько для

морального успокоения дали ему новый противогаз. И в общем-то он вёл себя спокойно и достойно, пока мы не подошли к цели. Минуты за две до сброса он, по моей команде, надел противогаз, и тут его поведение резко изменилось. Он вдруг забеспокоился, замотал головой и замахал руками. Я сначала подумал: «Ну, разве можно так нервничать?», но потом обратил внимание на то, что его противогаз то надувается, то прилипает к лицу, и сразу всё понял. Просто подполковник, то ли по неопытности, то ли от растерянности, забыл снять герметическую заглушку из фильтрующей коробки, из-за чего и возникла подобная нештатная ситуация. Пришлось помочь подполковнику, за что он был искренне благодарен.

После выполнения задачи мы приземлились на площадке дезактивации Малейки. За всё время пребывания выполнили 14 полётов на реактор, сбросили более 70-ти тонн груза* и получили дозы облучения по 24 рентгена. Это была норма облучения для лётного состава, а для наземного технического персонала она составляла на тот период 50 рентген. И вертолёт, и мы, как ожидали, должны были подвергнуться тщательной специальной обработке. Но таковой не получилось, хотя всё начиналось многообещающе.

После посадки к вертолёту на спецавтомобиле АРС, под заглушку наполненном дезраствором, подъехали начальник химической службы Киевского военного округа с двумя канистрами спирта для внутренней дезактивации кабины вертолёта и химик-дозиметрист со своими приборами. Дозиметрист проверил уровень радиационного загрязнения на внешней обшивке и внутри вертолёта. К нашему удивлению, уровень, по его словам, оказался опять в норме: 200 млр/час на внешней части фюзеляжа и 50 млр/час в кабине. Начхим, услыхав

* С целью создания барьеров на пути выбросов из разрушенного энергоблока было принято решение о его изоляции от окружающей среды различными материалами. Вертолётными подразделениями армейской авиации с 27 апреля по 10 мая 1986 года было сброшено на разрушенный блок около 5 тысяч тонн различных материалов, в том числе 40 тонн соединений бора (эффективного поглотителя нейтронов), 600 тонн доломита и 1800 тонн глины и песка. Около 2400 тонн свинца должно было принять на себя выделяющееся тепло, препятствуя тем самым перемещению расплавленного топлива под фундамент реактора.

слово «норма», подозрительно проворно отвернулся, и мы поняли, что канистры сейчас исчезнут вместе с ним навсегда. Это нам не понравилось, и мы открытым текстом намекнули ему, что в спиртовой обработке после таких полётов нуждается не только нутро вертолёта, но и внутренности членов экипажа. Увы, не подействовало. Спирта мы так и не получили; впрочем, особо и не настаивали. Я только попросил начхима, чтобы он распорядился промыть хотя бы лобовые стёкла вертолёта, залепленные мошкарой (в обязанности бортрадиста входило следить за чистотой лобовых стёкол на вертолёте). Однако сначала он категорически отказался, ссылаясь на малое количество дезраствора. Но, когда я сказал, что доложу об этом в Чернигов, он спросил моё звание, должность, фамилию, ещё немного подумал и отдал приказ расчёту АРС промыть стёкла. Свою же дезактивацию мы провели только внешнюю – методом принятия душа, здесь же в палатке, после чего сменили подменные комбинезоны на свои и в ботинках на босую ногу (у тех, кто заведовал вещевым имуществом, почему-то не нашлось подменных носков) вылетели на своём вертолёте на аэродром Городня. Руководитель полётов аэродрома Городня посадил наш вертолёт в конце полосы на самую крайнюю стоянку. Подъехал автобус для доставки экипажа в штаб. Водитель и старший автобуса были полностью одеты в ОЗК. Старший автобуса, прапорщик, увидев, что мы без средств защиты, видимо, застеснялся и снял противогаз, а водитель, гражданский человек, отказался снимать, так в ОЗК и повёз. При следовании в штаб мы увидели на обочине шоссе женщину с корзинами – в одной была картошка, в другой – куриные яйца. Она стала махать руками, делая знак, чтобы её подвезли. Шофёр остановил автобус, и женщина, схватив свою ношу, подбежала к нему. Но когда, наконец, дорожная пыль развеялась и на солнце зловеще сверкнули противогазные очки и показалась гофрированная трубка противогаза водителя, она вдруг начала заикаться и, наотрез отказавшись от поездки, упала на своё заднее место, так и держа корзинки в руках. Шофёр выругался.., и поехали дальше. Загрузив в вертолёт своё имущество, мы вылетели в Чернигов...

Лейтенант В. А. Тугай

А сейчас я отвлекусь от основной темы и расскажу немного о своём пути в авиацию.

После окончания средней школы в г. Валки Харьковской области Украины в 1966 году поступил во Второе Харьковское военное авиационно-техническое училище. Окончил его в 1969 году, и в звании лейтенанта был направлен в Забайкальский военный округ, в г. Читу (аэродром «Черёмушки»), в 36-й ОСАП (отдельный смешанный авиационный полк), во вторую эскадрилью начальником связи - старшим воздушным радистом. Полк в то время организационно состоял из двух эскадрилий: первая была оснащена самолётами Ан-8, Ил-14, Ли-2, а вторая – самолётами Ан-2, Ан-14 («Пчёлка»), вертолётами Ми-4, Ми-1.

Командиром полка был полковник Пермяков Афанасий Иванович, участник боевых действий в Корее (1950 - 1953 гг.), где на истребителе Миг-15, защищая небо Северной Кореи, в воздушных схватках с американскими самолётами F-86 «Сейбр» выходил победителем, доказывая превосходство и мощь советского оружия.

Командиром второй эскадрильи был майор Михаил Иванов. Инженер эскадрильи - капитан Лев Михайлович Гурарий, фронтовик, очень авторитетный, грамотный и порядочный офицер. Во время Великой Отечественной войны летал на боевые задания в составе экипажа самолёта-бомбардировщика ТБ-3 в качестве бортового техника.

Лётчики-фронтовики, служившие, в частности, в нашей эскадрилье, не раз смотревшие смерти в лицо, ценившие человеческую жизнь, были людьми всегда собранными, опрятными, по-отечески заботливыми по отношению к молодёжи, хотя и требовательными. Война не позволила им получить достаточное образование. У большинства из них за плечами

была, в основном, только учёба в аэроклубах. И хотя они, как выразился Василий Иванович Чапаев, «академиев не кончали», но были настоящими профессионалами, истинными патриотами своей Родины.

Ещё со школьной скамьи я просто бредил небом. Будучи пятиклассником, совершил свой первый прыжок с домашнего крыльца высотою три с половиной метра на самодельном, изготовленном из простыней, парашюте. Вследствие того, что прыжок выполнялся с преступно малой высоты, динамического удара при раскрытии «купола парашюта» я, конечно, не почувствовал, а в момент приземления мои коленки достали подбородок, и зубы так сильно клацнули, что полетевшие из глаз искры напрочь отбили у меня желание повторять такие прыжки. А вот тренажи по правильному приземлению в настоящей подвесной системе парашюта, закреплённой на потолке спортивного зала нашей школы, я старался проводить регулярно...

Занимался спортом – играл в футбол, баскетбол, волейбол, выполнял упражнения на перекладине, брусьях, тренировал вестибулярный аппарат. Целенаправленно готовил себя к службе в ВВС. После окончания восьмого класса от школы был направлен на летние сборы на Станцию юных техников в посёлок Эсхар Чугуевского района Харьковской области, в авиамодельный кружок. Нам преподавали основы теории аэродинамики и конструкции самолётов. Мы, в свою очередь, собирали различные типы авиамоделей - резиномоторные, таймерные; кордовые – пилотажные, скоростные, гоночные. Учились управлять ими. По окончании сборов, успешно сдав экзамены, я получил нагрудный знак и удостоверение «Общественный инструктор ДОСААФ по авиамоделизму». Первый шаг по направлению к мечте был сделан. Однако, впереди оказалось много различных преград и испытаний, которые надо было преодолевать.

При прохождении медкомиссии в военном комиссариате хирург выявил у меня низкий подъём стопы, что было недопустимо для прыжков с парашютом, а в конечном ито-

ге преградой для поступления в лётное училище. Пришлось в течение двух лет носить супинаторы, каждый день делать специальные упражнения для ног, до седьмого пота, до боли, до мозолей, чтобы укрепить мышцы стопы. И мои старания были вознаграждены – в десятом классе, при прохождении повторной медицинской комиссии замечаний не было. Правда, при проверке зрения я рассмешил до слёз весь медицинский персонал, ошибочно приняв коричневые разводы от воды на большом плакате с буквами и колечками за проверку моего цветоощущения. Выходило, что я был почти слепой, так как называл не буквы, указываемые указкой врачом, а замысловатые коричневые фигуры рядом с этими буквами. Разобравшись и насмеявшись вдоволь, офтальмолог определил у меня повышенную остроту зрения – 1,5 единицы. При осмотре у терапевта нужно было сделать тридцать приседаний, а затем медсестра измерила давление и пульс, пожала плечами и удивлённо спросила:

– Вы приседали?

– Так у вас же на глазах, – ответил я.

– Ну тогда присядьте ещё сорок раз.

Я присел ещё сорок раз. Опять измерения, опять удивление:

– Может, тонометр отказал? Пойдёмте к врачу.

Главный терапевт, Курко Павел Кузьмич, заставил меня выполнить ещё двадцать приседаний, измерил пульс и давление и также был удивлён состоянием моего сердца под нагрузкой. Я стал уже тревожиться... Но доктор, внимательно посмотрев на меня, улыбнулся и спросил:

– Ну и куда же хотите поступать, молодой человек?

– В лётное училище, – утвердительно сообщил я.

– Да хоть в космонавты, – ответил он и написал заключение в медицинской книжке: «Годен к лётному обучению без ограничений».

Это была ещё одна, но не последняя победа на пути к достижению заветной цели.

В этот же период читал много приключенческой и научно-фантастической литературы (Джек Лондон, Марк Твен, Вальтер Скотт, Конан Дойль, Жуль Верн, Беляев, Братья Стругацкие (Аркадий и Борис). Очень нравились научно-фантастические романы: «Туманность Андромеды» Ивана Ефремова, «Звёздный человек» Александра Полищука и др.

Но не менее сильное впечатление, чем подвиги и приключения фантастических героев, на меня производили рассказы соседей-фронтовиков, проживавших в нашем дворе, по улице Дидоренко, № 7.

Воспоминания были разные по содержанию, однако во всех без исключения можно было почувствовать напряжение и сложность военных лет, бессонные ночи и бесконечные километры, но единое стремление к победе. Рассказчики тоже были разные, хотя некоторые запомнились мне очень хорошо. Наверное, потому, что пережитые ими истории, не лишённые юмора и, как я сейчас подозреваю, какой-то доли выдумки, производили особое впечатление.

Пузак Иван Трофимович, полковник, бывший командир артиллерийской батареи, а затем руководитель районного военного комиссариата. Достойный представитель «бога войны», он, тем не менее, с уважением и симпатией относился к другим родам войск.

Чебукин Николай Фомич, командир миномётной роты, капитан запаса. Будучи главным прокурором района, он находил время для утиной охоты, на которую частенько брал меня и моего школьного друга Володю Савченко. Он разрешал нам пострелять из настоящего охотничьего ружья и рассказывал интересные эпизоды о войне. Мечтал, чтобы кто-нибудь из писателей заинтересовался ими и увековечил на бумаге. Но тогда единственными слушателями были мы. И, внимая его рассказам в окружении умиротворённой природной тишины, нам казалось, что мы слышим отражённое эхо фронтовой канонады.

Матюшенко Василий Иванович, майор запаса, закончивший войну начальником штаба мотострелкового полка. Он

воевал ещё и в Первую мировую войну в воздухоплавательной роте в должности корректировщика огня артиллерии. На привязном аэростате, наполненном водородом, поднимался на высоту двести-триста метров и оттуда по телефону передавал координаты целей на землю. Однажды был атакован истребителем неприятеля и, спасаясь от взрыва оболочки аэростата, выпрыгнул с парашютом, и остался жив. А вот его напарнику не повезло – у него парашют не раскрылся. Во время гражданской войны был пулемётчиком на тачанке, а после Великой Отечественной со временем стал первым секретарём райкома. Он очень любил свою жену Анастасию Харлампиевну, очень красивую женщину. Жили дружно, но в то же время он ревновал её, причём до такой степени, что на время краткосрочных командировок закрывал в квартире на замок и выставлял у дверей часового с автоматом. Его рассказы были интересные. Однажды в освобождённой Польше его водитель попал в неприятную историю. Началось с того, что тот попросил у местного жителя всего-то попить воды. Однако хитрый поляк принёс ему что-то спиртное, угостил жареной курицей, а потом предложил молодую панянку (как потом выяснилось, свою родную дочь). Закончилось тем, что после всего этого поляк потребовал с протрезвевшего водителя довольно крупную сумму денежной компенсации в польских злотых, предупредив, если оплаты не будет, то о «бесчинствах» советских солдат будет доложено соответствующему начальству. Пришлось начальнику штаба заплатить за водителя, чтобы всё уладить. Но на этом нежелательные казусы не закончились. Как-то солдаты его полка собрали для костра лежавшие на земле щепки, которые остались от разрушенной фашистами изгороди. И вот, когда служивые уже уютно сидели возле весёлого костерка, подошёл поляк и потребовал построить новую изгородь, так как щепки являются его собственностью. Иначе... В общем, в течение одной ночи силами всего полка изгородь была восстановлена.

Савченко Алексей Александрович, старший сержант запаса. Служил инструктором в Канской 118-й ШМАС в воен-

но-авиационной школе стрелков-бомбардиров. По личному заявлению попал на фронт. Во время войны сначала летал на самолётах бомбардировщиках в должности стрелка-радиста, а потом оказался стрелком-радистом на танке. Причина такого столь крутого поворота осталась неизвестной, но, видимо, она была, поскольку Алексей Александрович даже побывал в штрафбате. В одном из боёв он получил тяжёлую контузию. Во время танковой дуэли с немецким танком «Тигр» его тридцатьчетвёрка была подбита. Экипажи обоих танков увидели друг друга и произвели выстрелы одновременно, почти в упор. Немецкий снаряд попал в башню Т-34-ки, сорвав её, а «Тигр» загорелся. Алексей Александрович был человеком незаурядной силы. Как-то раз, уже после войны, он спас жизнь незнакомцу – перехватив руку бандита с ножом, сжал её с такой силой, что та сразу почернела, а нож выпал.

Все эти фронтовики, дошедшие с боями до Берлина, были для меня, да и для всех мальчишек того времени, героями, непререкаемыми авторитетами, на них хотелось походить.

В жизни ещё одним примером стойкости и мужества для меня всегда является самый любимый человек - моя мама Ефросинья Ивановна Тугай.

В 1942 году её угнали на принудительные работы в Германию, в женский лагерь в г. Лайсниг в Средней Саксонии. Там обучили работать на современном станке с немецкими сверхтвёрдыми свёрлами. Считалось, что сломать их невозможно. Но инженер по технике, австриец, ненавидевший войну, фашизм и Гитлера, научил, как можно эти хвалёные дорогостоящие свёрла привести в негодность. И хотя за каждое испорченное сверло следовало строгое наказание, Ефросинья Ивановна сломала одиннадцать! Начальство лагеря сначала не могло понять причину, но потом – то ли по доносу, то ли сами догадались - инженера-австрийца никто уже не видел.

Шёл 1945-й год, немцы свирепствовали, стали в огромном количестве уничтожать людей в лагерях. Авиация союзников постоянно осуществляла бомбардировки городов Германии. И как-то ночью, услышав гул приближающихся самолётов,

Ефросинья Ивановна отодвинула светомаскировочную ткань на окне барака и, вместе с соседкой по койке, подожгла газету. Видимо, у лётчиков нервы и зрение были очень напряжены, что называется – на пределе. Буквально сразу же послышался свист падающих авиабомб. Одна, возможно большого калибра, упала на территории лагеря, но не взорвалась.

Немцы ворвались в барак с собаками, всех построили и стали бить по лицу каждую женщину, пытаясь узнать, кто подал сигнал. Никто не сознавался. Наконец всё же нашлась немецкая пособница и указала на Ефросинью Ивановну. Тут же она была схвачена и помещена в камеру смертников, чтобы после допросов и издевательств казнить перед всем лагерем.

К счастью, утром 5 мая танкисты 4-й танковой армии, наступавшие на Берлин с юга, захватили лагерь и освободили всех пленных. И хотя моя мама Ефросинья Ивановна Тугай простила малодушную женщину, узнавшие об этом танкисты были непреклонны – расстреляли предательницу.

Так уж получилось, что я стал бортовым радистом. Но старался найти любую возможность переучиться на пилота, хотелось самому управлять самолётом. В полку пилотов не хватало, и только в нашей эскадрилье простаивало в то время (1969–1972 гг.) четыре машины: самолёты Ан-2, Ан-14 («Пчёлка») и вертолёты Ми-4, Ми-1. Поэтому на военную службу призывали пилотов из ГВФ. Однако военная служба привлекала не всех. Отлетав положенные три года в ВВС, большинство лётчиков снова возвращались на гражданку.

И как-то, в конце августа 1970 года в столовой, расположенной рядом с первым КПП аэродрома «Черёмушки» в г. Чите, ко мне подошёл человек без левой руки и попросил спички, чтобы прикурить сигарету. Это оказался участник Великой Отечественной войны, лётчик-командир Пе-2 (пикирующего бомбардировщика Петлякова), старший лейтенант Николай Михайлович Яценко, штурмовавший Кёнигсберг.

Выпив по кружке пива, мы разговорились. Во время штурма осколком снаряда немецкой зенитки ему оторвало

руку и вырвало два ребра. Жизнь ему спас штурман, который вывел самолёт Пе-2 из пике и посадил на свой аэродром. На следующую встречу Николай Михайлович принёс копию полётной карты того места, где его «Пешка» попала под огонь немецких зениток, и военный билет офицера запаса, в котором была обозначена его должность - командир Пе-2.

Я открыл ему свою мечту переучиться на пилота. Через его знакомого Николая Майстренко, инженера на радио Читинского аэроклуба ДОСААФ, познакомился с руководящим и инструкторским лётным составом АСК. Приёма на обучение курсантов в 1970 году не было. Лётчики-инструкторы, как объяснил врио начальника аэроклуба, командир звена Валерий Артёмов, работали «на себя», совершенствовали своё лётное мастерство. Но при поддержке заслуженного лётчика-фронтовика руководство клуба согласилось принять меня на таких условиях: надо было пройти курс наземной подготовки самостоятельно и через два месяца сдать все экзамены по теоретической наземной подготовке. И только после этого меня допустят к вывозным полётам на Як-12.

Лётчик-инструктор Валерий Артёмов

Дни самостоятельного наземного переучивания пролетели быстро. Всю необходимую литературу по самолёту и двигателю я без проблем нашёл в библиотеке воинской части, так как до 1968 года данный тип самолётов был на во-

Лётчик-инструктор Борис Сташков

оружении в нашем полку. Инженерно-технический состав эскадрильи помог мне освоить конструкцию и эксплуатацию Як-12, а лётчики-фронтовики, которые на них летали, с удовольствием мне помогали, объясняя особенности аэродинамики и техники пилотирования. Штурманы в эскадрилье обучили меня тонкостям самолётовождения, методике применения аэронавигационных приборов и штурманских принадлежностей. Инженер метеослужбы полка лейтенант Виталий Перевезенцев научил всему, что необходимо знать лётчику по метеорологии.

И вот в назначенный день, в декабре 1970 года я явился на сдачу экзаменов по наземной подготовке в аэроклуб. Собралась компетентная комиссия лётчиков-инструкторов: Валерий Артёмов, его брат Виктор Артёмов, Борис Сташков, Валентина Шемелина. Меня спросили:

– Готов сдавать экзамены?

– Готов, – твёрдо ответил я.

– Ну, тогда иди в гастроном, напротив аэроклуба, и возьми там все необходимые продукты для компенсации работы комиссии и торт к чаю на торжество по случаю сдачи экзаменов.

Когда я всё принёс, Валерий Артёмов как-то загадочно улыбнулся и, потерев ладони, сказал:

– Ну что, приступим к экзаменам!

Передо мной разложили билеты по дисциплинам. Поначалу я подумал, что будет снисхождение, но ошибся! Принимали экзамены очень строго. В авиации существу-

ет неписаное правило: сдавать экзамены нужно не ниже чем на «хорошо». На земле ты знаешь на «хорошо» или «отлично», а в воздухе же действует коэффициент «обалдения» и знания твои на один балл понижаются. Оценка «удовлетворительно» – это «незачёт». Необходимо иметь твёрдые знания на земле, в воздухе поблажек не бывает, это твоя жизнь. Но меня в родной эскадрилье «подковали» знаниями очень хорошо. И у экзаменаторов сложилось впечатление, что мне только надо переучиться в пилотировании с вертолёта на самолёт. На экзаменах я получил хорошие и отличные оценки. Даже похвалили за мои знания по штурманской подготовке, особенно за выполнение грамотных расчётов навигационных элементов полёта и умелое пользование навигационной линейкой НЛ-10М и ветрочётом. Разрешение на посещение аэроклуба я получил от своего командира полка и приступил к вывозным полётам.

Первый ознакомительный полёт в пилотажную зону составил сорок минут. В зоне лётчик-инструктор Валерий Артёмов крутил нисходящие и восходящие спирали, выполнял виражи, горки, пикировал, демонстрировал состояние невесомости - показывал все возможности самолёта в воздухе. Закончив пилотаж в зоне, он приказал мне вести самолёт на свой аэродром. Меня слегка подташнивало. Честно признаться, я еле нашёл аэродром, хотя он был в пяти минутах лёта. Затем для меня начались «трудовые будни»: полёты на выполнение различных упражнений по программе подготовки, «шлифовка» взлёта и посадки. Вспоминаю, как в одном из вывозных полётов лётчик-инструктор Боря Сташков сделал замечание: «Валентин, ты очень напряжён в полёте, расслабься, самолёт летит сам, его только надо подправлять педалями и ручкой управления туда, куда тебе надо».

А командир парашютного звена, лётчик-инструктор Павел Васильевич Сейн при проверке указал на ошибку в пилотировании при заходе на посадку – это не выдерживание постоянного угла глиссады планирования.

Начиная с декабря 1970 года, каждую субботу и воскресенье я проводил на аэродроме ДОСААФ в Каштаке, на полётах. Вывозная программа согласно курса лётной подготовки подходила к завершению, и я с нетерпением ждал первого самостоятельного полёта. Наконец такой день настал! Второго августа 1971 года мои взлёт, полёт по «коробочке» и посадку сначала проверил Валерий Артёмов, а второй полёт - Борис Сташков. Затем Валерий и говорит:

– Полетишь сам?

– Полечу! – без колебаний ответил я.

Як-12, словно живое существо, гордо раскинув свои крепкие крылья, покорно стоял и с нетерпением ожидал моё решение на взлёт. За время вывозных полётов я научился укрощать его нрав, внимательно изучил конструкцию, назначение каждой гаечки и болтика, каждого прибора, вкладывая в него всю свою любовь и ласку, согревал теплом своих рук. И он, как будто ожив, ответил мне взаимностью - стал надёжным и преданным другом в воздухе, моим ангелом-хранителем, вселил уверенность и силу. К силе моих мускулов прибавились лошадиные силы мощности двигателя, а руки словно приросли к крыльям самолёта, как бы объединяя нас в одно целое. Торжество и какая-то своеобразная напряжённость предстоящего значимого момента чувствовались сегодня во всём - в мимике и жестикуляции лётчиков-инструкторов и в моей повышенной собранности.

Оставив на старте две пачки сигарет «Opal», как этого требовала лётная традиция, своему инструктору, я с трепетом сел в кабину самолёта. Рабочее место пилота справа, которое обычно занимал лётчик-инструктор, теперь пустовало и непривычно отдавало лёгким холодком.

Еле сдерживая восторг, запрашиваю разрешение на запуск. Получив «добро», выруливаю на взлётно-посадочную полосу, даю полный газ и плавно отпускаю ручной тормоз. Як-12, ускоряясь тягой двигателя 260 л/с, начинает разбег, отрывается от земли и ... летит навстречу моей заветной мечте, прямо в небо!..

Мой первый самостоятельный полёт на самолёте Як-12.
Обслужили, запустили и – на взлёт...

Як-12р на старте

После набора высоты пятьдесят метров вдруг замечаю – у меня «завалился» авиагоризонт АГК-47! Я сразу доложил руководителю полётов: «Кислый», я «625-й», отказ авиагоризонта!». Но по указанию руководителя продолжаю полёт, визуально выполняя развороты и выдерживание самолёта в горизонте, без гироскопических приборов. Потом мне признался сам Валера Артёмов, что по своей методике он проверял мою психологическую устойчивость. Учитывая уровень подготовки, умышленно в преобразователе ПАГ-1ф, питающем гироскопические приборы самолёта переменным током, уменьшил номинал предохранителя, вот он через несколько минут работы и перегорел.

Первый разворот выполнил на высоте сто метров, установил скорость по прибору сто сорок километров в час и начал выполнять обыкновенный полёт по «левой коробочке». Второй разворот – двести метров в наборе, траверз выполнил на высоте триста метров. Затем перевёл самолёт в горизонтальный полёт и, не удержавшись от восторга, запел в воздухе в эфир, перепутав кнопки «СПУ» и «Радио». Ведь это был необыкновенный полёт, мой первый в жизни самостоятельный полёт! Это итог моей учёбы, экзамен на проверку усвоения тех знаний и навыков, которые передали мне лётчики-инструкторы в период вывозных полётов, отдавая частицу своей души и сердца.

И вот, наконец, в небе только я и крылатая машина! И она полностью подчиняется мне! Мурлычит ровно двигатель – «сердце» самолёта, шуршит воздушный винт, и эти звуки сливаются в какую-то неслыханную мелодию, которую хочется слушать и слушать, с которой хочется слиться. Под крылом мирно проплывает земля, а вокруг – бескрайнее синее небо. Хотелось обнять эту бескрайнюю красивую синь! Полёт – это свобода, которую нельзя высказать, её можно только ощутить! Можно перемещаться, куда захочешь – влево, вправо, вверх, вниз.

Третий разворот выполнил на высоте триста метров, снизился к четвёртому развороту на двести метров. Всё было, как

всегда, вот только справа, на инструкторском сиденье в самолёте никого не было. От волнения у меня перехватило дыхание, в горле пересохло. Ведь посадка – это самый ответственный и сложный завершающий этап полёта. Ввожу самолёт в разворот и одновременно запрашиваю по радио у руководителя полётов заход на посадку: «Кислый», «625-й» на четвёртом двести, разрешите посадку». – «625-й», я «Кислый», посадку разрешаю, полоса свободная, курс посадки 345 градусов, ветер у земли – штиль». Я вывел самолёт из разворота на посадочную прямую и посмотрел на землю с высоты двести метров. Внизу, впереди зелёным ковром расстелилась взлётно-посадочная полоса, ограниченная флажками, а слева на траве выложено белое полотнище в виде буквы «Т», недалеко от него группа руководства полётами с радиостанцией Р-809М2, следившая за моим полётом. И неизвестно, кто в тот момент переживал и волновался больше за исход моего полёта – я или лётчики-инструкторы, готовившие и выпустившие меня в самостоятельный полёт. Мне предстояло сейчас снизиться по направлению к земле и посадить крылатую машину.

Отработанными движениями устанавливаю винт на самый малый шаг, уменьшив газ, приступаю к снижению по глиссаде на скорости сто двадцать километров в час. На высоте примерно шести-восьми метров, когда стали чётко вырисовываться предметы на земле, цветы, трава, что называется земля «распускается», начинаю выравнивать самолёт: плавно убирая полностью газ, энергично беру ручку управления «на себя». Где-то в полуметре от земли, заканчивая выравнивание, перевожу взгляд влево под двадцать пять градусов и порядка тридцати метров вперёд, так как обзор спереди закрыл задравшийся вверх капот двигателя самолёта. Навстречу зелёной лентой, убегающей под фюзеляж самолёта, стремительно несётся земля, и я всё своё внимание сосредотачиваю на определении расстояния до неё, не отвлекаясь ни на что другое. Сейчас я словно слился с машиной, чувствуя всем своим телом малейшее сближение с землёй.

Потеряв подъёмную силу, создаваемую винтом, самолёт под действием собственного веса начинает проседать, скорость полёта уменьшается, так как лобовое сопротивление ничем не уравновешивается и тормозит движение. И моя задача сейчас, как пилота, заключается в том, чтобы соразмерным подтягиванием ручки управления увеличивать его подъёмную силу за счёт увеличения угла атаки, тем самым уменьшая вертикальную составляющую скорости снижения самолёта.

Выдерживаю Як-12 в горизонтальном полёте как можно дольше. У самой земли за счёт экранного эффекта воздух под ним как бы уплотняется, увеличивая подъёмную силу и наделяя повышенной летучестью. Но скорость планирования постепенно уменьшается, снижаясь до посадочной - восемьдесят километров в час. Расстояние до земли сокращается, самолёт парашютирует и садится. В момент касания шасси самолёта земли полностью добираю ручку управления «на себя».

Мягко коснувшись грунтовой взлётно-посадочной полосы колёсами шасси, Як-12 катится по инерции, замедляя движение, слегка покачиваясь на её неровностях. От переизбытка чувств мне хотелось выпрыгнуть из самолёта, раскинуть в стороны руки и закричать на весь мир: «Смотрите, я сел!!!», подбежать к инструкторам и всех их обнять... В эту минуту я чувствовал себя самым счастливым человеком на свете! Каждой клеткой своего тела я ощущал опьяняющую радость жизни, осознавал её смысл и испытывал гордость за достижение своей заветной цели.

После небольшого пробега ЯК-12 останавливается.

Жаль, что мой успех тогда не видел наш любимый школьный учитель Тытарь Владимир Григорьевич, объяснявший на уроках физики в школе № 1 г. Валки закон Бернулли и теорию создания подъёмной силы крыла. Думаю, он остался бы доволен своим бывшим учеником.

Подрулив к старту, выключил двигатель. Подхожу к инструкторам, докладываю: «Курсант Тугай выполнил первый

самостоятельный полёт на самолёте Як-12. Разрешите получить замечания». Вижу, все вокруг смеются. Мне даже стало как-то не по себе. Но Валерий Артёмов, уже серьёзно, мне говорит: «Поздравляю тебя с первым самостоятельным полётом на самолёте Як-12. Посадил машину ты хорошо, поёшь в воздухе... замечательно, а вот разрешение на посадку запросил козлиным голоском». Из-за этого и было смешно. «Ну что, – продолжил Валера, – готовься ко второму самостоятельному полёту».

Заняв место пилота в самолёте, запустив двигатель, я вырулил на исполнительный старт. Запрашиваю разрешение на взлёт... Но тут вместо разрешения на взлёт получаю команду выключить двигатель. Я, повинуясь команде руководителя полётов, в недоумении выключаю. Смотрю, все инструкторы бегут с радиостанцией Р-809М2 к моему самолёту. С интересом наблюдаю, как Валерий Артёмов, Борис Сташков*, Валентина Шемелина садятся ко мне в самолёт. На мой вопрос, что же произошло, мне ответили: «А ты посмотри вперёд, в небо!». О, Боже! Прямо по курсу взлёта на нас надвигается непонятно откуда появившийся метеорологический заряд. Чёрная туча закрывала всё впереди от земли до неба. Минуты через две обрушился такой сильный дождь, что в пяти метрах от избытка воды ничего не было видно. Ещё через мгновение зелёное поле аэродрома превратилось в огромное зеркало-озеро, на которое невиданным водопадом всё лился и лился дождь... Представляю, что могло бы случиться, если бы самолёт влетел в это облако.

Минут через пятнадцать-двадцать ливень прекратился. Выглянуло солнце, вся вода быстро ушла в песок аэродрома. А минут через десять я получил разрешение на запуск двигателя самолёта. В этот день я выполнил второй самостоятельный полёт. (В этот же день самостоятельно вылетели Леонид Антонов**, Владимир Потехин и другие, а рядовой Владимир Касьянов из Ленинграда чуть позже,14 августа). Позднее

* В 1972 году Сташков Борис Георгиевич стал начальником аэроклуба.

** В 1982 году Антонов Леонид Николаевич стал начальником аэроклуба.

Валерий Артёмов, лётчик от Бога, как-то мне скажет: «А знаешь, Валентин, сознаюсь, я, как инструктор, при обучении тебя практическому пилотированию самолётом маловато уделял внимания разным объяснениям, потому что ты и так всё схватывал на лету».

Инструктор Валерий Артёмов поздравляет Леонида Антонова с первым самостоятельным полётом

Валентин Тугай и Владимир Касьянов

Со второго по восьмое августа мы выполняли полёты по маршруту и на отработку взлёта и посадки с закрылками. По маршруту меня вывозила лётчик-инструктор Валя Шемелина, обучая в полёте практическому ведению воздушной ориентировки. Помню, вылетели с ней по учебному маршруту с аэродрома Каштак. Была невыносимая жара и ярко светило солнце, а на маршруте попали в низкую облачность и дождь, замёрзли так, что у нас зуб на зуб не попадал, хотя и включили обогрев кабины.

Лётчик-инструктор Валентина Шемелина

И вот наступило 8 августа 1971 года. Были запланированы очередные полёты: пять кругов по «коробочке» – взлёт-посадка, итого тридцать минут на одного курсанта. Но два курсанта не пришли, и их время (плюс десять полётов) мне торжественно отдал Валерий Артёмов в знак уважения. Радости моей не было предела. Одно только маленькое «но»... Седьмого августа, то есть накануне, я был свидетелем на свадьбе у старшего лейтенанта Георгица Андрея, борттехника вертолёта Ми-4 нашей второй эскадрильи, и, естественно, как следует не выспался. На аэродроме было жарко, и меня немного клонило в сон. Но ведь полёты! Какой сон!? На взлёт!..

Первые двенадцать полётов «взлёт-посадка» я выполнил на «отлично». И всё было бы хорошо, если бы сделал перерыв и поспал часок-другой. Усталость, однообразие действий в полётах привели к тому, что на тринадцатом полёте, после взлёта и доклада: «Траверз – триста», я совсем расслабился и ... мгновенно уснул! Снился мне сон, как будто я дома лежу на диване и слышу, что по радиоточке настойчиво называют мою фамилию... Чрезмерным усилием воли во сне я решил открыть глаза, чтобы посмотреть, что же мне мешает вытянуть ноги и что это за голос по радио, если я твёрдо знал, что радиоточка отключена уже давно... Я открыл глаза. О, Господи! Я в воздухе! Сижу в кабине самолёта, ноги мои стоят на педалях, а передо мной вращается винт! Я оцепенел, комбинезон на мне мгновенно стал мокрым от пота, как мочалка. Слышу, руководитель полётов по радио настойчиво запрашивает мою высоту и подаёт мне команду на выполнение третьего разворота: «625-й», я уже четвёртый раз по радио вас запрашиваю, чем вы там отвлекаетесь, музыку по АРК-5 слушаете? воз-
мущался он. – «625-й», доложите высоту, вы отклонились от «коробочки», затянули третий разворот... Выполняйте третий разворот...».

Высотомер у меня показывал пятьсот пятьдесят метров, а по инструкции полётов высота выполнения третьего разворота триста метров. Я соврал и доложил, что у меня высота триста восемьдесят метров. Но Валерий Артёмов был опытным лётчиком и попросил доложить правильную высоту полёта. Я опять соврал, сказав, что у меня высота четыреста восемьдесят метров.

В «отключке» я был примерно одну-две минуты. За это время и набрал лишние двести пятьдесят метров.

Восходящие потоки воздуха составляли тогда более пяти метров в секунду. «Кислый» приказал выполнять третий разворот со снижением к четвёртому на двести метров. Но как я ни старался, от третьего разворота к четвёртому высоту полёта уменьшил только на сто метров. Высота на четвёртом развороте составляла у меня четыреста пятьдесят

метров. А чтобы выполнить нормальный заход на посадку на четвёртом развороте, высота должна быть двести метров. Необходимо было «убрать» двести пятьдесят метров высоты. И тут, почувствовав себя «ассом», я запросил у руководителя полётов погасить лишнюю высоту над четвёртым разворотом «скольжением» - так называют в авиации одну из фигур пилотажа.

Руководитель полётов Валерий Артёмов был уверен, что я справлюсь с этим упражнением, и дал мне «добро».

Я резко убрал газ — нос самолёта, подчиняясь закону физики, отклонился вправо. Одновременно надавливая ногой на правую педаль, ещё больше увеличиваю угол разворота. Самолёт разворачивается почти перпендикулярно линии полёта, и я сразу же резко отклоняю ручку управления до упора влево. Завалившись на левое крыло, утратив подъёмную силу, Як-12 стремительно начинает падать. Альтиметр показывает быстро уменьшающуюся высоту. Вертикальная скорость спуска увеличилась до пятнадцати метров в секунду. Я чувствовал себя «орлом»!

На высоте где-то двухсот двадцати метров выровнял машину, ручку управления поставил в нейтральное положение, педалями направил ось самолёта на линию посадки, шаг винта перевёл на малый (взлётный режим) и дал полный газ... Но, увы! Винт не набирает обороты! Я несколько раз повторил процедуру с ручкой газа и рукояткой, переводящей шаг винта с большого на малый, – безрезультатно!

Нажимаю кнопку воздушного запуска и плунжером заливочного шприца делаю несколько впрысков топлива непосредственно в цилиндры двигателя, пытаясь «помочь» ему набрать обороты, но всё напрасно. Двигатель в момент нажатия кнопки запуска только «чихает и фыркает», пропуская сжатый воздух через клапаны цилиндров, а винт лишь слегка подёргивается, продолжая беспомощно, медленно вращаться, не создавая тяги.

Самолёт продолжал падать со скоростью десять метров в секунду. Сто пятьдесят.., сто сорок.., сто тридцать.., сто двад-

цать метров... С каждой секундой земля приближается на десять метров! В кабине стало как-то не уютно...

Я встал с сиденья и стал раскачивать самолёт; отклоняя ручку управления до упора вперёд, пытаюсь перевести его в режим пикирования. Отклоняю ручку вправо, влево, но машина не поддаётся управлению, продолжая падать, как бревно. Был бы инструктор в кабине самолёта, может, помог бы подсказкой.

С земли стали давать команды: «625-й», прекратить снижение!». Но самолёт мне не подчиняется, несмотря на все мои усилия. (Вообще-то я отрабатывал упражнение с отказавшим в полёте двигателем. Но тут другое дело – не было поступательной скорости, набегающий поток воздуха отсутствовал, а значит, и не было подъёмной силы от крыльев самолёта, а элероны, руль поворота и руль высоты в этом случае не эффективны!) Мой самолёт попал в «аэродинамическую западню».

Земля неумолимо приближалась... Напряжение нарастало с каждой секундой, превращая меня в комок мышц и нервов. Пульс, как молот, стучал в висках, кровь словно застыла в моей голове. Хотелось закричать изо всей силы - но кто меня услышит?! Кто поможет? Ведь в воздухе сейчас я и машина, не подчиняющаяся мне! Выпрыгнуть с парашютом уже не позволяла высота.

Вопреки моей воле сознание постепенно начинает затуманиваться, всё вокруг самолёта стало темнеть. И чем ближе к земле, тем темнее и темнее, как будто я погружался в бездну. Перед глазами, как кадры немого чёрно-белого фильма, рисовалась картина предполагаемой катастрофы - мой самолёт ударяется о землю.., я ломаю себе руки-ноги, попадаю в военный госпиталь...

Изо всех сил всё же пытаюсь сохранить спокойствие и хладнокровие, мой мозг бешено перебирает варианты выхода из создавшейся ситуации... Ведь действия выполнял строго согласно «Руководства по лётной эксплуатации Як-12»... Но почему винт не набирает обороты? Что же случилось

с двигателем? Может, переохлаждение головок цилиндров? Отпадает, температурный режим в норме, жара за бортом. Скорее всего винт самолёта не переводится в положение малого шага из-за какого-то сбоя в работе механизма регулирования. А в положении большого шага винт, захватывая большое количество воздуха, оказывает очень сильное сопротивление вращению, то есть остаётся «тяжёлым», и мощности двигателя не хватает, чтобы его раскрутить... Пробую ещё раз уменьшить шаг винта...

Вот высота уже тридцать метров... Остаётся три секунды до столкновения с землёй! Как будто сам дьявол, насмехаясь надо мной, включил свой чёрный метроном отсчёта последних мгновений моей жизни... За какие-то доли секунды в мозгу проносится вся моя прошлая жизнь: детский садик, первый класс, школа, выпускные экзамены 10-А класса, вступительные экзамены в военное авиационное училище, учёба в нём, выпуск, получение диплома с присвоением звания лейтенант и направление для дальнейшего прохождения службы в ЗабВО... А я вот в самолёте, который не подчиняется мне! Время растянулось до такой степени, что каждая секунда падения казалась мне вечностью...

И вдруг как из тумана передо мною вырастают очертания сказочного Небесного храма с большими золотыми куполами и голубыми стенами, перемещая меня в какую-то другую реальность. Я, как бы раздваиваясь, наблюдаю за собой со стороны. Два чёрных ангела, охраняющих вход в этот храм, протрубили в медные трубы и торжественно открыли двери, приглашая меня войти. Из открытых дверей в лицо пахнуло дыханьем Преисподней, жаром с едким запахом серы, зазвучала странная, завораживающая музыка, непохожая на земную. А из глубины храма послышался приглушённый шёпот, замелькали какие-то зловещие тени и бледные лица моих знакомых, ушедших уже давно из жизни. Заметив меня, они жестами стали звать к себе. И подчиняясь этому зову, сначала осторожно пытаюсь нащупать ногой ступеньки крыльца, но ничего не получается – я не дотягиваюсь до них...

А музыка уже звучит, как гром... Мистические химеры, вытягивая свои мерзкие, неестественно длинные костлявые руки, пытаются дотянуться до меня, чтобы схватить и затащить в храм... Кажется, ещё чуть-чуть и они сделают это. Мне стало страшно!.. И я, отчаянно сопротивляясь, замахал руками, как крыльями, начал медленно подниматься над всем этим сумасшедшим зрелищем... Жуткая картина миража внезапно исчезает. Очнувшись, я снова ощущаю ясность мыслей в голове... Вернувшееся сознание возвратило меня в реальную действительность – в кабину Як-12. В открытую форточку доносится монотонный, тихий шум воздуха, скользящего по обшивке фюзеляжа, и мягкое шуршание винта, лениво вращающегося на малых оборотах.

На мгновение перевожу взгляд вниз, на место предполагаемого падения. Уже чётко видны быстро приближающиеся верхушки деревьев и кустарник, и я, инстинктивно весь напрягаясь, поджав под себя ноги, обречённо ожидаю встречу с землёй. Неужели всё кончено!? Но я хочу жить!.. «О, Господи, помоги!» - прокричал я и изо всех своих последних сил крутанул рукоятку изменения шага винта... И, о чудо! Видимо, Господь услышал меня - заколдованная рукоятка провернулась на несколько оборотов больше, переводя винт на взлётный режим! (Оказывается до этого она действительно просто заедала, проворачиваясь только наполовину). И в ту же секунду двигатель самолёта взревел, винт набрал обороты и создаваемая винтом тяга вдавила меня в кресло... Самолёт, слегка задев крыльями верхушки сосен на самой кромке леса, приостановил катастрофическое снижение на высоте двух-трёх метров от земли и стремительно понёс меня к посадочному «Т».

И сразу как будто взошло солнце! Всё вокруг обрело цвет! Небо синее, цветы жёлтые и красные, трава зелёная! И я в недоумении, как вся моя прожитая жизнь длиною в двадцать лет повторилась, уложившись всего лишь в эти двадцать секунд падения...

В нужном месте я убрал газ и посадил самолёт, правда с небольшим перекосом на правую стойку шасси. Руководитель

полётов, возмущённый такой посадкой, приказал мне взлетать с «конвейера», то есть взлёт без заруливания на стоянку. Я выполнил ещё два полёта, но также с перекосом то на левую, то на правую стойку шасси. Сказалось сильное нервное перенапряжение.

На земле моё падение приняли за «воздушное хулиганство» и строго предупредили, чтобы я «не пользовался особым к себе отношением». Могли бы надолго отстранить от полётов. Я доложил о частичном отказе техники. Такого случая у них не было, и все с интересом расспрашивали подробности моих действий в полёте, указав и на ошибки. После этого в глазах инструкторов повысился мой авторитет. О том, что уснул в самолёте, я, конечно, не признался, боясь, что отчислят из АСК. Для себя на всю жизнь сделал фундаментальные выводы: НПП (наставление по производству полётов) нельзя нарушать, режим сна и отдыха необходимо неукоснительно соблюдать! На полёты надо приходить хорошо отдохнувшим.

Кроме полётов на Як-12, обучался пилотированию планера. С лётчиком-инструктором Валерием Артёмовым совершил 11 полётов на планере Л-13 «Бланик». Летали по маршрутам на высший пилотаж, отрабатывали принудительный ввод планера в штопор и выход из него, различные виды штопора (левый, правый, плоский и крутой). Полёт без двигателя – это особый полёт.

Командование эскадрильи и полка тепло относилось ко мне, поощряли мои полёты в аэроклубе, надеясь взять меня на вакантную должность пилота Ан-14 «Пчёлка».

Вспоминается такой случай. Во время проведения паркового дня в полку я поспорил с замполитом эскадрильи капитаном Левинским, прибывшим совсем недавно для прохождения дальнейшей службы в нашу 2-ю эскадрилью, что смогу запустить двигатели самолёта Ан-14 «Пчёлка» без бортового механика прапорщика Женисина.

Вся эскадрилья выстроилась перед самолётом, ожидая моего конфуза. Но, устранив подвох, я запустил и опробовал

двигатели по всем правилам, согласно инструкции экипажу самолёта Ан-14 «Пчёлка».

Эскадрилья ликовала! Замполит проиграл спор! Теперь он должен выполнить условие – проставиться пивом в конце рабочего дня. Но я простил ему спор, ведь замполит всё-таки. Правда публика осталась недовольна моим решением.

Однажды заместитель командира эскадрильи капитан Миронов Юрий Михайлович сообщил, что в понедельник в полк приезжает заслуженный легендарный лётчик, трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб, и посоветовал: «Попробуй к нему обратиться по личному вопросу по переводу на должность пилота, и если он даст «добро», то кто же сможет противостоять такому авторитету! Вопрос о переводе тебя на должность командира Ан-14 будет решён очень быстро, ещё до окончания полной программы обучения на самолёте Як-12 в аэроклубе, ведь пилотов не хватает».

Я обрадовался такому случаю и, решив, так сказать, «сверкнуть опереньем», запланировал привести свою военную форму в идеальный порядок. Отдал в ремонт стоптанные военные туфли, китель – в химчистку. Ведь к такому заслуженному человеку надо обращаться в надлежащем виде, военная форма должна быть «с иголочки».

Но неожиданно наш полк собрали по тревоге для встречи с Иваном Кожедубом, так как он изменил свои планы и в назначенный понедельник решил посетить другие аэродромы Забайкалья.

Как же мне быть? Чтобы пойти в Дом офицеров, пришлось надеть гражданские туфли коричневого цвета, а китель взять чужой, младшего лейтенанта «двухгодичника» Бориса Карасёва.

Иван Кожедуб своей мощной фигурой напоминал скорее штангиста с животиком, но был очень энергичным. Рассказывал о своём боевом пути, о тактике нападать на фашистских стервятников сверху, где на блистере вражеских самолётов отсутствовала броня, поражая их огнём своих пуле-

мётов и пушек. И много разных интересных эпизодов о войне мы услышали.

После встречи с авиаторами аэродрома «Черёмушки» командир полка полковник А. И. Пермяков, зная, что я должен был обратиться к И. Кожедубу по личному вопросу, возле Дома офицеров, задерживая прославленного асса разговорами, время от времени поглядывал в мою сторону – когда же соизволю подойти. Но я не рискнул появиться с нарушением формы одежды. Хотя ещё пытался в спешке найти себе уставную форму, даже туфли нашлись среди офицеров моей эскадрильи, а вот кителя не подобрали. Помню, один лётчик-фронтовик, капитан, предлагал мне свой: «Снимай по две звёздочки с погон и обращайся по личному вопросу, для такого случая не жалко». Но в таком случае дырки на погонах вместо звёздочек будут видны – это раз, а во-вторых, с левой стороны кителя пришиты орденские планки, боевые награды, которых я не заслужил.

Если И. Кожедуб объявит мне выговор за нарушение формы одежды, тогда все мои надежды вообще рухнут. И решил перенести обращение к нему по личному вопросу позже, после его возвращения. Но, увы, такого случая больше не выпало.

Во время прохождения моей службы в ГДР (аэродром Шперенберг) в 226-й ОСАП в начале 1983 года пришла телеграмма из Москвы: «Ввиду того, что все РДС Польши перевооружились на УКВ-радиостанции нового парка (с дискретной сеткой частот через 25 кГц), перелёты из ГДР в СССР на самолётах транспортной авиации, оборудованных бортовыми радиостанциями старого парка (с дискретными сетками частот через 50; 83,3; 100кГц), осуществлять не через Польшу, а через Чехословакию на первом канале (124,00 мГц) на эшелоне 1800 метров». Маршрут при этом удлинялся, увеличивая, соответственно, время полёта на один час в одну сторону. На каждый самолёт Ан-12 для полёта из ГДР в СССР и обратно в ГДР необходимо было дополнительно тратить 3 тонны топлива, а для Ан-24 и Ан-26 – 1,4 тонны. А у нас в полку в первой эскадрилье было двадцать самолё-

тов Ан-12, а во второй – двадцать два самолёта Ан-24, Ан-26. Летали экипажи в командировки от одного до четырёх раз в месяц. Кроме того, лётчикам не нравился низкий эшелон перелёта через Чехословакию, на котором болтанка была гораздо больше, чем на более высоких эшелонах при полётах через Польшу.

Внимательно изучив маршрут перелёта в СССР и план связи на маршруте, я пришёл к выводу, что если на самолётных радиостанциях Р-832М поставить широкую полосу пропускания и подстроить частоты определённым образом, то в тех двух обязательных точках связи над территорией Польши Варшава и Познань – связь с самолётами будет. В ходе учебных полётов вдоль границы с Польшей бортовые радисты, связываясь с РДС Варшавы и Познани, подтвердили правильность моих расчётов.

С 1983 по 1984 год экономия топлива для самолётов нашего полка составила более одного железнодорожного состава – примерно 3 000 тонн.

Первым экипажем, нарушившим указание Москвы, оказался экипаж самолёта Ан-26 капитана Виктора Дементьева, бортовым радистом там был прапорщик Галиневский. Лётчики вернулись с задания без замечаний, но ко мне был звонок из Главного штаба ВВС СССР. Пришлось по телефону объяснять свои расчёты. Полковник, внимательно выслушав, поблагодарил меня и даже предложил работать в Москве.

Вручённые мне в 1984 году командующим ВВС ГСВГ генерал-полковником Корочкиным Владимиром Фёдоровичем наградные часы я перед строем полка торжественно передал прапорщику Галиневскому – первому радисту, пролетевшему через Польшу, используя мои расчёты. Командир 226-го ОСАП подполковник Свищёв Николай Николаевич был удивлён, но таково было моё решение.

Учения по высадке десанта Группы Советских войск в Германии (аэродром Шперенберг) в 1982 г. Слева командир 226-го ОСАП подполковник Свищев Николай Николаевич

Самолёты Ан-12 нашего полка перед выполнением задачи по высадке десанта

На учениях по высадке десанта Группы Советских войск в Германии

...Продолжу рассказ об участии в ликвидации катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 году экипажем вертолёта Ми-6А № 70, в состав которого я входил.

В Чернигове нас встретили командующий ВВС генерал-майор Строгов Анатолий Никандрович и начальник медицинской службы Прикарпатского военного округа. Причём встретили, как героев. Командующий лично поздравил каждого с успешным выполнением правительственного задания и весь экипаж, который участвовал в первом эшелоне ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС; и как первый экипаж из Прикарпатского военного округа. Командующий сказал, что нам предоставляется 35-дневный отпуск для отдыха, после чего мы, возможно, будем привлечены ещё раз на ликвидацию аварии на ЧАЭС (правда, это решение потом отменили), и распорядился доставить нас домой на своём Ан-24. Затем он спросил, не подождём ли мы начальника финансовой службы округа для получения денежного вознаграждения. Но мы, с нетерпением поглядывая на Ан-24, решили не ждать, потому что хотелось быстрее улететь подаль-

ше от этого ада. К сожалению, как оказалось впоследствии, отказались мы напрасно. Вот уж правду говорят, что не следует оставлять на завтра то, что можешь сделать сегодня. В общем, вознаграждение мы так и не получили. К тому же, и домой попасть у нас не получилось.

После взлёта самолёта, когда все наши мысли были уже дома, я выпил стакан воды и вдруг почувствовал приступ тошноты. Сопровождавший экипаж доктор забеспокоился и после некоторых раздумий решил, что домой нам пока ещё рановато, а самое подходящее для нас сейчас место – это госпиталь. Так, вместо дома мы, после недолгого перелёта, оказались на военном аэродроме Скнилов, на окраине Львова. После ужина в лётной столовой за нами пришла санитарная машина с носилками для каждого члена экипажа. От носилок мы отказались так же решительно, как от ожидания начфина, и вскоре нас привезли во Львов, в 1120-й окружной военный госпиталь для обследования. Там для нас уже были подготовлены капельницы для переливания крови, но они не понадобились.

В госпитале, как и положено, нас отправили в душ, причём на этот раз не палаточный, а настоящий. В два часа ночи, когда мы уже крепко спали, в палату, включив свет, явился санитар и стал требовать возвратить комнатные тапочки, которые дали в приёмном отделении, чтобы мы дошли до палаты, а потом вернули. Мы объяснили, что очень устали и что завтра обязательно вернём эти тапочки. Но он и слушать не хотел. Пришлось послать его туда, откуда он на свет появился. Вскоре санитар вернулся уже с дежурным врачом, который пригрозил за нарушение госпитального режима выписать нас из госпиталя, но, узнав, откуда мы прибыли, погасил свет, и больше до утра нас не тревожили.

Вскоре мы заметили, что ноги и другие части тела почему-то не потеют, а также у всех появилось необычайно повышенное влечение к противоположному полу. Не знаю, какие чувства одолевали меня больше по поводу этих загадочных явлений – беспокойство или любопытство. По крайней мере, это продолжалось в пределах двух недель. Потом врач пояснил, что это следствия сильного радиационного облучения. К это-

му же времени наконец-то исчезла повышенная электризация волос, что так же неприятно донимало нас.

На второй день нашего обследования в госпиталь прибыл член Военного Совета ВВС Прикарпатского военного округа полковник Бенов Геннадий Матвеевич с корреспондентами газет «Красная Звезда» и «Комсомольская правда». Вопросов с их стороны было много. Я тогда подумал, что не проще ли было самим съездить туда и посмотреть, но вслух, конечно же, ничего не сказал. После того, как закончилась беседа с корреспондентами, генерал торжественно сообщил, что мы будем представлены к правительственным наградам.

И действительно весь экипаж вертолёта Ми-6А № 70 был награждён орденами Красной Звезды. Весь.., кроме меня. Получилось так, что во время подготовки наградных материалов я находился на очередной зачётной сессии в Харьковском ВВАУРЭ, и начальник строевой части полка, который готовил эти документы, упорно ждал моего приезда. Когда же представление позже было всё-таки отправлено, вместе с другими представлениями к награде на лётчиков, бывших в Чернобыле после нас, из Москвы сообщили, что уже поздно. Со времени тех событий прошло много лет, но даже сейчас мне иногда становится интересно, что же означало тогда это самое «поздно»? Неужели бумага, пусть даже важная и официальная, важнее человека и тех дел, которые он делает зачастую в ущерб своему здоровью? Видимо, подобные вопросы интересовали не только меня, потому что коллектив постарался доступным ему способом компенсировать явную несправедливость относительно моего награждения. По решению командира полка при единодушном голосовании офицеров на офицерском собрании мне досрочно присвоили звание подполковника. В 2013 году награждён медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени.

После этой спецкомандировки я чувствовал недомогание, сонливость, обострение радикулита, от которого лечился каждый год по два-три месяца. В течение полугода меня мучил ассоциативный синдром: при виде похожей вытяжной трубы высотой более 100 метров, с отметками демаркационных полос на ней перед глазами вставала картина разрушенного реактора.

Отдыхая в санатории в 1994 году, обнаружил на теле тёмные пятна, которые появлялись при незначительном надавливании. После обследования выяснилось, что количество тромбоцитов в моей крови всего лишь 120 000 единиц, при минимально допустимом значении 180 000. И мне было «приятно», когда председатель медицинской комиссии 1120-го ОВГ в г. Львове при увольнении меня в запас торжественно сообщил, что следственной связи ухудшения моего здоровья и полученных заболеваний от радиации «не выявлено».

Радиационная обстановка на 2–3 мая 1986 года

Естественный фон земли составляет 15 мкр/час, а показания ДП-3Б в шлейфе составляли 220-250 рентген/час, то есть средняя мощность излучения была 235 рентген/час. Делая несложные преобразования и вычисления, получаем:

1 рентген = 1000 миллирентген

1 миллирентген = 1000 микрорентген.

Переводим рентгены в микрорентгены и умножаем на показания прибора, получаем: 235x1000x1000 = 235 000 000 микрорентген/час.

Теперь узнаем, во сколько раз показания прибора превышают естественный фон, получается:

235 000 000 микрорентген/час : 15 мкр/час = 15 666 666 раз.

То есть при уровне радиации 235 рентген/час превышение над естественным фоном земли составляет 15 миллионов 666 тысяч 666 раз!

Подсчитаем, сколько рентген мы получили за один полёт на реактор. Время радиационного воздействия на нас определялось временем полёта в радиационном шлейфе и над реактором: 900 метров – длина шлейфа, средняя скорость вертолёта относительно земли (путевая скорость) составляла порядка 65 км/час, средняя мощность радиационного излучения в шлейфе 235 рентген/час. Определяем время радиационного воздействия:

t рв = 0,9 км : 65 км/час = 0,014 часа (или 50,4 сек).

Определяем радиационную дозу, получаемую за один полёт в шлейфе до реактора:

235 рентген/час x 0,014 часа = 3,3 рентгена.

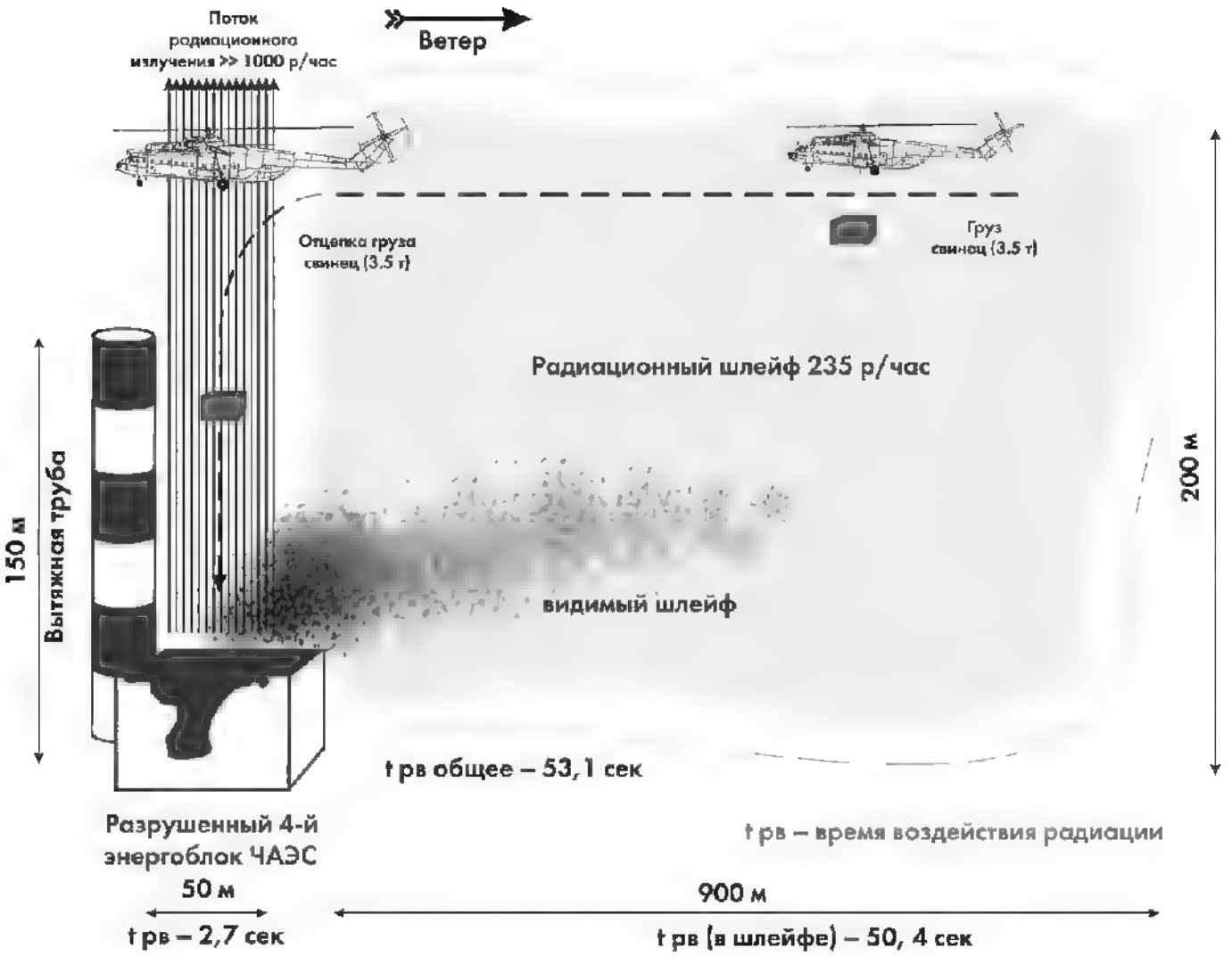


Схема радиационной обстановки в зоне работы вертолёта Ми-6А № 70 при забрасывании четвёртого энергоблока ЧАЭС свинцовыми болванками

Диаметр вертикального радиоактивного потока (радиоактивного столба), излучаемого реактором, сквозь который необходимо было пролететь вертолёту, определялся диаметром четвёртого энергоблока, приблизительно 50 метров. При данной путевой скорости 65 км/час (или 18 м/сек) время пролёта вертолёта составляло:

50 метров : 18 м/сек = 2,7 секунды.

А теперь узнаем, какую дозу мы получали над реактором за это время. Стрелка ДП-3Б зашкаливала на делении в 500 рентген/час, но по разным источникам мощность над реактором в это время была во много раз больше, чем 1000 рентген/час (3500 рентген/час). Но даже если взять 1000 рентген/час и умножить на время пролёта 2,7 секунды (0,00075 часа), то получим:

1000 рентген/час х 0,00075 часа = 0,75 рентгена (за 2,7 секунды).

Суммируем дозу облучения, полученную в шлейфе – 3,3 рентгена и над реактором – 0,75 рентгена.

Получим: 3,3 рентгена + 0,75 рентгена = 4,05 рентгена.

Коэффициент ослабления обшивки вертолёта по ТТД составлял 1,5. Получаем окончательный результат:

4,05 рентгена : 1,5 = 2,7 рентгена (за 53 секунды полёта).

Это, разумеется, приближённые расчёты, так как реактор всё время как бы «дышал», изменяя мощность радиационных выбросов, радиоактивный шлейф менял свою длину.

Но не менее опасной и коварной была радиоактивная пыль, которая, в основном, измерялась в миллирентгенах. Попав в органы дыхания, она могла привести к серьёзным лучевым поражениям. Вот почему респираторы были так необходимы для защиты органов дыхания.

Все чувства, которые я испытал при полётах на реактор, отражены в песне «Десять дней на войне» – ровно столько длилась моя командировка в Чернобыль.

The

CAPTAIN WILLIAM J. KOSSLER

For the

GREATEST ACHIEVEMENT IN PRACTICAL APPLICATION OR OPERATION OF ROTARY-WING AIRCRAFT

The American Helicopter Society presents to

MG N.T. Antoshkin, Col. Nesterov, Col. Serebryakov,
LTC Yakovlev, Anatoly Grishenko (POSTHUMOUSLY)
AND THE MILITARY AND CIVIL PILOTS
WHO PARTICIPATED IN THE INITIAL HELICOPTER OPERATIONS

In recognition of the bravery and personal sacrifice demonstrated following the nuclear reactor disaster at Chernobyl.

PRESIDENT

May 6, 1991

По представлению командования в / ч 92501

подполковнику **Тугаю Валентину Алексеевичу**
присуждена награда имени Уильяма Дж.Косслера
что подтверждается настоящей копией диплома

По поручению Американского вертолётного общества
Генеральный конструктор МВЗ им.М.Л.Миля

М.Тищенко

Перевод

ПОЧЕТНАЯ НАГРАДА
имени
капитана Уильяма Дж. Косслера.
присуждаемая за выдающиеся достижения в области практического применения винтокрылых летательных аппаратов.

АМЕРИКАНСКОЕ ВЕРТОЛЕТНОЕ ОБЩЕСТВО
присуждает данную награду

генералу Н.Т. Антошкину, полковнику Нестерову, полковнику Серебрякову, подполковнику Яковлеву, Анатолию Грищенко (посмертно), а также другим военным и гражданским лётчикам участвовавшим в начальных вертолётных операциях по ликвидации аварии ядерного реактора в Чернобыле, в знак признания продемонстрированного ими мужества и самопожертвования

Президент Е.Балки
6 мая 1991г

Международное признание профессионализма забайкальских лётчиков-чернобыльцев

Состав первого экипажа Ми-6А (в/ч 22672), бортовой номер 70

Командир экипажа – подполковник **Воронов Александр Николаевич**, военный лётчик первого класса. Получил дозу облучения 24 рентгена. Полковник запаса, проживает в Санкт-Петербурге. Авиационный диспетчер авиационного отряда МЧС СЗРЦ. Инвалид 2-й группы.

Помощник командира экипажа – старший лейтенант **Шалашов Виктор Фёдорович**, военный лётчик второго класса. Получил дозу облучения 24 рентгена. Позднее трагически погиб при загрузке вертолёта десантом.

Штурман экипажа – старший лейтенант **Власенко Владимир Васильевич**, военный штурман первого класса. Получил дозу облучения 24 рентгена. Подполковник запаса. Проживает в Ростове-на-Дону.

Бортовой радист – майор **Тугай Валентин Алексеевич**, воздушный радист первого класса. Получил дозу облучения 18 рентген. Подполковник запаса. Проживает в Чите.

Бортовой техник – капитан **Савчук Николай Васильевич**, специалист первого класса. Получил дозу облучения 24 рентгена. Подполковник запаса. Проживает в г. Сокиряны Черновицкой области Украины.

Бортовой механик – прапорщик **Кульчицкий Орест Михайлович**, специалист класса «мастер». Получил дозу облучения 18 рентген. Проживает в г. Самбор Львовской области Украины.

Состав второго экипажа Ми-6А (в/ч 22672)

Командир экипажа – майор **Сенченко Владимир Викторович**, военный лётчик первого класса. Получил дозу облучения 24 рентгена. Полковник запаса. Проживает в г. Сумы Украины.

Помощник командира экипажа – старший лейтенант **Леонтьев Александр Юрьевич**, военный лётчик первого класса. Получил дозу облучения 24 рентгена. Майор запаса. Проживает в п. Новозаборовский Сызранского района Самарской области.

Штурман экипажа – майор **Юриков Виктор Тимофеевич**, военный штурман первого класса. Получил дозу облучения 24 рентгена. Подполковник запаса. Проживает в г. Тула. Инвалид 2-й группы.

***

Идея создать книгу о чернобыльцах Забайкальского края возникла у меня спонтанно, после вызова в Ингодинский военкомат в июне 2005 года. Главное командование ВВС просило направить материалы участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в редакционную коллегию в/ч 73800, г. Москва, для написания исторического очерка. И тогда я подумал: «А почему же нам не издать книгу о забайкальцах-ликвидаторах?». С этой идеей выступил на собрании чернобыльцев. Реакция на моё предложение была неоднозначной. И всё-таки книга была издана в короткий срок. Большую поддержку и помощь я получил от полковников Пестова Владимира Михайловича, Коновалова Петра Петровича, Родикова Бориса Георгиевича.

Работу по дальнейшему переизданию книги я начал в декабре 2009 года, продолжив сбор материалов, написал и разослал чернобыльцам около двухсот писем. Самым трудным было собрать фотографии членов нашего экипажа Ми-6А. Я их разыскивал почти восемь лет. Обращался в украинские комиссариаты, искал в интернете, в «одноклассниках», делал запрос в программу «Жди меня», подключал знакомых, писал письма в Центральный архив МО РФ в г. Подольск – безрезультатно.

Наконец, в августе 2012 года мне повезло. После отдыха в военном санатории в г. Сочи я поехал на поезде в Москву через Украину. Вышел в Харькове, зашёл в ХНУВС (Харьковский Национальный Университет Воздушных Сил) имени Ивана Кожедуба.

Следует отметить, что был очень тепло встречен начальником университета генерал-майором авиации Алимпиевым Андреем Николаевичем. Я подарил ему книгу о чернобыльцах Забайкальского края «Командировка в ад». Познакомив со своими заместителями, он пригласил меня на обед. И я об-

ратился с просьбой оказать помощь в поиске членов моего экипажа для готовящегося переиздания книги. И на второй день мне пришло СМС сообщение с адресами и телефонами членов нашего экипажа.

Начальник штаба ХНУВС генерал-майор авиации Котов Алексей Борисович любезно провёл меня по университету, познакомив с музейными достопримечательностями и знаменитостями.

И вот результат — присланные чернобыльцами воспоминания и недостающие ранее фотографии позволили значительно дополнить книгу о страшной трагедии XX века.

Очки лётчика для защиты от светового излучения при ядерном взрыве

Награжден (а)

медалью ордена

"За заслуги перед Отечеством"

II степени

Тугай

Валентин

Алексеевич

Награда № 114189

Президент Российской Федерации

Указ Президента Российской Федерации

от 3 ноября 2012 года

После окончания Военной академии химической защиты им. Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко летом 1985 года в звании капитана был направлен для прохождения службы в Киевский военный округ на должность начальника химической службы 36-й мотострелковой дивизии окружного подчинения. Многочисленные командно-штабные, тактико-специальные учения и тренировки, служебные командировки и полигонная практика химических войск – вот далеко не полный перечень мероприятий, входивших в мой рабочий график как начальника службы дивизии.

В очень напряжённом ритме прошёл год. Приближалось время отпуска, долгожданной встречи с родителями, близкими и однокашниками по академии. Но 26 апреля 1986 года на Чернобыльской атомной электростанции произошла экологическая катастрофа, которая оставила глубокий чёрный след в судьбах многих сотен тысяч граждан Советского Союза.

МУРАВЬЁВ
Виктор Константинович,
генерал–лейтенант

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 1 июня по 2 августа
1986 года

Уже с первых дней после аварии на станции, не ожидая указаний из штаба округа, незамедлительно организовали усиленное круглосуточное радиационное наблюдение на территории всех воинских частей и военных городков соединения. В течение двух суток были подготовлены дополнительные нештатные отделения радиационной разведки, определена и развёрнута единая сеть постов наблюдения во всей зоне ответственности дивизии. Кроме того, по просьбе партийного и административного руководства населённых пунктов, где дислоцировались подчинённые части, был организован ежедневный мониторинг радиационной обстановки в районах пионерских лагерей и зон отдыха, больниц, детских садов и школ. Весь этот значительный объём задач выполняла химическая служба соединения.

Не один рапорт пришлось написать по команде, прежде чем появилось распоряжение о моём направлении в район аварии. К 1 июня 1986 года прибыл в 912-ю оперативную группу Ставки войск юго-западного направления на должность старшего офицера оперативного отдела Управления химических войск.

В перечень основных служебных задач, которые непосредственно возлагались на меня, входили: взаимодействие с правительственными комиссиями СССР, прибывающими в сектор Ставки; организация захоронения радиоактивных отходов, поиск районов и строительство могильников для грунта, обломков реактора и техники; организация радиационной разведки и дозиметрического контроля непосредственно на атомной станции и в населённых пунктах сектора № 2; контроль и организация проведения специальной обработки объектов на АЭС, населённых пунктов, транспортных магистралей и техники, участвовавшей в работах по дезактивации; организация и контроль воздушной радиационной разведки над четвёртым энергоблоком и в районе атомной электростанции; планирование и координация работ по дезактивации местности подразделениями 25-й и 26-й бригад химической защиты; организация и контроль комендантской службы в секторе № 2, обеспечение комендантских постов приборами радиационной разведки, дозиметрического контроля и ком-

плектами специальной обработки; организация и обеспечение функционирования сети санитарных пропускников по дезактивации личного состава, работавшего на объектах станции.

Во время специальной командировки приходилось решать многие другие специфические задачи, которые требовали высокой профессиональной подготовки, мужества и творческой инициативы личного состава. Тем не менее, наибольший объём времени уходил на организацию и ведение наземной радиационной разведки и специальной обработки войсковых формирований.

Сложность разведки заключалась в том, что реактор в течение суток несколько раз мог выбрасывать в атмосферу мощные радиоактивные потоки, которые затем оседали опасными пятнами не только в пределах зоны отчуждения, но и в других районах. Для отражения показателей на рабочей карте требовалась точная радиационная обстановка в секторе № 2. Поэтому нам неоднократно приходилось проводить разведку участков местности в населённых пунктах Лелевка, Почиев, Копачи как в дневное, так и в ночное время суток. Так, 14 июня 1986 года после очередного выброса из реактора оперативный дежурный 912-й оперативной группы Ставки юго-западного направления получил тревожный сигнал о резком повышении уровня радиации в районе населённого пункта Лелевка. Для уточнения обстановки и размеров заражения местности во главе со мной был направлен дозор. По первым показаниям приборов стало ясно, что центр радиоактивного пятна находится в стороне от посёлка, на труднодоступном участке. Покинув разведывательную машину, мы с химиком-разведчиком около часа обследовали зону заражения, установив её границы и максимальные уровни радиоактивного заражения в пределах занимаемой площади. Только за это время доза облучения разведчиков составила 5 бэр. Всего же официальная доза облучения за период моей командировки составила 24,9 бэр.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 августа 1988 года я был награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени.

Экипировка перед работой в «аду»

Один из них

Конец сентября восемьдесят девятого. Погода стояла солнечная и тихая – «золотая» забайкальская осень. Пестов Владимир Михайлович, будучи командиром третьего механизированного батальона-кадра 1048-го полка ГО, дислоцировавшегося в посёлке Новокручининский, исполнял обязанности начальника штаба полка вместо серьёзно болевшего подполковника Вяльшина.

Однажды, занимаясь служебными делами в своём кабинете, Владимир Михайлович невольно через открытое окно услышал чей-то разговор. Речь, по всей видимости, шла о нём. Он подошёл к окну и увидел, что в курилке командир полка полковник В. Гурский беседует с парторгом:

– Да, но как ему об этом сказать, да ещё и при такой ситуации? И на кого возложить обязанности начальника штаба?

– Ничего особенного, пригласим и напрямую скажем.

ПЕСТОВ
Владимир Михайлович,
полковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 2 октября по 3 декабря 1989 года

Пестов спустился вниз и обратился к командиру полка:

– Извините, товарищ полковник, я случайно услышал разговор и понял, что он обо мне. Слушаю вас внимательно. – Оба собеседника, показалось, немного сконфузились. - Любое задание Родины выполню, – полушутя подтолкнул к разговору командира.

– Дошла очередь и до нашего военного округа, – начал издалека полковник. И дальше с военной прямотой: - Во вторник Вы, Владимир Михайлович, должны быть в Киеве в распоряжении начальника оперативной группы Гражданской обороны страны.

...К тому времени вся страна жила в страхе от чернобыльской трагедии. Выброс радиоактивных веществ из разрушившегося реактора к началу мая месяца восемьдесят шестого года оказался эквивалентным действию примерно восьмидесяти пяти атомных бомб мощностью по двадцать килотонн. Авария на Чернобыльской АЭС была несоизмерима ни с какой другой в мире. И, если кто помнит, в то время в средствах массовой информации началась безудержная реклама турецкого чая; вкусно и по-разному заваривали чай, закладывая в него различные добавки. В то время Советский Союз заключил договор с правительством Турции на поставку турецкого чая, это один случай из целой череды международной реакции на влияние чернобыльской радиации на экономику стран.

С целью «заглушить» дышащий радиацией разрушенный энергоблок с воздуха экипажи вертолётов МО и МВД СССР сбрасывали в самое пекло с наружных подвесок песок и свинец. В этих работах тогда принимали участие вертолётные подразделения из Нерчинского авиационного полка 23-й воздушной армии Забайкальского военного округа, экипаж которого трагически погиб.

В конце 89-го года тотальный характер работ по ликвидации последствий аварии начал меняться, дезактивация населённых пунктов была прекращена ввиду её низкой эффективности, окончательно «заморожены» работы по подготовке к пуску 3-го энергоблока.

Именно в этот период и состоялся тот «разговор в курилке», в субботу 30 сентября 1989 года.

Одним из условий направления на работы в Чернобыль было обязательное прохождение медицинской комиссии на предмет определения противопоказаний (или по-простому – годности). В связи с этим и был в недоумении командир полка: до понедельника Пестову комиссию не пройти, а приказ должен быть выполнен неукоснительно – от срока прибытия «сменщика» зависело время убытия из зоны аварии сменяемого им офицера. Поэтому Гурский тогда Пестову растерянно добавил:

– А если будешь признан негодным для Чернобыля, то и в академию, естественно, будешь не годен... – Владимир Михайлович к этому моменту уже подал рапорт о направлении его в военно-инженерную академию.

– К чему слова, товарищ полковник, и так всё понятно. Кому сдать дела? – Всё, что мог сказать Пестов.

Позднее Владимир Михайлович узнал, что не он должен был ехать в Чернобыль, разнарядка пришла на одного из офицеров окружного управления ГО, но тот срочно сделал справку о какой-то «страшной» болезни (этот капитан давно уже полковник и также давно закончил службу в Северо-Кавказском региональном центре МЧС России).

В понедельник, 2 октября, как и было предписано, майор Пестов стоял перед огромной старинной дверью Штаба гражданской обороны Украины, где ему выдали другое предписание с назначением на должность старшего офицера организационно-мобилизационного отдела оперативной группы ГО СССР, управление которой дислоцировалось в Чернобыле.

Из Киева в Чернобыль регулярно два раза в сутки курсировал микроавтобус, на котором вечером и отправились семь человек и небольшой груз – ящики с газированной водой. Среди попутчиков какой-то особой бледностью лица выделялся один подполковник (замполит одного из полков ГО). Ему становилось всё хуже и хуже. На душе у всех стало особо неуютно, когда пересекли 30-километровую зону, где на КПП сменили «чистую» машину на «грязную» – пересели в другой автомобиль. Двигаясь дальше, в окнах увидели «бездыханные» деревни, пустые магистрали и улицы, заброшенные сады со склонившимися от тяжести фруктов деревьями, оставленные, видимо, во вре-

мя спешки во дворах домов вещи, сельский скарб и брошенную технику. Сплошное безжизненное пространство. Казалось, даже птицы здесь не живут, а если и живут, то молчат, не поют. Навстречу изредка попадались люди в спецодеждах и военные, иногда и те и другие - в масках. При виде всего этого подполковник совсем «расклеился», а по прибытии на место его вынесли уже на медицинских носилках. Утром отправили в Киев, определив какую-то «загадочную» болезнь.

Чернобыль оказался небольшим, провинциальным, когда-то ухоженным городком, очень похожим на наш Краснокаменск. Здесь было достаточно оживлённо, несмотря на вечер: машины, люди и даже музыка, звучавшая из уличного репродуктора. Всех прибывших по одному принял седовласый полковник – начальник штаба. Замена была прямая - по-фамильно, поэтому оставалось только уточнить подразделение или часть, в которую нужно прибыть, и способ, как туда добраться, а также фамилию, звание и должность того, на замену которого прибыл. На склад сдали повседневную «чистую» одежду, получили специальную, респираторы и противогазы, которые на два месяца стали приложением к форме. Затем радиологи вручили каждому по счетчику-накопителю, снарядив его специальной «таблеткой», для постоянной носки этого нехитрого приспособления на кармане куртки. Майор, которого ехал сменять Владимир Михайлович, узнав, что из Киева выехал его сменщик, не дожидаясь, убыл.

Непосредственный начальник Владимира Михайловича подполковник Волков Виктор Васильевич (почти полный тёзка его бывшего комбата в Усолье-Сибирском) проживал в одном из двухэтажных домов на улице Ленина. Оказалось, одна из квартир в нём свободная, в ней и поселился Пестов.

Построение офицеров и постановка задач на день проводились во дворе штаба оперативной группы, который располагался в здании бывшей городской администрации. Как-то офицеры замерили уровень радиации на этом своеобразном плацу – прибор показал цифру, превышающую восемьсот «распадов».

Штаб ОГ ГО СССР. Ныне Администрация зоны отчуждения

«Печка» (атомная станция) находилась в десяти километрах от города и в хорошую погоду была видна из окна рабочего кабинета отдела, в котором работал Пестов. Практически в каждом кабинете под рабочими столами и в шкафах размещались ящики с газированной водой: пепси-кола, мандорра, лимонад, ессентуки, боржоми или просто газировка. Вода из водопровода и реки Припяти использовалась только для технических нужд или помывки. Чай пили исключительно из газированной воды. Каждый день тыловые службы обеспечивали этой газировкой и рабочие кабинеты, и квартиры ликвидаторов. Центральное отопление в домах не работало — топили печи. Дрова привозили и сбрасывали во дворе. Чаще это был тот самый «рыжий лес», зола которого имела повышенный радиационный фон. Её постоянно выносили во двор и централизованно вывозили в могильники (так назывались специально вырываемые котлованы для захоронения заражённого грунта, техники, зданий, мусора и отходов; заполненные котлованы зарывали землёй). Все квартиры обставляли

по-домашнему, единственное отличие внутреннего убранства в том, что стены, потолок, пол, окна и двери были обтянуты толстым, в сантиметр, полиэтиленом для защиты от проникновения снаружи радиоактивной пыли.

Работали пять дней в неделю. Завтракали, обедали и ужинали в общих столовых. Работники с «печки» питались четыре раза в день. В рационе преобладала пища, которая позволяла выводить из организма радионуклиды: мясо, молоко, солёности, овощи. Питьё – разнообразное и много; перечисленные выше газированные напитки, а также соки, чай, молоко, кофе. Для приготовления пищи в столовых воду ежедневно привозили из «чистой» зоны. Некоторые отчаянные головы пытались ловить рыбу, жарить или варить из неё уху, ели фрукты из местных садов, картофель (что категорически запрещалось), но не потому, что в столовой не хватало еды или она была невкусной, просто наш русский менталитет – «если нельзя, но очень хочется – то можно» – срабатывал даже в тех условиях.

Ещё в восемьдесят седьмом в зоне ввели сухой закон, когда на почве алкоголя начали возникать различные конфликты, в том числе и криминального характера, иногда – случаи суицида. Но это не означало, что в зоне не было алкоголя. Ликвидаторов снабжали самогоном местные жители, те, кто вернулся из эвакуации (в основном, старики); водку завозили местные магазины, торговавшие вблизи границы запретной зоны; привозили алкоголь сами ликвидаторы из кратковременных отпусков. Кроме того, водка завозилась с «чистой» земли курсирующим микроавтобусом. Учитывая, что всё же алкоголь защищает щитовидную железу и выводит радионуклиды, а также наш русский характер, ликвидаторы старались отмечать после трудового дня все праздники, приходящиеся на время их пребывания в зоне, вплоть до празднования Дня рыбака и Петрова дня.

Рабочее время ежедневно в штабе оперативной группы начиналось в девять часов утра и заканчивалось в час дня, на «печке» оно продолжалось по-разному: от пятнадцати минут до двух часов.

После обеда обязательная ежедневная трехчасовая сауна, ужин и отдых. Отдых тоже имел свои особенности. Активно

заниматься спортом и даже совершать простые пробежки в зоне было запрещено, так как активно работающие лёгкие усиленно перекачивали во время этих нагрузок воздух с примесью радиоактивной пыли. Зато работали клубы, библиотеки, кинотеатр. Часто давали концерты заезжие знаменитости – киноартисты и музыканты.

Дом культуры

Кинотеатр «Украина», ставший музеем Чернобыля

Ликвидаторы еженедельно проверяли счетчики-накопители полученных доз. Результат заносился химиками-радиологами в журнал, а по окончании срока пребывания в зоне – в персональную книжку учёта полученных доз радиации и в медицинскую карту.

В основные обязанности отдела, в котором работал Владимир Михайлович, входили: контроль ведения учёта облучения личного состава в штабах воинских частей и в подразделениях, проведение своевременной замены получивших предельные дозы; ежедневный учёт видов и объёмов работ, выполняемых частями и подразделениями в зоне ответственности оперативной группы ГО СССР; организация замены кадровых офицеров оперативной группы офицерами войск ГО страны, согласование её с кадровыми органами военных округов.

Учитывая особенность предназначения отдела, Пестов и офицеры практически ежедневно выезжали в войска, непосредственно выполнявшие работы на заражённой территории в тридцати- и десятикилометровых зонах. Не выезжали лишь на саму станцию, где работала самостоятельная оперативная группа.

Однажды Владимир Михайлович вместе с начальником отдела посещал полк ГО Уральского (тогда ещё) военного округа. Удивил исключительный порядок в городке. Аккуратно одетые солдаты и сержанты, проходя мимо, молодцевато отдавали честь незнакомым прибывшим офицерам. Они жили в палаточном лагере. Командование полка размещалось в стационарном строении, кажется, ранее принадлежавшем местной поселковой администрации. Командир полка – молодой подполковник встретил прибывших с докладом на КПП. Отрапортовав, он пригласил их в дом. Зашли в помещение, оборудованное под офицерский клуб. Посреди комнаты стоял биллиардный стол, и присутствующие раскидывали «пирамиду». Все поприветствовали вошедших. Состоялся разговор, из которого, к удивлению Пестова, стало известно, что офицеры полка только что были выведены из Афганистана. Очевидно, из-за невозможности расквартирования в округе их (некоторых вместе с жёнами) «вывели» в Чернобыль. Тогда стал понятен тот воинский порядок, который соблюдался в полку: бравые, опрятные, по-

стоянно отдававшие воинское приветствие, солдаты – приписники, орденские планки с многочисленными боевыми наградами офицеров и порядок в палаточном городке. В полку работало даже солдатское кафе.

Вечером командир, следуя «радиационному регламенту», пригласил гостей в офицерскую баньку. Солдаты имели свою и ежедневно в ней мылись. За всю многолетнюю службу в армии Пестов больше нигде не встречал частей, блиставших подобным укладом воинской жизни и отношением командования к солдатам.

Начальник отдела В. В. Волков вскоре заменился, и руководить пришлось Пестову.

Итоги работы оперативной группы ГО еженедельно сверялись с руководством станции. И здесь Пестов открыл для себя ещё один важный момент: работники Чернобыльской станции после аварии не уехали из зоны, а остались здесь трудиться. Работали вахтовым методом, причём некоторые из них по два, а то и по три «захода» за вахту.

Командировка Владимира Михайловича в Чернобыль заканчивалась 2 декабря. Результаты итогового медицинского и радиологического обследования показали полученную им допустимую норму облучения. К концу ноября каждый из прибывших вместе с ним в Чернобыль уже ожидал своего сменщика, и Владимир Михайлович стремился домой, где его ждали жена и сын, которому третьего декабря исполнялось пять лет. Пестов намеревался попасть на день рождения сына в Читу и обратился к начальнику штаба оперативной группы с просьбой отпустить его на день раньше. Но полковник был неумолим – жди смену! И только около десяти часов вечера 1 декабря начальник штаба подписал предписание и вручил Владимиру

Михайловичу все необходимые документы. Но микроавтобус на Киев уже ушёл, и добираться до аэропорта было не на чем.

Тогда Владимир Михайлович принял решение — идти пешком, а на «чистой» зоне ловить попутку. В полной темноте, прихватив дорожную сумку и забыв в холодильнике купленные в магазине по случаю колбасу и колбасный копчёный сыр, походным шагом он направился в сторону Киева. Было не только неуютно, но и жутковато идти в этой беззвучной морозной темноте. И только громкий разговор с самим собой и песни разгоняли и его страхи, и, возможно, зверьё. Расстояние до КПП тридцатикилометровой зоны преодолел лишь к утру. Утром от КПП в Славутич, рабочий посёлок сотрудников атомной станции, отходил автобус. На нём Пестов добрался до автостанции и далее другим автобусом - до аэропорта «Жуляны». И 3 декабря он уже обнимал жену и поздравлял сынишку.

Так для Владимира Михайловича закончилось выполнение «особого задания государственной важности», за добросовестное выполнение которого он командованием оперативной группы был представлен к награждению орденом. Но орден «За военные заслуги» он получил лишь в феврале двухтысячного года – вручение было приурочено к пятнадцатилетней годовщине со дня трагедии на Чернобыльской атомной станции.

Стелла в ознаменование завершения возведения саркофага

ТАРАБАКИН
Владимир Анатольевич,
генерал–майор

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии
на Чернобыльской АЭС
с 8 мая по 17 июня
1986 года

В 1986 году проходил службу в звании капитана (позже майора), в должности начальника группы вооружения Управления химических войск Сибирского военного округа (г. Новосибирск).

По решению начальника Генерального штаба 8 мая 1986 года был направлен в Управление химических войск Ставки юго-западного направления, которое к этому времени дислоцировалось в г. Чернобыле, в составе оперативной группы. Вместе со мной были откомандированы офицеры Управления химических войск СибВО – полковник Василевский Валерий Васильевич, подполковник Пикалов Георгий Анатольевич, майор Соболенко Виктор Павлович.

Утром 9 мая мы прилетели в г. Киев и были буквально поражены тремя моментами: малолюдные улицы, огромные очереди за билетами в кассы трансагентств и велокросс.

В этот же день после обеда мы уже были в Чернобыле. Представились начальнику химических войск Ставки юго-западного направления генерал-майору

Степану Михайловичу Жирякову, получили время, до утра 10 мая, на обустройство, разместились в новом общежитии какого-то техникума. На следующий день приступили к исполнению служебных обязанностей.

Я был назначен на должность старшего офицера отдела вооружения Управления химических войск Ставки юго-западного направления. Уже 10 мая выезжал на БРДМ-2рх на Чернобыльскую АЭС для проведения радиационной разведки промзоны и непосредственно в районе разрушенного четвёртого энергоблока. Картина развалин, разрушений была жутко впечатляющая. Мощности доз радиоактивного излучения по маршруту движения были очень высокие. На одном коротком участке (примерно 15–20 метров) она составила более 500 рентген (зашкалил прибор ДП-3Б).

В дальнейшем я выполнял задачи по подготовке раствора на основе изопропилового спирта, который распылялся на зданиях и сооружениях Чернобыльской АЭС, образуя полимерную плёнку, препятствовавшую пылеобразованию и разносу радиоактивных веществ. Технологическая линия была создана в механических мастерских на окраине Чернобыля.

В третьей декаде мая мне было поручено организовать работу на ст. Вильча по приёму и технологической подготовке раствора лигносульфаната натрия, так называемой «барды», которой наполнялись ёмкости, установленные на вертолётах Ми-26. С вертолётов раствор распылялся над территорией Чернобыльской АЭС, что существенным образом снизило разнос радиоактивной пыли.

На выполнении задач в зоне Чернобыльской АЭС я был задействован до 17 июня 1986 года, получил учтённую дозу радиоактивного облучения 19 рентген. К 20 июня прибыл в Новосибирск, продолжив службу на своей штатной должности.

В 1987–1988 годах ещё несколько раз командировался в Чернобыльскую зону для решения вопросов в интересах 29-го полка химической защиты СибВО.

Позднее проходил службу в Управлении гражданской обороны СибВО в должности старшего офицера оперативного отдела, затем заместителем начальника штаба химических

войск СибВО, заместителем начальника войск и начальником войск радиационной, химической и биологической защиты общевойсковой армии. В ноябре 2001 года был назначен начальником войск радиационной, химической и биологической защиты Сибирского военного округа.

Работы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС были, в основном, организованы хорошо, несмотря на новизну стоящих задач. Конечно, были и ошибки, промахи, головотяпство, которые отразились на здоровье и судьбах людей. Лично я и мои товарищи в этот период службы работали с наибольшим напряжением сил, что называется «на износ». По-другому нельзя было в той ситуации.

БОРОВИКОВ
Василий Иосифович,
полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 3 мая по 17 июня
1986 года

Второго мая 1986 года я возвратился из очередного отпуска в г. Смела Черкасской области, где проходил службу в войсковой части 35666 41-й танковой дивизии в должности начальника медслужбы. В этот же день решил проверить состояние дел в медицинском пункте. Дежурный фельдшер сообщил, что меня разыскивает командир полка, хотя мой отпуск заканчивался 5 мая. Я поспешил в штаб полка, чтобы узнать, в чём дело, а жене, которая пришла со мной в часть, сказал, что скоро вернусь. Время было вечернее, около 20-ти часов. В штабе я получил приказ об откомандировании меня в должности начальника развёрнутого медпункта полка согласно штатам военного времени и должен был до восьми утра 3 мая 1986 года принять личный состав и автотехнику для развёртывания медпункта. Техника была выделена руководством области в отличном состоянии. Причину проведения данных мероприятий я ни от кого не мог узнать. Все ссылались на «туманные» распоряжения из штаба дивизии. Командир части

предполагал, что нас направляют для оказания медицинской помощи при ликвидации какой-то крупной аварии. Всю ночь привозили гражданских людей. Их переодевали, выдавали средства индивидуальной защиты, но при этом никто не мог им объяснить, что случилось. Об этом не знали ни мы, ни они, ни наши семьи...

К восьми часам утра 3 мая мне выдали карту, на которой был указан пункт встречи с колонной медицинского батальона дивизии, и мы покинули гарнизон в г. Смела. Никто из нас не успел повидаться с родными и предупредить о внезапном отъезде. Примерно через три часа встретились с колонной медицинского батальона. Командир батальона сообщил, что с ним в колонне ещё два развёрнутых медпункта танковых полков дивизии. Нам была поставлена задача – к утру следующего дня быть в Житомирской области (название пункта не помню).

Когда наша колонна проходила через населённые пункты области, то по обочинам дорог стояли бабульки и крестили нас вслед. Во время остановок жители несли нам продукты. Когда мы прибыли в пункт назначения, нас сразу же вызвали в штаб на инструктаж. Мы, командир медицинского батальона – подполковник, два начальника медпункта – майоры и я – капитан, стояли на вытяжку перед заместителем начальника ГВМУ МО генерал-лейтенантом и его свитой (со звёздами и лампасами). Он объявил, что если не выполним поставленную задачу, то в отношении нас будут сделаны конкретные выводы. Нам выдали карты с указанными местами дислокации каждого медпункта и отправили с нами трёх полковников из какого-то засекреченного московского института.

По дороге из зоны аварии навстречу шли колонны автобусов, машин с большим количеством людей. Помню одного деда, который ехал в автобусе и держал в руках горшок с цветами, как знамя. Ещё обратил внимание, что нас обгоняли на большой скорости машины скорой помощи и пожарные. Когда мы въехали в одно из сёл, то, увидев нас, жители подняли крик, думая, что приехавшие военные будут окружать село. Они были в панике, держали в руках чемоданы, узлы. Пришлось их успокаивать, втолковывать, что у нас другие задачи.

В первые два-три дня была суматоха. Людей вывозили чуть ли не силой. Оставались только старики.

Мы же выполняли свои задачи: развернули в палатках медпункт, осуществляли дозиметрический контроль, оказывали помощь в организации эвакуации населения. В колхозной бане развернули помывочный пункт. Всех, кого привозили из зоны бедствия, подвергали дозиметрическому контролю, мыли в бане. Прибывшие сообщали нам такое, во что верилось с трудом. Помню, как одна девушка рассказывала, что на следующий день после аварии над селом нависло жёлтое облако и пошёл грязный дождь. Верить не хотелось. Видели, как вертолёты везли на тросах крупногабаритные и тяжёлые грузы, и мы от всего сердца желали лётчикам остаться в живых. На полевом аэродроме валялись парашюты с мешками, в которых находились слитки какого-то блестящего металла с надписью «Сделано в Испании».

Через две недели по приказу свыше наш медпункт свернули и отправили обратно к месту дислокации, а меня в качестве дублёра командира нашего медицинского батальона – дальше в зону. Желания, конечно, не было никакого, но приказали и я поехал. Медицинский батальон развернули в селе Горностайполь в бывшей школе. Село казалось пустым, только по ночам из часовни слышалось церковное песнопение.

Бывший комбат не справлялся со своими обязанностями, поэтому я здесь и оказался. Поначалу трудно было, не было взаимопонимания. Позднее рабочие дела пришли в норму. Однако сама обстановка в селе не позволяла забыть происшедшее. Я часто по делам службы бывал в Чернобыле. Поражало то, что в солнечном весеннем городе пусто, подъезды домов опечатаны. В школе двери и окна распахнуты настежь, на партах лежат книги, тетради. Как будто всё живое умерло. Лишь сотрудники милиции осуществляли патрулирование на бронетранспортёрах.

Хочу отдельно сказать о наших приборах дозиметрического контроля и разведки – просто слов нет от возмущения. Выданные из неприкосновенного запаса счётчики Гейгера выбросили сразу же, приборы ДП-5А и ДП-5 показывали что-то непонятное. Единственные, у которых хоть что-то имелось

пригодное из приборов, были работники станции и учёные. И мы им завидовали.

От радиации был назначен раствор калия йода, но из-за горького вкуса его невозможно было пить. Выручала самогонка, но её трудно было добыть.

Про организацию работы хочется сказать особо. Как только был развёрнут медпункт, стали поступать «партизаны», в основном, кто работал на АЭС и близко от неё. В нашу работу входило: забор анализов, общее обследование, помывка с полным переодеванием, необходимое лечение. Вначале было недостаточно медицинского оборудования и медикаментов. Неоднократно случались казусы. Так, по нашей заявке на медикаменты из Киева был отправлен КамАЗ с телевизорами.

23 мая всех работников медицинского батальона приказом командующего войсками Киевского военного округа отправили домой.

Боровиков Василий Иосифович, его жена Людмила Алексеевна и сын Василий, тоже побывавший в Чернобыле

* * *

2 мая 1986 года наша семья - мой муж, я и семилетняя дочка – вернулась из отпуска. Мы отдыхали у моих родителей в г. Счастье Луганской области Украины. О случившейся трагедии на Чернобыльской АЭС практически ничего не знали, так как в средствах массовой информации, по радио, телевидению сообщалось скупо, как о рядовом происшествии. Никто из нас не знал и до конца не понимал всей трагедии случившегося...

Первое, что нам бросилось в глаза, это отсутствие людей на перроне вокзала г. Смела Черкасской области, необычная жуткая тишина. Увидели тучи странного коричневого цвета, нависавшие низко над крышами домов. От вокзала до дома мы ехали пятнадцать минут и практически не видели на улицах города людей, детей, машин. Муж всегда переживал за работу. Заскочив домой, чтобы оставить вещи, мы сразу же пошли в часть. Я и дочь остались возле заграждения, а муж направился в медпункт, сказав, что скоро вернётся. Но это «скоро» растянулось в дни, недели томительного ожидания, слёз и неизвестности. Увиделись мы только в конце мая.

Помню, как утром 3 мая 1986 года домой прибежал солдат и сказал, что мужа срочно отправляют в командировку, домой прийти не сможет и обо всём напишет. Лишь через две недели ко мне на работу пришёл врач-травматолог из поликлиники, передал письмо от мужа, шёпотом сказал, чтобы я никому не говорила об этом, так как его «там» предупредили, что нельзя передавать ничего и рассказывать о том, что «там» делается. Из письма я узнала, что мужа переводят на другое место службы, что пока он не может писать о происходящем и что при оказии постарается передать весточку о себе.

У нас в городе тоже всё было неспокойно, тревожно. Никто никому ничего не объяснял, не говорил. Любая информация передавалась шёпотом, и то с просьбой... больше никому не рассказывать. Я была на восьмом месяце беременности и, естественно, покупала в магазине молоко в бутылках. Однажды встретила главного педиатра города Валентину Николаевну, которая шёпотом мне сказала, что на закрытом совещании горздрава предупредили: молоко, лук, щавель,

клубнику есть нельзя, так как они заражены радиацией. Но об этом сказали только им, а не населению! Спасибо ей, что предупредила. Дочь ходила в детсад, и родителей уведомили, чтобы не волновались, если вдруг детей эвакуируют за город. На прогулки на улицу их не выводили, вообще надо было обязательно надевать головной убор - панаму, косынку.

Во дворах домов мы видели людей, замеряющих радиационный фон. Как-то я подошла к одному из них и спросила, можно ли детям играть в песочнице. Он ответил, что не стоит, что радиационный фон «зашкаливает». В течение года у дочки выпали волосы, она лишилась своей гордости – косы. Для меня, мужа, дочери и родившегося сына Василия Чернобыль - часть нашей жизни, и далеко не лучшая. Мы имеем последствия этой жизни: у меня - бронхиальная астма и заболевание щитовидной железы, у сына и дочери – аллергия, у мужа – гипертония, частые гнойничковые поражения кожи, мягких тканей.

Помню, словно вчера это было, день, когда муж вернулся с работ по ликвидации последствий аварии. Я и соседка по квартире сидели и читали письмо от её мужа Василия (он был тогда в Афганистане). Вдруг открывается дверь и входит мой Вася. Худой, кожа на лице облазит, губы — сплошная короста, склеры глаз красные, слизистая рта малиновая, голоса нет. Наша встреча была похожа на встречи вернувшихся с войны в кинофильмах об Отечественной войне – крики, слёзы радости! А говорить он не мог ещё целый месяц из-за отёка слизистой гортани.

НОВИКОВ
Владимир Алексеевич,
полковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 14 февраля по 3 мая 1987 года

В 1986 году, будучи капитаном, служил в должности начальника химической службы войсковой части 62251 Сибирского военного округа.

8 февраля 1987 года я должен был ехать на сборы начальников химической службы соединений СибВО в п. г. т. Топчиха и уже получил командировочное удостоверение, но около 18 часов меня вызвали в строевую часть, попросили сдать командировочное, но вручили новое, в соответствии с которым 9 февраля я должен прибыть в Управление кадров округа.

По прибытии в УК СибВО получил новое командировочное удостоверение, в соответствии с которым поступал в распоряжение командира войсковой части 41173 – село Черемошня Иванковского района Киевской области, короче говоря – в Чернобыль.

Перед отлётом на инструктаже начальник химических войск полковник В. Тарасов сказал, что, несмотря на занимаемую долж-

ность НХС бригады, я еду на должность командира отдельной роты радиационной разведки и дозиметрического контроля 29-го полка химической защиты (фактически это была моя бывшая рота, только состояла она теперь из личного состава, призванного из резерва), что командир роты старший лейтенант А. Жирнов с обязанностями не справляется.

Встречал нас старший лейтенант Жирнов. Когда поток вопросов к нему постепенно иссяк и все заснули, он ввёл меня в курс дел в роте. В расположение полка прибыли 17 февраля в 4 часа утра. После представления командиру отправились принимать подразделения. Недалеко от палаток роты, при попытке преодолеть проволочное ограждение, мы задержали двух изрядно подвыпивших военнослужащих с двумя трехлитровыми банками мутноватой жидкости. Жирнов с трудом признал своих подчинённых. На вопрос: «Что в банках?», последовал ответ, что это средство для выведения радионуклидов из организма, другими словами – обычный самогон. В это время последовал подъём личного состава, так как в 6.30 рота выезжала на радиационную разведку в населённые пункты. На построении выяснилось, что многие солдаты – после употребления спиртных напитков. Пришлось срочно решать вопрос о перераспределении экипажей и дополнительных задач.

Со слов Жирнова, о проведении душеспасительных бесед о вреде алкоголя не могло быть и речи. Когда выяснилось, что по пути следования одного из экипажей в село Оранное имеется химико-радиометрическая лаборатория, и было принято решение сдать остатки самогона на элементный анализ. Выполнять эту миссию поручили командиру первого взвода. Сам я уехал с одним из экипажей, предназначенных для забора проб воздуха в «рыжем лесу». Вообще-то пришлось ездить по очереди со всеми экипажами и учить их премудростям ведения радиационной разведки и дозиметрического контроля. Личный состав, неспособный выполнять задачу, в течение дня готовил площадку недалеко от КПП, на которой в будущем происходило построение убывающего личного состава и зачитывались приказы на выполнение боевой задачи.

Когда через несколько дней были готовы анализы жидкости, удивлению не было предела даже у закоренелых любителей «зелёного змия». Мало того, что там собрались все изотопы атомов таблицы Менделеева, но ещё присутствовали карбид и куриный помёт. Собрали открытое партийное собрание, на котором постановили ввести в роте «сухой закон».

Зима 1987 года в Украине выдалась суровая. Морозы доходили до 36 градусов. В частях других округов на многой бронетехнике отсутствовали котлы-подогреватели или не все водители умели ими пользоваться, участились случаи возгорания машин. В связи с этим, с 20 февраля на разведчиков-сибиряков возложили дополнительные задачи по ведению разведки в населённых пунктах, которые до этого обслуживали части других военных округов. В этот период рота занималась ведением радиационной разведки, контролем за изменением радиационной обстановки и взятием проб (два раза в сутки) в населённых пунктах: Млачевка, Осошня, Бобёр, Голубиевичи, Терехи, Андреевка, Дитятки, Приборск, Хочева, Оранное, Зорин, Горностайполь, Гибин, Лапутьки, Медвин, Страхолесье, Пилявы, Богданы, Сычевка, Любимовка, Осиково, Копачи. Всего роте пришлось обслуживать более ста населённых пунктов, разведку вели в две смены, с 5 часов 30 минут и с 16 часов 30 минут. Были задействованы 20 экипажей. В полк приезжали, только чтобы заправить горючим технику и пообедать. С выполнения боевой задачи возвращались за полночь. На сон времени практически не оставалось, надо было ещё обслужить технику. Механики-водители поднимались за полтора часа, чтобы разогреть и завести машины, вовремя прибыть на получение боевой задачи. Как механики умудрялись поддерживать технику в исправном состоянии при таком напряжённом графике работы, известно только им и Господу Богу.

В конце марта 1987 года началась окончательная очистка от радиоактивных осколков кровли третьего энергоблока Чернобыльской АЭС. На личный состав роты, кроме прежних задач, была возложена работа по ведению радиационной разведки кровли. Экипажи, которые занимались ведением разведки населённых пунктов, пришлось сократить до двух человек (коман-

дир машины и механик-водитель). Химики-разведчики должны были заниматься разведкой кровли, кроме того, из них создавалась команда по удалению высокоактивных осколков. Если всему личному составу полка допускалось набирать за смену (15 - 20 сек) 0,6 рентген, то химикам-разведчикам - до 1 рентгена, но иногда получалось больше, так как невозможно точно определить уровень радиации за столь короткое время; к тому же после работы «чистильщиков» приходилось проводить повторную разведку.

Хочу отметить, что не все восприняли эту задачу с энтузиазмом. Желающих практически не оказалось. Даже коммунисты слегка «струхнули». Ведь это была по-настоящему боевая задача, а в бою, как известно, бывают потери, иногда весьма существенные. Тогда пришлось сказать суровые, но очень действенные слова: «Коммунисты, вперёд!». Два шага вперёд сделала вся рота. Пришлось выбирать самых достойных. С каждым была проведена беседа. В результате в этой группе оказались не только коммунисты, но и беспартийные, однако решающее значение имели возраст и состав семьи.

Естественно, при таких условиях работы сразу увеличилась текучка личного состава. Обучение вновь прибывающих начиналось сразу после распределения по подразделениям. Занятия организовывали замполит роты и старшина, а тот личный состав, который набрал предельно допустимую дозу и должен был убыть в течение одного дня, готовил себе замену. Этот метод оказался эффективным и многим сберёг здоровье.

По окончании смены на станции проводилась санитарная обработка с заменой белья и обмундирования, но по приезду в часть, несмотря на позднее время, на час-полтора ходили париться в свою баню, построенную в лесу.

Ежедневно во время вечерних поверок проводили дозиметрический контроль личного состава части. Кроме того, периодически брали пробы воздуха на территории АЭС, г. Припять и в «рыжем лесу», а во время его вырубки - круглосуточно. Анализы сдавали в лабораторию г. Припять.

С наступлением тепла появилась ещё одна напасть. Одичавшие и голодные собаки, которые в результате мутаций

стали размером с полугодовалого телёнка, стали сбиваться в стаи и нападать на людей. БРДМ по глубокому и рыхлому снегу не проходил, поэтому до контрольных точек приходилось добираться пешком, держа в одной руке прибор ДП-5, а в другой – монтировку для отражения нападения собак. Вооружённые отряды, созданные для борьбы с одичавшими собаками, не встретились ни разу, а сотрудники милиции, которые охраняли сёла, брошенные во время эвакуации, и оставшиеся в них ценности, собрав эти самые ценности в одну хату, сидели в ней и ждали смены.

Однажды в одной деревеньке разведчики увидели курящийся из трубы дымок, ну и подумали, что это мародёры. При проверке оказалось, что это местная бабушка, лет под девяносто, вернулась в родные пенаты помирать. Причём вернулась не одна, а с коровёнкой, обойдя все заграждения и посты. Кстати, молочко у Бурёнки показывало 0,2 рентгена. Когда об этом сказали бабушке, она ответила, что всё равно помирать, но зато на родной земле.

Со сходом снега работы у разведчиков прибавилось. Приходилось вести радиационный контроль зданий в сёлах и участков дорог с целью выявления необходимости проведения их специальной обработки, если уровень радиации превышал допустимый, и пылеподавления на дорогах подразделениями специальной обработки.

С 10 марта личный состав роты, не привлекаемый для ведения радиационной разведки населённых пунктов, был задействован для разведки и чистки кровли третьего энергоблока («Параша», «Катя», «Маша большая», «Маша маленькая», «Лариса», 7001 помещение). Из личного состава роты была создана группа для выноса высокорадиоактивных осколков.

К концу апреля я набрал разрешённую экспозиционную дозу радиации, и въезд на станцию мне был закрыт, а обещанной замены всё не было. К тому времени шла очистка кровли третьего уровня, так называемой «Кати большой». Уровни радиации на этой кровле были достаточно высокими, иногда ДП-5 просто зашкаливал, поэтому перед работавшими ставили свинцовые экраны, а по мере очистки их сдвигали. Химики-разведчики работали в двух просвинцованных рези-

новых фартуках – вещь тяжёлая и неудобная. Работали парами, так как участились случаи потери ориентации в пространстве и как результат – переоблучение. Естественно, я не мог в такой обстановке оставить своих людей.

Последний мой выезд на станцию был 2 мая 1987 года. На замену прибыл новый командир роты капитан И. Федотов. При показе специфики работы личного состава роты, а это было уже на «Кате малой» (на ней стоит вытяжная труба), мне стало «не совсем хорошо». Для снятия пришлось задействовать самоходный подъёмный кран «Демаг», предназначенный для подъёма грузов весом до 400 тонн.

К этому времени я выполнил пятьдесят три выхода на кровлю третьего энергоблока. Полученная доза облучения составила 22,946 рентгена.

4 мая я уезжал к постоянному месту службы. Командир полка просил задержаться до 9 мая, части должны были вручать Переходящий вымпел министра обороны. Однако, учитывая, что уже во время пребывания в зоне ЧАЭС 23 февраля у меня родился сын, а отпуск по семейным обстоятельствам я брать не стал, командир отпустил меня на несколько дней в Саратов, где в это время жила семья.

10 мая я уже был в командировке в г. Омске и сдавал вступительные экзамены в Военную академию химической защиты имени Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко.

ТОЛСТЫХ
Валерий Владимирович,
полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 26 апреля до 17 мая
1986 года

В апреле 1986 года лейтенантом проходил службу в должности командира взвода учебно-боевого вооружения и техники 134-й отдельной учебной роты химической защиты 269-го окружного учебного центра по подготовке младших специалистов танковых войск Киевского военного округа (п. г. т. Десна Черниговской области, Украина).

26 апреля 1986 года наше подразделение примерно в 21 час было поднято по тревоге. По прибытии в роту нам, офицерам, начальником химической службы дивизии подполковником Дегтярёвым Виталием Семёновичем была поставлена задача на снятие с хранения четырёх химических разведывательных машин (БРДМ-2рх). При этом дальнейшие действия до нас доведены не были. Офицеры роты, в том числе командир учебного взвода старший лейтенант Каргальцев С. В., лейтенант Гоменюк Ю. А., под руководством заместителя командира роты капитана Кучина С. А. к 23 часам полученный приказ выполнили.

Была организована колонна, в которую вошли грузовые автомобили учебного автомобильного батальона, на них загружены запасы индивидуальных средств защиты; и под руководством начальника химической службы дивизии совершили марш по маршруту Десна · Выжгород – Иванков – Чернобыль. Около четырёх часов утра, в десяти-двенадцати километрах от Чернобыля, колонна была остановлена нарядом милиции. И здесь из разговоров с сотрудниками милиции узнали, что случилась трагедия – авария на Чернобыльской АЭС. Мы сразу же приборами радиационной разведки (ДП-5В) произвели замеры уровня радиации, которые в тот момент в данном месте составляли 200–300 миллирентген в час.

На следующий день в 7 часов утра подполковник Дегтярёв прибыл из штаба оперативной группы, которая располагалась в г. Чернобыле, и приказал, чтобы мы выдвинулись в район деревни Копачи и расположились там в пионерском лагере, находившемся в трёх километрах от неё, на берегу реки Припять. В нашу задачу входило ведение с пяти часов утра радиационной разведки в указанном каждому секторе, и к 9 часам мы обязаны были полученные данные доложить старшему группы; после чего они обобщались в оперативном штабе. В тот период непосредственным ведением радиационной разведки занималось наше подразделение, рота радиационной, химической разведки Черниговской армии. Фиксируемые уровни радиации, которые сложились в результате аварии, во много раз превышали допустимые. Лично мной зафиксированные наибольшие уровни составляли 15,6 рентген в час.

Наиболее тягостные ощущения, которые я испытал при выполнении мероприятий по ликвидации последствий катастрофы на АЭС, это, прежде всего, празднование 1 Мая – шествие праздничной колонны при высоких уровнях радиации, а в районе моста через Припять уровень радиации достигал 5 рентген в час, и, конечно же, эвакуация населения из городов Припять, Чернобыль и соседних деревень. До сего времени помню эти мрачные обречённые лица, плач детей и женщин, вереницы автобусов, которые увозили жителей с родных обжитых мест.

В пункт постоянной дислокации (п. г. т. Десна) мы вернулись 17 мая. Здесь была основная работа, к которой нас готовили в военном училище и позднее – при службе в воинской части. Вскоре я был направлен на обследование в окружной военный госпиталь в г. Киеве, где было доподлинно установлено, что мною получена доза радиации 17,5 бэр. В течение 24-х дней проходил реабилитацию в военном санатории «Пуща – Водица».

В дальнейшем проходил службу в том же окружном учебном центре Киевского военного округа в должностях заместителя командира отдельной учебной роты химзащиты, командира учебной роты, начальника химической службы учебного танкового полка. В 1990 году поступил в Академию химической защиты (г. Москва). После её окончания в 1993 году был распределён в Забайкальский, ныне Восточный, военный округ, где проходил службу в должностях командира батальона РХБ защиты, начальника службы РХБ защиты окружного учебного центра, старшего офицера, заместителя начальника штаба; с 2003 года – начальник штаба.

Дальнейшие судьбы товарищей, с которыми вместе выполнял работу в Чернобыле, знаю хорошо, поддерживаю с ними отношения, периодически мы встречаемся. Каргальцев С. В. в звании майора уволился из рядов ВС, в настоящее время проживает в г. Мариуполь (Украина); Кучин С. А. после продолжительного лечения болезней желудка, полученных в результате ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, из рядов ВС Украины уволился, в настоящее время проживает в Киеве; Гоменюк Ю. А. в 1992 году перевёлся в Московский военный округ.

СЕРЕДИН
Андрей Анатольевич,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с апреля по август 1986 года

Проходил срочную службу в г. Новгород-Волынский, Украина, в войсковой части 44214, примерно в 350-ти километрах от Чернобыльской АЭС, рядовым, механиком-водителем многоосных автомобилей.

Конец апреля 1986 года – обыкновенный рабочий день для всех солдат части. Вдруг объявляется тревога по сбору всего личного состава части с построением в противогазах общевойсковых и ОЗК (общевойсковой защитный комплект) на плацу. Командиром части была проведена проверка экипировки, надевания противогазов и ОЗК.

В составе части имелось несколько кадрированных батальонов численностью не более 25-ти человек, и каждый имел свою специфику. Наш занимался ремонтом, обслуживанием автомобилей МАЗ-537 (седельный тягач), большинство из которых находилось на консервации в стояночных боксах. Буквально одна-две машины выполняли рейсы по перевозке крупногабаритных строительных конструкций и специальной военной техники. На-

верное, из всех солдат нашего батальона только у меня был какой-то практический опыт вождения автомобилей, так как до службы в армии работал водителем на предприятии.

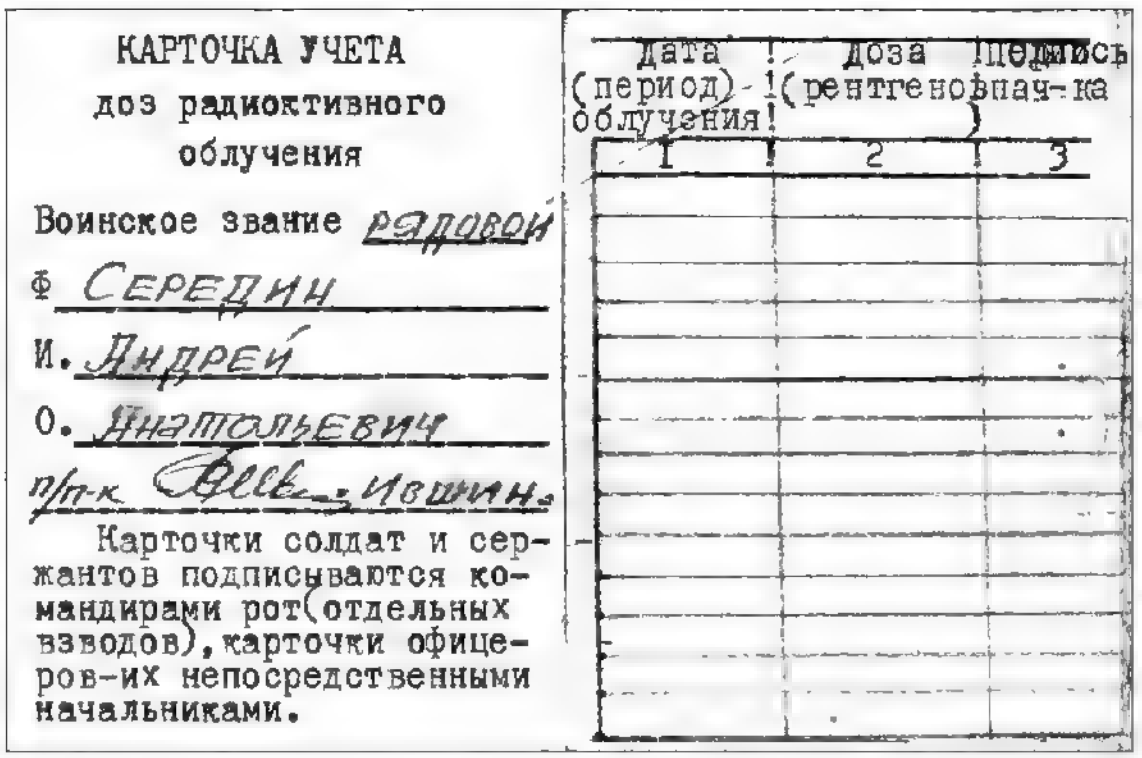
В те роковые дни мы не один раз выстраивались в колонны на автомобилях перед КПП в полной экипировке и с сухим пайком, потом — отбой тревоги и опять в часть. Осознания того, что произошла в Чернобыле такая крупная авария, не было. Понятия не имели, что такое радиация и как от неё защищаться.

Вот в очередной раз колонна у ворот КПП - и поступила команда на выезд. Мы с ребятами на двух машинах, со старшим офицером двинулись в г. Чернобыль. Весна, красивые посёлки, зелёные города, цветущие деревья, ровные дороги. Мы ехали, чтобы выполнять поставленную задачу, а заодно посмотреть на города и сёла Украины, отвлечься от однообразной солдатской жизни в части. Вдруг увидели, не доезжая до зоны аварии, знаки на проезжей части о запрещении съезда с асфальтированной дороги на обочину, чтобы не поднимать пыль. Люди в военной форме, милиция, на боку у всех сумки с противогазами, у кого-то респираторы. А у меня - путевой лист, водительское удостоверение и карточка учёта доз радиоактивного облучения, вот и вся экипировка. Прибыли в подразделение (ехали почти целый день) - большой палаточный город, техники немного, в основном, марки КамАЗ и какая-то землеройная военная техника, и мы на своих МАЗах.

Встретили хорошо, определили место стоянки машин, поставили на довольствие, и на этом всё. Конечно, питание в условиях полевой кухни в первые месяцы было очень хорошее: масло, паштеты, консервы, тушёнка; первое и второе – сколько хочешь, мясо, котлеты и др. Спали мы в машинах, разложив сиденье, а под голову подложив спинку, и вроде бы неплохо.

Началась ежедневная работа по перевозке техники на могильники. Было это практически каждый день: забери трактор из деревни, посёлка, увези на могильники, работы по захоронению грунта, разного имущества и мусора. Возвращение в палаточный городок через посты – замер радиации.

Был такой день, когда, возвращаясь из очередного рейса, приборы показали, что на машине 7 рентген, её сразу помыли из «арсов». Ну, а мы – молодые и не понимали, и не знали, и не чувствовали, как это страшно и опасно, когда водители, перевозившие на КамАЗах цемент, раствор, железобетонные плиты, получив 25 рентген, буквально через несколько дней уезжали домой. Мы же без каких-либо регистраций в карточках работали, выполняя свой долг. Радиация не пахнет, не видна, но состояние – как будто перед болезнью гриппом.



КАРТОЧКА УЧЕТА
доз радиоктивного
облучения

Воинское звание рядовой

Ф Середин

И. Андрей

О. Анатольевич

п/п-к [illegible] Ившин.

Карточки солдат и сержантов подписываются командирами рот(отдельных взводов), карточки офицеров-их непосредственными начальниками.

Дата (период) облучения	Доза (рентгенов)	Подпись нач-ка
1	2	3

Очень тревожно было, когда при проезде по сёлам видели пустующие дома, а вокруг – цветущие яблони, вишни, груши. Людей нет, только собаки странной внешности бегали по улицам.

БЕЛОЛУГОВ
Сергей Александрович,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 11 июля
по 18 октября 1988 года

Так уж сложилось в истории человечества, что на протяжении всего периода существования оно неустанно занималось изобретением новых и усовершенствованием старых видов оружия. На смену заострённой палке пришли копьё и меч, пращу заменили лук и арбалет, затем появились пищали и мушкеты, после них – ружья.

Двадцатый век стал какой-то безумной гонкой за новым оружием. Мир только-только потрясло изобретение пулемёта, и вот уже появились тяжёлые бомбардировщики и системы залпового огня...

После Второй мировой войны, казалось, предел достигнут, возникло новое, самое страшное оружие – атомное. И тут человечество словно само испугалось своего изобретения. Атому нашли мирное применение, но он, подобно дикому зверю, не всегда мирится со своей участью – быть слугой человеку. Случалось, он выходил из-под контроля своего создателя, подобно джину из бутылки, и мстил за долгие годы заточения. И неизвестно, что было бы, не окажись на земле людей, не боящихся невидимой смерти.

После службы в ЗабВО (в Монголии) в 1985 году я получил направление в Краснознамённый Киевский военный округ, в город Коммунарск Луганской области. Служил в мотострелковом полку командиром роты связи.

В 1986 году, в июне, спустя два месяца после аварии на ЧАЭС, наш полк принимал участие в учениях под Киевом. Две недели провели в 30-километровой зоне. Полк был развёрнут на 80 процентов из приписного состава военнослужащих запаса, призванных на сборы. Проводилось боевое слаживание.

В то время цели и задачи (настоящие) мы не знали, да и никто из командования толком объяснить ничего не мог. Проводился ежедневный инструктаж по технике безопасности, причём основное внимание уделялось запрещению употребления в пищу грибов, ягод, овощей, фруктов и сырой воды. Впрочем, тогда ещё не было понимания масштабов трагедии на ЧАЭС, её последствий. Значительно позже мы начали понимать, что находились в так называемом резерве.

Спустя два года, в 1988 году, меня официально откомандировали в бригаду химической защиты, которая была развёрнута от Киевского военного округа в районе села Оранное.

Офицерский состав был кадровый, а остальной личный состав - призванный из запаса, в возрасте от 25 до 45 лет. Техника, находившаяся в роте связи, была такая же, как в обычных штатных ротах связи; задачи оставались такими же, как и в действующих частях – обеспечение связью командования бригады с вышестоящим штабом и с подчинёнными частями и подразделениями.

Я проходил службу в должности заместителя начальника связи бригады. Командиром бригады в тот период был полковник Овсянников Л. В., а начальником штаба бригады – полковник Чегурунов Ю. И.

Задачи выполняли разные, в две смены - одни до обеда, другие после. В районе станции, да и непосредственно перед четвёртым энергоблоком, снимали слои почвы, выполняли необходимые хозяйственные работы.

Точную дозу облучения никто, кроме тех, кто вёл учёт, не знал. В то время, если человек получал больше установленной нормы, ему положена была дополнительная оплата, это во-первых, а во-вторых, командование за «передозировку» получало «по шапке» от руководства. А кому это нравилось?!

Работы по дезактивации проводились постоянно, без выходных дней. Кроме того, мы, связисты, занимались прокладкой и ремонтом линий связи до г. Чернобыля, где размещался штаб оперативной группы ГО СССР, Припяти, Славутича. За плечами десятки километров, пройденных с «когтями» монтажника и плоскогубцами.

Особенно незабываемое впечатление на меня произвёл городок Припять. Он был обнесён заграждением из колючей проволоки, оборудованным сигнализацией. Это был, по тем временам, молодой современный город, построенный для специалистов, работавших на атомной станции, и их семей. Въезд разрешался только по пропускам с особой отметкой. Я видел эти пустые дома, пустые улицы, детские площадки, «чёртово колесо». На окнах домов висели шторы. А в городе нет никого, кроме небольшого количества обслуживающего персонала. Картина жуткая.

Примерно за километр-полтора от станции начинало закладывать уши. Ощущение – словно ты в самолёте. Уж и не знаю отчего, может, организм так реагировал на приближение к злополучному четвёртому энергоблоку.

Четвёртый энергоблок... Именно здесь случился взрыв. Но реактор, как считалось, надёжно укрытый мощным саркофагом, всё же излучал радиацию. Неслись микро- и миллирентгены, пронизывая тела тех, кто снимал слои облучённой почвы, кто обтягивал колючей проволокой мёртвый город Припять, кто пытался спасти эти места для следующих поколений. И над всем этим шумели сосны с коричневой хвоей. Радиация была везде. Медленно она убивала живое или заставляла его перерождаться, принимать неземное обличие. А при работе в районе станции из защитных средств мы надевали только марлевые повязки, их называли «лепестками».

ЧАЭС. Четвёртый энергоблок, укрытый саркофагом

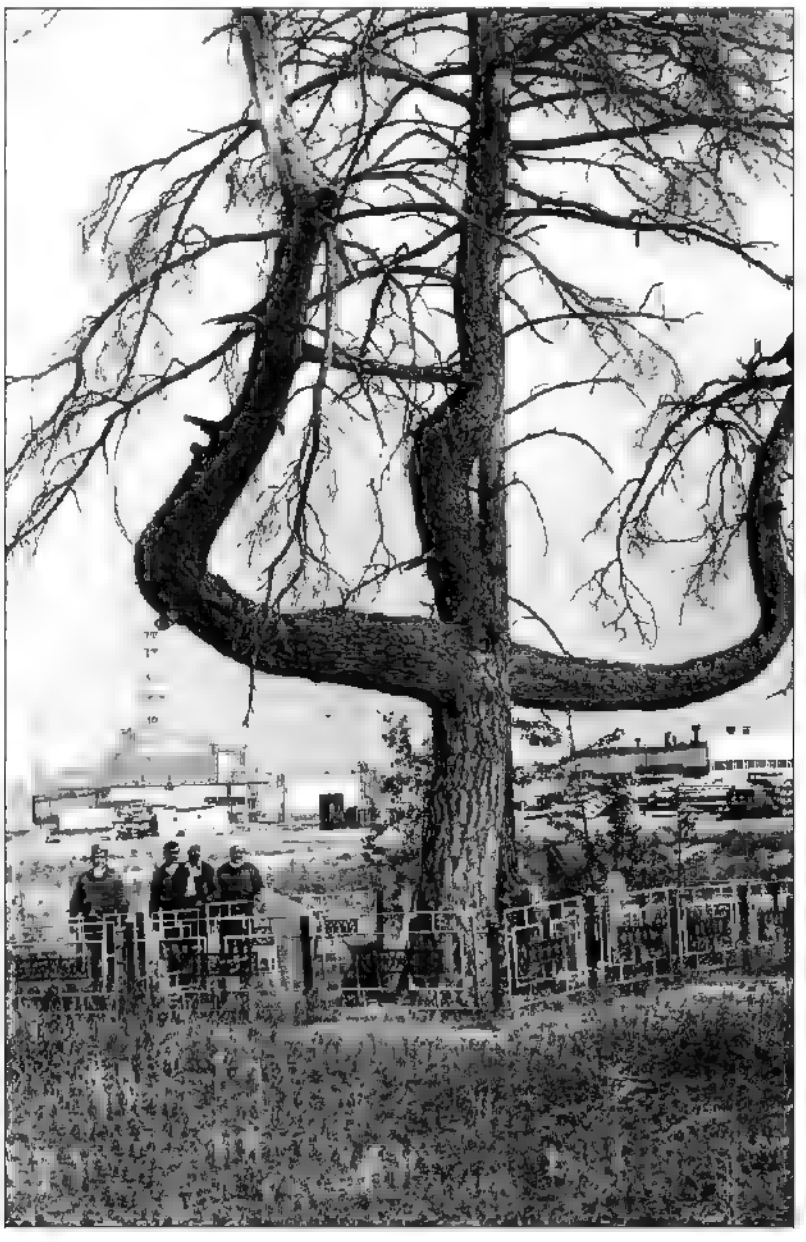
О заражённости местности можно судить из следующего примера. У водителя, который возил нас из бригады на станцию, в кузове машины лежала удочка. И вот однажды я предложил ему попробовать поймать рыбу в реке Припять. Вместо насадки на крючок скрутили бумагу от папиросы «Беломор». Через несколько минут вытащили рыбёшку примерно 200–300 граммов весом. Когда вспороли брюхо, увидели отслоившиеся кости.

Кроме непосредственных работ по специальности связиста, выполняли и другие задачи. Например, осуществлял обязанности заместителя начальника штаба бригады, составлял график работ и вёл учёт нарядов по бригаде. Шёл третий месяц командировки. В то время уже хорошо был отлажен механизм «дозировки», то есть получивший в сумме дозу облучения 5 рентген к работам в районе станции не допускался. Хотя точно определить дозу облучения в тех условиях и теми приборами дозиметрического контроля было невозможно.

Однажды на вечернем совещании командир бригады приказал оказать «шефскую помощь» коммерсантам. Так

я стал не только старшим машины, но и продавцом арбузов. Мы ездили по ближним воинским частям и торговали арбузами. Только на третий день удалось уговорить коммерсантов сбавить цену на две копейки и сдать оптом в магазин. Было и ещё много забавных историй.

О Чернобыле вспоминать не люблю, единственное важно – чтобы человечество не забывало эту страшную трагедию XX века.



Такой мы увидели сосну

Кодограмма на убытие в район аварии на ЧАЭС пришла в марте 1988 года, её довёл до нашего сведения командир разведывательного батальона 1 мед 11 ОА на торжественном вечере, посвящённом женскому дню.

Войдя в моё бедственное положение (отсутствие жилья), в обход очереди на получение квартиры, командир выделил помещение и дал трое суток на обустройство семьи. После я убыл в командировку, которая затянулась на четыре с лишним месяца.

Инженерно-дорожный батальон Прибалтийского военного округа, в состав которого я попал, дислоцировался в селе Стёганка, в пределах 30-километровой зоны ЧАЭС. Первое впечатление от района чрезвычайной ситуации оказалось ошеломляющим: отсутствие света в придорожных домах, заколоченные досками крест-накрест окна; при полном отсутствии листвы (март месяц) одно из деревьев, растущих в селе, где размещался личный состав батальона, оказалось разноцветным. Приглядевшись пристальнее, я понял,

ЧУГУНОВ
Андрей Юрьевич, полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии
на Чернобыльской АЭС
в 1988 году

что такой окрас дереву придала группа кур, сидевших на его ветках, спасаясь от стай одичавших собак, наводящих оторопь, если не сказать большего, на всё живое в селе.

Кроме личного состава батальона, в селе постоянно проживал милиционер, осуществлявший охрану имущества, оставленного жителями деревни, вывезенными из зоны отчуждения после аварии.

Под размещение батальона были отданы лучшие пустующие строения: правление колхоза занимали штаб батальона и магазин, клуб – одна из рот и т. д.

Распорядок дня, независимо от дней недели, был постоянным: подъём – 6.00, завтрак - 6.15, построение личного состава батальона для убытия в очаг аварии – 6.40, выезд – 7.00, в 8.00 – начало работ.

Хочу пояснить, что техника батальона находилась в 7–10 километрах от села, на самой границе 10-километровой зоны, и её состояние приближалось к критическому, поскольку о техническом обслуживании никакой речи не было. Кому хотелось возиться с машиной, являвшейся источником радиационного облучения, пусть и незначительного? Далее работающая техника (если могли завести) своим ходом убывала из парка к местам проведения работ.

На момент моего прибытия личный состав батальона трудился в трёх местах.

• Вблизи села Копачи, откуда осуществлялся вывоз радиоактивных отходов (честно говоря, там до 1986 года была обычная свалка бытовых отходов, но после аварии туда добавили обломки аварийного энергоблока и только в 1988 году поняли, что «погорячились», поскольку свалка находилась не дальше 5–10 метров от охладительного водоёма станции; в момент таяния снега и выпадения осадков радиоактивные вещества попадали в водоём, естественно не улучшая радиационную обстановку вблизи очага аварии) на стационарный пункт захоронения радиоактивных отходов «Буряковка». Всё, что касалось отходов с мощностью экспозиционной дозы до 5 рентген в час, с большими мощностями – в другое хранилище, с более мощной степенью защиты (бетонное укрытие).

• Укреплялась дамба между охладительным водоёмом и рекой Припять (закрытие грунта дамбы бетонными плитами).

• Осуществлялся вывоз строительных конструкций из промышленной зоны – речь идёт, в первую очередь, об оборудовании, как правило, дорогостоящем, с целью его возможной дезактивации и использования на других объектах.

Немного о батальоне. В составе три роты: две роты дорожных машин (МАЗ, КамАЗ), рота инженерно-дорожной техники (грейдеры, скреперы и т. д.) и подразделения обеспечения, в том числе и взвод химической защиты, на вооружении которого состояли машины разведки (три – УАЗ-469рх), специальной обработки (четыре – АРС, четыре – поливомоечные машины).

Личный состав, за исключением кадровых офицеров, это граждане, призванные из запаса и проживавшие в Прибалтийских республиках. Среди них было много таких, которые ранее привлекались к уголовной ответственности, хотя их отношение к поставленной задаче было ответственным. Не помню ни одного случая отказа от выполнения работ.

Непосредственно моими обязанностями были: выявление радиационной обстановки в районах выполнения задач, обеспечение батальона ВиС (вооружение и средства) химической защиты (приборы РР, СЗ органов дыхания) и контроль за облучением личного состава батальона.

Серьёзной проблемой являлось полное отсутствие в батальоне приборов, способных не только регистрировать, но и измерять степень радиоактивного загрязнения окружающей среды по β-излучению. Войсковые приборы в основном ориентированы на измерение β-излучения от применения противником ядерного оружия, а аварии на АЭС – это абсолютно другие явления по своей физической сути.

Личный состав батальона трудился, как правило, до обеда, проводимого непосредственно на ЧАЭС, после этого – убытие в полевой лагерь (парк), санитарная обработка (душ), после чего на транспортных автомобилях убывали в ППД.

В целом же, после пребывания в командировке я испытывал, нисколько не преувеличивая, чувство удовлетворения, может, даже гордости за свои войска.

Практически впервые понял, что специалисты химических войск нужны в частях, я занимался своим делом, то есть тем, чему меня учили. Я знал, чем буду заниматься сегодня, завтра, послезавтра, на следующей неделе, то есть впервые мог реально планировать свою деятельность.

Вытекание топлива через перепускные клапаны реактора

Мне пришлось побывать в г. Чернобыле в 1988 году, то есть через два года после аварии. И по истечении этих лет жутко было смотреть на те следы, которые оставила трагедия в апреле 1986 года.

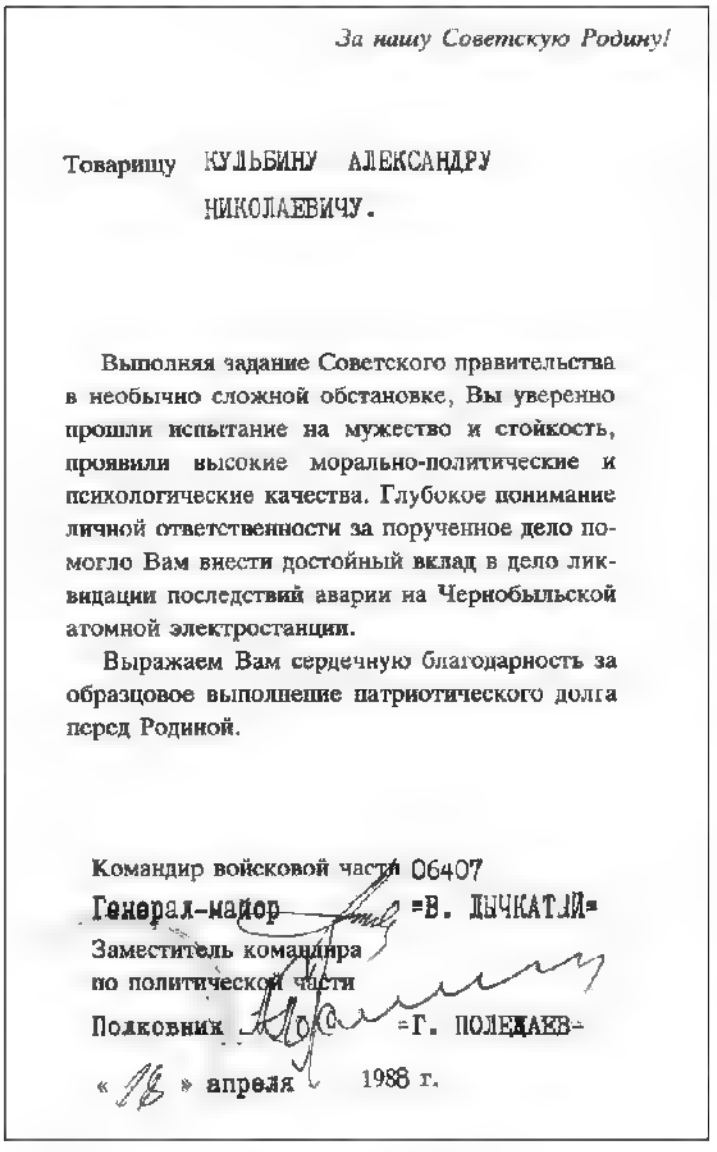
Во время командировки в Чернобыль я проходил службу в оперативной группе ГО СССР, в отделе тыла, на должности начальника КЭЧ. По весне командованием оперативной группы было принято решение о расширении группировки, и отделу поставили задачу найти места расквартирования для вновь прибывающих. Создали группу, в которую вошли специалисты – дозиметристы и КЭЧ. Мы обследовали жильё, оставленное жителями г. Чернобыля после их эвакуации. Вот здесь и раскрылась вся картина горя и ужаса, которая предстала перед глазами. Люди, в буквальном смысле, бежали, побросав всё – машины, мотоциклы, библиотеки (книги), детские игрушки и даже свадебные альбомы с фотографиями. Больно было смотреть на такое людское горе.

КУЛЬБИН
Александр Николаевич,
полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии
на Чернобыльской АЭС
в 1988 году

Радиационный контроль в 30-километровой зоне проводился постоянно. Раз в неделю на рабочих местах дозиметристы проводили замеры уровня радиации, после чего обычно выбрасывалась какая-нибудь мебель, чаще всего мягкие стулья и кресла. То же самое наблюдалось и в квартирах, где проживали офицеры. Проводился и индивидуальный дозиметрический контроль. Единственное, что хочу отметить, – дозиметры были закрытого типа и поэтому облучаемый сам контролировать уровень полученной радиации не мог.

Строгий радиационный контроль осуществлялся и за транспортом, выезжавшим за 30-километровую зону. Однажды, для того чтобы выехать на базу МТС, которая нас обслуживала, и за дровами для бани, машину пришлось трижды пропускать через СОТ – станцию обеззараживания транспорта. Особенно часто страдали от радиации в машине сиденья, так как ликвидаторы на своей одежде заносили радиоактивные частицы в кабину. Хоть и накрывали водители сиденья простынями, это не всегда помогало, приходилось подвергать их интенсивной обработке или вообще менять.



За нашу Советскую Родину!

Товарищу КУЛЬБИНУ АЛЕКСАНДРУ НИКОЛАЕВИЧУ.

Выполняя задание Советского правительства в необычно сложной обстановке, Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества. Глубокое понимание личной ответственности за порученное дело помогло Вам внести достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Выражаем Вам сердечную благодарность за образцовое выполнение патриотического долга перед Родиной.

Командир войсковой части 06407
Генерал-майор =В. ЛЫЧКАТЛЙ=
Заместитель командира
по политической части
Полковник =Г. ПОЛЕЖАЕВ=
«18» апреля 1988 г.

Ещё хочу рассказать о нашей бане и дровах. Баня работала с 9.00 до 23.00, так как ликвидаторы работали посменно. Нас могли в любое время дня и ночи поднять на выполнение какой-либо задачи, поэтому личный состав проходил термообработку (дезактивацию) в удобное для них время. За три месяца два раза ремонтировали котёл и топку.

Интересный казус, на мой взгляд, вышел у нас с дровами. Во дворе возле бани было складировано порядка двух машин брёвен. Мы заинтересовались, почему не использовали их наши предшественники. Пригласили дозиметристов и произвели замеры. Оказалось, что уровень радиации превышает допустимые нормы.

Спрашивать, почему они пролежали здесь два года, конечно, было не с кого, поэтому приняли решение на их вывоз. Привлекли гарнизонную гауптвахту, одели арестованных в общевойсковые защитные комплекты и произвели загрузку одного КамАЗа. Вот тут-то казус и произошёл – на следующий день арестованные категорически отказались от погрузки. Пришлось ждать, когда на гауптвахте появятся новые «клиенты», чтобы выполнить поставленную задачу до конца. Были вывезены две машины дров и захоронены в могильнике.

Руководящий состав подразделения, проводившего зачистку на АЭС. (Этот общительный «радиоактивный» гусь вскоре умер)

БЕРЕЗИН
Андрей Григорьевич,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 4 апреля по 10 июня
1987 года

В Советской Армии служил с 1965 года. В 1968 году окончил Благовещенское высшее танковое командное училище. С 1968 года по 1979 проходил службу в танковых частях Советской Армии, с 1979 года – в системе Гражданской обороны.

В Чернобыле находился в воинской части 06407, оперативная группа ГО СССР под руководством генерал-полковника А. Ряхова, в должности «начальника» оперативной группы на Киевскую группировку СЧК, участвующую в ликвидации аварии на ЧАЭС. Основные работы – дезактивация третьего энергоблока и населённых пунктов в зоне ответственности группировки.

Полученная доза облучения – 11,3 бэр.

Участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в должности заместителя командира батальона по политической части в составе войсковой части 75222 Прибалтийского военного округа. Часть дислоцировалась в посёлке Новая Радча Народичского района, вблизи административной границы между Житомирской и Киевской областями.

28 июня 1987 года прибыл в полк, представился командованию, командиру и личному составу батальона. В этот же день определились с командиром батальона по распределению участков работ. Это было необходимо, так как кроме выполнения обязанностей, определённых по Уставу внутренней службы, личным составом выполнялись работы на объектах, закреплённых за батальоном. Выезд на работу каждым человеком подлежал строгому учёту и осуществлялся только по приказу командира полка. Приказ готовился к 18.00 часам текущего дня на следующий день и представлялся командиру на утвержде-

СЛАВИНСКИЙ
Владимир Дмитриевич,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии
на Чернобыльской АЭС
с 28 июня по 22 августа
1987 года

ние не позднее 19 часов. После этого выписки направлялись в подразделения, доводились до личного состава на вечерней поверке. В результате каждый человек знал, на каком объекте он завтра будет работать. И только так.

Батальон численностью около трёхсот человек, как и все другие подразделения части, полностью комплектовался из граждан, пребывавших в запасе, проживавших в республиках Прибалтики и в Калининградской области. Кадровыми военнослужащими замещались только должности командира батальона и его заместителя по политической части.

Основными объектами, на которых производил работы личный состав батальона, были помещения энергоблока, смежного с разрушенным, и прилегающая к нему территория, а также завода «Юпитер» в г. Припять. Сама работа заключалась в том, чтобы очистить помещения и территорию, то есть путём дезактивации привести их к допустимой норме по уровню радиоактивного заражения. Если для этого необходимо было демонтировать имевшееся там оборудование, оно демонтировалось и вывозилось для захоронения в могильники. Объём работы выполнялся огромный.

Распределить участки работ нужно было ещё и потому, что комбат фактически подходил уже к допустимой норме облучения (на тот период времени она составляла не более 10 бэр) и становился «невыездным». Он прибыл в полк в конце февраля и уже был включён в план замены, ждал, когда приедет заменщик. Опыта по организации работы на заражённой местности у него накопилось достаточно, и он старался успеть поделиться им со мной.

Наш первый выезд с комбатом на объект работ состоялся 29 июня в г. Припять, на завод «Юпитер». В целях постепенной адаптации к новым условиям выбрали объект полегче – на нём дневная норма облучения не должна была превышать 0,2 бэр (на станции в то время она не должна была превышать 0,5 бэр). Многое он объяснил мне и показал на практике в тот и в последующие дни. Но что поразило больше всего в тот первый день и к чему я не мог привыкнуть и позже – это к пустоте в городе, где раньше проживали около 60-ти тысяч человек, и к траве по пояс везде, где она могла прорасти.

Примерно через неделю в штабе полка посчитали, что я уже достаточно освоился и получил необходимые навыки в организации работ для того, чтобы выезжать на ЧАЭС.

До конца командировки основным объектом, где приходилось организовывать работу подчинённого личного состава, была станция. От полка на ней ежедневно работали две большие команды - по 110 120 человек. Первая прибывала к 8.30, а вторая – к 14.00 часам. Возвращались в расположение полка по мере того, как каждый из состава команды отработал установленное время. Время работы одного человека за день могло быть от нескольких минут до полутора часов, в зависимости от уровня радиации в помещении или на участке территории, где производились работы.

Личный состав относился к своим обязанностям добросовестно и с пониманием сложности задач и условий их выполнения. Заявлений от кого-либо о том, что «я туда не пойду» или «я этого делать не буду», я ни разу не слышал. В батальоне, в основном, были люди возрастом старше тридцати лет, некоторым – даже больше сорока. Умельцы на все руки. То, что работать приходилось и в выходные дни, никого не возмущало. Все прекрасно понимали, куда и зачем они были направлены.

При организации работы особое внимание всегда уделялось тщательному проведению радиационной разведки и составлению карточки рабочего места.

Эта карточка представляла собой план помещения или участка с обозначением мест, где проведены замеры уровня радиационного заражения, и полученных данных. Таких точек замеров обычно делали не менее десяти, а если территория была обширной, то и больше. На основании показателей уровня заражения определялось допустимое время работы одного человека, из расчёта разовой дозы облучения не более 0,5 бэр.

Замеры уровня радиации производились специально подготовленными расчётами дозиметристов. Об этих людях следует сказать отдельно. Их отбору всегда уделялось большое внимание; они всегда первыми выходили на объект и были самой уважаемой категорией специалистов по той

простой причине, что их профессионализм был гарантией безопасности занятых на работах людей.

Одно из требований, которое я сам не нарушал и контролировал соблюдение подчинёнными, – ведение постоянного радиационного контроля на объекте по ходу работы. Важность соблюдения этого требования можно понять на одном примере. Выполняя работы по дезактивации одного из помещений, необходимо было снять бетонную стяжку на полу. Проведённая перед началом работ разведка уровня радиоактивного заражения позволяла определить время работы одного человека в пределах 15-ти минут. Через какое-то время, после того, как была снята часть бетонного покрытия, в полу обозначилась трещина. У дежурившего в помещении дозиметриста прибор зафиксировал значительное увеличение уровня радиации. Время работы после проведённого перерасчёта пришлось уменьшить до пяти минут. Оказалось, что из открывшейся трещины радиацию будто сквозняком потянуло. Вовремя обнаруженное изменение радиационной обстановки позволило предупредить необоснованное получение завышенной разовой дозы облучения работавшим личным составом. Каждый день на каждого человека в специальном журнале делалась запись о полученной им дозе облучения. Эта обязанность возлагалась на начальника штаба батальона.

Учёт доз радиоактивного облучения представлял, если так можно сказать, целый ритуал. А уж как он контролировался – без улыбки не вспомнишь. Дело в том, что у всех прибывающих время командировки было 150 суток. Но фактически оно заканчивалось после того, как человек набирал установленную суммарную дозу радиоактивного облучения. На тот период она не должна была превышать 10 бэр. Подойти к этому пределу можно было по-разному – и за месяц, и за два, и за шесть месяцев. У большинства привлечённых к ликвидации последствий аварии было желание побыстрей набрать установленную норму и уехать домой. Поэтому каждый сам вёл ежедневный учёт полученных доз, и если они не совпадали с теми, что объявлялись официально по итогам рабочего дня и вносились в журнал, начинались выяснения причин; иногда довольно бурно. Чтобы избежать конфликтов и обеспечить

максимальную гласность в данном вопросе, в Ленинской комнате батальона был оформлен стенд – ведомость учёта полученных личным составом доз облучения. Напротив каждой фамилии, в клеточке, обозначавшей конкретный день, делалась запись в виде дроби: в числителе условным знаком отмечалось, на каком объекте работал, в знаменателе – какую дозу в этот день получил. Времени отнимала такая работа много, но она позволяла снимать излишнюю напряжённость.

Стремление людей почаще ездить на работу на станцию и, таким образом, быстрее подойти к предельной суммарной дозе приводило к определённым проблемам, в первую очередь, связанным с влиянием радиации на организм и возможными опасными для здоровья последствиями. Во-вторых, существовал определённый план замены, предусматривавший график прибытия очередных команд для комплектования подразделений части. Если в подразделении личный состав быстро набирал предельную суммарную дозу, то он становился «невыездным», и получалось так, что люди есть, а задачи выполнять некому. Требовалось равномерно распределять личный состав по объектам работ, тщательно вести учёт ежедневно получаемых доз облучения. Именно так и организовывалась работа командованием батальона.

Нормальной работе во многом способствовали хорошо налаженное обеспечение и быт.

Ликвидаторы обрабатывали огромные площади

Питание было по усиленным нормам, с достаточно большим количеством овощей и фруктов, соков. Вещевое обеспечение предусматривало наличие повседневной и рабочей формы одежды. При этом рабочая форма выдавалась ежедневно непосредственно перед началом работы и сдавалась по окончании выполнения задачи дня в пункты специальной обработки. Банно-прачечное обслуживание осуществлялось ежедневно до 22 часов и находилось под постоянным контролем.

Партийно-политическая работа, как тогда её называли, также не снималась со счетов и способствовала поддержанию высокого уровня морально-психологического состояния, психологической готовности личного состава к выполнению поставленных задач. Формы и методы её проведения мало чем отличались от повседневных в практике войсковых подразделений, может быть, только большей своей конкретностью и практической направленностью. Активно работали партийный и комсомольский актив, максимально использовались возможности политических занятий и информирования, агитационно-пропагандистских и культурно-досуговых мероприятий, стенной печати и социалистического соревнования, индивидуально-воспитательной работы и т. д.

Несмотря на то, что работа была напряжённой, в какие-то периоды даже изнуряющей, и постоянно присутствовало ощущение большой ответственности, вспоминаются те дни с хорошим чувством.

Был откомандирован в качестве начальника финансовой службы отдельного инженерного батальона (с. Оранное). Однако, выполнял не только свои функциональные обязанности, но и принимал непосредственное участие в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в качестве старшего группы по дезактивации больницы № 1 города Припять.

Сделано более 30-ти выездов в район города Припять. Получил общую дозу облучения 4,31 бэр. Перенёс многочисленные заболевания, связанные с радиационным воздействием.

До вышеуказанных событий, будучи старшим лейтенантом, в течение более двух лет выполнял задачи в составе ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Участник боевых действий.

С 1989 года в звании подполковника проходил службу на разных должностях в Сибирском военном округе.

ЖУКОВ
Андрей Николаевич,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 2 декабря по 22 апреля 1989 года

РЫЧКОВ
Иван Дмитриевич,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986–1987 годах

Родился я 5 февраля 1952 года в деревне Исаково Кудымкарского района Пермской области. Вскоре родители переехали на постоянное место жительства в Ростовскую область – Семикарахорский район, станица Задоно-Качальницкая на реке Дон.

Окончив среднюю школу, поступил в Камышинское военное строительно-техническое училище. С 1972 года, получив «красный» диплом, служил в Южной группе войск в г. Будапеште. В 1975 году был назначен начальником квартирно-эксплуатационной части штаба Южной группы войск. Служба проходила, как мне казалось в то время, очень сложно из-за каждодневной встречи с руководством – командующим, начальником штаба, членом Военного Совета, с многочисленными заместителями. Для меня, молодого офицера, не имевшего достаточного жизненного опыта, казалось, что этот напряжённый ритм службы никогда не закончится.

В 1978 году заменился в Белорусский военный округ на долж-

ность главного инженера КЭЧ Лепельского района Витебской области. Зная, что образования маловато, в 1979 году поступил в Ленинградское Краснознамённое военное высшее инженерное училище, на заочный факультет. В 1985 году был назначен начальником КЭЧ Мозырьского района Гомельской области.

Узнал об аварии на ЧАЭС 27 апреля 1986 года, официальное сообщение о катастрофе поступило только 29 апреля. Отвечая на вопрос одному из журналистов, академик Легасов сослался на неожиданность трагедии: «Как специалист и участник событий могу подтвердить: масштабы аварии, её характер, развитие событий казались невероятными, почти фантастическими». Иными словами, была недопустимая растерянность.

После событий 26 апреля зона заражения местности на территории Белорусской ССР вошла в сектор № 1. Оперативный штаб сектора № 1 располагался в посёлке Рудаково Брагинского района Гомельской области. Начальником группы был генерал-майор К. Н. Жадан. В оперативную группу входили все начальники служб, предусмотренные уставами ВС. На территории сектора № 1 находилось пять развёрнутых полков гражданской обороны, не считая мелких вспомогательных подразделений. В задачу входило обеззараживание местности, строительство могильников и многое другое (работа в 30-километровой зоне).

Участие в формировании полков принимали Белорусский, Уральский, Среднеазиатский, Северо-Кавказский военные округа.

Все подразделения размещались в палаточных городках (использовались палатки УСБ на 20 человек), офицеры располагались в сборно-щитовых домиках.

Техники было очень много разной – специальная, инженерная, автомобильная и др. Но был один недостаток – большое количество личного состава, не знавшего, чем конкретно заниматься.

НОСЕНКО
Владимир Петрович,
полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 17 января
по 27 марта 1987 года

В то время в воинском звании капитан с должности командира гаубичной артиллерийской батареи воинской части 28197 (г. Одесса) был откомандирован по замене в воинскую часть 44316 на должность командира инженерно-саперной роты (отдельный механизированный полк гражданской обороны). Приказание на убытие к месту аварии было мною воспринято беспрекословно. Возникшее тогда любопытство увидеть воочию атомную электростанцию значительно преобладало перед реальной радиационной опасностью и угрозой здоровью и даже жизни.

Так получилось, что первый день моей командировки в Чернобыле совпал с днём моего рождения – 17 января, и достиг я тогда возраста Христа – 33 года от роду.

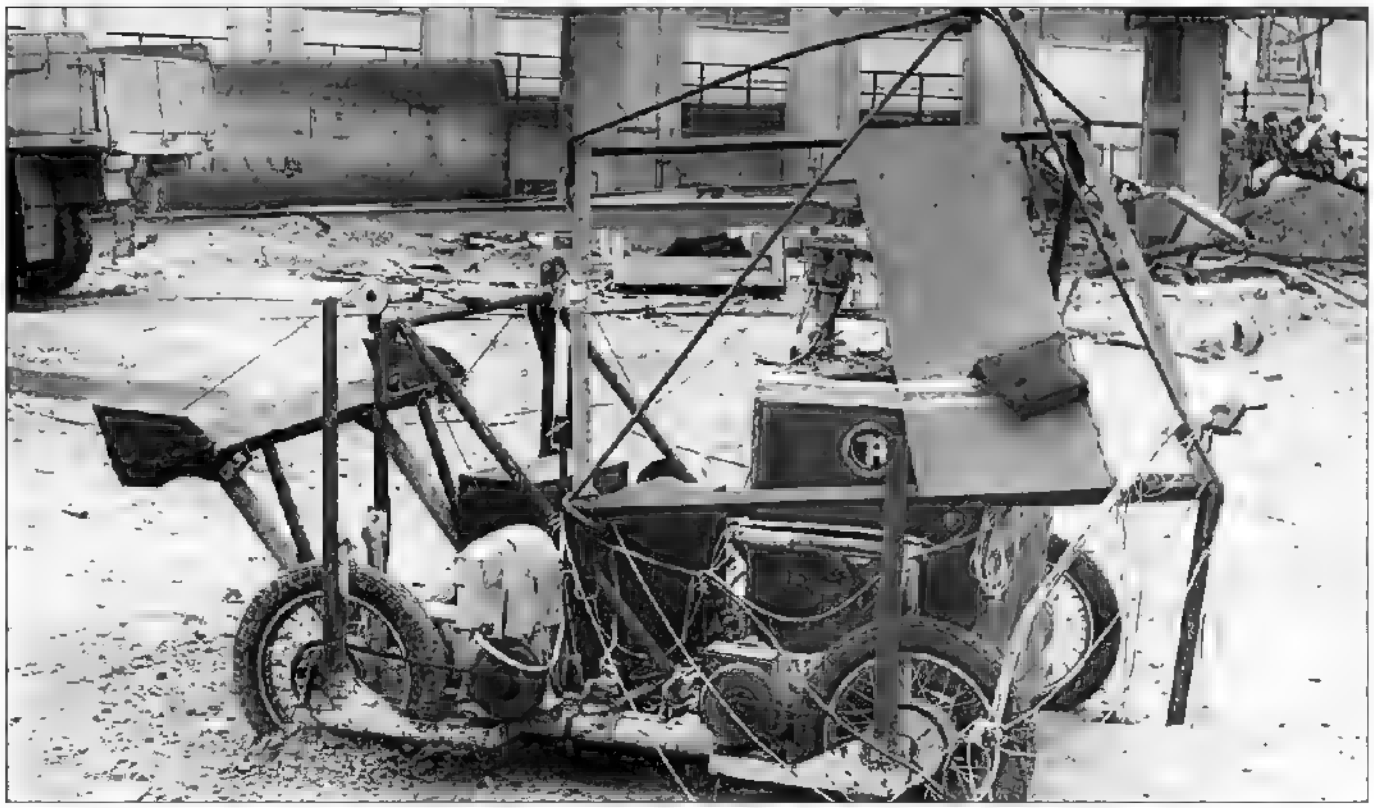
Полк размещался в трёх километрах от посёлка Старые Соколы Иваньковского района Киевской области, на опушке леса, на самой границе 30-километровой зоны. На ЧАЭС приходилось ездить через город Чернобыль и далее 12 километров до станции.

Следует отметить, что полк размещался в сборно-щитовых деревянных зданиях, но для размещения рядового состава преобладали большие и вместительные палатки, «обшитые» внутри деревом. Имелись бани, где после работы можно было расслабиться и смыть с себя радиоактивную пыль. В десятках километрах от нашего полка находились части других округов – МВО, КВО, ЛенВО и СибВО. Наш полк задачи выполнял разнообразные, включая и работы по дезактивации помещений и техники непосредственно на самой станции и на въездах в Чернобыль. Зима в тот год была довольно снежная, поэтому наряду с хлопотами по очистке дорог и подъездов к основному объекту работ имелся и положительный момент – снег немного снижал радиоактивное излучение.

Приняв под своё командование 12 офицеров запаса и 60 сержантов и рядовых запаса, положенную по штату технику - колёсную и гусеничную, в работу включился буквально с первых дней. Уже на второй день я увидел город Чернобыль и саму атомную станцию, а также разрушительное действие вырвавшейся на свободу радиации. Саркофаг над разрушенным четвёртым реактором уже был сооружён, но в полной мере от выхода радиации он не защищал, и не защищает в настоящее время. Радиационный фон менялся ежедневно в большую или в меньшую сторону. Поразил «сгоревший» от радиации сосновый лес в непосредственной близости от ЧАЭС. Зелёные прежде иглы на деревьях были все жёлтые.

Целую неделю практически весь наш полк участвовал в очистке леса под корень, со снятием полуметра почвы и захоронением вблизи станции в оврагах. Самая неприятная работа, которую пришлось выполнять, это полная очистка в Чернобыле домов и квартир от мебели и другого имущества и вывоз всего этого на так называемые могильники. Но самое гнетущее впечатление произвёл «мёртвый» город энергетиков Припять, где даже птиц не было видно. Не очень приятно было видеть продовольственные магазины с разбитыми витринами, вздутыми и разбросанными банками консервов и взломанными сейфами.

Длительное время мы работали на самой станции (ежедневно не более четырёх часов за смену), где в бывшем производственном цехе под руководством гражданских специалистов пытались специальным парообразным раствором сбить и понизить уровень радиации на дорогостоящих передвижных роботах – типа луноходов с дистанционным телеуправлением. Но это положительных результатов не давало, хотя на обработку одного такого лунохода уходило около двух рабочих дней.



Первый советский робот, работавший на крыше третьего блока ЧАЭС

Считаю, что свой вклад в дело ликвидации последствий аварии на ЧАЭС я внёс. Выполнял все порученные задания в срок и за это получал от командования полка и нашей опергруппы благодарности и грамоты. Представлялся командованием полка к награде орденом и к досрочному присвоению воинского звания майор, но по неизвестной причине в тот период ни награда, ни звание так и не достались. Всё это пришло через годы, во время службы в штабе ЗабВО. Только 14 декабря 1996 года Указом Президента РФ за мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, я был награждён орденом Мужества.

Когда я работал на атомной станции, не задумывался о наградах, это кощунственно по отношению к погибшим и пострадавшим в той катастрофе. Я просто выполнял свой долг, берёг, как мог, подчинённых. В свою очередь и они меня никогда не подводили.

За время командировки получил дозу облучения 23,81 рентген, при предельно допустимой - 25 рентген. Но это не реальная доза. Я и мои подчинённые получили дозу гораздо большую, чем это официально было зафиксировано. Реальные показатели, которые снимал с наших накопителей офицер-дозиметрист, были засекречены и не оглашались. Барьер облучения в 25 рентген преодолевали только недобросовестные начальники, которые реально не могли набрать такую дозу, но приписывали себе это, чтобы обогатиться материально.

Огромные 300-тонные краны «Демаг» управлялись операторами из безопасного места. Работы велись круглосуточно, а для освещения объекта ночью сверху использовался привязной аэростат с осветительной «люстрой» мощностью 40 кВт.
Фото Е.С. Королёва (г. Долгопрудный)

Лично для меня участие в ликвидации аварии на ЧАЭС имело как положительные, так и отрицательные последствия. К положительным можно отнести карьерный рост и переход в штаб ОДВО на должность офицера и затем старшего офицера отдела службы войск в 1987 году, а затем убытие по замене в штаб ЗабВО (СибВО), где прослужил 13 лет. Отрицательные последствия - тяжёлые заболевания, инвалидность и досрочное увольнение по болезни в августе 2001 года.

ДУЧИНСКИЙ
Олег Григорьевич, майор

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с июня по октябрь
1986 года

Участвовал в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в составе воинской части 55763 в звании капитана медицинской службы, на должности начальника медицинской службы, а также руководил взводом санитарной обработки личного состава. Командовал частью подполковник Масько Георгий Стефанович.

Накануне командировки я проходил службу в КБВО, г. Борисов, в воинской части 42760 (Отдельный батальон химической защиты), на должности начальника медицинской службы.

Перед прибытием на место работ часть укомплектовали приписным составом возрастом до 35 лет, срочники в работах не участвовали.

12 июня 1986 года в полном составе своим ходом часть направилась к месту работ. На период выполнения задач поменялся номер части – на 55763. Прибыли в деревню Деряжня Могилёвской области. После выполнения определённых работ передислоцировались в деревню Малиновка, затем в деревню Веприн Чериковского района Могилёвской области.

Накануне возвращения в подвижный пункт дезактивации произвели специальную обработку техники и выдвинулись железнодорожным транспортом и автомобильной колонной к следующему месту работ.

Многие чувствовали металлический привкус во рту, но через несколько дней эти ощущения прошли.

Всем выдали специальное обмундирование. Провели инструктаж и занятия, так как это был первый год после аварии, многие имели очень смутное представление о радиации.

Разведывательная рота на БРДМ выполняла радиологическую разведку по населённым пунктам, затем составлялась карта заражённых участков. На наиболее заражённые объекты направлялись подразделения для проведения дезактивации. Я, как начальник медицинской части, имел тесный контакт с главным врачом санитарно-эпидемиологической станции.

Ежедневно после работ производилась помывка личного состава. Для этого были две установки ДДА-66 и пять машин подвоза воды. Воду возили за десять километров из чистых проверенных источников. Медицинский пункт располагался в школе. Так как в деревнях не было врачей, то уже со второго дня потянулись больные из местного населения. Мы никому не отказывали, помогали, чем могли. Стариков возили в районную больницу, а также рожениц. Один раз пришлось принять роды в санитарном автомобиле УАЗ-452.

Кроме того, в составе отдельного батальона приходилось выполнять несвойственные задачи, например, тушить пожары.

Отношение со стороны местного населения было очень хорошее. Детей в районах, где проводились работы, осталось мало, многих отправили к родственникам, подальше от места аварии. Были и курьёзные случаи. По указанию командира я с учителями ездил по деревням и уговаривал родителей отпустить детей на отдых в «Артек».

Были и приписники, панически боявшиеся радиации (правда, только в первое время), готовые спать в респираторах, которые стали предметом шуток и насмешек. Но нытиков не было.

Указом Президента РФ от 27 июня 2007 года был награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» II степени.

В 1986 году я проходил службу в воинской части 22705 ВВС Киевского военного округа, аэродром Белая Церковь – командир вертолёта Ми-2, в звании капитан.

Первый вылет по плану ликвидации аварии на АЭС выполнил 2 мая 1986 года с аэродрома Белая Церковь на площадку Чернобыль, перевёз группу техников и запчасти для вертолётов радиационной разведки. В мае – июне выполнял и другие задачи по перевозке личного состава и грузов на площадку Чернобыль.

В июле был включён в объединённую оперативную группу ВВС Киевского военного округа с местом базирования в посёлке Гончаровское, в 50-ти километрах от Чернобыля. В течение месяца решались особо важные задания по ведению радиационной разведки в 30-километровой зоне и за её пределами – полёты по забору проб воды, грунта, растений, насекомых, молока и других продуктов на территории Украины и Белоруссии. Эта работа осуществлялась совместно с учёными Киевского института радиологии и в интересах Правительственной комиссии.

СУРКОВ
Владимир Юрьевич,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с мая по июль
1986 года

Доза полученного мной облучения – 11 рентген. За май, июнь доза облучения не была определена.

Награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени.

Вместе со мной принимали участие в ликвидации последствий аварии однокурсники по Сызранскому вертолётному училищу: Куколев Валерий – проживает на Украине; Окунев Александр – в Воронеже; Бойков Александр – проживает в Петрозаводске; Дамдинов Виктор – проживает в Забайкалье, в посёлке Угдан; Юрий – в Сызрани; Бунчин Алексей – проживает в Белоруссии.

Командиры экипажей вертолётов, выпускники Сызранского вертолётного училища (слева направо): майор Бойков А. Н., капитан Дамдинов В. Ж., капитан Сурков В. Ю.
Снимок сделан после выполнения полётов на Чернобыль 10 июля 1986 года в месте дислокации объединённой оперативной группы ВВС КВО, п. Гончаровское

Для выполнения правительственного задания по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС был направлен из воинской части 18310 – г. Чита Забайкальского края. Девятого декабря 1986 года за свой счёт прибыл в воинскую часть 13786, которая находилась в г. Борисполь Киевской области.

Занимались обслуживанием вертолётов Ми-26 и Ми-6, которые летали непосредственно на четвёртый реактор и были заражены радиацией. Через пять дней выданные «пальчиковые» дозиметры зашкаливали от повышенной в вертолётах радиации.

Так как я был специалистом первого класса по радиоэлектронному оборудованию, выполнял его ремонт в этих вертолётах. Неисправности устраняли вместе с начальником группы обслуживания, который прибыл в командировку из Грузии.

В так называемые «парковые» дни осуществляли предварительные подготовки к вылету, к повторному вылету, послеполётные подготовки, а также занимались экипировкой этих вертолё-

МАРЧЕНКО
Юрий Петрович, прапорщик

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 9 декабря 1986 года
по 5 марта 1987 года

УДОСТОВЕРЕНИЕ

перенесшего (ей) лучевую болезнь или другие заболевания, связанные с радиационным воздействием; ставшего инвалидом

Серия А № 031116

Фамилия Марченко
Имя Юрий
Отчество Петрович
Основание выдачи военкомат Читинской области
Личная подпись

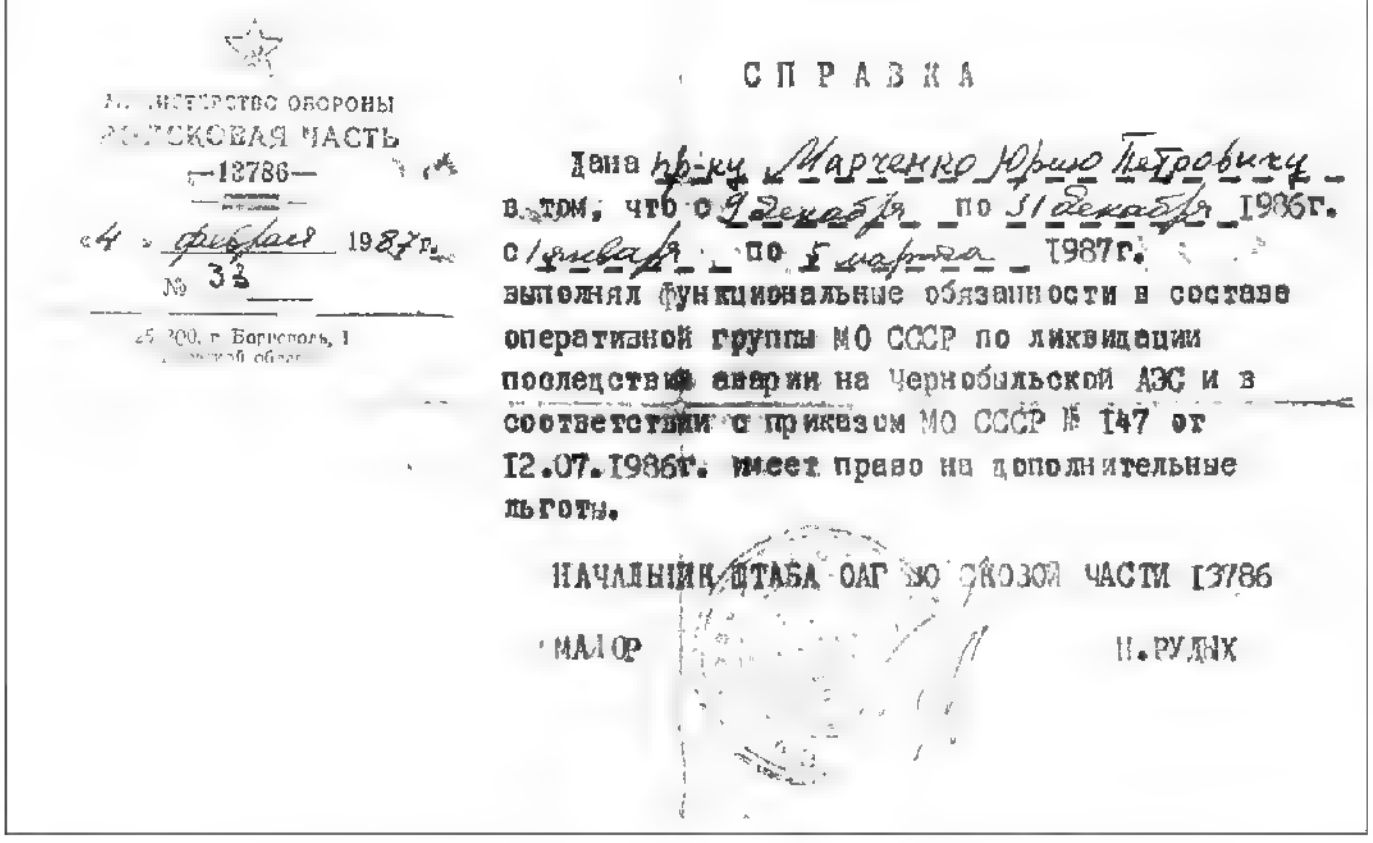
Предъявитель удостоверения имеет право на компенсации и льготы, установленные Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»

УДОСТОВЕРЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Военный комиссариат Читинской обл.
(учреждение, выдавшее удостоверение)
полковник — Скипурак
(подпись руководителя учреждения)

М. П.

Дата выдачи «17» марта 1999 г.



МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ
РОТСКОВАЯ ЧАСТЬ
—13786—
«4» февраля 1987 г.
№ 32

СПРАВКА

Дана гр-ну Марченко Юрию Петровичу в том, что с 9 декабря по 31 декабря 1986 г. с 1 января по 5 марта 1987 г. выполнял функциональные обязанности в составе оперативной группы МО СССР по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и в соответствии с приказом МО СССР № 147 от 12.07.1986 г. имеет право на дополнительные льготы.

НАЧАЛЬНИК ШТАБА ОАГ ВО ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 13786
МАЙОР Н. РУДНЫХ

тов, чтобы они могли выполнять те задачи, которые ставило перед нами руководство оперативной группы МО СССР по ликвидации последствий аварии на атомной станции.

По окончании командировки вернулся в воинскую часть 18310, а 15 мая 1987 года был откомандирован в ГДР. Вскоре, в июне попал в госпиталь, где поставили диагноз – гипопластическая анемия крови.

ЯЦЕНКО
Алексей Валентинович,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 2 по 28 июля
1986 года

Участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в должности командира взвода специальной обработки в воинской части 20040 (полк химической защиты), место дислокации – посёлок Новосёлки Гомельской области.

В район ликвидации прибыл в звании курсанта выпускного курса Тамбовского высшего военного командного училища химической защиты.

Полк проводил дезактивационные работы на объектах Чернобыльской АЭС и в районах Гомельской области, населённых пунктах Хойнинского, Кормянского, Добрушского и Чечерского районов Белорусской ССР.

Служащие взвода выполняли, в основном, следующие задачи: сбор, загрузка, вывоз и захоронение заражённого грунта и других радиоактивных материалов в могильниках.

Индивидуальный дозиметрический контроль личного состава не проводился, поэтому трудно сказать о точной полученной дозе облучения.

Последняя занимаемая мной должность в Вооружённых Силах – старший офицер Управления войск РХБЗ Сибирского военного округа.

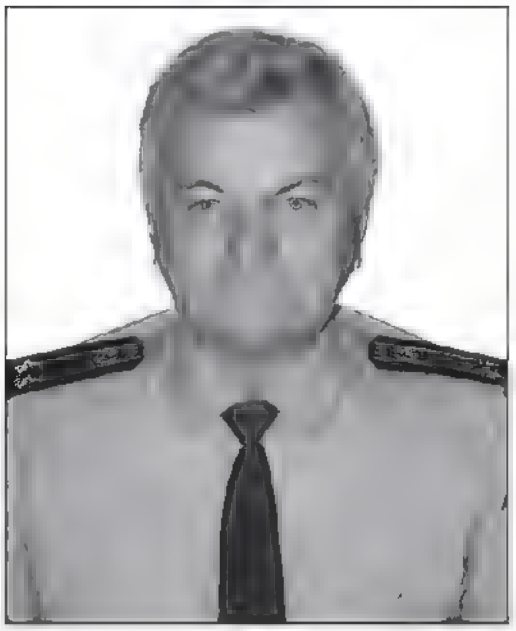
ЖУРАВЛЁВ
Андрей Вячеславович,
полковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году

В июле 1986 года в составе 4-го курса Тамбовского высшего военного командного Краснознамённого училища химической защиты имени Н. И. Подвойского был направлен для прохождения войсковой стажировки в должности командира взвода в район аварии на ЧАЭС.

Взвод выполнял задачи по дезактивации зданий и сооружений на станции. В конце июля укладывали железобетонные плиты на территории станции. В ходе выполнения поставленных задач проводили радиационную разведку и наблюдение за фоном, а после выхода из района – специальную обработку техники и помывку личного состава.

Учитывая то, что мы, молодые курсанты, находились не на штатных должностях, на станцию выезжали не ежедневно. Однако даже не многоразовых выездов вполне хватило для получения необходимого для последующей деятельности в войсках опыта работы.



ВЕЩЕВ
Владимир Сергеевич,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 6 по 31 мая 1986 года

Родился 27 декабря 1953 года в городе Лунинец Брестской области БССР.

В 1971 году окончил Ленинградское Суворовское военное училище с золотой медалью, в 1975 году – Киевское высшее общевойсковое дважды Краснознамённое училище имени М. В. Фрунзе.

Службу проходил в войсках Краснознамённого Киевского военного округа, в штабе ЗГВ, в ЗабВО был военным комендантом комендатуры Нерчинского гарнизона. Награждён орденом Мужества.

В 1986 году в звании майора был командиром воинской части 39289 (368-й отдельный батальон охраны и обслуживания штаба и управлений ККВО).

В тот 1986 год, после празднования годовщины Победы в Великой Отечественной войне, на базе Краснознамённого Киевского военного округа должны были проводиться большие оперативные сборы руководящего

состава Министерства обороны СССР, военных округов, членов правительства.

Руководителем сборов был назначен министр обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов. Одним из вопросов, который должен был отрабатываться во время сборов, было обеспечение руководством войсками фронта в боевых условиях. В связи с этим, все части, обеспечивавшие управление фронтом - полк охраны (по штату военного времени), бригада связи, инженерно-саперная бригада, батальон ФЭБ, части тылового обеспечения и другие, были выведены в районы КП, ЗКП и ТПУ фронта.

Указанные районы полностью оборудовались в инженерном отношении укрытиями для техники, личного состава, создавались опорные пункты для обороны, маскировка, то есть делалось всё, как было бы в реальной боевой обстановке. В двадцатых числах апреля всё было готово к проведению сборов.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза С. Л. Соколов, Главком юго-западного направления, генерал армии В. В. Герасимов, командующий ККВО генерал-полковник Б. В. Громов, начальники оперативных управлений произвели облёт районов расположения войск. Проводилась аэрофотосъёмка для контроля маскировки.

После проверки командирам частей было приказано технику оставить в районах, организовать охрану, а личный состав на праздничные дни до начала сборов отправить в места постоянной дислокации.

26 апреля 1986 года, как обычно, в 6.45 я прибыл на службу, так как в 7.00 я, комендант штаба, начальник ХОЗО штаба ежедневно докладывали начальнику штаба о проделанной работе, получали указания на день.

Дежурный по части начальник службы ракетно-артиллерийского вооружения старший лейтенант О. Н. Пих доложил, что ночью по приказу оперативного дежурного по округу был снят с хранения УАЗ-469 для оперативной группы Управления гражданской обороны округа. Оказалось, группа офицеров во главе с исполняющим обязанности начальника Управления ГО округа генералом Суятиновым выехала

в район Чернобыльской АЭС, чтобы на месте разобраться, что там произошло.

Доложив об этом начальнику штаба округа генерал-лейтенанту М. Н. Калинину, мы прибыли в ЦБУ округа. Там уже находились начальник Управления химических войск генерал-майор Тюрин, начальник Управления инженерных войск генерал-лейтенант Королёв, группа офицеров управления. Генерал-майор Тюрин доложил начальнику штаба округа генерал-лейтенанту М. Н. Калинину данные проведённой химической разведки и всей обстановки в целом, обозначенной на карте оперативной обстановки в районе ЧАЭС. На то время около трехсот населённых пунктов уже были подвергнуты в различной степени радиационному загрязнению, и число их увеличивалось.

Начальник штаба округа генерал-лейтенант М. Н. Калинин приказал подготовить подробную справку-доклад командующему войсками Киевского военного округа генерал-полковнику Громову и первому секретарю ЦК КПУ В. Щербицкому. Уточнённые данные с места аварии на станции передавались группой генерал-майора Султанова ежечасно. Управлением войсками занималось оперативное управление округа под командованием генерал-майора М. Цыкун.

Мне было приказано снять с хранения 30 автомобилей УАЗ-469, подготовить ГАЗ-13 («Чайка») и несколько гостевых автомобилей «Волга» для отправки в Чернобыль, водителей обеспечить средствами защиты, дозиметрами, шанцевым инструментом, дополнительным комплектом обмундирования, индивидуальными медицинскими аптечками.

Было организовано техническое обеспечение, тыловое и медицинское обслуживание личного состава.

Вызов офицеров и прапорщиков производился только распорядительным порядком, без объявления команды «сбор». В 13.00 прибыла группа во главе с первым заместителем командующего войсками Киевского военного округа генерал-лейтенантом Фоминым. Начальником штаба оперативной группы был назначен первый заместитель начальника штаба округа генерал-майор И. С. Шматко. Был получен приказ об отмене проведения планируемых сборов.

Весь субботний день – 26 апреля 1986 года личный состав роты легковых автомобилей был занят встречей в аэропорту Борисполь генералов и офицеров Министерства обороны, специалистов - химиков, ядерщиков, доставкой их в аэропорт Жулены.

Был получен приказ о подготовке полевых пунктов управления к передислокации в район Чернобыля после проведения празднования 1 Мая.

Минимальное количество штабных машин, в основном машин восьмого отдела, химических и инженерных войск, было отправлено в ночь с 26 на 27 апреля к месту сбора в Чернобыле. Машины уходили в одиночном порядке, без какого-либо сопровождения, чтобы не создавать паники среди населения.

Средства массовой информации только один раз, и как бы между прочим, оповестили, что на ЧАЭС произошла какая-то авария, поэтому киевляне готовились к майской демонстрации, проведению велогонки и к другим праздничным мероприятиям.

В ночь со 2 на 3 мая в район Чернобыля была передислоцирована основная часть полевого пункта управления. Передислокация частей, подчинённых штабу округа, производилась под руководством заместителя начальника штаба округа генерал-майора П. Г. Костенко и начальника оперативного управления округа генерал-майора М. Цыкун.

До 29 мая 1986 года личный состав воинской части 39289 занимался обеспечением работы Правительственной комиссии, представителей командования Министерства обороны СССР, Главкома войсками юго-западного направления. На первом этапе штаб находился на территории Чернобыльского райкома КПСС.

29 мая 1986 года была создана воинская часть 89582 - оперативная группа Киевского военного округа, воинская часть 39289 вошла в её состав и переместилась в село Терехи.

Обстановка в Чернобыльском районе в первые дни была напряжённой. Присутствуя на совещаниях, которые проводили заместители председателя Совета Министров СССР,

Щербина, Силаев, предполагали, какой объём мероприятий необходимо было срочно выполнить.

Самоотверженно трудились экипажи вертолётов армейской авиации при проведении радиационной разведки и засыпке четвёртого энергоблока свинцом и песком. Руководство армейской авиацией в первый период осуществлялось генерал-майором Н. Т. Антошкиным. За мужество и самоотверженность ему присвоено звание Героя Советского Союза.

Думаю, что представители ВВС сами расскажут о подвигах своих сослуживцев, о трагедии экипажа вертолёта из Нерчинского вертолётного полка.

Нельзя не вспомнить о работе шахтёров, проложивших тоннель под станцию для откачки находившейся там воды, так как все работы выполнялись в условиях повышенной радиации.

Настоящее мужество и героизм проявляли военнослужащие, призванные из запаса в Харьковскую бригаду химзащиты (или Чугуевскую, место постоянной дислокации бригады точно вспомнить не могу), в полк ГО Киевского военного округа, которые занимались расчисткой крыши от радиоактивного мусора, сварочными работами и заливкой бетона при сооружении саркофага.

С большой благодарностью вспоминаю своих подчинённых – военнослужащих срочной службы, которые, несмотря на то, что уже был приказ Министерства обороны СССР об увольнении, все убыли в район ЧАЭС, находились на самых ответственных участках. За проявленное мужество шестеро из них были награждены орденами Красной Звезды.

Водитель сержант Павленков, который обеспечивал работу Героя Советского Союза, начальника химических войск генерал-полковника Пикалова, был удостоен награждения орденом Боевого Красного Знамени.

Приходилось видеть работу ученых-ядерщиков, академиков В. А. Легасова, Е. П. Велихова, проводимые ими совещания и рекомендации по проведению работ. Очень жаль, что из-за политических интриг заслуги Легасова своевременно не были оценены.

При проведении эвакуации населения из зон заражения столкнулись с рядом проблем. Если в районных центрах были хоть какие-то планы эвакуации, то в местных органах самоуправления — сельских Советах этим вопросом мало кто занимался.

В начальный период остро ощущалась нехватка врачей, для обслуживания населения в первые дни привлекались студенты-добровольцы, выпускники Киевского медицинского института. Позже этот вопрос был решён за счёт призыва из запаса.

Это сейчас в МЧС собраны специалисты разного профиля, а что мог раньше сделать один начальник штаба ГО района, если все вопросы решались в администрациях только на бумагах.

При проведении работ в зоне ЧАЭС пришлось столкнуться с таким понятием, как «наведённая» радиация. Дело в том, что с прибытием и размещением военных в здания государственных учреждений, в гостиницы часть штабных автомобилей строевой группы высвобождалась и было принято решение возвратить их в место постоянной дислокации.

После 9 мая колонна примерно из пятидесяти машин направлялась в расположение части. При подъезде к Киеву, в районе села Дымер, уже были выставлены посты дозиметрического контроля штаба ГО г. Киева, и автомобили не прошли дальше, в связи с повышенным уровнем загрязнения. Тогда на следующий день по приказу исполняющего обязанности заместителя командующего ККВО генерал-майора Суятинова Киевский полк ГО развернул посты дезактивации, техника была обработана и поставлена в парк.

Спустя несколько дней уже в парке снова проверили технику – уровень радиации значительно превышал допустимые нормы. Прибыли представители ГлавТУ, химических войск, научно-исследовательского института Министерства обороны СССР под руководством генерал-лейтенанта Фёдорова. Отдельные образцы техники пришлось разукомплектовывать, разрезать - изучались места скопления радиоактивных отходов в узлах и агрегатах различных марок автомобилей, составлялись технологические карты. Представители хими-

ческих войск испытывали различные растворы и плёнки для снятия радиоактивного загрязнения. В результате приняли решение технику из 30-километровой зоны в части не возвращать. В ноябре 1990 года всю технику, находившуюся в районе ЧАЭС, списали с учёта МО СССР и передали по актам в распоряжение ГО Украины.

Многие из моих начальников, участвовавших в ликвидации аварии на ЧАЭС, умерли от онкологических заболеваний, в их числе генерал-майор Шматко И. С. – первый заместитель начальника штаба ККВО, генерал-майор Костенко П. Г. – заместитель начальника штаба ККВО.

Ежегодно становится всё меньше военнослужащих бывшей воинской части 39289, участвовавших в ликвидации аварии на ЧАЭС. Они добросовестно выполнили свой долг перед своим народом, и в настоящее время поражает отношение отдельных чиновников большого ранга, депутатов Государственной Думы к нуждам чернобыльцев. Сам, как инвалид I группы, испытал их «заботу», но это отдельный разговор, не для книги воспоминаний.

Спасибо всем чернобыльцам за всё, что они сделали, спасая жизнь людей.

ОСТРОУМОВ
Владимир Климентьевич,
капитан

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в июне – октябре
1986 года

В 1986 году весной, будучи в командировке в г. Хабаровске, мы принимали вертолёт Ми-6 с завода после капитального ремонта. 28 апреля 1986 года пришла телеграмма с указанием срочно принять вертолёт из ремонта и перелететь на нём в г. Нерчинск, в воинскую часть 21812, где базировался наш полк. Здесь мы узнали, что с 26 на 27 апреля взорвался четвёртый реактор Чернобыльской АЭС на Украине.

На следующий день наш экипаж был срочно откомандирован в г. Торжок, в центр переучивания на другой тип вертолёта – Ми-26. Обучение проводилось по сокращённой программе в течение двух месяцев.

В конце июня, после сдачи теории и практики, были отправлены для замены экипажей вертолётов Ми-26, которые находились в зоне ЧАЭС с первого дня катастрофы. Экипажи, которые мы меняли, были из Белоруссии, из г. Новополоцка. Фамилий, к сожалению, не помню. Наш экипаж состоял: командир вертолёта – капитан Николаев Вячеслав Константинович (проживает в г. Сызрань, пенсионер,

подполковник запаса), лётчик-штурман – старший лейтенант Огородников Анатолий (проживает в г. Иркутске, пенсионер, майор запаса), старший бортовой техник – старший лейтенант Шевченко Александр (проживает на Украине, пенсионер, капитан запаса) и ваш покорный слуга - старший бортовой механик, старший прапорщик Остроумов Владимир Климентьевич.

Войсковая часть 01094, в которую мы прибыли, находилась в 30-километровой зоне и базировалась на аэродроме г. Овруч Житомирской области. Командиром сводной оперативной группы по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС был полковник Водолажский. По прибытии наш экипаж расселили в гостинице «Овруч». На следующий день, то есть 28 июня 1986 года на рассвете, в 4.00 приехал автобус. Отвезли нас в столовую, и после завтрака (кормили очень хорошо, как космонавтов) все убыли на аэродром.

Первый вылет был 28 июня 1986 года на площадку «Кубок-1» для заправки специальными растворами (натрий фосфат, патока, полимер). На борту в грузовой кабине находились четыре дополнительных бака ёмкостью 2250 литров, из которых через форсунки, находящиеся внизу на внешней стороне фюзеляжа, выкачивался специальный раствор. Наш экипаж не каждый день летал на реактор, выполнил 29 вылетов, из них 69 проходов по 1,5 2 минуты. В остальные дни мы проводили дезактивацию специальным раствором близлежащих территорий. Несколько раз летали на дезактивацию пляжа «мёртвого города» Припять.

Первые впечатления – страшные, реактор разрушен от взрыва, но тут всё понятно. А вот город Припять, как призрак, стоит - ни одной человеческой души, на балконах висит бельё, на детских площадках игрушки, велосипеды. Такое чувство, как будто нейтронную бомбу сбросили.

С первых же вылетов мы столкнулись с тем, что для защиты от радиационного излучения вместо 800 килограммов листового свинца, которым должно было быть устелено в кабине экипажа на полу и внутри по бокам вертолёта, всего использовалось 50–80 килограммов. Это грубейшее нарушение безопасности экипажа. Ещё членам экипажа, ле-

тавшим на реактор, выдавали респираторы, чтобы частицы радиационной пыли не попадали в лёгкие. Но после первого вылета мы выбросили их, потому что они оказались неэффективны. Взамен у медиков брали марлевые респираторы, они лучше, чем армейские, в 2 -3 раза уменьшали проходимость частиц. Но их приходилось менять каждый раз перед вылетом на реактор.

С первого дня, когда начали работать на реакторе, начальник химической службы выдал каждому дозиметры ДКП-50А и ИД-11. ДКП-50А были старые и неисправны, пролежали на складах по 20–30 лет. А вот ИД-11 использовали, но недостаток этого дозиметра в том, что после каждой проверки в специальном приборе данные накопления облучения обнулялись.

«Химик», как мы его называли, нашей оперативной группы после проверки заносил в журнал дозы облучения, которые каждый из нас получил. К концу командировки узнали, что он занижал показания в два-три раза; не знаю, с чем это было связано. Доза облучения, которая у меня была зарегистрирована, равнялась 10,55 рентген. По нашим данным, по прибору ДП-3Б, когда зависали над реактором, стрелка дозиметра колебалась от 15 до 20. Наш экипаж за время полётов выполнил 69 проходов по 1,5–2 минуты над реактором. За один проход мы получили по 0,25 0,33 рентген, умножаем на 69 проходов и получаем приблизительно 17–22 рентгена. Это доза облучения, полученная только в районе реактора, в остальные дни получали примерно по 0,05–0,06 рентген. В общей сложности за время пребывания в командировке доза облучения составила 25 и более рентген.

После выполнения боевой задачи по ликвидации последствий аварии в октябре месяце наши вертолёты перелетели на аэродром «Малейка», недалеко от г. Чернигов. Там их сдали химическим подразделениям для разборки и дезактивации. На этом объекте находилось много вертолётов разных типов и наземной техники.

Позднее мы были откомандированы для продолжения службы в Забайкалье, в город Нерчинск, в свой родной полк. После трехнедельного медицинского обследования в окружном госпитале в г. Чите приступили к своим обязанностям.

«Слоновья нога» – топливо, вытекшее через коллектор

САЛМЫКОВ
Николай Сергеевич,
полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

В апреле 1986 года я служил в городе Торжке Калининской (ныне Тверской) области, в воинской части 25462 в звании лейтенанта, в должности лётчик-оператор на вертолёте Ми-24. Полк состоял из четырёх эскадрилий: две эскадрильи – Ми-24, одна – Ми-8 и одна – Ми-6.

27 апреля – выходной день, воскресенье. Неожиданно была объявлена тревога для эскадрильи вертолётов Ми-6. Все думали, что тревога учебная. Но вертолёты были подняты в воздух и улетели. И только на следующий день до нас довели, что на Украине, в Киевской области произошла авария на атомной электростанции. Какая произошла авария и её масштабы – никто не знал.

29 апреля экипажу, в котором я служил, и экипажу вертолёта Ми-8 была поставлена задача: выполнить перелёт на аэродром Сеща Брянской области и оттуда производить полёты на радиационную разведку местности. По неизвестным мне причинам перелёт осуществили только 4 мая. К этому времени мы уже знали, что

во время аварии на Чернобыльской АЭС произошёл большой выброс радиации, и экипажи вертолётов Ми-6 производили работы по заглушению четвёртого аварийного реактора.

Прилетев в Сещу, мы приступили к работе. Суть её заключалась в том, что первым делом выполнялся перелёт в населённый пункт Клинцы Брянской области. Там к нам присоединились офицеры из службы радиационной химической защиты из состава местной мотострелковой дивизии. Выполняли облёт 24 площадок на территории северо-запада Брянской области. Дважды за период командировки мы перелетали на аэродром Овруч и оттуда выполняли полёт на радиационную разведку непосредственно в район аварийного реактора. Полёты все были сложными, напряжёнными. Продолжались весь световой день: с восходом солнца улетали и с закатом возвращались на базу. Незамедлительно силами экипажа проводили работы по дезактивации вертолёта (мыли с мылом внутри и снаружи). Наши вертолёты стояли на аэродроме в удалении от стоянок и площадок местного полка, дабы не заражать их радиоактивными элементами.

После обработки вертолётов мы шли в баню, чтобы смыть с себя радиоактивную пыль и поменять обмундирование.

Ежедневно замеряли у себя полученную дозу облучения. И когда она достигла 25 рентген, нас заменил другой экипаж, а мы вернулись в Торжок, на аэродром базирования.

Все полёты в Сеще я выполнял в составе экипажа, командиром которого был капитан С. Баталов, бортовым техником – старший лейтенант А. Гордиенко.

Мы были молоды и не осознавали в полной мере последствия радиоактивного облучения. Летали на специально оборудованном для работы в радиоактивно заражённой местности вертолёте Ми-24 РХР и думали, что болезни, вызванные радиоактивным облучением, нас не коснутся. Но прошло десять лет и ушёл из жизни мой командир Сергей Баталов, а ещё через два года – Андрей Гордиенко.

СТЕПАНИЩЕВ
Александр Геннадьевич,
майор

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 5 августа по 24 октября 1986 года

В 1986 году был командирован в район аварии на Чернобыльской АЭС.

Наша оперативная группа Ми-26 находилась в г. Обруч. Я исполнял обязанности начальника группы авиационного оборудования. Работали тремя бригадами – две вылетали на «Кубок-1» и «Кубок-3», а дежурная оставалась на базе восстанавливать технику, так как после возвращения с задания вертолёты постоянно мыли, проводили дезактивацию. В работе техники часто происходили сбои, приходилось сутками её восстанавливать. Ремонтировали вертолёты в полевых условиях.

Проходил службу в ЗабВО.

Заправка вертолёта Ми-26 спецрастворами

КОТ

Сергей Фёдорович, майор

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 5 августа
по 21 сентября 1986 года

Пятого августа 1986 года отбыл из Читы, из воинской части 18310, отдельная эскадрилья, в район аварии на ЧАЭС. Базировались в Гончаровске. Экипаж – я, командир экипажа Ми-8, лётчик-штурман старший лейтенант Свешников Николай, бортовой техник капитан Бобров Николай.

Летали по населённым пунктам, брали пробы, замеряли радиацию, сбрасывали клей на крышу реактора. Пришлось корректировать груз на крышу реактора, за что получил премию – 200 рублей.

Казалось всё обычным, ничего особенного – подъём, завтрак, полёты. В сентябре командировка в Чернобыль закончилась.

Получил дозу радиоактивного облучения 19 рентген.

Служил в ЗабВО в 1976–1988 годах, в/ч 35451, г. Чита Забайкальского края.

Экипаж вертолёта Ми-8

КУБЕДИНОВ
Анатолий Михайлович,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 5 сентября
по 5 октября 1986 года

Из г. Житомир Украины, воинской части 33623 был командирован в качестве помощника командира экипажа вертолёта Ми-6 в район ликвидации последствий аварии на атомной станции – в Чернобыль.

Командир нашего экипажа капитан Егоров Сергей Никитович, 1949 г. р., умер в 2011 году (онкология); штурман – старший лейтенант Причеба Сергей Иванович, 1956 г. р., умер в 2013 году (онкология); борттехник – старший лейтенант Зубеня Семён Александрович, 1948 г. р.; бортрадист – прапорщик Можаровский Владимир Иванович; бортмеханик – прапорщик Беличенко Григорий Иванович, 1947 г. р., умер в 2015 году (онкология).

Оперативная группа занималась утилизацией отработанной вертолётной техники. Некоторые машины перегоняли в часть для дальнейшей эксплуатации. Базировались в аэропортах г. Овруч и Малейки, где насчитывалось около сорока заражённых радиоактивными веществами вертолётов.

Служил в ЗабВО, в/ч 21812, г. Нерчинск (1973–1978 гг.).

КУШНАРЕНКО
Анатолий Иванович,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 31 июля по 22 августа 1986 года

В 1986 году проходил военную службу в г. Белгород-Днестровский Одесской области в должности начальника химической службы 180-й мотострелковой дивизии 14-й общевойсковой армии, штаб которой находился в г. Тирасполе Молдавской ССР.

Утром 27 апреля 1986 года была получена телефонограмма от начальника химических войск КОдВО об усилении радиационного наблюдения. В каждом гарнизоне, где дислоцировались части дивизии, были выставлены химические наблюдательные посты, а также проводился контроль радиационной обстановки с помощью приборов ДП-64, находящихся у оперативных дежурных и дежурных по частям.

28 апреля поступил звонок от дежурного по КПП штаба дивизии с докладом, что меня просят выйти какие-то гражданские люди. На улице я увидел двоих мужчин. Рядом стоял автомобиль ВАЗ-2105 с незнакомыми номерами. Оказалось, что они из Чернобыля, выехали ночью с 26

на 27 апреля, в Белгород-Днестровский приехали к родственникам. И попросили проверить их машину. Я удивился, как они вообще выехали оттуда, ведь все дороги уже были перекрыты.

Я вызвал командира роты химической защиты и приказал проверить уровень радиоактивного заражения машины. Он оказался выше допустимого. Уступив слёзным просьбам владельца машины (наверное, все знают, как в то время трудно было купить автомобиль), на следующий день выгнали автомобиль на учебную площадку АРС-14 и произвели дезактивацию водным раствором моющего порошка СФ-2у. После вторичного замера уровень радиации был в пределах допустимых норм.

Впоследствии, будучи в командировке в Чернобыле, я наблюдал на одном из ПуСО (пункте специальной обработки) на выезде из г. Припять удручающую картину. Солдаты мыли ВАЗ-2107, абсолютно новую, на спидометре было 150 километров, а владелец машины стоял и плакал – машину отмывать было бесполезно, дорога ей одна – на могильник, так как образовалась наведённая радиоактивность*. В августе 1986 года жителям города было разрешено вывозить своё имущество и собственные автомобили. На всех выездах из города на оборудованных постах дозиметрического контроля производили замеры, а затем разрешали или запрещали к вывозу имущество; чаще запрещали. Мусорные контейнеры были завалены разрезанными коврами, разбитой мебелью и другим имуществом, которое потом вывезли на могильники.

В конце июля пришла телефонограмма начальника химических войск КОдВО с распоряжением об откомандировании меня в распоряжение начальника штаба округа и дальнейшем убытии в Чернобыль.

---

* Наведённая радиоактивность — это радиоактивность веществ, возникающая под действием облучения их ионизирующим излучением. При облучении частицами (нейтронами, протонами, гамма-квантами) стабильные ядра могут превращаться в радиоактивные ядра с различным периодом полураспада, которые продолжают излучать длительное время после прекращения облучения.

Пройдя инструктаж в штабе округа, я и ещё два офицера химической службы убыли в г. Киев, а оттуда на вертолёте в Чернобыль. Прибыв в штаб оперативной группы МО СССР, получил назначение на должность старшего офицера оперативного отдела Управления химических войск ОГ МО СССР. Начальником Оперативной группы в то время был генерал-лейтенант Г. Чуйко, а начальником Управления химических войск ОГ был начальник химических войск 14-й общевойсковой армии полковник В. Д. Муляр.

Штаб ОГ МО СССР находился в здании Чернобыльского райисполкома, рядом, в здании Чернобыльского райкома КПСС работала Правительственная комиссия. Оперативный отдел Управления химических войск ОГ МО СССР располагался в актовом зале, на третьем этаже здания в ЦБУ (центр боевого управления). На первом этаже были отдел радиационной и химической разведки, а также отдел материально-технического обеспечения. В мои обязанности входило руководство проведением дезактивации специальных вагонов-контейнеров, предназначенных для вывоза со станции отходов ядерного топлива в места захоронения (дезактивация проводилась на станции Толстый лес).

Специальный вагон-контейнер был раза в полтора больше, чем обычный товарный вагон и состоял из трёх частей: средняя часть была предназначена для отходов ядерного топлива и обшита специальными плитами; торцевые части предназначались для хранения дезактивирующих веществ. На каждой АЭС был один такой вагон. Вагон Чернобыльской АЭС во время аварии находился на станции Янов и подвергся сильному радиоактивному заражению. Как мы ни пытались снизить уровень, это не удалось. Впоследствии этот вагон был отправлен на могильник, а вывоз отходов ядерного топлива производился вагонами с других атомных станций.

Вместе с военными химиками дезактивацией вагона занимались гражданские специалисты с Ленинградской АЭС. Из разговора с ними я узнал, что они находятся в Чернобыле уже два месяца (время нахождения офицеров в то время со-

ставляло 30 суток), а полученная ими доза облучения составляет 5 бэр (биологический эквивалент рентгена, составляет примерно 0,95 рентгена). Я удивился, как при таком сроке пребывания такая маленькая доза. На это они ответили, что если бы лезли в каждую дыру, то давно были бы в лучшем мире и их дело – только инструктаж. И если честно сказать, я на них не в обиде. Если поразмыслить, то радиоактивность – это что-то такое невидимое. И когда это не видишь и не ощущаешь, то кажется, что нет опасности. Исходя из этого, многие пренебрегали индивидуальными средствами защиты, в частности, респираторами. Как следствие, у них возникали различные заболевания, в том числе онкологические.

Учёт полученных доз облучения тогда вёлся расчётным методом, то есть было установлено, что если человек работал в 3-й зоне, то получал дозу 0,3 рентгена, во 2-й зоне – 0,6 рентгена, в 1-й зоне – 0,9 рентгена и в особой зоне (непосредственно на станции) – 1,2 рентгена. Кроме того, вёлся учёт по показаниям дозиметров ДКП-50А из комплекта ДП-22В, применялись радиофотолюминесцентные дозиметры ИД-11, показания которых снимались считывающими устройствами, но, как правило, это было не совсем надёжно и точно. Все показания записывались дозиметристами в журналы, а обладателям дозиметров ничего не говорилось. У нас в оперативном отделе был майор Чистяков (к сожалению, не помню его имени), так он на самой станции занимался строительством хранилища для отходов ядерного топлива 30 дней и когда уезжал, то ему написали в карточку учёта доз 24,9 рентгена, хотя наверняка там было не меньше сотни. Всё это делалось, чтобы не платить людям деньги и скрыть масштабы трагедии.

Каждый, кто участвовал в ликвидации аварии, выполнял ту конкретную задачу, которая ему была поставлена. Разведчики вели разведку, операторы собирали информацию и оценивали обстановку, дезактиваторы – дезактивировали, снабженцы обеспечивали материально-техническими средствами. И неважно, была эта задача маленькая или большая, главное было победить общими усилиями. Очень многое

зависело от тех, кто нас кормил. Кстати, обеспечение было очень хорошим и отличное питание.

23 августа меня отозвали в дивизию, так как в Одесском округе проводились экспериментальные фронтовые учения, и, видимо, командование посчитало нужным прислать мне замену.

КАТКОВ
Сергей Иванович,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 21 августа по 29 ноября 1987 года

Родился в 1946 году. Окончил с отличием Высшее военное командное училище в г. Благовещенске. Распределение по службе получил на Камчатку. В своей жизни он твёрдо решил: «Химия – это всё». И после завершения учёбы в Московской Военно-химической академии добровольцем в качестве инженера-испытателя отправился в атомный ад – на ликвидацию последствий Чернобыльской катастрофы.

В 1991 году С. И. Катков был уволен с действительной военной службы в запас. По роду своей деятельности он занимался научным трудом (всего их 66), защитив степень кандидата технических наук.

Получил значительную дозу облучения, приведшую к неизлечимому заболеванию и смерти в 1993 году.

УДОСТОВЕРЕНИЕ № 360

Катков
Сергей
Иванович
25 ноября 1977 г.
Командир в/ч 19772
М.П.

Участвовал в выполнении правительственного задания по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.
Имеет право на внеочередное приобретение билетов на любой вид транспорта, путевок в санатории и дома отдыха, медицинское обслуживание согласно Постановления ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС № 524-136 от 7.5.1986 года, № 96 от 17.5.1986 года, № 665-195 от 5.6.1986 г.

с 21.8.87 по 29.11.87 г. по 7,83 бэр.

Ответственный за РБ
ст. лейтенант
ПОЛУНЦЕВ

Начальник ОКиС
капитан
ВАЦЕПИН

Войсковая часть 19772

Карточка
учета доз радиоактивного облучения

подполковник
Катков
Сергей
Иванович

Формат 105×150 Форма № 14

УЧЕТНАЯ КАРТОЧКА ОФИЦЕРА ЗАПАСА

Ф. Катков

И. Сергей

О. Иванович

№ ВУС 510100

наименование профиля инженерно-технический

разряд 3

вид учета

Личный № Т-903061

Родился «14» 06 1946 г. в г. Чите обл.

Национальность русский Партийность —

Воинское звание	Чей приказ	Номер	Дата
подполковник	МО СССР	0759	21.07.83 г.

Домашний адрес г. Вольск-18, Саратов. обл., ул. Краснознаменная 508. кв. 19.

Родственники и их домашний адрес мать - Каткова Наталья Иван. г. Чита ул. Анохина 88 кв. 41

Место работы, должность в/г 61469 г. Вольск-18, старший научный сотрудник

Военный билет сер. ГП №181177 выдан «12» 09 1991 г. Вольским г РВК Саратовской области

Начальник 3-го отделения н/и-к Дудырин РВК Саратовской области

«13» 09 1991 г. н/и-к Дудырин

(воинское звание, подпись, инициалы, фамилия)

Образование

Гражданское Высшее

Военное Высшее, кандидат технических наук ДК № 045360 от 16.10.1991 г.

В ВС СССР с «18» 08 1964 г. по «2» 09 1991 г.
в т. ч. на офицерских должностях 23 лет – месяцев

Наименование должностей	С какого времени	По какое время
Курсант	18.08.64	19.09.68
Командир мс взвода	19.09.68	27.11.70
Командир разв. взвода	27.11.70	31.08.71
Слушатель	31.08.71	29.10.75
Инженер-испытатель	29.10.75	26.08.76
Ст. инженер-испытат.	26.08.76	18.04.83
Зам. начальника отдела	18.04.83	2.09.91

Уволен в запас приказом
№ 0756 от «26» 07 1991 г. по ст. 59 пункт „а" (по возрасту)

Прохождение сборов в запасе

19 г.	дней по ВУС	должности	
19 г.	дней по ВУС	должности	
19 г.	дней по ВУС	должности	
19 г.	дней по ВУС	должности	

Балаково, зак. 14564

АЛЕКСЕЕВ
Геннадий Геннадьевич,
лейтенант

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 5 мая по 24 июля 1986 года и с 12 апреля по 18 июня 1987 года

Работа велась с площадки «Кубок 1» на вертолётах Ми-26 – свинцовые болванки и мешки с песком, уложенные в купола тормозных парашютов, сбрасывали в реактор.

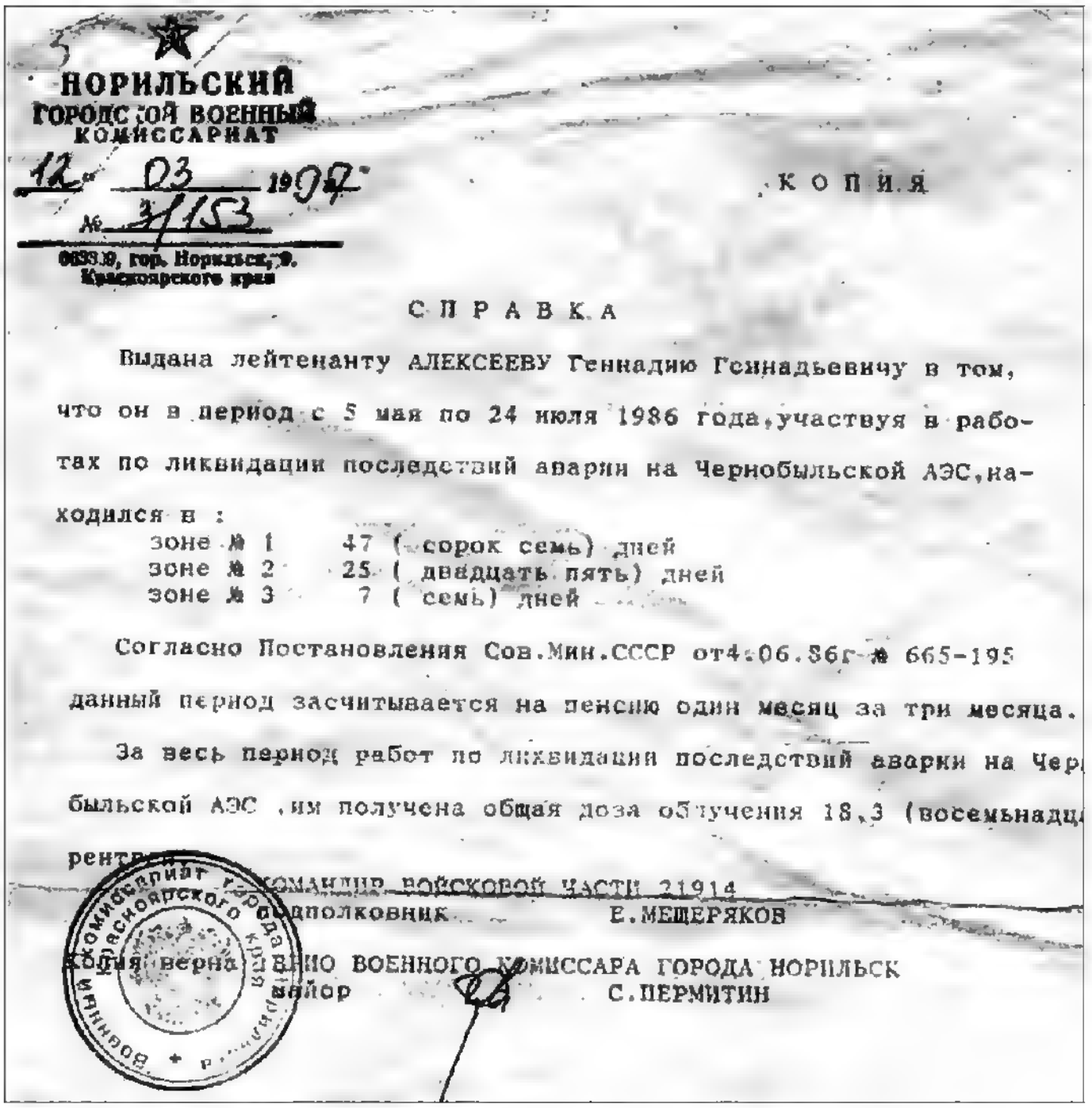
В один купол парашюта укладывались свинцовые болванки (или песок) общим весом 1 тонна, стропы парашюта накидывались на крюк болванки внешней подвески; всего крепили 8 парашютов, то есть 8 тонн. Задача была выдержать курс, высоту и скорость полёта и по команде «сброс» – сбросить все эти парашюты в реактор.

Далее работали с «Кубков» (так назывались вертолётные площадки), поливали зону реактора и 30-километровую зону так называемой патокой. К этому времени вертолёты были переоборудованы под полив жидкостью. Вес жидкости, заправляемой в баки, расположенные в грузовой кабине, составлял 20 тонн.

Базировались вначале в городе Чернигов на базе лётного училища, затем в городе Овруч; во второй период – в городе Борисполь, затем в городе Овруч и снова в городе Борисполь.

Оба раза направляли в командировку от воинской части 21914 Забайкальского военного округа, г. Кяхта.

Первый раз доза моего облучения составила 18,3 рентгена, второй раз – 9,81 рентгена.



НОРИЛЬСКИЙ
ГОРОДСКОЙ ВОЕННЫЙ
КОМИССАРИАТ
12 03 1992
№ 3/153
663300, гор. Норильск, Красноярского края

КОПИЯ

СПРАВКА

Выдана лейтенанту АЛЕКСЕЕВУ Геннадию Геннадьевичу в том, что он в период с 5 мая по 24 июля 1986 года, участвуя в работах по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, находился в :

зоне № 1 47 (сорок семь) дней
зоне № 2 25 (двадцать пять) дней
зоне № 3 7 (семь) дней

Согласно Постановления Сов.Мин.СССР от 4.06.86г № 665-195 данный период засчитывается на пенсию один месяц за три месяца.

За весь период работ по ликвидации последствий аварии на Чер быльской АЭС ,им получена общая доза облучения 18,3 (восемьнадц рентг

КОМАНДИР ВОЙСКОВОЙ ЧАСТИ 21914
подполковник Е.МЕЩЕРЯКОВ

Копия верна ВРИО ВОЕННОГО КОМИССАРА ГОРОДА НОРИЛЬСК
майор С.ПЕРМИТИН

КАЛИМУЛИН
Валерий Султанович,
прапорщик

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 17 мая по 9 июня
1986 года

Родился 12 октября 1951 года в г. Нижнеудинск Иркутской области.

Службу проходил в воинской части 21812, г. Нерчинск Забайкальского края, а в районе ЧАЭС – в воинской части 01094, г. Чернигов – старший воздушный стрелок-радист, прапорщик.

Мы перевозили каучук, цинк, которые сбрасывали непосредственно на реактор.

Поначалу пришлось столкнуться во время работ в зоне аварии с неразберихой. Приборы по учёту радиации установили, но контроля по существу не было. Доктора советовали, чтобы мы пили красное вино, так как оно выводит радиацию из организма. В памяти из сослуживцев остался только один человек – это лётчик Чипизубов.

Штурман вертолёта Ми-26 в воинской части 13786. Занимался перевозкой людей и различных грузов.

БОДЕРКО
Сергей Владимирович,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 9 апреля по 16 мая
1987 года

ПИТОМЕЦ
Анатолий Вениаминович,
прапорщик

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986–1987 годах

В составе оперативной группы МО СССР экипажем Ми-6 осуществлялись перевозки грузов (в том числе автотехника) и личного состава в район АЭС при сооружении саркофага над четвёртым энергоблоком по плану «Укрытие».

Рабочее место бортового радиста Ми-6А занял, к запуску двигателей готов

Размещение вертолётов Ми-6А на одной из загрузочных площадок

Один из экипажей вертолёта Ми-6А

ПОЛКАНОВ
Валерий Павлович, майор

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 18 июля
по 20 сентября 1986 года

Служил в оперативной группе ВВС по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

В составе экипажа Ми-6 выполнил 262 полёта, с налётом 115 часов; 100 полётов выполнил в особо опасной зоне, 34 – непосредственно на четвёртый аварийный реактор. Выполнял задания по очистке крыши реактора от радиоактивных обломков. Перевезены тонны жидкости для обработки особо опасной заражённой местности и прилегающей территории аварийного четвёртого реактора. Перевезено 8 грузов на нестандартном (100 м) тросе общим весом 78 тонн.

Получил дозу облучения 20,75 рентгена.

Правительственную задачу и свой долг выполнил с честью. За успешное выполнение заданий награждён денежной премией, отмечен двумя благодарностями Командующим ВВС Киевского ВО и председателем Правительственной комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

СЕМЕЙКИН
Леонид Иванович, старший прапорщик

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 18 мая по 2 июля 1986 года

Вынужден отметить, что со временем действительно всё както сглаживается, забывается, и страшные события кажутся такими далёкими. В то время и в голову не приходило вести дневник, либо заниматься фотосъёмками. Мы просто делали свою работу и о последствиях даже не думали.

В Вооружённых Силах служил с 1968 года. Уволен в запас по возрасту в январе 1995 года. С августа 1981 года по ноябрь 1982 года выполнял интернациональный долг в качестве бортового механика Ми-6. Вся служба прошла в одном гарнизоне и в одном полку в г. Могоча Забайкальского края. Награждён медалями «За боевые заслуги», «За отличие в воинской службе» II степени.

При ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС наша группа выполняла служебные обязанности в составе четырёх экипажей Ми-6, под командованием командира эскадрильи майора Кунова Виктора Алексеевича.

К сожалению, из своего экипажа помню только командира капитана В. Уварова, борттехника лейтенанта С. С. Жук, бортрадиста прапорщика Говоркова.

Мы были прикомандированы к воинской части 01094, дислоцировавшейся в г. Александрия. Проживали в г. Чернигове в каком-то общежитии.

Работы выполнялись, конечно, разнообразные. Мы не сбрасывали мешки с песком и свинец в реактор, хотя этого «добра» на площадке «подскока» были горы. Очевидно, это было уже не нужно. Мы доставляли какую-то смесь в гранулах в огромных мешках, весом что-то около тонны, подвозили топливо для автотехники, которой за пределы 30-километровой зоны выходить было нельзя, даже работали «летающей столовой».

К тому времени, когда мы приступили к выполнению обязанностей, как я понимаю, был уже налажен радиационный контроль, так как все получили индивидуальные дозиметры, какие-то приборы, которые называли «накопителями». Контроль проводился после каждого вылета в зону. Были выданы, конечно же, респираторы, смена ЛТО, спецпорошок для его обработки.

За период работы в зоне нашим экипажем было совершено 60 вылетов с общим налётом 36 часов.

Наверное, самые необычные и неприятные ощущения – это, работая в зоне, пролетая над населёнными пунктами, видеть пустые улицы, брошенные, вернее оставленные, дома и думать, что же будет с этими людьми, тысячами людей, где они найдут своё пристанище и почему же так получилось, что им пришлось навсегда оставить свой обжитой, родной уголок.

После командировки мы вернулись в родную часть 36656, г. Могоча, провели две недели реабилитации в 321 окружном военном госпитале и дальше продолжили свой ратный труд.

С 29 мая по 13 июня 1986 года с нас, два экипажа из воинской части 21812, направили в город Торжок на переучивание с вертолётов Ми-6 на новые вертолёты Ми-26 для того, чтобы затем принять участие в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС. Один экипаж был отправлен в Чернобыль сразу, а члены нашего экипажа, майор В. Полушкин – командир, правый лётчик – старший лейтенант Дмитрий Павлович Касяник, бортовой техник – капитан В. Позняк и я, бортовой механик, были отправлены в очередные отпуска. После их окончания мы, в этом же составе, 15 сентября прибыли в город Овруч, в сводную оперативную группу, которой командовал полковник Захаров, воинская часть 96418.

Город Овруч находился примерно в 60-ти километрах от ЧАЭС. Приходилось летать в 30-километровую зону, где нам заправляли в баки на вертолёте то клей ПВ, то патоку, чтобы пролить тонким слоем возле самой ЧАЭС или вокруг города. Случалось лить и в жерло развороченной станции.

ГРЕБЕНЧУК
Александр Павлович,
прапорщик

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 15 сентября
по 23 октября 1986 года

СПРАВКА

Дана пр-к Гребенчук А.П.

23 октября 86 г. том, что он с «15» сентября по «23» октября 1986 г. выполнял служебные обязанности по ликвидации последствий аварии в 30 (тридцати) километровой зоне Чернобыльской АЭС.

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 5 июня 1986 г. № 665-195 указанный период службы подлежит зачету в выслугу лет на пенсию на льготных условиях — один месяц службы за три месяца.

Справка представляется в управление (отдел) кадров для записи в личное дело.

КОМАНДИР СВОДНОЙ ОПЕРАТИВНОЙ ГРУППЫ ПО ЛИКВИДАЦИИ ПОСЛЕДСТВИЙ АВАРИИ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС.

п-к [illegible] Захаров.

Говорили, что радиация незначтельная, но мы-то знали, что, когда зависали над взорванным блоком, приборы начинали «шкалить» или вообще не работали. Выбросы повторялись раз в 5–6 дней.

Мы летали до тех пор, пока не поставили сверху саркофага фильтры.

Мне пришлось проводить дезактивацию вертолёта в течение недели, смывая водой радиацию.

Фактически мы не знали, что такое радиация, не было элементарных средств защиты, надеялись на русский авось. Личные дозиметры выдавали, были накопители, но наш прибор, который определял дозу, был сломан, вот и писали по минимуму. За всё время пребывания в Чернобыле получил дозу облучения 11,47 рентген.

Видели город Припять без жителей – вымерший город, вроде всё на месте, а людей нет. Страшен был чёрный лес, по которому прошла полоса радиации.

При нас разбился вертолёт Ми-8 с экипажем на борту, командиром которого был капитан Воробьёв, тоже из нашего полка.

После работы в зоне АЭС нас хотели отправить в госпиталь в г. Чернигов, но мы не поехали - отказались, то ли по молодости, то ли по недопониманию того, что так всё серьёзно. А потом, позже выяснилось, что действительно надо было пролежать в госпитале для подтверждения симптомов тех заболеваний, которые приобрели за время пребывания на ЧАЭС. Теперь это трудно доказывать. С 1989 года я нахожусь на военной пенсии.

Памятник жертвам чернобыльской катастрофы в Москве, на Митинском кладбище. Здесь захоронены первые ликвидаторы последствий аварии на ЧАЭС. Могилы до сих пор «фонят», несмотря на то, что гробы накрыты бетонными плитами.

Эхо далёкой катастрофы

21 агуста 2005 года, когда наша страна отмечала День Воздушного флота, на территории военного аэродрома «Черёмушки» в г. Чите, там, где сейчас базируется 112-й отдельный вертолётный полк, был открыт памятник лётчикам, которые когда-то служили в этом полку и однажды не вернулись из полёта. Широка география тех мест, где трагически прервался их последний полёт. Кто-то навсегда остался в горах Афганистана, кто-то погиб в Чечне, кто-то в Забайкалье. На застывшей каменной «странице» имена капитана В. К. Воробьёва и старшего лейтенанта А. Е. Юнгкинда, которые пожертвовали своими жизнями, спасая человечество от последствий чудовищной катастрофы в Чернобыле, эхо которой мгновенно докатилось до далёкого Забайкалья.

Очередной рабочий день 26 апреля 1986 года в 23-й Воздушной армии, штаб которой уже долгие годы располагался в Чите, начинался как обычно, по давно заведённому распорядку. Вся Европа ещё мирно спала, а командующий Воздушной армией генерал-лейтенант авиации Г. П. Беднов уже проводил на командном пункте служебное совещание с начальниками отделов и служб. Задачи на предстоящий день не отличались какой-то необычностью: организация плановых полётов в частях, контроль перелётов, перевод авиационной техники на весенне-летнюю эксплуатацию и так далее. Но через несколько часов планомерная жизнь объединения была нарушена тревожным звонком из Москвы.

Первым на себе это почувствовал старший инспектор-летчик отдела боевой подготовки армейской авиации полковник О. Г. Чичков – перед самым обеденным перерывом его срочно потребовал к себе командующий. Олег Георгиевич слегка удивился столь несвойственной предобеденному времени срочности вызова, не зная ещё, что вскоре ему предстоит удивиться ещё больше. Многое повидал Чичков в своей жизни, но такой задачи, которую поставил командующий, ему выполнять ещё не приходилось. С одной стороны, она оказалась предельно краткой, с другой – напоминала сказочный сюжет: «Иди туда, не знаю куда». Задача звучала примерно так: срочно убыть в район Чернобыля, организовать приём лётных экипажей, прибывающих из Забайкалья, и руководить их работой на месте. Что это за место, каков характер работы и что предстоит делать экипажам, командующий не уточнил. Он просто не знал, да и не мог пока знать, всех ужасающих размеров ядерной катастрофы, которая произошла где-то далеко, на Украине. Вообще мало кто представлял, что такое Чернобыль. Это потом он стал печально знаменитым на весь мир.

Проблем с убытием в район катастрофы у Чичкова не возникло. В начале 1986 года «перестройка» ещё не переступила роковой черты и поэтому в авиации пока ещё были в изобилии и горючее, и исправная авиатехника, и подготовленные лётчики. Без особых усилий он долетел до Киева, а затем перебрался в Овруч Житомирской области, где развернулась сводная оперативная группа по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 30-километровой зоне и над реактором.

А тем временем отдел боевой подготовки армейской авиации 23-й Воздушной армии срочно формировал экипажи для вертолётов Ми-6, Ми-8 и Ми-26. Можно было, конечно, обойтись без формирования, привлечь штатные экипажи из состава 373-го отдельного боевого вертолётного полка, который базировался в г. Кяхте, и 112-го отдельного вертолётного полка, дислоцировавшегося в то время в г. Нерчинске. Однако Москва продиктовала столь высокие требования к подготовке лётного состава, убывающего в Чернобыль, что

штатных экипажей, соответствующих обозначенному уровню, в необходимом количестве просто не набиралось. А требования были следующие: в группу следовало назначить лётчиков только первого класса, подготовленных к транспортировке груза на внешней подвеске и имевших допуск к полётам на малой и предельно малой высоте. Поэтому решили из двух полков сформировать группу специалистов, уровень лётной подготовки которых соответствовал предъявляемым условиям; более двадцати человек.

Поначалу планировали собрать эту группу в Чите, чтобы поставить задачу и проинструктировать, но потом от этой мысли отказались. Во-первых, никто доподлинно не знал, какую же задачу предстоит выполнять лётчикам, и, следовательно, инструктаж в подобных условиях терял всякий смысл.

Во-вторых, просто не было времени, поскольку Москва торопила с отправкой группы в район катастрофы. Поскольку ни в Кяхте, ни в Нерчинске самолёт, запланированный для перевозки группы в Чернобыль, сесть не мог, то кяхтинских лётчиков на вертолёте перевезли в Джиду, а нерчинских - в Степь, и уже оттуда они улетели в Чернобыль, где в те дни разворачивалась широкомасштабная операция по ликвидации последствий аварии на атомной станции.

После прибытия на место забайкальские лётчики недолго оставались «безлошадными». Техники там, как наземной, так и воздушной, вполне хватало. Получив, наконец-то, конкретное задание, лётчики заняли свои рабочие места в кабинах вертолётов и приступили к его выполнению. Ми-26, как самые грузоподъёмные, перевозили, в основном, людей и различные грузы, которые доставлялись в Чернобыль со всех концов страны, Ми-6 с внешней подвески забрасывали свинцом четвёртый энергоблок, а Ми-8 поливали специальным раствором тот же энергоблок для его дезактивации, а также забрасывали его свинцом.

Трудно сказать, какая из задач была сложнее, по крайней мере, все они были немаловажные. Однако в любом случае для экипажей Ми-8 сложность задачи усугублялась тем, что работать им приходилось на предельно малой высоте, не более 50-ти метров, где вероятность столкновения с наземными препятствиями была довольно

высока. Одним из таких препятствий был мощный подъёмный кран около четвёртого энергоблока, засыпавший песком реактор. Он явно мешал вертолётам, и экипажам приходилось буквально протискиваться рядом со стрелой и тросом, чтобы как можно точнее выйти на реактор. Хуже всего было то, что какого-либо графика работы крана не существовало, и нельзя было заранее предугадать, где окажется вертящаяся во все стороны стрела в очередную минуту. Лётчики неоднократно просили убрать кран, но руководившие работами должностные лица по каким-то причинам или не прислушались к этим просьбам, или посчитали их несущественными. И, как оказалось, напрасно.

2 октября 1986 года с площадки «Кубок-1» взлетел вертолёт Ми-8 с баком раствора на внешней подвеске и направился к четвёртому энергоблоку. Вертолёт пилотировал командир экипажа, лётчик 112-го отдельного вертолётного полка капитан В. К. Воробьёв. Кроме него, на борту в составе экипажа находились его однополчанин старший лейтенант А. Е. Юнгкинд и ещё два человека из других частей. Настроение у всех было слегка приподнятое, потому что после этого захода им предстояло вернуться на базу. Не знали они в тот момент, да и не могли знать, что этот полёт окажется для них последним и что им уже никогда не суждено увидеть своё родное Забайкалье.

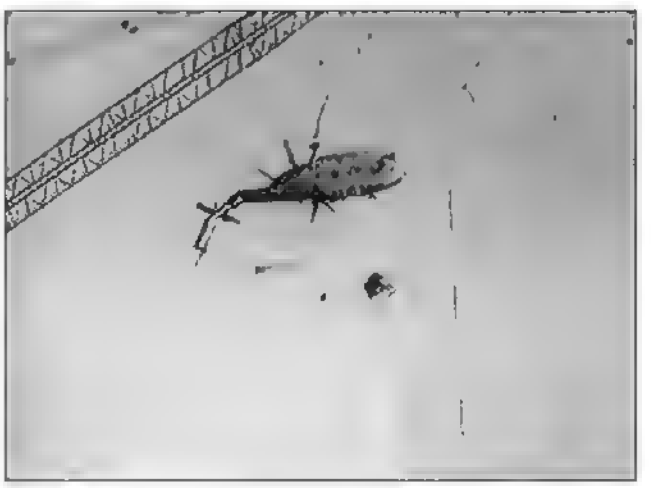
Трудно сказать, что произошло на самом деле. Возможно, из-за того, что вертолёт летел против солнца, командир неверно рассчитал расстояние до злополучного крана, возможно, он не ожидал, что стрела с тросом окажется именно в этом месте, или по какой-то роковой случайности вертолёт зацепился несущим винтом за трос. Потом выяснится, что не хватило каких-то нескольких десятков сантиметров, чтобы вертолёт мог спокойно разойтись с тросом. Но это потом, а сейчас события стали стремительно развиваться по классической схеме: повреждение тросом лопастей несущего винта вертолёта приводит к их сильной разбалансировке; одна лопасть прогибается так низко, что бьёт по хвостовой балке, переламывая её пополам; резкая остановка деформированного вала, передающего вращение на хвостовой винт, вы-

зывает скручивание и балки и хвостового винта, вертолёт заваливается набок, лопасти быстро разрушаются, складываются в кучку... Вертолёт, переворачиваясь, падает на землю. Шансов на спасение у экипажа не было никаких.

Кран на следующий день убрали. Погибшему экипажу уже не суждено было узнать этого.

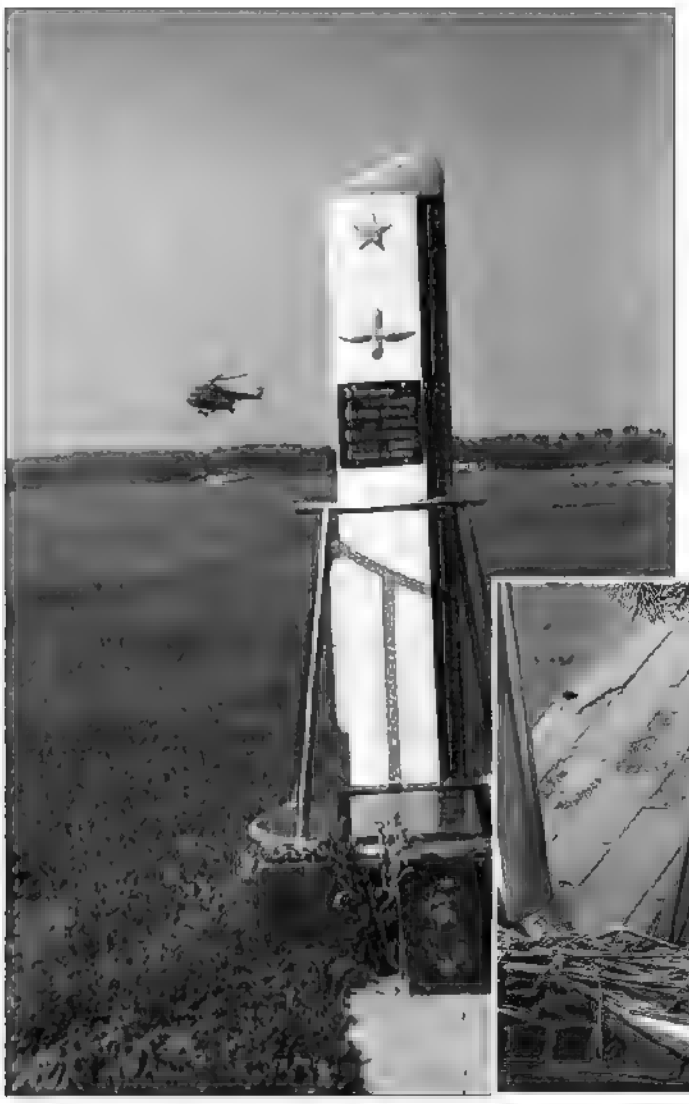
Отношение к чернобыльским событиям довольно неоднозначное. Кто-то считает Чернобыль позором государства, кто-то – глобальной катастрофой, а кто-то, пользуясь удобным моментом, извлекает из печальных событий немалую выгоду, превратив место катастрофы в зону туризма. Но в любом случае забывать об этих событиях нельзя.

У села Рудня-Осошня есть стихийное кладбище брошенной и насквозь пропитанной радиацией техники, на которой когда-то работали ликвидаторы. В центре его стоят вертолёты Ми-6. Жалкое зрелище представляют собой некогда могучие воздушные корабли с беспомощно повисшими лопастями и наполовину вросшими в землю колёсами шасси.



В Забайкалье далёкая катастрофа эхом напоминает о себе выбитыми на каменном обелиске именами погибших в Чернобыле летчиков-забайкальцев В. К. Воробьёва и А. Е. Юнгкинда.

В. Г. Родиков, полковник,
штурман военной авиации



За долг солдата
в век двадцатый,
Кто грудью встретил
атом злой,
В честь вертолётчиков
крылатых
У обелиска ты постой.

ВОРОБЬЁВ
Владимир Константинович,
капитан

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

Родился в 1956 году в г. Ярославле. На военную службу призван 01.04.1976 года. Окончил Ярославский УАЦ ДОСААФ в октябре 1976 года. Военный лётчик первого класса.

Проходил службу в Афганистане с 31.10.1984 г. по 30.10.1985 г. в должности командира вертолёта Ми-8 в составе 181-го отдельного вертолётного полка (в/ч 70419, провинция Кундуз).

После Афганистана служил в составе 112-го отдельного вертолётного полка Забайкальского военного округа.

Награждён орденом Красной Звезды.

Выписка из наградного листа (июль 1985 г.):

«...За время прохождения службы в Афганистане выполнил 646 боевых вылетов с общим налётом 417 часов. Принимал участие в проведении пяти крупных операций по уничтожению банд мятежников в районах населённых пунктов Кандагар, Баграм, Пули-Хумри, Файзабад, провинции Кунар. Выполнил 24 полёта на десантирование тактического воздушного десанта. Составом экипажа перевезено 240 тонн гру-

за, 360 человек. Выполнял полёты на эвакуацию раненных с поля боя, нанесение бомбо-штурмовых ударов. Лично уничтожил из бортового оружия позиции ДШК и две крепости. С 20 по 28 мая 1985 года принимал участие в проведении операции в провинции Кунар. За это время выполнил 33 боевых вылета с общим налётом 35 часов, из них 8 вылетов на десантирование.

Особо отличился 25 мая 1985 года при эвакуации тяжело раненных с высокогорной площадки 2700 метров, ограниченной высокими деревьями. Проявляя высокое лётное мастерство, хладнокровие он спас троих раненных военнослужащих».

Из письма капитана Воробьёва В. К. домой:

«...Здравствуйте мои хорошие, привет вам с того света. Я не шучу.

Во-первых, вот уже 5 дней как я в госпитале, сам не знаю, каким чудом остался жив. Сбили нас в Панджшере (это уже второй раз) и летели мы с 50-ти метров, сосчитали все скалы. Бортовой техник и правый мой лётчик погибли, а меня в момент удара о землю выбросило в передний блистер, поэтому и остался жив.

Очнулся в госпитале, живого места нет, очень сильно побился... Слава богу кости целы, голова пробита в трёх местах...

Всё плохое уже позади, иначе бы не написал...

Очень жаль моих мужиков, у них ведь жёны, дети... Два дня назад их увезли в Союз. Ты даже не представляешь, какое моё было состояние, когда я узнал, что они погибли... Спать не мог...».

Капитан Воробьёв Владимир Константинович погиб 2 октября 1986 года в результате катастрофы вертолёта при выполнении обязанностей воинской службы во время ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

* * *

За день до катастрофы, 1 октября 1986 года, экипаж Ми-8 после очередной ходки к реактору приземлился*. На борту, кроме специалистов, был и фотожурналист украинского отделения АПН Игорь Костин. «Слушай, - сказал ему командир экипажа, – мы Афган отлетали и ни одной фотографии. Обидно. Сделай нам фото, пусть от Чернобыля память останется!». Обычно фотокорры-профессионалы не делают снимков «на память» – на всех желающих плёнки не хватит. Но здесь такой случай! Отказать невозможно. Экипаж и пассажиры выстроились у машины, Костин нацелил объектив, но вдруг увидел, что кадров больше нет – вся плёнка израсходована. Но чтоб не обидеть ребят, для виду взвёл затвор. И тут... выскочил «лишний», 37-й кадр (редко, но такое бывает: плёнки отмотано чуть больше или она неровно отрезана). Так и получилось это «фото на память».

* Из статьи О. Унгурян – «Факты», 29 июня 2005 г.

...Почему командир экипажа – лётчик первого класса, 30-летний капитан Владимир Воробьёв за день до катастрофы отослал родным в Ярославль все свои вещи, да ещё положил в посылку купленное жене золотое колечко? Ведь в письме, отправленном 13 сентября домой из Чернобыля, писал: «Пробудем мы здесь 1,5 месяца...». До Чернобыля Воробьёв дважды избегал верной смерти. Как-то его мотоцикл столкнулся с грузовиком. Мотоцикл разбился вдребезги – Владимир остался жив (об аварии он никому не рассказывал, семья узнала об этом уже после его гибели). А ещё раньше, в Афганистане, когда подбили вертолёт, он – единственный из экипажа - выжил. Из госпиталя домой писал: «Мужики говорят, что я в рубашке родился. Ведь не шутка – с 50-ти метров порхать». Роковое совпадение: в Чернобыле их вертолёт «порхал» практически с такой же высоты...

Перед отъездом в зону, вспоминала его жена Валентина, он всю ночь не спал – сидел и смотрел на спящих детей. «Сергейка, Оксанка, слушайтесь маму!» – написал им в первом же письме из Чернобыля. И подпись печатными буквами: «ПАПА».

Судьба, дважды хранившая от гибели, на этот раз не уберегла.

* * *

...«Почему Чернобыль? Как Саша попал туда, когда вернётся?» - недоумевала Лена, жена штурмана старшего лейтенанта Александра Юнгкинда.

Александр, по всем расчётам, должен был находиться в Афганистане. В их части формировалась эскадрилья, он написал рапорт с просьбой послать его в Афганистан. Так почему же Чернобыль? Уже после смерти мужа Лена получила запоздалое письмо, где он сообщал, что в Афганистан его не взяли по состоянию здоровья.

Сама судьба берегла Александра от войны, но... профессиональный военный всегда рвался на передовую. Не получилось с Афганом – значит, будет Чернобыль. В Забайкальском военном округе, в Нерчинске, Александр «слетался» с капитаном Воробьёвым. Чуть позже к ним присоединился Лёня Христич, прибывший из Могочи.

Через четыре месяца после гибели Александра родился сын, которого он так ждал. В честь мужа Лена назвала мальчика Сашей.

* * *

Бортмеханика Леонида Христича судьба уже смогла сберечь один раз – в Афганистане. В их вертолёте пробило топливный бак, и до самой посадки старший лейтенант Христич закрывал пробоины руками. Достаточно было искры – и он превратился бы в горящий факел. (За тот полёт Христич получил орден Красной Звезды).

«Он никогда не выставлялся, – вспоминала его жена Люба. – Другим уже капитанов поприсваивали, а мой всё в старших лейтенантах ходит. Я иногда возмущалась, а он улыбался: ещё успею! Мягкий и застенчивый, безотказный, после полётов вечно чинил друзьям телевизоры и магнитофоны, всегда как бы в тени – и при этом 365 боевых афганских вылетов».

Беду Люба почувствовала на расстоянии – у них с Лёней была очень сильная душевная связь. В день катастрофы, ближе к вечеру (вертолёт разбился в 17.30) её охватила паника. Металась сама не своя по квартире. Уложила сынишек спать, прикорнула рядом, но всю ночь так и не сомкнула глаз. Рано утром в дверь позвонили: Лёни нет... «А ведь после Афганистана Чернобыль казался мне совсем не страшным, - грустно говорила она. – Тем более, что газеты и радио высмеивали паникёров, доказывали, что ситуация под контролем. И первое чувство было: «Лёня, как ты мог? Почему?!».

* * *

Почему 26-летний авиамеханик Николай Ганжук оказался в тот день на борту Ми-8? Он, наземный специалист, не должен был летать! И вообще, его жена Люда, как и Люба Христич, думала, что ничего страшнее Афганистана быть не может, а Николай, слава Богу, вернулся оттуда живым и невредимым в свой Александрийский полк.

«Кто мог знать, что беда случится на родной земле? – говорила Людмила. - 26 апреля 1986 года, суббота, к нам в гости пришли наши друзья, кумовья. Мы, жёны, готовили

ужин. Но в этот вечер нам не пришлось сесть за стол с нашими мужьями. В дверь позвонили, на пороге стоял солдатик-посыльный: «Тревога!». Мужики, кто в чём был, в том и выскочили. Прошёл час, второй, третий... На сердце становилось всё неспокойней.

С утра пораньше побежали в гарнизон узнавать, что случилось. В полку никто ничего толком нам не сказал. 1 мая мы с детишками, со знакомыми вышли в город на митинг, не подозревая, какое несчастье нас ждёт. А где-то 5 -6 мая нас, жён, собрали в солдатском клубе и успокоили: скоро наши мужья прилетят, ничего страшного, мол, нет. Добавили: «Только одна маленькая просьба. Когда мужья придут домой, постарайтесь их переодеть в новое, а одежду упаковать в целлофановые мешки и закопать или выбросить». Поначалу это было смешно, но со временем поняли, что не до смеха было нашим ребятам. В Чернобыле они пробыли до 10 мая...».

Потом была ещё одна командировка в Чернобыль, после которой Николай Ганжук получил звание старшего прапорщика (сам пришивал новые погоны к кителю — хотел сделать жене и сыну с дочкой сюрприз!), и последняя - осенью. Как вспоминала Люда, в роковой день Николай «по просьбе инженеров-атомщиков сел с экипажем в вертолёт». Он охотно выполнил эту просьбу, ведь с детства мечтал летать! В армии служил в авиации, но — на земле. Поступал в авиационное училище, но не прошёл медкомиссию. И тут – полёт на боевом вертолёте. Небо!

Вот такой сборный экипаж и отправился в зону катастрофы.

Вдовы вертолётчиков встретились только в 1992 году, а до этого они ничего не знали друг о друге. (Их разыскала и перезнакомила добрейшая женщина Екатерина Даниловна Положай, а расходы на поездку оплатил один из руководителей организации чернобыльцев-афганцев Александр Тимченко). И теперь каждый год собираются вдовы: Валентина Воробьёва, Любовь Христич, Елена Юнгкинд и ... Людмила Ганжук, жена авиамеханика, который полетел с экипажем.

«В Москве открывался мемориал жертвам Чернобыльской АЭС, – вспоминала Елена. – На митинге говорили о первых жертвах аварии – пожарниках, работниках станции. О том, что там погибли вертолётчики, которые тоже внесли свой вклад в ликвидацию последствий аварии, не сказали ни слова. Мы стояли в стороне и тихо плакали – было обидно, что у нас так быстро всё забывают...».

Свидетелем катастрофы по воле судьбы стал тёзка командира экипажа – полковник Воробьёв Владимир Александрович. Когда-то (они вместе служили в Германии) Воробьёв-старший учил Воробьёва-младшего летать. И вот в Чернобыле они встретились: полковник руководил полётами группы вертолётчиков. В тот момент он на боевом вертолёте Ми-24 «висел» в какой-то сотне метров от чернобыльской «трубы», рядом с машиной своего «крестника». Младший Воробьёв погиб на глазах старшего, который говорил чётко, бесстрастно: «Стрела крана была не справа, а слева». – «Вы уверены? Может, вы забыли?». – И тут он медленно, ровным голосом отвечает: «Это... забыть... нельзя...».

ХМАРЕНКО
Владимир Мефодьевич,
полковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 23 июня по 3 сентября 1986 года

26 апреля 1986 года я возвращался вместе с женой из очередного отпуска через Киев в Венгрию (Южная группа войск), где проходил военную службу в должности командира мотострелковой роты, в звании капитан. Под утро, около 4-х часов, на вокзал стали прибывать автобусы с людьми, в основном, женщины и дети, из города Припять. Среди пассажиров прошёл слух, что произошёл взрыв на Чернобыльской АЭС.

В первых числах мая, будучи уже в части, из средств массовой информации узнал, что действительно на четвёртом блоке Чернобыльской АЭС произошла авария, и к концу июня последствия аварии будут ликвидированы. Во второй половине июня я был направлен для прохождения дальнейшей службы по замене в Киевский военный округ. Предстояло служить в прославленной 25-й Чапаевской дивизии, в 136-м мотострелковом полку, который дислоцировался в городе Лубны Полтавской обла-

сти. Прибыл я туда 20 июня 1986 года, а дивизия в полном составе уже находилась в районе Чернобыльской АЭС, выполняла работы по ликвидации аварии. Мне было предписано 23 июня убыть в район расположения части. За эти три дня успел снять квартиру, по рекомендации врачей определить жену в больницу, так как она находилась в положении.

Прибыв в часть, представился командиру полка подполковнику Н. Козионову, который, учитывая мой опыт работы с личным составом, назначил меня на должность командира 1-й мотострелковой роты, хотя планировался на должность начальника штаба батальона. Рота численностью 100 человек была полностью укомплектована приписным составом, средний возраст которого составлял 40 -45 лет. Полк располагался в палаточном городке возле деревни Окопы в Белоруссии.

Буквально на следующий день в составе роты выехал на объект выполнения работ по ликвидации аварии – возведение ограждения 30-километровой зоны отчуждения. Роте необходимо было построить 6 километров ограждения. Следует отдать должное приписному составу, их отношению к выполнению поставленных задач. Они проявляли разумную инициативу, применяли свой житейский опыт при производстве работ, дневную норму выполняли за несколько часов. Однажды, следуя вдоль ограждения, которое представляло собой забор, обнесённый колючей проволокой в 20 ниток, увидел стоявшую на стороне зоны отчуждения олениху, а с другой стороны – оленя с окровавленной грудью, который, видимо, пытался прорваться через проволоку к своей «подруге». Подошедшие солдаты разъединили один пролёт и дали возможность перейти оленю к оленихе; те резво скрылись в чаще леса.

Протяжённость ограждения 30-километровой зоны отчуждения составляла около 180 километров, по плану мы должны были вести её строительство в течение двух месяцев, а построили за один.

После выполнения задачи по ограждению зоны отчуждения полк, в основном, занимался дезактивацией населённых пунктов – снимали верхний слой почвы и вывозили её в оборудованные могильники.

В августе месяце вместе с ротой начал выезжать на Чернобыльскую АЭС, где выполняли работы по дезактивации помещений станции. Продолжительность смены составляла от 15 минут до 4 часов, в зависимости от места проведения работ; самый высокий уровень радиации был порядка 4-х рентген в час. Максимально разрешённая доза облучения составляла 1 рентген в сутки, если эта доза превышалась, командиры привлекались к ответственности. Был свидетелем, как с помощью японского робота пытались сбросить с крыши четвёртого энергоблока обломки графитовых стержней. Из этой затеи ничего не получилось, так как радиационный фон был такой высокий, что управлять роботом радиосигналами не представлялось возможным; в результате робот свалился с крыши здания. Очистку крыши энергоблока осуществили силами добровольцев, которым пришлось вручную сбрасывать обломки. Сразу же после выполнения работы эти смельчаки были отправлены по домам. Я выезжал на реактор восемь раз.

В конце августа личному составу моей роты была поставлена задача в течение пяти дней построить проволочное заграждение на окраине г. Припять протяжённостью 1 километр. Эту задачу выполнили за 2 дня, но выезжали на объект 5 дней, так как при работе в зоне отчуждения оплата производилась в пятикратном размере.

2 сентября 1986 года поступил приказ о возвращении дивизии в пункт постоянной дислокации. Вечером 4 сентября, совершив марш своим ходом, полк прибыл в город Лубны. Всю ночь рассчитывали приписной личный состав, и к утру в составе полка остались только кадровые офицеры.

В 2000 году я серьёзно заболел, поставили диагноз – рак лёгкого. Болезнь связали с пребыванием в зоне Чернобыльской АЭС.

Офицеры батальона возле четвёртого энергоблока,
В. М. Хмаренко – четвёртый слева

КОЛЛЕГОВ
Василий Петрович, гвардии майор

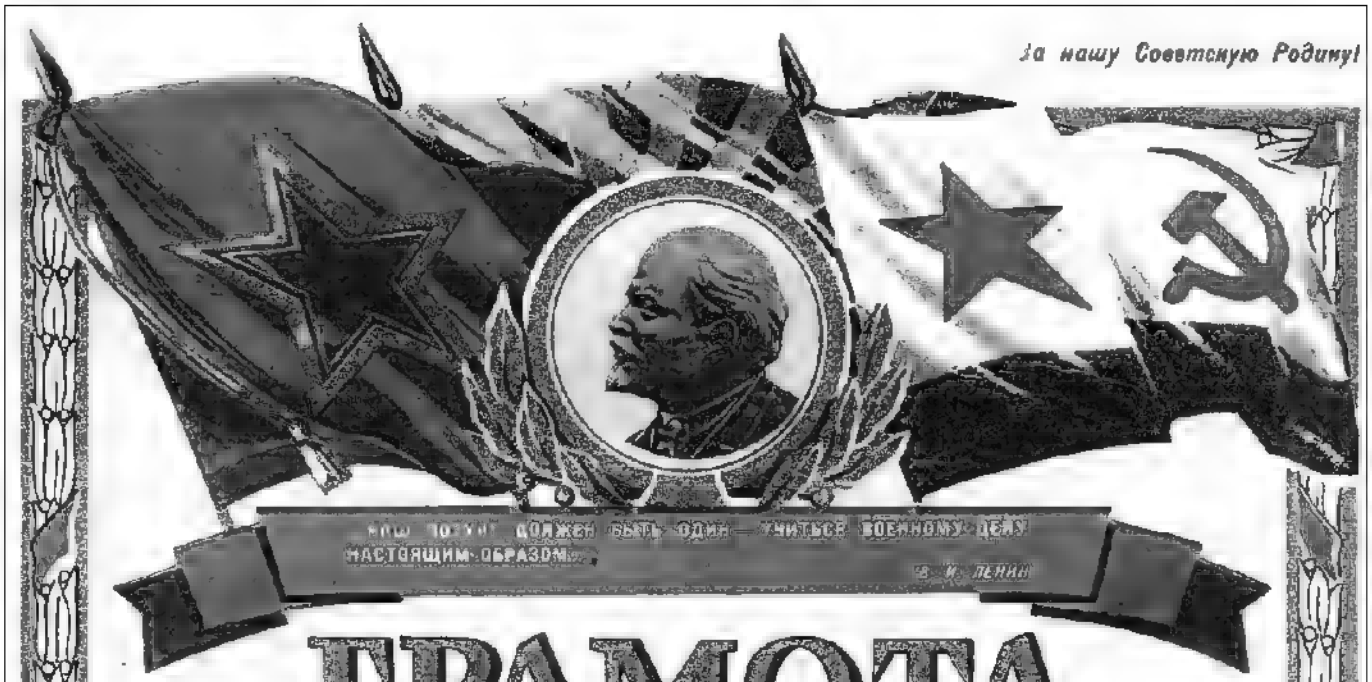
Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 7 июня по 25 сентября 1986 года

Родился 29 марта 1954 года в посёлке Ключи Усть-Камчатского района Камчатской области.

В 1986 году проходил службу в воинской части 95805 (126-й танковый полк) Краснознамённого Белорусского военного округа, располагавшейся в населённом пункте Боровка Лепельского района Витебской области БССР, в должности командира роты связи танкового полка, в воинском звани гвардии капитан.

6 июня 1986 года был откомандирован для прохождения службы во вновь формируемый полк гражданской обороны (906-й полк) воинской части 07288. Полк формировался в посёлке Околица Минской области, куда я прибыл и приступил к формированию роты связи полка. Личный состав – приписники из г. Минска, почти все – рабочие заводов, возраст 25–40 лет. Заместитель командира роты – приписник, капитан запаса Г. И. Воронецкий, замполит – старший лейтенант А. Н. Егоров, командиры взводов и начальники аппаратных – кадровые, два лейтенанта и два прапорщика. Техника в роте вся новая – 3–4 месяца с момента изготовления.

За нашу Советскую Родину!



ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

капитан КОЛЛЕГОВ Василий Петрович

За умелые и самоотверженные действия при выполнении задач по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции, проявленные при этом высокие морально-боевые качества.

Выражаю уверенность, что Вы и впредь будете служить примером добросовестного выполнения воинского долга на благо нашей любимой Родины.

Командующий войсками
Краснознаменного
Белорусского военного округа
генерал-полковник

В. ШУРАЛЕВ

"11" июня 1986 г.

Формирование шло очень быстро и организованно. Проблем с обеспечением личного состава и материальными средствами не было. Особенно хочется отметить высокие морально-деловые качества призванного приписного личного состава.

12 июня 1986 года полк совершил марш в Гомельскую область и приступил к ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. До 4 июля дислоцировались в городе Брагин Гомельской области, а потом в посёлке Рудаков Хойнинского района Гомельской области. Силами роты был развёрнут полевой узел связи. Обеспечивали радио-, телефонную и телеграфную связь с вышестоящим командованием и подчинёнными подразделениями. Также занимались обеспечением личного состава полка прессой и почтовыми отправлениями.

Командиром полка был подполковник Д. Н. Глех, начальником штаба – майор В. И. Кочнев, начальником связи – майор А. В. Спирин.

Награжден медалью

ЗА БОЕВЫЕ ЗАСЛУГИ

Указом Президиума Верховного Совета СССР

от „5" МАРТА 1987 г.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР

„6" МАЯ 1987 г.

В сентябре 1986 года срок моей командировки закончился и я убыл в свою часть. Получил дозу радиации 12,3 рентген.

За время службы в воинской части 07288 имею грамоту от командования части, грамоту от командующего КБВО. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 3 марта 1987 года награждён медалью «За боевые заслуги».

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в селе Иванково. Командир взвода воинской части 41173. Работал в третьей зоне, которая являлась внутренним делением 30-километровой зоны. Занимался обеспечением прохода для установки датчиков слежения за реактором.

Суммарная доза полученного облучения – 8 рентген.

ПАНФИЛОВ
Станислав Григорьевич, майор

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 20 ноября
по 20 декабря 1987 года

НЕУЙМИН
Сергей Константинович,
капитан

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 20 августа
по 11 ноября 1988 года

Ликвидировал последствия аварии на АЭС в составе воинской части 55237, в должности дозиметриста 5-го разряда.

Место работы было определено на объекте «Укрытие» – машинный зал ЧАЭС. Участвовал в работах по дезактивации помещений машинного зала четвёртого энергоблока и в восстановлении разрушенной кровли здания. Поднимался на крышу машинного зала для составления карты зон по степеням заражения и определения времени работы на объекте.

Доза полученного облучения – 8,9 рентген.

БУШКОВ
Сергей Борисович, капитан

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 6 февраля по 17 апреля 1987 года

Служил в воинской части 55064 Прикарпатского военного округа в должности заместителя командира 1 БСО по политической части. Работал в 30-километровой зоне Чернобыльской АЭС.

Вместе с подчинённым подразделением непосредственно в районе станции и в пригородной зоне Припяти занимался уничтожением лесных массивов, вывозом радиоактивного мусора и строительных конструкций аварийного блока; очисткой крыш домов, очисткой и подготовкой жилых помещений для последующих ликвидаторов-вахтовиков в населённом пункте Припять; подвозом строительных материалов, песка, бетона для строительства защитных сооружений на первом, втором, третьем и четвёртом энергоблоках; вывозом на могильники заражённого мусора, транспорта; подготовкой к работе цехов металлургического завода города Припять.

Являлся членом партийного комитета полка, исполнял обязанности секретаря партийной организации.

Доза полученного мною облучения – 16,91 бэр.

КАРПУШЕНКО
Владимир Корнеевич,
капитан

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с августа по октябрь
1986 года

В Чернобыль для ликвидации последствий катастрофы был направлен из воинской части 62126, Иркутская область. Служил командиром роты.

Работы производили в монтажном районе УС-604. Возводили наружную каскадную стену и разделительную стенку между третьим и четвёртым энергоблоками.

Полученная доза облучения – 25 рентген.

Единственное отрицательное, с чем пришлось столкнуться не только мне, но и другим, это утаивание истинных доз облучения со стороны работников дозиметрических служб.

ТУПИНЕВИЧ
Юрий Васильевич, майор

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 1 июня по 22 декабря 1986 года

Службу проходил в воинской части 93612, сформированной в мае 1986 года на территории Литвы, в местечке Тельшай. И в этом же месяце эшелон в течение нескольких суток с большими проблемами был доставлен до станции Бородянка. Далее – автомобильным транспортом в ночное время до постоянного места дислокации, в посёлок Медвино.

Местные жители здесь были уже эвакуированы. В нескольких километрах находилось местечко Страхолесье, позднее переименованное в Зелёный Мыс. Вскоре на наш участок, так как мы прибыли первыми, были передислоцированы воинские части от Ленинградского, Уральского, Одесского и Прикарпатского военных округов. Проблем было достаточно. Высадка и транспортировка происходили в ночное время. Автотехники для перевозки имущества и личного состава не хватало. На настроение личного состава влияло, во-первых, отсутствие ночью освещения в незнакомой местности; во-вторых, закончились запасы

воды; в-третьих, и запасы сухого пайка практически иссякли.

После длительного переезда проблемы нарастали: не только помыться и побриться, но и приготовить горячее питание не могли. Находившиеся вблизи колодцы и скважины уже были заколочены, замурованы. Спасали рис, консервы и сухари, привезённые нами из Литвы. Воду, как могли, доставали – потихоньку, незаметно вскрывали замурованные колодцы. Централизованной доставки воды вначале не было. Позднее её набирали за сотни километров, имея лишь одну водовозку при части. Имевшиеся в наличии девять тонн риса, который за несколько суток набрал дозу радиации, превышающую допустимую в несколько раз, вынуждены были закопать в вырытый котлован на глубину шесть метров. Прибыли мы в данный район 1 июня, а приказом нас передали только 19 июня. Вот до этого дня мы жили на выживаемость.

После 19 июня все вопросы, связанные с жизнедеятельностью, стали решаться. Нас закрепили за одним воинским соединением. Благодаря полковнику Слабоспицкому, наша воинская часть стала работать организованно. Командование вышестоящей организации определило задачи по ликвидации последствий аварии. Одно из подразделений занималось непосредственно ликвидацией очага выброса радиации, в том числе работали на технике разных видов, занимались копкой траншей и подвозом бетона, вывозом и захоронением радиоактивных отходов, включая большое количество продуктов питания, в том числе и спиртного, с баз хранения.

Два подразделения занимались строительством городка, я так понимаю, для специалистов, в том числе для военнослужащих, которые должны были позже выполнять работы

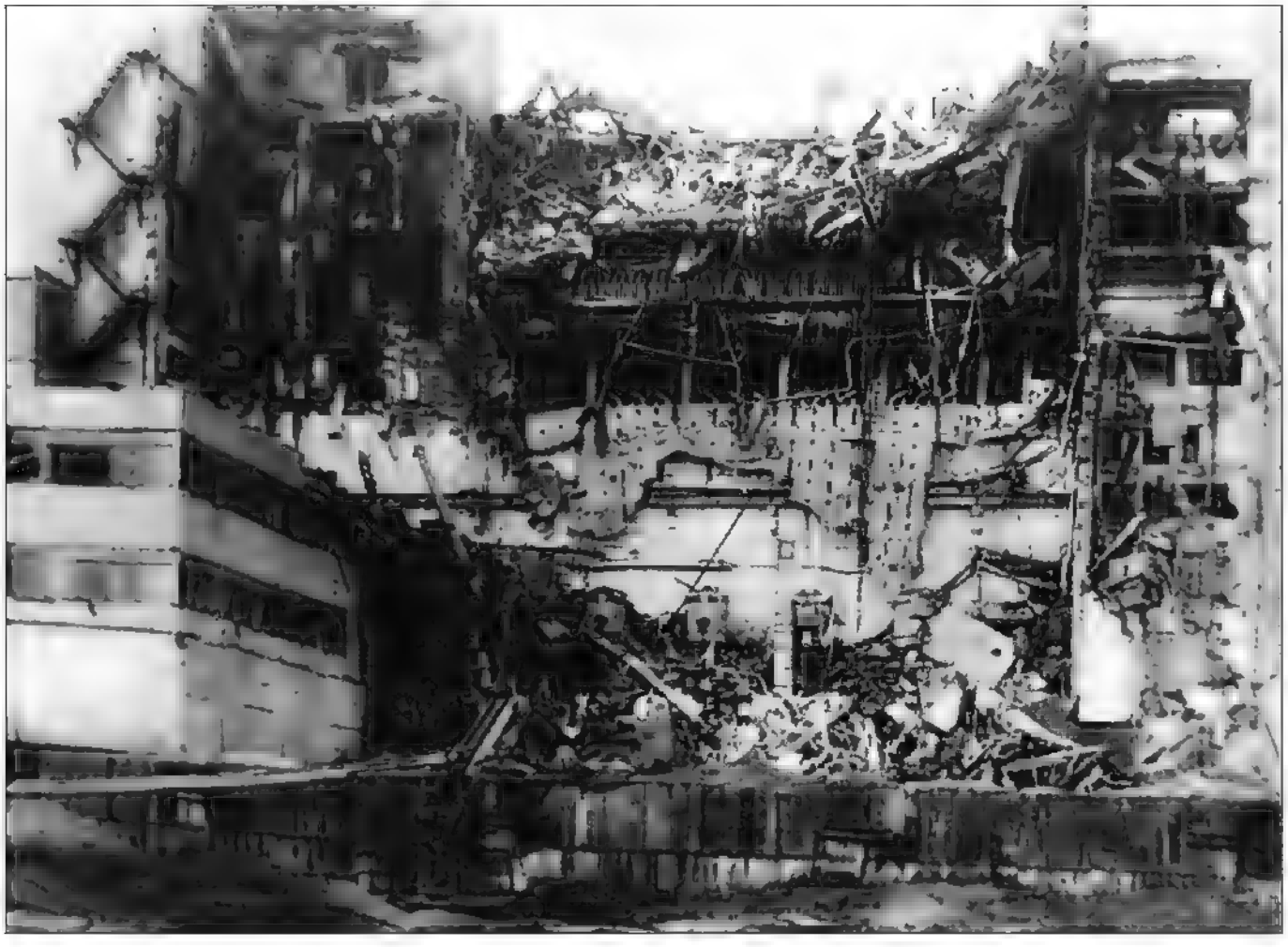
по ликвидации аварии. Эту жилую зону в короткое время возвели в новом микрорайоне Зелёный Мыс. Здесь уже были отстроены дома наподобие коттеджей – под баню, почту, отделение милиции, даже телефонный переговорный пункт. Строительные материалы – брус, доски, столярные изделия, кирпич, шифер и всё прочее, до оконных или стекольных гвоздиков – водным путём доставлялись до г. Николаев, затем автотранспортом до Зелёного Мыса. Неожиданно приняли решение заселить ликвидаторов, весь личный состав в прибывшую флотилию кораблей. После переселения на корабли три подразделения были переведены на строительство объекта «Славутич».

Во время работы по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС моя должность была заместитель командира части по тылу – начальник тыла. Личный состав части состоял из лиц прибалтийских республик и из Калининградской области. Офицеры штаба части, в том числе и командиры взводов,

были кадровые, командиры рот и их заместители – из числа резерва. Это, в основном, были ведущие инженеры с заводов и предприятий Литвы. Я до сих пор с большой благодарностью и уважением вспоминаю о них, большинство из которых были коммунистами.

Моя доза облучения из журнала замеров внешнего фона – 17 рентген. Это из журнала замеров за пределами 30-километровой зоны. Но по долгу службы мне приходилось бывать на очень близком расстоянии от реактора. Перед нашим отъездом 22 декабря 1986 года накопители изъяли.

Хочу добавить, что ещё примерно в августе – сентябре 1986 года пришла телефонограмма срочно написать представление на меня к награде орденом «Знак Почёта», что и было сделано. Но этот орден я не получил, видимо, затерялся или в другие руки попал. Интересным оказалось и то, что позже некоторых «ликвидаторов» я встречал по долгу службы. Приезжали оказать помощь с кратковременным визитом, час-



Разрушенный аварийный реактор ЧАЭС

два, иногда несколько суток, а потом в открытую убегали. Так как некому было привезти обратно из района командировочное удостоверение, получалось, что кто-то всё ещё числился в командировке. Позже тем, кто был в Чернобыле, присваивали звания на ранг выше. Я по ряду причин в их число не попал. Обида определённая осталась.

В 1991 году я прибыл служить в Забайкалье, в одну из частей в посёлке Лесной Городок, недалеко от Читы, на должность начальника тыла. Перед увольнением в запас мне предложили, как участнику ликвидации аварии на ЧАЭС, предварительно оплатить стоимость так называемого ТПК, которые разрешили продавать. Я оплатил полную стоимость, выписали наряд, выдали технический паспорт, оценочный лист и счет-наряд № 208 от 15 июня 1992 года. Поехал получать в Борзю. Оказалось, что этот вид машины по поддельным документам уже полгода назад продан какому-то бывшему секретарю обкома партии. Всё это хитро решалось генерал-майором Чеховским, бывшим начальником штаба тыла ЗабВО. Забавно решал эту роль начальник ОМФ полковник Почуенков. Да не в стороне оказался и главный бухгалтер Шаманский. Более двух лет меня водили за нос, затем я подал заявление в суд. Два года ждал, чтобы суд состоялся. За это время поменяли четыре судьи. Затем нашёлся судья Ингодинского района, который взялся хотя бы провести суд. Да, он его провёл. Единственное, что я понял из решения суда, что я аферист. Подал в областной суд, там ещё хуже было. Это я к тому, как с нами обошлись.

Во время работ по ликвидации аварии на ЧАЭС я работал с командиром части майором Ковбаса. Командир командиром, но основную работу по выполнению заданий, как мне кажется, выполнял начальник штаба майор Приголюнас Эгон Иванович.

За нашу Советскую Родину!

Товарищу майору ТУПИНЕВИЧ

Юрию Васильевичу

Выполняя задание Советского правительства в необычно сложной обстановке, Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества. Глубокое понимание личной ответственности за порученное дело помогло Вам внести достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Выражаем Вам сердечную благодарность за образцовое выполнение патриотического долга перед Родиной.

Командир войсковой части 49634

П-к =СЛАБОСПИЦКИЙ=

Заместитель командира
по политической части

Л/п-к =БИЛЫК=

«6» ноября 198 6г.

ГАММЕРШМИДТ
Виктор Александрович,
полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 10 октября
по 25 ноября 1986 года

Проходил службу в должности начальника штаба танкового батальона 318-го танкового полка 42-й гвардейской орденов Суворова II степени и Богдана Хмельницкого танковой дивизии Киевского военного округа.

Участвовал в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в должности командира отдельного инженерно-технического батальона 25-й бригады химической защиты.

Батальон численностью около 400 человек имел более ста единиц инженерной техники, выполнял, как и все подразделения, находившиеся в зоне аварии, работы по очистке местности вокруг АЭС от радиоактивных элементов.

Батальон имел несколько своих объектов, а также предоставлял инженерную технику на множество других объектов. Работы велись круглосуточно в три смены. Ежедневно в батальон прибывало на замену от 10 до 60 человек, так как одной из главных задач было сохранение здоровья личного состава, выполнявшего задания по очистке территории от радиоактивных отходов.

Была установлена допустимая норма облучения – 25 бэр, по достижении которой проводилась замена личного состава. За этим вёлся строгий учёт, что ежедневно отражалось в индивидуальной карточке.

В период выполнения работ получил дозу облучения 25 бэр.

Личный состав батальона выполнил огромный объём работ, почти все работали на различных инженерных машинах – это были экскаваторы, бульдозеры, краны, поливо-моечные машины, машины для рытья котлованов, инженерные машины разграждения и другая техника.

Батальон располагался недалеко от города Иванков. Ежедневно на объекты личный состав выезжал на автомобилях, возвращался по тому же маршруту через несколько пунктов специальной обработки, которой подвергались личный состав и автомобили. Она проводилась до тех пор, пока уровень загрязнения не снижался до допустимого. Только тогда личный состав пропускали в чистую зону.

Хочу выразить благодарность командиру 25-й бригады химической защиты полковнику Митусову, а также офицерам батальона – капитану Лаштабега и капитану Патрушеву.

В период командования батальоном были сданы в эксплуатацию очистные сооружения станции и площадка для сооружения защитного саркофага для четвёртого энергоблока.

В период моего нахождения в командировке уже был налажен быт и чётко отлажена вся работа по ликвидации последствий в зоне аварии, так как прошло почти пять месяцев с момента начала работ.

Кроме ликвидации последствий аварии, велись работы по улучшению условий жизни и быта личного состава, за короткое время был построен сборно-щитовой дом, в котором расположилась медицинская рота бригады, и из палаток переселили офицеров батальона.

Следует отметить нехватку специалистов – инженеров для работы на разнообразной инженерной технике, в связи с чем мне и другим офицерам – пехотинцам, танкистам – приходилось иногда лично перегонять инженерную технику из парка в зону работы.

Инженерная машина разграждения ИМР-1

КАЗАНЦЕВ
Константин Викторович,
старший лейтенант

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 18 октября
по 25 декабря 1986 года

В течение шестидесяти восьми суток исполнял служебные обязанности по ликвидации последствий аварии в 30-километровой зоне Чернобыльской АЭС.

На основании приказа был откомандирован в воинскую часть 04201 для работы в УС-605 в должности прораба. Осуществлял руководство подразделением по техническому обеспечению электроустановок, которые использовались для работы на аварийном энергоблоке ЧАЭС. Для выполнения производственных задач было создано подразделение, в обязанности которого входила дезактивация техники, применявшейся в работах. В состав техники входили: краны, осуществлявшие установку различных конструкций на крыше аварийного реактора, в дальнейшем саркофага; бетоносмесители и бетононасосы, использовавшиеся на подвозке и подаче бетона в аварийный энергоблок; различная землеройная техника.

Дезактивация техники производилась как на специальной площадке, расположенной в третьей зоне опасности, так и непосредственно рядом с аварийным энергоблоком ЧАЭС.

Доза полученного мною облучения – 20 рентген.

В 1986 году я проходил военную службу в должности старшего следователя военной прокуратуры Бийского гарнизона в звании старший лейтенант юстиции.

В конце августа 1986 года приказом военного прокурора Сибирского военного округа был командирован в распоряжение военного прокурора Киевского военного округа и с сентября по декабрь 1986 года проходил службу в должности следователя 110-й военной прокуратуры Киевского военного округа.

Во время командировки расследовал преступления различных категорий, совершённые военнослужащими и лицами, призванными на военную службу, находившимися в воинских частях, принимавших участие в работах по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

В связи с расследованием уголовных дел неоднократно выезжал в 30-километровую зону, где проводил различные следственные действия, в том числе осмотры мест происшествий, следственные эксперименты и др.

Так, в сентябре – октябре 1986 года, расследуя уголовное дело в отношении группы военнослужащих внутренних войск,

ЦОЙ
Виталий Владимирович,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 4 сентября по 4 декабря 1986 года

осуществлявших охрану 30-километровой зоны и совершивших многочисленные хищения государственного имущества из магазинов и торговых точек различных населённых пунктов, находящихся в этой зоне, выезжал в указанные места для осмотров мест происшествий, следственных экспериментов, обысков, организации и проведения ревизий с целью определения размеров причинённого материального ущерба.

Позднее все участники преступной группы были осуждены военным трибуналом и приговорены к различным срокам лишения свободы.

В тот же период времени мною было расследовано сложное уголовное дело в отношении семнадцати военнослужащих, призванных на военную службу, которые совершили хулиганские действия в отношении жителей одного из населённых пунктов Киевской области, в результате чего пострадали более шестидесяти человек, а также нападение на сотрудников милиции, пытавшихся пресечь их противоправные действия. Все виновные были привлечены к уголовной ответственности и понесли заслуженные наказания.

Всего за период командировки мной было расследовано 14 уголовных дел.

Кроме этого, проводилась предупредительно-профилактическая работа в войсках: лекции и выступления на различные правовые темы с разными категориями военнослужащих (офицерами, прапорщиками, военнослужащими по призыву), беседы с правонарушителями и лицами, склонными к правонарушениям. Постоянно проводился приём военнослужащих и лиц, призванных на военную службу, по различным вопросам.

Также осуществлялся приём граждан и из числа местного населения, рассматривались их обращения и жалобы на действия должностных лиц воинских частей и военнослужащих.

Коллектив нашей прокуратуры состоял из пятнадцати человек, но постоянно менялся, поскольку кто-то уезжал по окончании командировки к месту службы, а кто-то прибывал. Работали дружно, слаженно.

Обслуживаемые воинские части были разбросаны по всей Киевской области, а потому по служебным вопросам

постоянно приходилось много ездить. По моим подсчётам, лично я исколесил за период командировки около 35-ти тысяч километров. Работали без выходных, не считаясь со временем. Лишь однажды выехали всем свободным личным составом в вечернее время на концерт Аллы Пугачёвой, прибывшей с выступлением в Чернобыль.

По окончании командировки за успешное исполнение служебных обязанностей военным прокурором СибВО мне была объявлена благодарность.

Службу в органах военной прокуратуры закончил в 2006 году в должности заместителя военного прокурора, воинская часть 56681, в звании подполковника юстиции.

ПЕРЕЛЫГИН
Михаил Юрьевич, майор

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 25 августа по 26 октября 1986 года

Был командирован из 150-го военно-строительного полка 1257-го управления военно-строительных частей предприятия п/я Ю-9092, воинская часть 04201, должность – заместитель командира роты, в воинскую часть 77083, г. Чернобыль Украинской ССР.

В сложных условиях возглавлял смену военнообязанных, работавших на выполнении особо важного задания – загрузке суперлифта крана «Демаг». Задание в условиях высокой радиоактивной обстановки было выполнено в кратчайшие сроки, что позволило сократить работы по захоронению разрушенного блока ЧАЭС.

За активное участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС награждён медалью «За отличие в воинской службе» I степени.

С 4 по 30 июня 1986 года занимался строительством ограждения 30-километровой зоны ЧАЭС.

С 1 июля по 31 июля 1986 года участвовал в работе по ликвидации последствий на третьем блоке станции, выезжал на реактор 16 раз; с 1 августа по 1 сентября 1986 года занимался дезактивацией деревень и городов, а также ликвидацией пожаров.

Во время работ меняли хлопчатобумажную одежду каждый день, а при выезде на реактор – два раза в день. Только вряд ли это можно считать защитой.

За успешное завершение ограждения был награждён знаком МВД СССР «За отличие в службе» II степени, за успешную работу на реакторе – медалью «За отличие в воинской службе» I степени от Министерства обороны СССР. За то, что рота была первой на реакторе, был представлен к ордену Ленина, но получил его командир дивизии. Орден Мужества получил 5 мая 2005 года.

Очень жаль, что из последней моей роты остался я один. Если это кто прочитает, то ужаснётся. Я до сих пор жив!

И никаких наград и почестей мне не надо.

Найдите хотя бы одного чернобыльца, кто был там первым – с 30 мая 1986 года.

ЛИШМАНОВ
Виктор Юрьевич,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 30 мая
по 2 сентября 1986 года

ТУКАН
Василий Васильевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

В 1986 году по повестке меня вызвали в военный комиссариат. Объявили срочные сборы. В Донецке только мы узнали, что едем на аварию в Чернобыль. Приехали в часть, нас переодели в военную форму, распределили по ротам, по взводам, по отделениям и началась работа.

Первое, что бросилось в глаза, это бело-серый цвет почвы, деревьев, всё было одного цвета. Приводили в ужас брошенные в спешке дома, трактор с вбитым в землю плугом, один посреди поля. Изредка попадались старики да старушки, которые не эвакуировались.

Начали работать на ПУСО – пункте специальной обработки, отмывали технику от радиоактивной грязи. В конце смены каждому фиксировали дозу облучения, по два «радика» (радиками мы называли радиацию). Кто набирал 20 рентген, этого человека не выпускали на работу в 30-километровую зону.

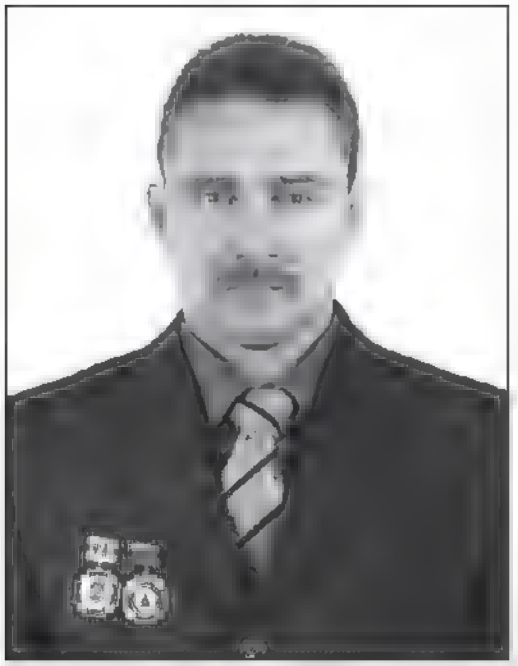
Когда я набрал 10 рентген, меня определили на пожарную машину. Пожарный расчёт состоял из четырёх человек. Это было своего рода дежурство, во время

которого перекачивали радиоактивную воду из отстойника в отстойник.

Как-то ночью нас подняли по тревоге - на станции полыхал сильный пожар. Тушили долго – с 3-х часов ночи до 13-ти часов следующего дня. Пожар был потушен. Нам вручили Почётные грамоты. После этого наша работа в 30-километровой зоне была закончена, группа получила определённую дозу радиации – 19,92 рентгена. В запретную зону нас не пускали, так как за одну ночь получили допустимую дозу радиации.

В общем, из лагеря никуда не выходили, до конца службы работали истопниками, посудомойками, без дела не сидели.

Обработка техники после работы в зоне аварии



ЗДОРОВЕНКО
Андрей Анатольевич,
рядовой

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 2 мая по 29 июня
1986 года

Родился 1 февраля 1967 года. Проходил военную службу в воинской части 44735 Забайкальского военного округа. Участвовал в ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в должности старшего водителя в составе воинской части 54979, место дислокации – посёлок Белая Церковь.

Выполняемые работы – доставка продуктов с железнодорожной станции на первый и второй реакторы для тех, кто строил саркофаг.

Доза полученного мной облучения составила 2,855 рентген.

Памятник пожарным, прибывшим первыми на место аварии на ЧАЭС

КОЗЛОВ
Александр Михайлович,
рядовой

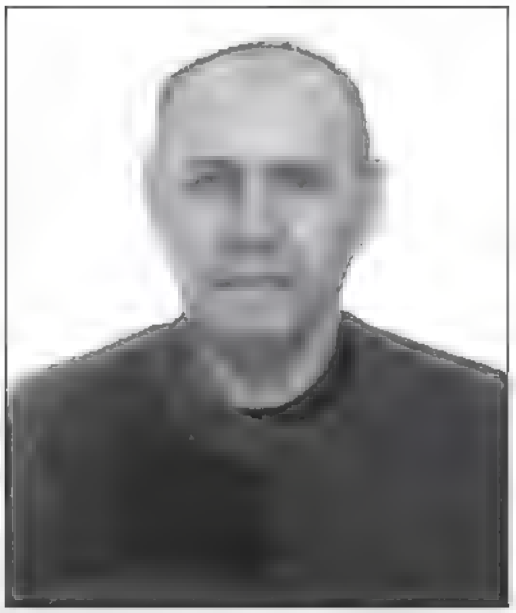
Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 13 июня
по 26 августа 1986 года

Призван на срочную службу 24 октября 1984 года в воинскую часть 20115, где прошёл обучение на механика-водителя тяжёлых многоосных машин МАЗ–537. После окончания учебного подразделения был направлен для прохождения дальнейшей службы в воинскую часть 33816. Когда произошла катастрофа на Чернобыльской АЭС, попал в воинскую часть 83212. Служил водителем автомобиля, рядовой.

С 13 июня по 12 августа 1986 года на автомашине МАЗ-537 перевозил тяжёлую технику из Белоруссии, позднее со станции Тетерев перевозил немецкие краны, которые использовались в работах по накрытию саркофагом аварийного реактора АЭС. Обстановка в то время была напряжённая, все работали ответственно и не задумывались об опасности. 26 августа 1986 года я был направлен в свою воинскую часть 33816.

Как военнослужащие все выполняли приказы командира, в целом работы шли организованно.

Времени прошло много, и тех, кто со мною проходил службу в это время, я, к сожалению, уже не помню, помню одно – все были готовы выполнить свой воинский долг.



ЕЛОХИН
Сергей Васильевич, рядовой

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 6 августа по 10 ноября 1986 года

Я весьма удивлён и потрясён тем, что нас, ликвидаторов, ещё не забыли, помнят. Много лет прошло с тех времён, когда прокатилась эта волна невидимого ужаса по стране. Многое уже стёрлось из памяти за эти годы, но тот страх и тревога за близких и родных мне людей всё ещё ощутимы, как будто это было вчера. Уезжал из дома на специальные сборы обычным рядовым в самое «пекло» ЧАЭС (30-километровую зону), оставляя двоих малолетних детей и жену в неизвестности, вернусь ли я домой, смогу увидеть их ещё раз или нет.

По прибытии на место – в Чернобыль мы разместились в школе-интернате. Работал на миксере, возил бетон для заливки самого реактора. Там получил дозу облучения 11,5 рентген, тогда перевели на перегрузку бетона с машин в миксера. Работали по восемь часов в сутки. Уход и питание было хорошее, ставили прививки, меняли ежедневно одежду, принимали душ каждый день после работы.

Помню, много людей не выдерживали, падали, шла носом кровь, выпадали волосы, была рвота. Ощущение «невидимого врага», с которым труднее бороться, обострялось с каждым днём, глядя, как вокруг гибнут природа, техника, люди. У меня тоже здоровье пошатнулось, а с годами это ощущается ещё сильней, но самое обидное то, что теперь наше государство забыло о нас. Ведь мне много не надо, как и тогда, я не жалею, что принимал участие в ликвидации аварии. Детей я вырастил, сейчас растёт внучка Софья, и хочу только одного – чтобы как можно дольше радоваться жизни вместе с ней. Своих сослуживцев, кроме Николая Никулина, я почти не помню.

В завершение хочу сказать составителям книги: спасибо за память о тех немногих, оставшихся в живых ликвидаторах последствий аварии на ЧАЭС, крепкого здоровья всем нам и нашим близким!

Работы по очистке хозяйственных построек

Родился 27 сентября 1955 года на прииске Надёжный Кыринского района Забайкальского края.

В 1986 году я работал машинистом тепловоза в локомотивном депо Дарница, г. Киев. Об аварии узнал 31 апреля. Простые люди об аварии не знали ничего. В Киеве 9 мая проводилась велогонка Мира.

С 11 мая началась паника, на вокзале толпы народа, поезда во все направления переполнены. Одновременно началась эвакуация детей со станций Дарница, Бровары. Очень страшное зрелище. Детей с воспитателями подвозили к вокзалу, выгружали из автобусов и вели к вагонам. Родителей не пропускали, стояли три кольца милицейского оцепления, последнее кольцо – с собаками. Крики, плачь родителей вызывали у всех слёзы.

В ноябре 1987 года я был направлен в командировку в зону ЧАЭС машинистом тепловоза для перевозки в вагонах рабочих и руководителей со станции Недакчичи до платформы Семиходы, оборудованной под санпропускник и находившейся примерно в ста метрах от атомной станции.

Накопителей нам не выдавали и дозы облучения никто не знал. В живых из восьми, работавших со мной, человек остались трое, в том числе я.

МЕЛЬНИК
Александр Андреевич

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1987 году

БАШКАТОВ
Николай Михайлович,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 3 сентября
по 11 ноября 1986 года

Родился в 1957 году в г. Курске, проживаю в г. Чите.

Большое спасибо всем, кто занимается таким благородным делом, что ещё помнят отдельные люди, в лице Вас, Валентин Алексеевич, тех людей, в лице меня, тот ужас, который мы пережили и переживаем до сих пор (отголоски той аварии – имеется в виду здоровье). Мне только 53 года, но я уже инвалид II группы.

Был направлен на ликвидацию аварии на ЧАЭС из воинской части 05373, г. Кирово-Чепетск в распоряжение командира воинской части 55237, находившейся в селе Иванково, рядом с п. г. т. Тетерев. Прибыли мы туда в 23.00 и сразу попали на совещание, которое продлилось до 2.00 ночи. Я служил тогда в звании капитана на должности командира роты. Со мной прибыли ещё два заместителя – старший лейтенант В. Колодочкин, второго фамилию не помню. Командиром полка был полковник Г. Г. Чебан, заместителем по тылу полка – подполковник А. И. Огородов, замполитом – майор А. Бондаренко. Меня

назначили командиром резервной роты, в обязанность входило размещать, формировать команды и отправлять уволенных. Мы размещались в палатках. Работа была адская. Люди прибывали ежедневно. Спали по два-три часа в сутки. Через неделю мне определили постоянную роту. Я сменил капитала Евтюхина из Москвы. Стал командиром автороты из 180 человек, призванных, в основном, из Грузии – «партизаны». На ЧАЭС они работали на миксерах, на «хозяйках». В октябре на территории полка был построен офицерский щитовой городок.

Что сильно впечатлило? Во-первых, это у меня на глазах авария вертолёта, который разбился, зацепившись за трос от крана «Демаг». Я в это время находился в помещении, управляли кранами по телевизору. Во-вторых, когда закапывали в могильники товары из магазина «Культторг» (мотоциклы, телевизоры и др.). В-третьих, наличие урожая, когда гриб шляпкой не входил в ведро, муравьи величиной с таракана, яблоки величиной с дыню. Запомнился боец из Белоруссии. У нас была традиция - при любой внештатной аварии на вечернем разводе командир полка перед строем объявлял, что если кто пойдёт добровольцем, тот завтра уезжает домой. И вот этот боец из Белоруссии вызвался идти заваривать шов внутри саркофага, так как вытекал бетон. Они работали в ночь. Утром при построении людей на завтрак я спросил у одного, кто это такой стоит в строю. На что он мне ответил: «Командир, ты меня не узнал что ли?». Действительно, узнать было невозможно. Ещё вчера вечером был молодец кровь с молоком, а стал серо-черного цвета. Когда я спросил, для чего он пошёл туда, он ответил, что живёт в деревне, имеет троих детей. Забрали в 24 часа. Дома подготовка к зиме, а он здесь. Был каждый час дорог.

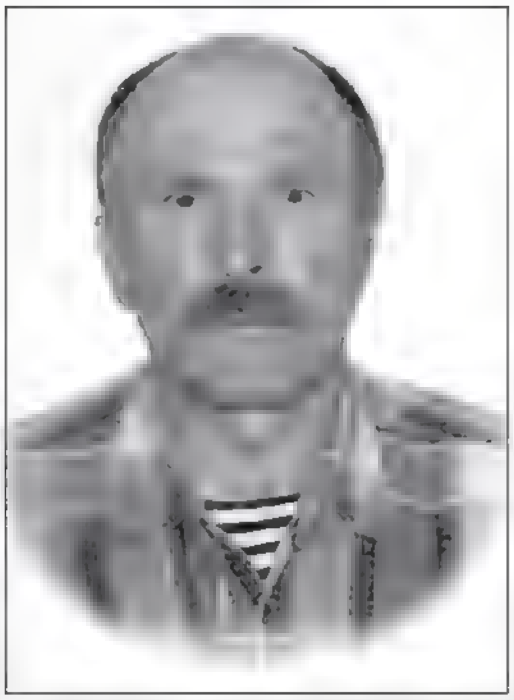
Управление у нас находилось в Чернобыле. Начальником штаба был полковник Челедов, помощником начальника – мой друг капитан А. Чиписа.

Замениться я должен был в начале ноября 1986 года, но ввиду того, что наступали праздники и нельзя было «оголять» часть, замена пришла к 11 ноября 1986 года.

Согласно справки, мною получено 9,7 рентген. За время командировки я имею более 60-ти благодарностей и грамот. Награждён именными часами, грамотой Министра обороны.

В личном деле записано: около 60 дней «зоны», то есть почти каждый день я выезжал на реактор. Осуществлял контроль за личным составом. Доезжал на машине до Копачей, пересаживался в «грязные бронировочные» автобусы и ехал на станцию. Всё не опишешь и из памяти не выбросишь.

Повседневный труд дозиметриста



ЖОВТЯ

Юрий Григорьевич, сержант

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году

Родился я на Украине в Черниговской области, в деревне Тарасовка.

По достижении призывного возраста, в 1979 году ушёл в ряды Советской Армии. Попал в учебную часть в г. Остёр, под Киевом, получил специальность – механик-водитель средних танков. По распределению попал в часть в посёлке Гончаровск. Демобилизовался в 1981 году в качестве сержанта танковых войск, старший механик-водитель танка Т-64А. Работал в родном совхозе трактористом, комбайнёром до того страшного дня – 26 апреля 1986 года.

5 мая мне вручили повестку в Коропской РВК. По прибытии в военкомат нам выдали мобилизационное предписание, погрузили в автобусы и увезли в г. Нежин, и там мы получили обмундирование и всё необходимое. В составе колонны военной техники направились в сторону Киева. 9 мая рано утром прибыли в район села Оранное.

При построении генерал-лейтенант Королёв сообщил, что мы находимся в 30-ти километрах от ЧАЭС. Те, кто служил в химических войсках, начали возмущаться. Генерал издал приказ, что с этой минуты объявляет военное положение. Дали нам несколько дней для обустройства, распределили по группам. И началась наша служба. Я попал в сержантскую группу под командованием лейтенанта (фамилию, к сожалению, не помню). Прожили мы целый месяц и не знали, какая у нас воинская часть, писали родителям письма, но они не доходили. Потом всё-таки объявили, что наша часть 34003 – ремонтный батальон. Работали в г. Чернобыле на судоремонтном заводе. С нами работали учёные, профессора. Делали катки для снятия графита с крыш домов, обтягивали инженерную технику листовым свинцом. По приказу ездили на станцию работать.

На третьем реакторе мыли трубы, работали на территории станции. Было сложно: лето, жара, духота невыносимая, постоянно тянуло на сон. Ждали дождя, но его всё не было. В конце июня меня, Гурина и Шевченко за хорошее поведение и работу отправили в пятидневный отпуск. По прибытии из отпуска нас комиссовали.

Пробыл я на ЧАЭС 59 суток и вернулся домой. Всё тело было покрыто пятнами цветами радуги. И только благодаря Забайкалью всё сошло. В январе 1987 года уехал с Украины на восток, так и попал в Могзон. Женился, первая дочь в 1988 году умерла. Сейчас имею дочь 1990 года рождения. Льгот почти не имею, ездил два раза в санаторий на Кавказ, г. Железноводск, и всё.

После собеседования с парторгом предприятия «Степногорское управление строительства», г. Степногорск Целиноградской области, Казахстан, я согласился поехать в командировку в Чернобыль в качестве машиниста крана автомобильного на 90 суток.

На Украине конец зимы и очень ранняя весна. В Киеве встретили, и на УАЗике лесными дорогами я добрался в город Чернобыль. Пасмурно, сыро, остатки снега, замёрзшие лужи. Люди хмурые. Отметился в отделе кадров УС-605. Поселили в общежитии бывшего сельскохозяйственного училища. Автопарк находился в 20-ти минутах ходьбы от него. Выдали спецодежду – от носков до фуфайки. После бани начальник колонны объяснил обстановку, накормил в столовой на территории училища. Кормили кстати много и сытно. Приём пищи был организован четыре раза в сутки. Поскольку работы велись круглосуточно, ночью кормили «ночников». Перед приёмом пищи обязательно встречал дозиметрист – проверял прибором полученную дозу радиации. И так каждый день.

Задача УС-605 была – демонтаж кровли третьего энергоблока.

СОМОВ
Виктор Владимирович

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 20 марта
по 20 июня 1987 года

А моя основная задача, кроме побочных, – погрузка контейнеров, набитых остатками кровли-утеплителя в КрАЗ, который в единственном числе вывозил радиоактивные отходы в сопровождении работников ГАИ, так как кабина была обшита свинцовыми листами, установлены дополнительные зеркала заднего вида на крыльях и оставалась только щёлочка на лобовом стекле, как у танкистов. А контейнеры мне подавал кран «Демаг».

У каждого работающего был персональный дозиметр – «карандаш». После каждой погрузки шёл в бункер дожидаться следующего рейса КрАЗа, где мог одновременно проверить дозу облучения. Если суточную норму получил – собираю кран и в Чернобыль. Там погрузо-разгрузочных работ тоже достаточно. Простоев механизма не было. Как-то возвращаюсь со станции на базу, уже в Чернобыле останавливает ГАИ, просит снять ворота с частного гаража и погрузить брошенную легковую радиоактивную машину «ВАЗ». Конечно, не считаясь со временем, работу выполнил.

В частном секторе редкие старики жили, которым некуда было уезжать из родного дома. Ощущение удручающее. Ни животных, ни кошек, ни собак, даже птиц, кроме ворон, не видно. Началась весна, почки распускаются, трава пошла. Яблони, вишни, черешни зацвели. Воздух, аромат украинской весны замечательный! Только обстановка о себе напоминает постоянно – зачем и почему ты здесь.

На трассе ЧАЭС – Чернобыль пост дозиметристов – автомойка, где обязательно должен пройти проверку, мойку транспорта. Бывало, до трёх раз в день мыл кран. В кабине возил коробку разовых респираторов. На день уходило две-три штуки. Труба-то попыхивала. Почувствовал сладковатый привкус на губах – поспеши проверить дозу облучения. Один раз в неделю была организована баня с полной заменой одежды. Обувь – по необходимости. Учёные изобрели новый пенопласт – утеплитель кровли, и экспериментальный вариант «мини-крыши» я собирал в Чернобыле, на окраине. Смонтировав, подожгли. Суть была в том, что пенопласт не горел, а от температуры огня плавился, «затыкая» все возможные щели, превращаясь в панцирь, перекрывая доступ воздуха, и пламя, конечно, гасло.

Эксперимент прошёл удачно, и я почти три недели кран оставлял на станции, собирая настоящую кровлю частями, после чего «Демаг» уже монтировал кровлю на блоке.

На обед нас возили служебным автобусом. Дисциплина – оперативная. Идём к автобусу, и кто-то из толпы громко считает и показывает на трубу. Счёт хором подхватили ещё несколько человек. Оказывается, ворона села и на счёт «пять» упала внутрь.

А сколько было молодых ребят-срочников! Собрались на обед, идём к автобусу. Солдатик вдруг падает, кровь из носа, рта, ушей. Три-четыре минуты конвульсий - и домой в цинковом гробу.

Для проведения демонтажа кровли, кроме как по внутренним лестницам, никак не могли добраться. Привезли два польских наружных лифта. Выгрузили и смонтировали. По мнению дозиметристов, от стены блока 25–30 метров – самая менее заражённая часть площадки. А зелень, природа от радиации прёт, как на дрожжах.

Однажды меня с двумя слесарями отправили в город Припять демонтировать двигатель грузовой лебёдки башенного крана. Выписали разовый пропуск на эту площадку, и мы поехали. Утро, зелень, весенний воздух, хорошая асфальтированная дорога, солнце. Одним словом, Украина во всей красе. Прошёл лёгкий короткий дождь и снова солнце. Воздух, аромат замечательный! Места красивые. На несколько минут даже забывалась чудовищная трагедия.

Подъезжаем к городу, въезжаем на небольшой горбатый мост и открывается изумительная панорама: маленький, компактный, хорошо, красиво спланированный город, высотки, аллеи, клумбы, тюльпаны. На балконах кое-где сушится постиранное бельё. Это первое впечатление. Вдали, в низовье, среди холмов просматривается между ветвями деревьев река Припять с мощными, крутыми поворотами. Наверное, глубоководная и рыбная, чистая. Я даже на несколько минут остановился на мосту, чтобы оглядеть пейзаж и место расположения города Припять.

Но город мёртв. Подъезжаем к воротам. Военные, пост контроля, город оцеплен по периметру колючей проволокой не в один ряд, одним словом – зона.

Выполняем свои задачи, и на обратном пути при выезде из города слесарь показал мне балкон на четвёртом этаже своей квартиры, где тоже сушилось постиранное бельё. Не первый день уже сушилось. Слышать одно, но увидеть... Я до глубины души почувствовал его боль, душевную, физическую боль людей, которые в один миг потеряли всё – жильё, здоровье, мечты, надежды, любовь, друзей, родных, работу.

И тюльпаны запомнились. Клумбы, грядки и густо посаженные красные, жёлтые, гибриды вперемешку тюльпаны. А размер их был в два-два с половиной раза больше моего кулака. Специально остановился. Вот собственно вроде бы и всё. Говорили, что город Припять и близлежащие земли законсервированы на 100 лет. Ещё – от ЧАЭС в сторону г. Чернобыля – рыжий лес. Как ветер дул в момент взрыва – радиоактивное облако полосой окрасило землю, траву, деревья хвойные, лиственные до макушки, всё – в яркий живой рыжий цвет.

На трассе г. Чернобыль - ЧАЭС на посту работник ГАИ и медик. Регистрация в журнале, давали 150 граммов водки и бутерброд с красной и чёрной икрой. Вроде доказано, что спиртное помогает бороться организму с радиацией. Но самогон, по слухам, имел больший эффект. Иногда привозили хороший самогон из Белоруссии.

Из напитков употребляли чай, компот и «газировку» в неограниченном количестве, минеральную воду. А когда приехал домой, от воды из крана чуть не вырвало. Через неделю привык. Не хочется всё это вспоминать, если бы не Ваша просьба - для потомков. Ничего героического я не сделал, нужно было помочь.

А дома, в городе Степногорске меня ждали любимая жена, сын и дочь.

Доза облучения за весь период – 4,7 рентген. В 1997 году пришлось переехать на родину жены – Сомовой (Пешковой) Любови Степановны, в г. Читу. Меня и мою семью не забыли – как ликвидатору аварии на ЧАЭС были выделены деньги из федерального бюджета для приобретения жилья. За это я очень благодарен администрации г. Читы.

БЕДРИН
Виктор Валерьевич,
старший лейтенант

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 10 октября по 25 декабря 1986 года

В течение семидесяти пяти суток исполнял служебные обязанности по ликвидации последствий аварии в 30-километровой зоне Чернобыльской АЭС.

На основании приказа был откомандирован в воинскую часть 04201 производителем работ УЭС. В мои функции входило обеспечение электроснабжением рабочих мест на блоке АЭС. Работали в респираторах. Из сослуживцев помню лейтенанта Ольгина Юрия Ивановича, который трагически погиб в 2001 году.

Доза полученного мной облучения – 25 рентген.

ГЛАДКОВ
Сергей Геннадьевич,
старший лейтенант

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 26 апреля по 10 августа 1987 года

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, находясь в воинской части 41173 в должности начальника автомобильной службы. Работал в первой зоне 30 дней, в третьей зоне – 23 дня; указанные зоны являются внутренним делением 30-километровой зоны.

Доза полученного облучения – 10,6 рентген.

СМИРНОВ
Николай Николаевич,
старший лейтенант

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 19 мая по 7 ноября 1987 года

Служил в воинской части 41173 в должности секретаря ВЛКСМ. Работал в третьей зоне 25 дней, указанная зона является внутренним делением 30-километровой зоны.

Доза полученного облучения – 10 рентген.

КОЛЕСНИКОВ
Виктор Степанович, капитан

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 25 февраля
по 29 апреля 1987 года

Служил в воинской части 41173 в должности командира взвода. Работал в первой зоне два дня, в третьей зоне – 33 дня, указанные зоны являются внутренним делением 30-километровой зоны.

В первое время около недели непосредственно в городе Чернобыль занимались дезактивацией частных деревянных домов, позднее дезактивацией всей поверхности крыши третьего энергоблока и близлежащих крыш. Методика была простая: всех одевали в одноразовую одежду (фуфайки, зимние шапки, сапоги, рукавицы), выдавали индивидуальный дозиметр и поднимали на крышу. Замеряли общий фон на данном объекте и определяли время работы (не более 15–20 сек). За этот период надо было ломом и лопатой снять верхний слой крыши, образовавшийся мусор сложить в контейнеры, которые снимали подъёмным краном. Доза облучения за один выход составляла от 0,5 до 1 бэр. Один раз наткнулся на кусок угольного стержня и за несколько секунд

получил дозу облучения 1,8 бэр (здесь фон составлял около 1000 рентген). Всего официально набрал более 20 бэр, сделал более 30 выездов на станцию в зону третьей степени опасности. Доза полученного мной облучения — 20,28 рентген.

Город Припять. 1987 год

МАХАНЬКОВ
Анатолий Леонидович,
старший прапорщик

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1989 году

Во время трагедии на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года я выполнял интернациональный долг в Афганистане (декабрь 1984 г. – ноябрь 1986 г.). Должность – начальник столовой, начальник продовольственной службы, воинская часть 89582 (узел связи); командир части – генерал-майор Бескаравайный.

После Афганистана проходил службу в воинской части 45151, г. Умань Черкасской области Украины, Киевский военный округ, в должности командира взвода материального обеспечения; командир части был подполковник В. А. Стороженко.

В июне 1989 года был направлен в воинскую часть 89582, в район Чернобыля (место дислокации – с. Терехи, 25 километров от ЧАЭС). Был назначен на должность начальника столовой, позже – начальника продовольственной службы этой же части.

Хотя к этому времени со дня трагедии прошло три года, всё же «дыхание печи» энергоблока и в то время ощущалось, давало о себе знать выбросами жёлтых облаков. Часто такие выбросы

личный состав нашей части испытывал на себе: сразу начинала болеть голова, появлялась тошнота, приходилось немедленно укрываться в вагончиках, где мы жили.

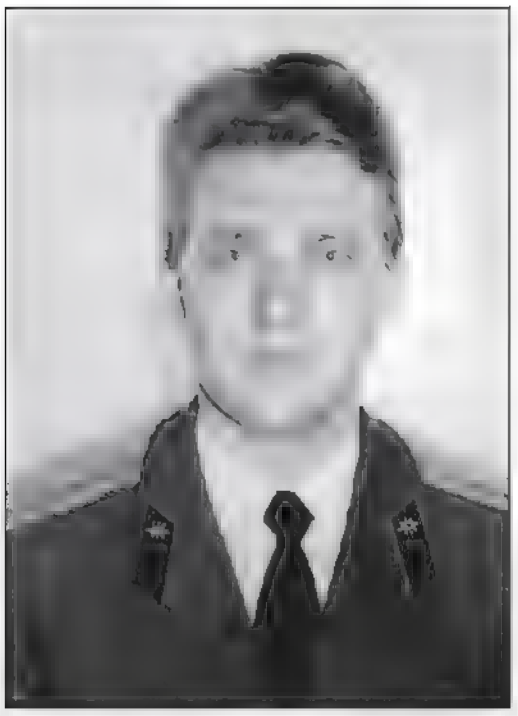
Для личного состава, призванного с гражданки, «партизан», так их тогда называли, обеспечение, проживание, питание было организовано хорошо. Они работали как на прилегающей к части территории, так и непосредственно в районе атомной электростанции.

Сам выезжал в те места, где непосредственно работали люди. На первом месте была забота о них. Баня работала ежедневно. Вода была привозная, и каждый день. Для столовой воду брали со скважины. Строго-настрого запрещалось есть овощи, фрукты, ягоды, рыбу с водоёмов, их в окрестности части было достаточно; купание также запрещалось.

Отравлений, потерь и больных среди личного состава не было. На земле, в земле, водоёмах, везде в том 1989 году ощущалась радиация, и в жилых помещениях радиационный фон превышал в несколько раз допустимые нормы. Никто не ныл, не жаловался, никто не покинул часть, все понимали положение, в котором находились, и зачем они сюда приехали. Ведь тем, кто был первым, во сто крат было тяжелее и опаснее, смертельно опаснее.

Все, кто там находились в апреле 1986 года и в последующие годы, прежде всего выполняли свой гражданский и воинский долг. Трагедия Чернобыля - это всемирная трагедия, и в первую очередь украинского народа.

Я прослужил на Украине до 1990 года, затем – в Германии, и до сих пор мне не безразлична жизнь украинского народа. Сколько у меня было и есть друзей, сослуживцев, они сохранятся в памяти до конца дней. Я же сибиряк, родом с Алтая. С 1993 по 1997 год служил в СибВО, в г. Бийске, воинская часть 31466, старшиной командного пункта. Командир части полковник А. Ф. Недопака. Уволился в запас в августе 1997 года.



ПУТИНЦЕВ
Владимир Николаевич,
майор

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 20 июля по 20 октября 1989 года

В 1989 году я проходил службу в г. Чернобыле на должности помощника начальника политотдела оперативной группы (ОГ СССР) по комсомольской работе в воинской части 06407.

В Чернобыль был направлен из политотдела 39-й армии, дислоцировавшейся в Монголии, в г. Улан-Батор (ЗабВО), с должности помощника начальника политотдела, члена военного совета по комсомольской работе.

Штабу оперативной группы подчинялась вся Чернобыльская группировка войск, задействованная в ликвидации аварии; дислоцировалась на территориях Киевской, Житомирской, Черниговской областей; в Белоруссии в Могилёвской области, в России в Брянской области. Штаб находился в самом городе Чернобыле.

Вместе с командующим и начальником политотдела опергруппы я объездил все эти области и принимал активное участие в организации работ по ликвидации аварии на ЧАЭС. Группировка насчитывала 52 тысячи военнослужащих.

Работы носили локальный характер. Дезактивировались частные подворья населённых пунктов, дороги, а также здания, транспорт, где находились люди.

За период нахождения в 30-километровой зоне, в г. Чернобыле мною были установлены связи с местными райкомами комсомола, а также принимал участие в пленарном заседании ЦК ВЛКСМ Украины в г. Киеве, где было принято важное решение о выделении помощи десяти райкомам комсомола, отличившимся высокими профессиональными качествами участников ликвидации аварии на ЧАЭС.

После этого решения в зону отчуждения (30 км) прибыло несколько машин с благотворительной помощью. Военнослужащим были вручены музыкальные инструменты, шахматы, телевизоры, фотоаппараты и разные предметы жизненной необходимости.

По долгу службы периодически я находился на самой горячей точке в 10-километровой зоне – на самой станции, где проводились работы у саркофага, который имел название «Укрытие». Доза облучения составила 5,6 бэр. За активную работу в период прохождения службы в Чернобыле я был награждён нагрудным знаком от ЦК ВЛКСМ «Воинская доблесть».

Краткие сведения из послужного списка: родился 29 мая 1969 года в посёлке Самусь Томской области. В 1977 году поступил в Новосибирское высшее военно-политическое училище.

С 3 июня 1988 года проходил службу в должности помощника начальника политического отдела по комсомольской работе в ЗабВО. С 1990 года был переведён на должность заместителя командира мотострелкового батальона по политической части ЗабВО.

В сентябре 1991 года стал слушателем Военно-политической академии имени Ленина – факультет заочного обучения общевоинской специальности. В июне 1993 года был откомандирован в распоряжение командующего войсками СибВО, назначен на должность старшего инструктора по культурно-массовой работе Дома офицеров, СибВО. В связи с организационно-штатными мероприятиями в 1994 году уволен в запас.

Стена памяти погибшим в результате аварии
(Установлена напротив Прометея, перенесённого из г. Припяти
и стоящего ныне перед административным зданием ЧАЭС)

НЕЧИПУРЕНКО
Виктор Николаевич, капитан

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 10 мая по 29 июля 1989 года и с 25 декабря 1989 года по 26 мая 1990 года

Находился в командировке на ЧАЭС в первый раз в 1989 году, в звании капитан, воинская часть 02806, город Кривой Рог-210, ВАИ ОГ ГО СССР город Чернобыль – заместитель начальника ВАИ. Проводили контроль за соблюдением ПДД, техническим состоянием машин, документами водителей и старших машин.

Второй раз работал в течение пяти месяцев в 1989–1990 годах, воинская часть 37528, село Оранное – начальник автомобильной службы части. Проверяли исправность автомобильной техники, определяли нужное количество машин и своевременную их подачу по требованию, доставку людей на работы и с работ, поливку специальным раствором дорог.

К сожалению, всех сослуживцев не помню, только командира воинской части 37527 (ОБСО) майора Кумейко, командира части 83279 (бригада) полковника Штурхацкого, оба афганцы.

В грамоте в моей фамилии допущена ошибка, правильно – Нечипуренко.

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

ГРАМОТА

ВОИНУ-ИНТЕРНАЦИАЛИСТУ

КАПИТАНУ НЕЧЕПУРЕНКО

ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ!

Выражаем Вам признательность за честно исполненный воинский долг, проявленные мужество и героизм на земле Афганистана и участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Секретарь комитета ЛКСМУ НПО "Припять" Ф.Артёменко.

КИМ
Герман Иванович,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 30 ноября 1989 года по 6 марта 1990 года

Родился 10 июля 1941 года в селе Бугутсай Актюбинской области.

Проходил службу в воинской части 75047, г. Иркутск.

В район аварии на ЧАЭС был направлен главным эпидемиологом медицинского отдела, воинская часть 06407.

Характер выполняемых работ: осуществляли контроль за эпидемиологической обстановкой в ста километрах от Киева. Красивейшие места, но кругом безлюдно, верхушки деревьев голые, животных и птиц не было видно вообще.

Получил дозу облучения – 4,25 бэр.

Награждён медалью «За спасение погибавших».

ПУСО: пункт специальной обработки машин

Участь всей облучённой техники всё же неизбежна – могильник

Чернобыльцы г. Краснокаменска Забайкальского края

Уроком горьким всей Земле,
Любой республике, стране
Чернобыль стал...

КОЧНЕВА
Римма Дмитриевна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1988, 1989,
1990 годах

Авария на Чернобыльской АЭС явилась крупнейшей техногенной катастрофой XX века. Из нашего города Краснокаменск было отправлено более 130 человек, в том числе работники УРСА ППГХО:

Батракова Галина Константиновна;

Селезнева Вера Александровна;

Гречихина Надежда Васильевна;

Кочнева Римма Дмитриевна (имеет II группу инвалидности, заболевание связано с ЧАЭС);

Кузичкина Таисия Исидоровна (умерла, рак);

Сычова Ольга Михайловна;

Гуренко Любовь Николаевна (имеет II группу инвалидности, без связи с ЧАЭС);

Чингишбаева Любовь Ишимовна (имеет III группу инвалидности, без связи с ЧАЭС);

Гагаринова Валентина Ивановна;

Фёдорова Любовь Владимировна;

Шарафутдинова Тамара Семёновна;

Лопатина Эльвира Юрьевна;

Ковалёва Светлана Владимировна (имеет III группу инвалидности, без связи с ЧАЭС);

Ковалёв Виктор Владимирович.

Я работала в одно время с Л. Н. Гуренко, это профессиональный, грамотный по своей профессии, ответственный повар. Её вниманием не были обделены ликвидаторы, которых она обслуживала. Почти каждую смену готовились национальные кухни – белорусская, украинская, грузинская, армянская, узбекская, русская, таджикская. Повара на раздаче были одеты в национальную одежду той республики, блюда которой готовились, так как ликвидировали аварию на ЧАЭС люди со всего СССР.

Продукты, которыми мы кормили, были все первой категории. Мясо – только вырезка и первый сорт и на раздачу поступало в натуральном виде (мясо отварное, мясо тушёное крупным куском); котлет и тефтелей не готовили – мясорубку нельзя было включать, так как та невидимая «грязь» имеет свойства расщепляться в воздухе, она без вкуса и цвета, её не видно. Из молочных продуктов каждый день каждому ликвидатору - брикет сметаны на обед. Каждый день – бутерброд с чёрной икрой, через день – с красной икрой с маслом или печень трески с маслом. Из овощей, тоже отборных, салаты не делали, а на трёх столах в лотках подавались целые фрукты и овощи. Стояли стопки тарелок для холодных закусок, и каж-

дый ликвидатор мог положить столько, сколько он съест, и то, что он пожелает. А какие были фрукты! Хурма целая, не резанная (она выводит из организма радионуклиды). В бочках находились большие солёные арбузы, также много было морской капусты. Повара только успевали пополнять лотки. Эти столы назывались «витаминными».

Работали мы сутками. Уезжали в 30-километровую зону в 2 часа ночи, с 5 утра уже работали в столовой города Чернобыля. Переодевались в белые куртки и белые брюки, у всех красивые колпаки на голове. Готовили завтрак, обед и ужин, а потом по очереди мыли зал после каждого приёма пищи. Рабочий день заканчивался в 1 час ночи, и нас на автобусе везли в гостиницу. Каждую смену к нам приходили дозиметристы, составляли акты с замерами.

Я находилась на ликвидации последствий аварии на ЧАЭС три раза. Работала при комплексной экспедиции Института атомной энергетики имени И. В. Курчатова; в зоне отчуждения в столовой бригадиром-поваром. Были молодые, полные энергии, и само понимание, где мы находимся, придавало сил.

Пролетарі всіх країн, єднайтеся!

ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ:

КОЧНЕВА

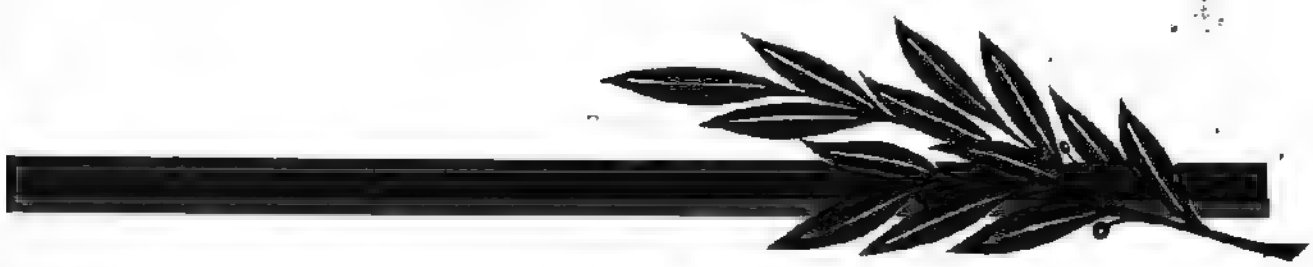
Римма Дмитриевна

За активное участие по обеспечению питанием участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС, высокую исполнительскую дисциплину и в связи с днём рождения.

Начальник филиала ОРСа ПХЗ Г.М.Иваненко

Секретарь парторганизации В.П.Артамонов

Приказ № 45
от 29.03.89г.
г.Чернобыль



Перед поездкой в командировку мы проходили медицинскую комиссию. Все ехали здоровые, но после возвращения стали жаловаться на ухудшение состояния. Врач всё это записывала и в один из дней обзвонила чернобыльцев, собрала у многих выданные в Чернобыле справки и якобы повезла на рассмотрение в Облздрав в г. Читу. Позднее выяснилось, что машина, на которой ездили, была украдена из гаража, а в ней — наши медицинские карты и справки из Чернобыля.

Мы, многие чернобыльцы города Краснокаменск, не получили ни одной из льгот по вине врачей и чиновников разных ведомств, а от социальной защиты пострадали на все сто процентов. Нужно также сказать, сколько семей разошлись, сколько детей, рождённых после аварии, пострадали, а сколько умерли от заболеваний, полученных в Чернобыле.

Я также была лишена всех положенных выплат и не получила ни одной санаторно-оздоровительной путёвки. А соцзащита упрямо твердила: дай документы по Чернобылю. Удостоверение и копии документов я получила через Министерство атомной энергетики. В дальнейшем у меня образовалось заболевание «по чернобыльскому списку». Вернувшись из последней командировки, я стала худеть, вес был 38 килограммов, образовались большие плешины на голове. Я неоднократно ездила то в онкологическую больницу, то в гематологическое отделение, и видела тех врачей, которые о Чернобыле совсем ничего не знают.

В Краснокаменске есть организация «Союз – Чернобыль», она общественная. Не скрою того, что я оказалась не в угоду врачам, соцзащите и чиновникам, так как, когда была председателем союза, помогала чернобыльцам получить или восстановить удостоверения с отметкой «Укрытие» – это тем чернобыльцам, которые работали непосредственно на реакторе. Много лет добивались, чтобы эти люди стали получать льготные выплаты.

Хочу в книге упомянуть о чернобыльцах, проживающих в городе Чите – Синякине Николае, Юркине Илье. Ко мне обратилась сестра одного из них и попросила помочь восстановить документы для получения удостоверения чернобыльца. Они были в самом пекле 27 апреля и дальнейшие дни

Благодарственное ПИСЬМО

Кочневой Римме Дмитриевне,
члену общества «Союз – Чернобыль»;
участнику ликвидации аварии
за активное участие в реабилитационной
работе движения «Союз – Чернобыль»
и в связи
с 15 – летием годовщины памяти

Глава администрации
Ю.В. Лосский

Председатель Думы
А.И. Мишарин

Постановление № 607-А от 25.04.2001 г.

на эвакуации людей из г. Припяти и г. Чернобыля в 1986 году. А когда приехали в Читу облучёнными, обратились в больницу. Врачи одному из них поставили диагноз «Бычий лишай», а это было облучение, рука коричневого цвета. Второму чернобыльцу сделано много операций. Эти люди одни из первых спасали сотни жизней, облучаясь каждый день сами.

Есть в Забайкалье ликвидаторы последствий аварии, которые были в первые дни призваны военкоматами. После, отслужив, вернувшись в родные места, женились, родились дети (первое поколение – инвалиды детства). А кто их обследовал? Отец-ликвидатор умер от лучевой болезни. Остались жена – вдова и сын – инвалид детства. При жизни ликвидатор стоял в очереди на улучшение жилья, а после его смерти чиновники поспешили уничтожить документы на получение «сертификата» из Москвы и снять с очереди. В списке помечено в графе: «Умер», но семья-то живёт, и льготы мужа должны переходить жене и ребёнку.

С годами всё в памяти у чиновников нашего времени стирается, и о ликвидаторах вспоминают только по «круглым» датам.

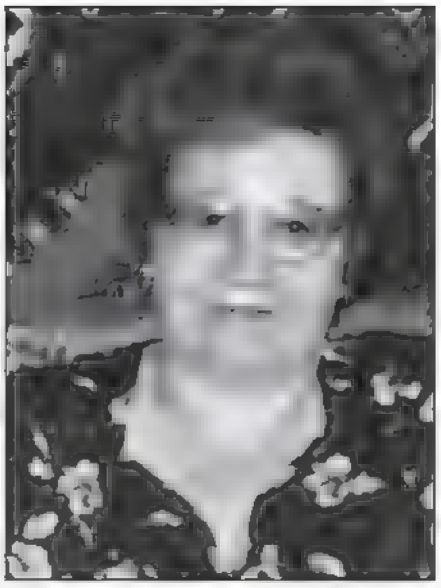
Воспоминания, конечно, жуткие. Да, видели Чернобыль – жили в нём, видели Припять, реактор – проводили там документальную ревизию по завершению возведения саркофага. Видели пустые дома, безлюдные улицы... Только рабочие... По Чернобылю и Припяти ездили машины с большими номерами на капотах – это невыездные из зоны. И хотя это был уже 1990-й год, повсюду стояло много знаков, предупреждавших о радиации, и каждый день работали поливочные машины.

Питание было усиленное, много мяса, фруктов и овощей. При входе в столовые стояли корытца с водой – ликвидаторы ополаскивали сапоги. Затем проходили через японский дозиметр.

Несмотря на предосторожности, по возвращении из командировки умерла Валентина Ивановна Гагаринова. По каким-то причинам в ОРСе нам не выдали удостоверения ликвидаторов; получили их спустя двадцать лет.

Здоровье становится шатким, болят мышцы, суставы. Хотелось бы, чтоб отделы кадров, органы социальной защиты и медики отзывчивее относились к чернобыльцам.

Огромное спасибо всем, кто занимался выпуском такой нужной книги о чернобыльцах Забайкалья.



ФЁДОРОВА Любовь Владимировна

АНАСТАСОВА Тамара Семёновна

МОИСЕЕВА Наталья Васильевна

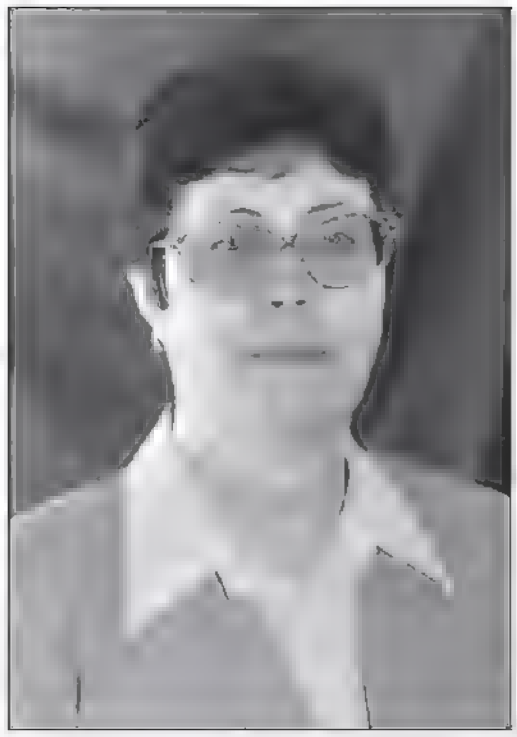
ВЫСКОБЧУК
Геннадий Андреевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с апреля по август
1987 года

Был направлен в специальное предприятие «Комплекс» в городе Припять Киевской области, в группу технического обеспечения.

Велась работа по ремонту робототехники, видеокамер, используемых на станции, а также запускали козловые краны на территории атомной станции.

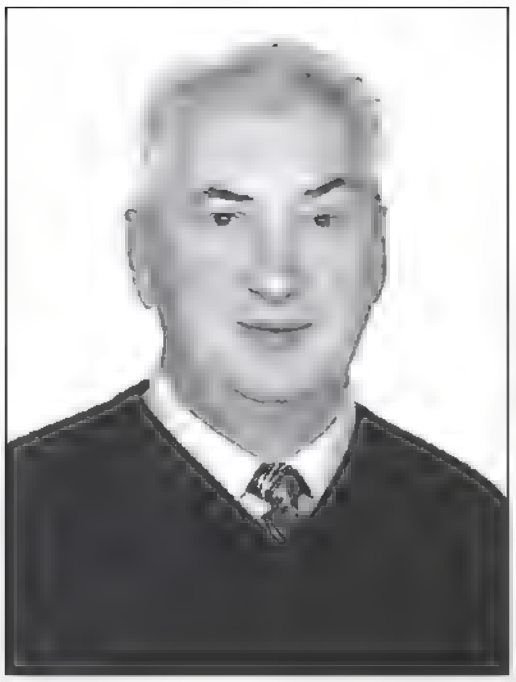
Проживали в г. Чернобыль.



ВЫСКОБЧУК
Светлана Ивановна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 19 июня
по 1 сентября 1987 года

Была назначена в специальное предприятие «Комплекс» – г. Припять Киевской области, в радиобиологическую лабораторию, в группу технического обеспечения. Трудилась в теплице по выращиванию овощей, цветов, злаков. Позднее была переведена на должность оператора контрольно-множительных машин в производственно-технический отдел. Проживали в Чернобыле и каждое утро на автобусе ездили в г. Припять. На 15 дней выдавались накопители доз облучения. По окончании работы в Чернобыле мне не сказали, сколько конкретно я набрала доз облучения, ответили: «В норме».



ЧЕРНЯЕВ
Яков Яковлевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1990–1991 годах

О произошедшей аварии на Чернобыльской АЭС я услышал 1 мая 1986 года во время первомайской демонстрации в г. Краснокаменске Забайкальского края. Сообщение было сдержанным, говорилось о гибели двух операторов, управлявших четвёртым энергоблоком. В последующие дни появилась информация в газетах и телевизионных выпусках. В двадцатых числах мая мне довелось быть в командировке в Москве, где я узнал, что обстановка на ЧАЭС очень сложная. Были рассказы о большом количестве людей, желавших выехать из Киева.

В самые тяжёлые дни 1986 года неимоверными усилиями всех людей – лётчиков, солдат, военных строителей, сержантов, старшин, военного руководства полков, батальонов, рот, военных и мобилизованных, горняков, привлечённых к ликвидации аварии, мобилизованного для ликвидации аварии промышленного потенциала страны – авария была локализована. А к концу 1990 года возведена необходимая биологическая

защита внутри четвёртого блока. Выполнение этих работ позволило стабилизировать обстановку, вывести ситуацию на качественно другой уровень.

1986–1989 были годами наибольшего подъёма Приаргунского горно-химического комбината, где я тогда трудился, и не приходила в голову мысль, что придётся куда-либо уехать. Сложились такие обстоятельства, что в 1990 году я был командирован для работы в составе Комплексной экспедиции при Институте атомной энергетики им. И. В. Курчатова в Чернобыль, в отдел горячих технологий, куда и прибыл 13 октября 1990 года.

Тридцатикилометровая зона была обнесена колючей проволокой, и действовал строгий пропускной режим въезда в зону. Главный контрольно-пропускной пункт со стороны Иванкова и Киева располагался вблизи населённого пункта Дитятки. Основной поток въезжающих и выезжающих работников проходил через него. Другой контрольно-пропускной пункт располагался в вахтовом посёлке Славутич, построенном для работников, обслуживавших АЭС. В нём ранее были построены жилые дома, а непосредственно в тридцатикилометровой зоне располагался вахтовый посёлок из немецких модулей «брандов». Славутич находился, если мне не изменяет память, в пятнадцати-двадцати километрах от ЧАЭС. Недалеко от ЧАЭС была железнодорожная станция, на которую прибывали все работавшие.

Третий контрольно-пропускной пункт, через который мне впоследствии приходилось проезжать, располагался на границе с Белоруссией, в районе станции Вильча, куда направлялся основной поток грузов, использовавшихся при ликвидации аварии. Именно там располагались склады, прилегавшие к железнодорожным путям, где мы получали свинец и другие материалы, необходимые для работы на блоке. Меня поразил объём свинца, находившегося на складе. Тысячи тонн листов толщиной 3–5 миллиметров в рулонах лежали на огромной территории. На пути к этому контрольно-пропускному пункту располагалось огромное поле с оставленной бронированной техникой, радиоактивно загрязнённой.

В Чернобыле я встретил людей в специальной униформе. Улицы патрулировали милицейские наряды. Праздно гуляющих на улицах не было.

Коллектив лаборатории, который входил в состав отдела, встретил меня хорошо. Возглавлял его Борис Александрович Гордеев, опытный инженер-строитель, принимавший участие в строительстве Игнолинской АЭС и Прикаспийского горно-химического комбината в Казахстане. Руководителями групп были Патенко Юрий Алексеевич, инженер-строитель из г. Новосибирска, и Денисенко Владимир Савельевич, инженер из г. Киева.

Впоследствии меня назначили начальником группы дезактивации оборудования, где работал с октября 1990 по 31 декабря 1991 года.

В помещениях защитного сооружения «Укрытие» находилось радиоактивно загрязнённое продуктами распада топлива оборудование. Мы проводили его дезактивацию и демонтаж, дезактивацию помещений до допустимых уровней. После этого на стены и пол накладывались свинцовые листы, на которые закреплялись листы пластиката, спаянные между собой. Это делалось для создания допустимой дозиметрической обстановки, необходимой для обслуживания буровых станков. После монтажа горизонтальных буровых станков буровики «проходили» стены и из помещений брались керны (пробы бетона или металла, взятые с помощью коронки). Керны анализировались, и специалистами делались соответствующие выводы о состоянии помещения и наличии или отсутствии в нём топлива.

Не являлось секретом, что в результате аварии произошёл выброс топлива в окружающую среду, а определённая часть его осталась в здании четвёртого блока электростанции. Прибывшие работники из Киева, Иванкова и других мест, прилежащих к району аварии, выполняли задания добросовестно, ответственно. Использовались пневмомолотки, электрогазосварочное оборудование. После создания нами входа в помещение дозиметристы проводили его детальное обследование. Мощность излучения в некоторых помещениях, где предстояло работать, достигала 1,5–3 рентгена в час, с учётом

допустимой разрешённой дозы (30 миллирентген за одну рабочую смену) можно было находиться в данном помещении не более 10–15 минут. Работниками проводилась зачистка помещения и оборудования от радиоактивного мусора, жидкостей и их захоронение.

Люди жили в бывших общежитиях, заселялись также некоторые дома, пригодные для проживания. При этом создавались условия для быстрого и организованного сбора людей на автобусы, доставлявшие в столовую, на работу на аварийный энергоблок и в другие места.

Расстояние от Чернобыля, в котором жили ликвидаторы, до блока составляло 13 километров. В 10-километровой зоне вокруг ЧАЭС был КПП, предназначенный для контроля над ввозимыми и вывозимыми грузами. Осуществлялся также и дозиметрический контроль людей, въезжавших в зону и выезжавших из неё.

Мы проезжали село Копачи, территорию бывшего пионерского лагеря, где остались неизменные атрибуты символики тех лет (статуи пионера, спортсмена), въезжали в район Чернобыльской АЭС, проезжали мост через канал, по которому сбрасывалась тёплая вода от энергоблоков, и подъезжали к блоку.

Прибыв на объект, заходили в быткомбинат, располагавшийся за периметром четвёртого блока, снимали чистую одежду, полностью получали спецодежду: нижнее бельё, верхнюю одежду, сапоги, каски, подшлемники; переодевались. Брали комплекты пластиковых бахил, фартуков, нарукавников, респираторов, перчаток и рукавиц и шли к четвёртому блоку.

Перед тем, как попасть на территорию блока, каждый человек проходил через контрольно-пропускной пункт со стационарными средствами дозиметрического контроля, проверялся на наличие специальной таблетки, оснащённой чувствительной к излучению плёнкой, после анализа которой определялась полученная доза облучения. Таблетку, как правило, ликвидаторы носили на шнурке, надетом на шею. Она служила для оценки дозы, полученной в течение месяца. Каждый месяц сдавалась в дозиметрическую службу, заме-

рялась полученная в течение месяца суммированная доза облучения работника, а результат записывался в журнал учёта полученных доз облучения.

Пройдя территорию, на которой лежала стрела мощного немецкого крана «Демаг», упавшего два года назад в результате аварии, мы заходили в помещение деаэраторной этажерки, где выдавались индивидуальные дозиметры; фамилию каждого входящего для выполнения работ заносили в журнал учёта. После получения задания приступали к работе. В наряде на выполнение работ указывалось разрешённое время нахождения в тех помещениях, в которых предстояло пребывать.

Трудились на блоке с 8 до 12 часов. По окончании загрязнённые защитные средства складывали в специальную тару. Затем мы шли в дозиметрическую лабораторию для проверки полученной дозы облучения и сдачи дозиметров.

В быткомбинате спецодежда, включая обувь и нижнее бельё, сдавалась на «захоронение». После душа и переодевания мы проходили санпропускник, проверку на стационарной дозиметрической установке и в случае, если радиационной загрязнённости не было, выходили за пределы быткомбината. После обеда, который проходил в хорошо организованной столовой г. Чернобыля, мы ехали домой, а после короткого отдыха выполняли работы, не связанные с радиационной загрязнённостью, до 16 часов. Особенностью пребывания в 30-километровой, 10-километровой зонах был питьевой режим. Несмотря на функционирующий водопровод и визуально чистую воду, пить её было нельзя. Для питья использовались минеральная вода и разные напитки, утоляющие жажду.

Реки Припять и Уж, протекающие в районе Чернобыля и Чернобыльской АЭС, богаты крупной рыбой (язь, лещ, судак, сазан), которую, к сожалению, нельзя было есть. В мясе рыбы, особенно в голове и в костях, концентрируются радионуклиды.

На дне тёплого канала ЧАЭС, по которому сбрасывалась в пруд-охладитель вода, образованная в результате конденсации пара, прошедшего турбины, с моста хорошо просматривалась рыба толстолобик, привлекая к себе внимание рыбаков-любителей. Однажды, зайдя в помещение, где хранился инструмент и проводились короткие перерывы, я увидел, что

мужики что-то плетут из бечёвки и привязывают на поводках огромные крючки. Как понял, готовилась рыбалка. Они уговорили меня сделать короткую остановку возле водоёма. Этого, конечно, нельзя было делать, на бетонных берегах огромными буквами сделаны надписи: «Охота и рыбалка запрещены». Но азарт и соблазн были велики и я поддался. Сказал, что остановка будет ровно пятнадцать минут и не секунды больше. Как индейцы, с воплями мужики понеслись к каналу. Через некоторое время все сидели в автобусе с трофеями: в трёх полиэтиленовых мешках лежали три огромные рыбины – два леща и судак. После проверки рыбы дозиметром (у нас были индивидуальные бытовые дозиметры) мы выпустили её в канал и экспериментов больше не проводили.

Оценивая спустя многие годы масштабы произошедшей аварии и её последствия, виденные мною лишь частично, ликвидация которых осуществлена далеко не полностью и до настоящего времени, трудно представить, сколько вложено людских и финансовых ресурсов, требовавшихся для этих целей.

Прошло много лет, и после того, как я закончил работу на объекте «Укрытие», кое что забылось. Имён всех, с кем работал, к сожалению, не помню. С особым уважением отношусь к тем людям, которые в адских условиях ценой сво-

ей жизни и здоровья остановили развитие аварии и создали условия для более безопасного проведения работ по ликвидации последствий аварии в последующие годы. Трудно забыть заброшенные дома, в которых оставлены были детские игрушки, альбомы с семейными фотографиями. Сиротливо стоят оставленные на произвол судьбы огромные краны и градирни строящихся пятого и шестого блоков ЧАЭС; флот, застывший в затоне в Чернобыле. В прошлом - прекрасные места для жизни.

Шли годы. Принимались разные законы. Не избежала принятия законов политически привлекательная тема социальной защиты людей, которые занимались ликвидацией последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Много было написано и много было обещано. Однако обещанное в законах не подкреплялось финансовыми ресурсами. Льготы сокращались, использование их сложно и запутано. Чего стоит одно только право использования путёвки в Кисловодск — единственный санаторий, в который мог поехать ликвидатор. Он удобен только жителям европейской части России.

Не менее «интересны» пути реализации льгот чернобыльцам, нуждающимся в улучшении жилищных условий. Для этого им необходимо пройти многолетний путь. Случается, для доказательства властям в нуждаемости в жильё людям нужно пройти два-три судебных процесса. И это всё при том, что интересы чиновника, как правило, отсутствующего на судебном заседании (не царёво это дело), защищает юрист, содержащийся за счёт того же гражданина, соизволившего запросить положенные по закону льготы.

Слабое знание проблем чернобыльцев приводит к тому, что о них вспоминается с 20 по 28 апреля каждого года, и поэтому, возможно, некоторыми людьми, в том числе и представителями власти, дата 26 апреля воспринимается как праздник, к которому принято отправлять поздравительные открытки.

КОВАЛЁВА
Светлана Владимировна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 8 июля по 7 ноября
1986 года

В командировку на ЧАЭС была направлена в 1986 году, сразу после училища, в 18 лет. Находилась там четыре месяца. Работала поваром, кормили ликвидаторов. Жили в пионерских лагерях, вначале в «Крутом берегу», затем в «Голубых озёрах». Трудились много, по двадцать часов через день, жили дружно. Молодые были, хватало сил и энергии. Меню было разнообразным, много овощей и фруктов, часто устраивали кухни разных национальностей.

В 39 лет по состоянию здоровья с работы вынуждена была уволиться. Сейчас имею группу инвалидности по общему заболеванию. Хочется спросить у нашего государства, где же обещанная гарантия на «достойную жизнь» всем, кто потерял здоровье? Мы свой долг выполнили, а теперь никому не нужны, остались и без здоровья, и без достойной пенсии. Очень больно и обидно.

ЧИНГИШБАЕВА
Любовь Ишимовна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 20 апреля по 1 июня
1989 года

Сначала работала в г. Чернобыле в кафе «Дорожное». Вскоре его закрыли, и нас отправили работать в столовую «Энергетик». Жили в посёлке Иванково, а работали в г. Чернобыле. В 2.30 ночи нас увозили в Чернобыль, а возвращались со смены на следующий день в 12 часов ночи. Через день работали, не жалея сил. Готовили разные национальные блюда. Было интересно.

А самое странное в памяти осталось – это пустые дома и богатые сады с урожаем и ещё кое-где болтаются на верёвках вещи, которые хозяева не успели снять, они ведь не знали, что это навсегда.

В итоге по состоянию здоровья мне пришлось оставить работу. Инвалидность дали на год в декабре 2009 года, хотя все «болячки» появились после командировки в Чернобыль.

ХУТОРЯНСКИЙ
Владимир Петрович,
старшина

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 9 июня 1987 года
по 15 февраля 1988 года

Работал в ПО «Комбинат «Припять», автоколонна № 3, заведующим складом автозапчастей.

Инвалид II группы, в связи с работой на ЧАЭС.

За нашу Советскую Родину!

Товарищу ХУТОРЯНСКОМУ

ВЛАДИМИРУ ПЕТРОВИЧУ

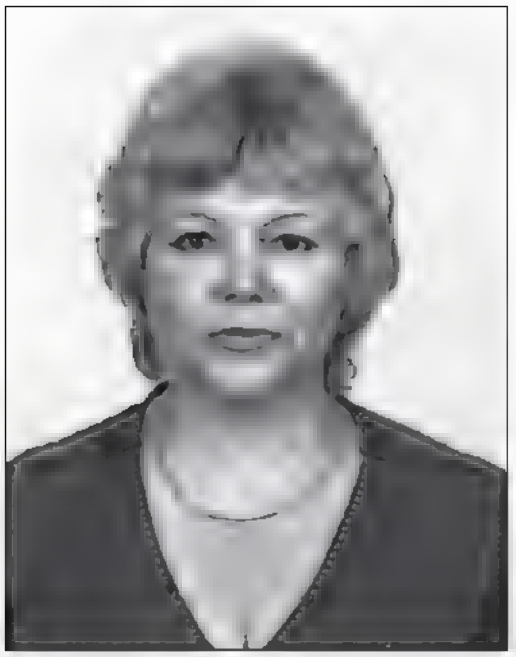
Выполняя задание Советского правительства в необычно сложной обстановке, Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества. Глубокое понимание личной ответственности за порученное дело помогло Вам внести достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

Выражаем Вам сердечную благодарность за образцовое выполнение патриотического долга перед Родиной.

Командир войсковой части
ст. лейтенант / Филиппов /

Заместитель командира
по политической части
лейтенант / Ушкало /

« 27 » октября 1987 г.



БАТРАКОВА
Галина Константиновна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986, 1988 годах

Я была отправлена в 1986 году, в августе месяце, в командировку в г. Чернобыль. Проживали в вагончиках в селе Теремцы. Работала в столовой поваром, кормили людей, которые работали на АЭС, ликвидировали последствия аварии.

В 1988 году была отправлена в командировку в посёлок Приборск. Работать было тяжело, но мы со всем справлялись. А сейчас, когда здоровья нет, говорят, никто насильно вас туда не отправлял. Даже в путёвках в санаторий нам отказывают, соцпакет все годы выкупаю.

КОШЕВАТАЯ
Зоя Александровна

Принимала участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 29 августа по 31 декабря 1987 года

Проживала в городе Краснокаменск Забайкальского края. Работала в управлении Приаргунского горно-химического комбината бухгалтером. С 29 августа 1987 года была командирована в Чернобыль, в Управление строительства № 605 сроком на два месяца. В связи с производственной необходимостью, по согласованию сторон и по личному согласию, командировку продлили ещё на два месяца, до 31 декабря 1987 года.

Работала по специальности, занимаясь расчётами заработной платы рабочих и служащих. Управление находилось в городе Чернобыль, в здании автовокзала. Дополнительно занимались подготовкой документов для архива.

Работали без выходных и праздников. Жили в вахтовом посёлке Иванково – 60 километров от Чернобыля. В 6 утра подъём – завтракали в столовой, рядом, очень хорошо кормили. В 7 часов выезжали на работу. На пути два КПП – проверка пропусков, а вечером ещё проверка дозиметристов. Случалось, когда из автобу-

са выводили «грязных» – дозиметр показывал превышение дозы загрязнения. На КПП были оборудованы душевые для обработки, чистая одежда.

СПРАВКА

Дата тов. Кошеватая З.А

в том, что он принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и имеет право на внеочередное приобретение автомобиля, установку телефона, билетов на любой вид транспорта, на представление мест в гостиницах и на медицинское обслуживание согласно постановлениям ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР, Совета Министров СССР и ВЦСПС № 524/156 от 17 мая 1986 г. и № 985/195 от 4 июня 1986 года.

Со мной произошли два случая. Кто-то из посетителей бухгалтерии посидел на моём стуле, пришли дозиметристы, а проверяли рабочие места каждый день, замерили – стул пришлось менять. Однажды уплатила штраф – приехала на работу в «гражданской» одежде, в этот день нужно было ехать в Киев, вот и решила принарядиться.

В каждом кабинете стояли мешки с новой одеждой, туалетными принадлежностями, ящики с напитками, минеральной и столовой водой; осенью – мешки с арбузами. Сейчас уже думаю, что в нашем Управлении забота о здоровье и техника безопасности были на хорошем уровне.

Летела, не задумываясь, просто в командировку, а страшно стало, когда ехала из Киева и попала в зону. Было пасмурно, шёл дождь, и совершенно пустые сёла, заросшие травой, на подоконниках в домах засохшие цветы, в садах яблони с неубранным урожаем - яблоки красные, много. И всё бро-

шено, пусто и нет жизни. Во время поездки в архив проехали до Припяти. Прошло больше года, а на балконах всё висит бельё – «сохнет». Город, когда-то красивый, молодой, обнесён колючей проволокой, «мёртвый».

ДЕДОВ
Вадим Дмитриевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в сентябре – октябре
1986 года

Будучи молодым специалистом, в 1986 году я работал санитарным врачом в санэпидстанции медико-санитарной части 106, в посёлке Первомайский, Третьего Главного Управления при Министерстве здравоохранения СССР.

В начале июля из Москвы пришло указание о составлении графика командировок в МСЧ-126 (г. Припять УССР) специалистов Госсанэпиднадзора со всех СЭС, медико-санитарных частей и отделов Третьего ГУ МЗ СССР. С июля же отправились в командировку работники Забайкальского горно-обогатительного комбината и ВСО-645 (пос. Первомайский). Из специалистов СЭС МСЧ-106 я и лаборант бактериологической лаборатории Бакшеева Лидия Игнатьевна в сентябре 1986 года были командированы в МСЧ-126 для оказания практической помощи.

После прохождения медицинского осмотра и допуска нас самолётом доставили в город Киев. Из медпункта аэропорта направились в гостиницу радиозавода. Утром следующего дня мы уже были в МСЧ-126, которая дислоцировалась в бывшем пионерском лагере

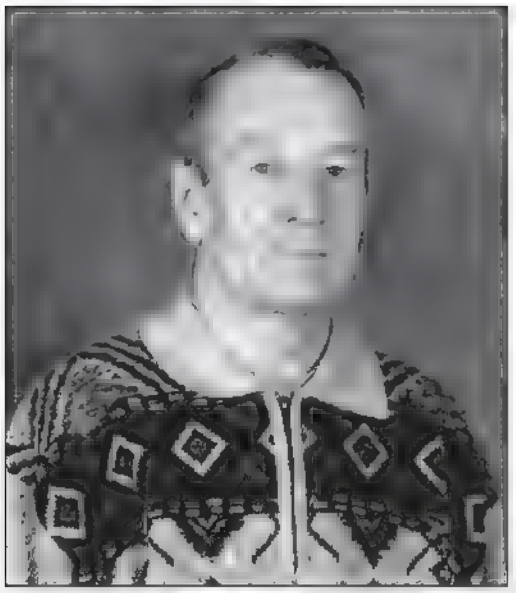
«Лесная сказка». Здесь работал один из комплексов размещения, проживания и оказания медико-санитарной помощи ликвидаторам. Я был назначен санитарным врачом на базе «Крутой берег» и ещё ряда туристических баз, где размещался контингент. Бакшеева Л. И. работала по своей специальности в бактериологической лаборатории СЭС в «Лесной сказке».

В мои обязанности входило осуществление государственного санитарного надзора за местами размещения, организацией питания, условий труда и радиационным контролем в местах дислокации контингента. В основном, на базах проживали водители большегрузных машин, МАЗов, КАМАЗов, которые в тот период занимались транспортировкой бетона и строительных конструкций на объект «Саркофаг», строительство которого в сентябре уже заканчивалось.

К тому времени была налажена чёткая система организации работы. Ликвидаторы обеспечивались спецодеждой, питание было трёх-четырёхразовое бесплатное. Требования к размещению, организации питания, условиям труда предъявлялись жёсткие и были направлены на недопущение инфекционных, соматических заболеваний, а также профессиональной патологии среди контингента. На базе «Крутой берег» размещались командированные из Красноярска-45, Пензы-19, Новосибирска, Ленинграда, Москвы, Навои, Учкудука, а также военнослужащие срочной службы и работавшие жители Украины. В дальнейшем на соседних базах я встретил земляков из ЗабГОКа и Приаргунского горно-химического комбината, МСЧ-107.

Радиационный фон на территории составлял около 80 мкР/ч, спецодежда ликвидаторов фонила до 300 мкР/ч; она должна была утилизироваться после каждой смены. Но какого-то страха, чувства опасности не было. Все знали свои обязанности и выполняли их. Подробности работы во время пребывания в сентябре – октябре 1986 года в районе ЧАЭС практически забылись.

В 1987 году из СЭС МСЧ-106 были направлены на ЧАЭС санитарный врач Окладникова Людмила Семёновна, помощник санитарного врача Иванова Нина Ивановна, дезинфектор Попова Софья Романовна.



ГОРБАЧЁВ
Виктор Яковлевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 21 января
по 25 марта 1989 года

Родился 7 мая 1946 года, Приморский край, Чкаловский район, село Чкаловское. В 1948 году семья переехала в Кемеровскую область. После окончания восьми классов средней школы с 1962 по 1964 год обучался в ГПУ № 47, по профессии – подземный электрослесарь.

С 1964 года началась трудовая жизнь. Работал в шахте г. Киселёвск, с 1967 по 1968 год – респираторщиком в ВГСЧ г. Норильск, потом электромонтёром в Норильской экспедиции спецпартии. Работал на Новокемеровском химическом комбинате электромонтёром, позднее бурильщиком КУБ в посёлке Удачный, Якутия; в Ангарском Управлении строительства № 16, в Управлении механизации электрослесарем. С 1974 по 1977 год трудился в Приаргунском Управлении строительства, РМЗ электрослесарем, потом в ПГХК, в ЦСиП электромонтёром, в МСУ-92 треста «Энергоспецмонтаж» электромонтёром.

В 1989 году находился в командировке на Чернобыльской АЭС, работал на объекте «Укрытие» электромонтёром.

На ЧАЭС моим непосредственным начальником был главный энергетик объединения «Энергоспецмонтаж». Проживали в городе Чернобыль, общежитие ГПТУ, комната 313. Работали без выходных. Вся защита от радиации – это обычная спецодежда и ватно-марлевая повязка. За отсутствие повязки при работе на станции штрафовали и даже отстраняли от работ.

Во время моей командировки в Чернобыле в столовой работала поваром Люба Гуренко. В кафе «Дорожное» работала поваром Римма Кочнева.

В марте 1989 года в Чернобыль приезжал М. С. Горбачёв со своей супругой и со своим народом, и голосом из толпы. Нас же, рабочих, и близко не подпустили.

В 1994 году перенёс операцию, в связи со злокачественной опухолью правого лёгкого, стал инвалидом II группы и был уволен из МСУ-92. В 2007 году перенёс вторую операцию – коронарное шунтирование, три шунта и удаление тромба из клапана.

АСТРАКОВА
Валентина Михайловна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с сентября по декабрь
1986 года

В сентябре 1986 года была поставлена задача перед Приаргунским Управлением строительства: направить одного человека из бухгалтерии в командировку для ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. По возрасту, из всех женщин, которые не будут рожать (мне было 48 лет), выбор пал на меня. Пригласили к начальнику строительства Ю. Я. Васину и объявили, что меня хотят послать в командировку на два месяца в Чернобыль. В то время я была членом КПСС и не могла, не имела права сказать «нет».

Полетела самолётом до Киева. Со мной рядом оказались две женщины, которые тоже летели туда, одна из Красноярска-45, другая – из Ангарска, работать бухгалтерами. Прибыли на место – это был бывший пионерский лагерь. Нас никто не встречал, всем было не до нас. Поселили в административном здании в небольшой комнате, где стояло по пять коек

в два яруса, то есть всего десять. Вещи лежали на полу. Здание было переполнено людьми. Туалет один на этаже, к которому и утром, и вечером была очередь.

Погода стояла прекрасная, но невидимые частицы смерти летали в воздухе, прилипали на слизистую оболочку носа, рта, глаз, ушей и моментально давали о себе знать. Было состояние, как при ОРЗ: слёзы, кашель, насморк. На адаптацию медики давали три дня. Кто не справлялся с этим, отсылали домой. В медпункте был целый лазарет командированных.

Трудились с 8 утра и до 22–23 часов. Работы было очень много. Контора находилась рядом с железной дорогой. Грузы шли непрекращающимся потоком. Надо было срочно выгружать вагоны, всё сосчитать, соскладировать в ангары-склады, как пятиэтажные дома. Грузчиками работали молодые солдатики.

Я обрабатывала материальные отчёты продлабов, а их было больше двадцати. Каждый месяц проводили ревизию. В отчётные периоды даже для сна времени не хватало - надо было отчёты сдать вовремя в Москву. Так пролетели два месяца ада. Я уже купила билет домой, но нас вызвал главный бухгалтер и сообщил, что пришёл приказ из Москвы продлить всем командировки до полного закрытия реактора, а это – до конца декабря 1986 года.

Так я проработала четыре месяца. Прилетела домой к 1987 году. И тут начались проблемы с желудком. Кормили в Чернобыле прекрасно, но, по всей вероятности, продукты были отравлены. Положили в больницу с язвой желудка и кровотечением. Лечили около двух месяцев, обошлось без операции. В течение всего времени после пребывания в Чернобыле врачи постоянно находили новые болезни. В конце концов, они посчитали, что мне надо, в возрасте 71 год, дать на год инвалидность III группы, не связанную с Чернобыльской катастрофой.

ЖУРАВЛЁВ
Игорь Геннадьевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 3 июля
по 6 сентября 1986 года

Находился в командировке на ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС от Приаргунского Управления строительства г. Краснокаменска. Работал в зоне АЭС водителем на топливозаправщике. Заправлял автомобили, работавшие непосредственно в зоне реактора.

Первые пять дней командировки возил топливо со станции Бородянка и посёлка Вильча. В один из дней во время дозиметрического контроля, после трёх попыток военных химиков отмыть автомобиль от радиации, запретили выезд из зоны. Приходилось заправлять автомобили со специально оборудованными кабинами, автобусы с покрытыми защитным слоем стёклами.

Средствами защиты были сапоги кирзовые, рабочий хлопчатобумажный костюм и респиратор «Лепесток». Только по окончании командировки стало известно, что дозиметр должен был проверяться ежедневно, поэтому точная доза облучения, полученная мною, неизвестна.

Находясь в командировке, пришлось жить и трудиться в 12-ти километрах от Чернобыля, в пионерском лагере «Сказочный». Здесь были размещены те, кто работал на АЭС, здесь же их кормили.

Мне доводилось осуществлять текущий санитарный надзор за санитарно-гигиеническим состоянием столовой, за работой холодильного и теплового оборудования, за качеством поступающих продуктов, сроками и условиями хранения, за качеством приготовляемой пищи и сроком её реализации.

ГРАНИНА
Тамара Андреевна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 5 июля по 9 августа
1987 года

БРЕЗГИНА Валентина Васильевна

Принимала участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 8 ноября по 8 декабря 1986 года

Когда случилась страшная катастрофа, я была зачислена приказом по Управлению строительства № 605 от 8 ноября 1986 года в воинскую часть 62269 на должность инженера по труду и заработной плате. Работала в производственном отделе. Составляли списки военнообязанных по объектам, проверяли, чтобы все были закреплены приказом вовремя. Следили за своевременной оплатой труда и поступлением средств на счета. Составляли отчёты о производственной деятельности.

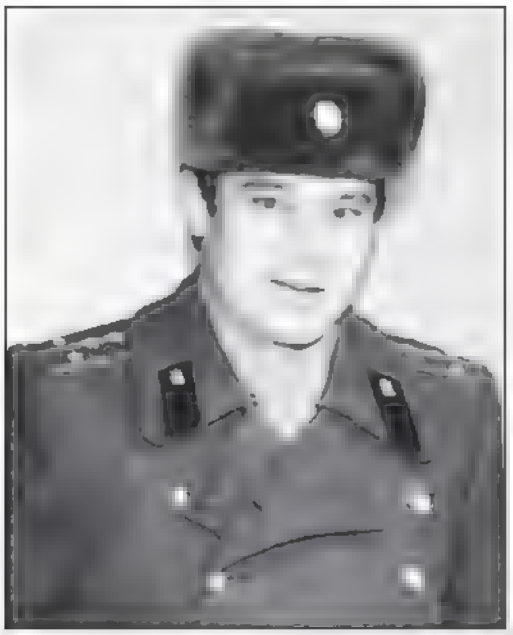
Военнообязанные работы выполняли в пределах 30-километровой зоны Чернобыльской АЭС и непосредственно на объекте «Укрытие» (аварийный энергоблок, третья зона радиационной опасности по оплате труда).

САУРОВ
Олег Юрьевич, прапорщик

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с июня по сентябрь
1986 года

Призван в Советскую Армию в 1985 году из города Краснокаменск Забайкальского края. В момент трагической аварии в апреле 1986 года на Чернобыльской АЭС проходил службу в г. Новочеркасске Днепропетровской области Украины, откуда и был направлен в командировку для ликвидации последствий аварии в должности механика-водителя многоосных тяжёлых машин МАЗ-537. Участвовал в перевозке германских подъёмных кранов «Демаг», доставленных для сбора конструкций саркофага, другой строительной механизированной техники.

В 2011 году избран руководителем Краснокаменского отделения Забайкальской краевой общественной организации ветеранов (инвалидов) «Союз Чернобыль», являюсь членом Правления краевой общественной организации «Союз Чернобыль».



ЛЕБЕДЕВ
Николай Николаевич,
капитан

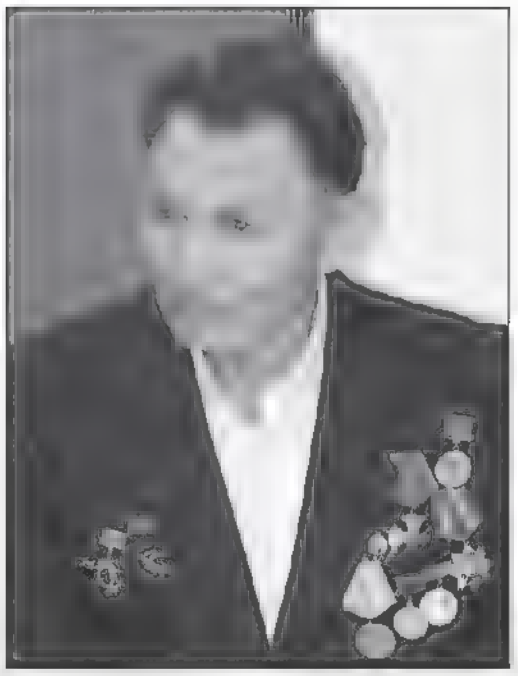
Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986–1987 годах

Заместитель командира роты в воинской части 55212, старший лейтенант. В то время, не по зову сердца, а что называется «под козырёк», поехал на ликвидацию аварии на ЧАЭС. Понимал, конечно, весь ужас случившегося.

ЛУЗИНА
Нина Дмитриевна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1987 году

Была направлена на ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС врачом санэпидстанции и имела право въезда в закрытую зону для профилактических работ с коллективами столовых, которые обслуживали ликвидаторов.

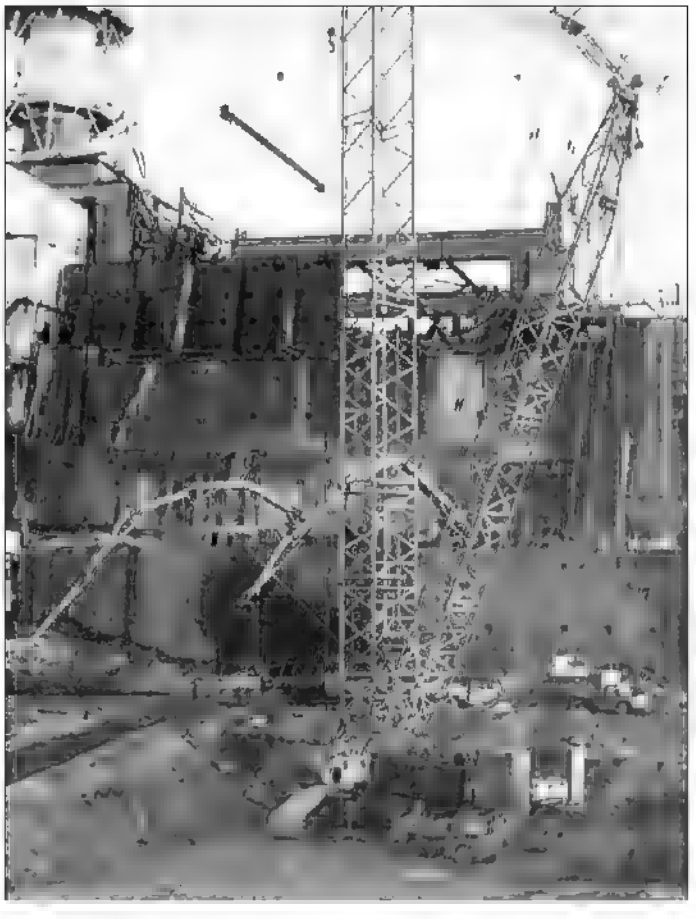


МАКСИМОВ
Анатолий Алексеевич

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 14 августа по 17 октября 1986 года

Работал на ЧАЭС в 1986 году на возведении саркофага с отметки +5,75 м до перекрытия на отметке +66,0 м. Занимался эксплуатацией грузоподъёмных кранов и руководил рядом ответственных подъёмов тяжеловесных и громоздких металлоконструкций для сооружения саркофага. Участвовал в митинге по случаю окончания работ по возведению саркофага 2 октября 1986 года. Но радость возведения перечеркнул трагический случай, который произошёл через час после окончания митинга, проходившего на четвёртом блоке АЭС.

Только приехали в Управление УС-605, как раздалась тревога – пожар на четвёртом блоке. Выскочили и увидели громадный столб чёрного дыма. При подъезде к блоку примерно за 1,5–2 километра дым резко исчез. Выяснилось, что один из вертолётов, поливавших кровлю блока, зацепился винтом за тросы крана «Демаг», на крюке которого висела трамбовка весом 30 тонн, повредил лопасти винта, упал рядом с блоком и загорелся. Погиб экипаж вертолёта – четыре человека. Эта трагедия не выходит из головы до сих пор.



ПРОКОПЦОВ
Сергей Дмитриевич,
военнослужащий срочной службы

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 2 июля
по 18 сентября 1988 года

В 1988 году в течение семидесяти девяти дней я находился в городе Чернобыле, в воинской части 55273. Проживали на территории детского дома, а работали на реакторе (18 км от города). Каждый день мы отмечались и проходили инструктаж в здании реактора. Личный состав работал на очистке реактора от отходов. Была произведена вскрыша реактора, в который в «засаде» опускали краном по десять человек во внутрь для очистки от мусора. Из «засады» по два человека выходили на одну минуту для сбора мусора в мешки, затем опять краном («Демаг») поднимались наружу. Я также сопровождал радиоактивный мусор в могильники. За время работы, по данным индивидуального дозиметра («карандаш»), получил дозу облучения 12,8 бэр, но в дозиметрическом центре (якобы по накопителю) мне поставили всего 4,1 бэр и выдали справку. У меня остался пропуск в 30/14-километровую зону, а пропуск на объект «Укрытие» был мною сдан в секретную часть.

МАВРИНА
Лариса Сергеевна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 2 июля
по 17 декабря 1988 года

2 июля 1988 года была направлена в командировку от войсковой части 44165 из г. Краснокаменска Забайкальского края в г. Чернобыль. В августе этого же года при расформировании воинской части меня переводом оформили в воинскую часть 55237.

Общая продолжительность пребывания в г. Чернобыле составила 168 дней. Справка об облучении выдана за период с 3 июля по 17 декабря 1988 года.

Специфика моей работы заключалась в работе с личным составом части, который получал дозу облучения выше нормы.

Получила удостоверение ликвидатора через много лет после командировки, поэтому не имела льгот и не получала пенсию.

ГЛАЗКОВ
Сергей Васильевич

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 3 октября по 25 ноября 1986 года

В 1986 году я работал на Горьковской атомной станции монтажником МСУ № 91. После сообщения о происшествии на ЧАЭС я и мой товарищ Иван Ионенко 28 апреля 1986 года подали заявления о добровольном участии в ликвидации аварии.

Командировали меня с 3 октября по 25 ноября 1986 года в Управление строительства № 605, на устранение аварии в монтажном районе третьей зоны десятого участка в качестве монтажника.

Первые три дня работал по устранению течи бетона при заливке каскадной стенки саркофага. Через четыре-пять дней дали задание срезать автогеном монтажный рым толщиной 90 миллиметров на верхней отметке каскадной стенки. За смену не могли срезать, так как работали по полторы-две минуты, металл не успевал нагреваться, но все получили дозу облучения по 3 рентгена.

Работал постоянно в ночную смену, проживал в пионерском лагере на станции Тетерев. Был

непосредственно занят на монтажных работах саркофага. Перед монтажом «Мамонтовой балки» нужно было убрать торчащие трубы, которые мешали. Нас с товарищем (не помню фамилию) поднимали «Демагом» в освинцованной будке («Батискафе») на крышу для демонтажа этих труб. Работа проводилась при сильном тумане. Также работали на монтаже контрафорстной стенки и монтаже крыши.

На участке, возглавляемом начальником Ким, отработал 306 часов в третьей зоне монтажного района десятого участка и 91 час во второй зоне. В результате получил дозу внешнего облучения – 23,7 рентген. После получения первых 3-х рентген пропал аппетит и заболела печень.

В 2003 году перенёс операцию по удалению левой почки. После увечья, полученного на ЧАЭС, являюсь инвалидом, до 2008 года – II группы, с сентября 2008 года – III группы.

За работу на четвёртом энергоблоке был отмечен Благодарностью Управления строительства № 605 и Грамотой ЦК Коммунистической партии Украины.

ОСТАПЕЦ
Александр Николаевич

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1988 году

Родился 4 июля 1946 года на Украине, в г. Залещики Тернопольской области.

В 1953 году наша семья переехала на постоянное место жительства в г. Бровары Киевской области. Здесь я окончил школу, торгово-экономический институт, отслужил в армии, работал. В 1986–1988 годах служил по контракту в зоне боевых действий в Афганистане.

В 1988 году был принят сначала рабочим, а потом мастером санпропускника четвёртого энергоблока Чернобыльской АЭС сроком на два месяца.

В 1989 году по приглашению Управления рабочего снабжения переехал работать в город Краснокаменск Забайкальского края – директором объединения школьных столовых.

ГРЕЧИХИНА
Надежда Васильевна

Работали поварами в столовой «Ромашка», обслуживали ликвидаторов, которые проживали в сборных домиках.

Принимали участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986–1987 годах.

Надежда Васильевна
БОЧКАРЁВА
Вера Александровна

Была направлена поваром в 30-километровую зону в период аварии на ЧАЭС. И второй раз была вызвана для работ в закрытой зоне по питанию ликвидаторов, которые работали непосредственно на взорвавшемся блоке.

ГУРЕНКО
Любовь Николаевна

Принимала участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1989 году.

КРАВЧУК
Владимир Павлович, капитан

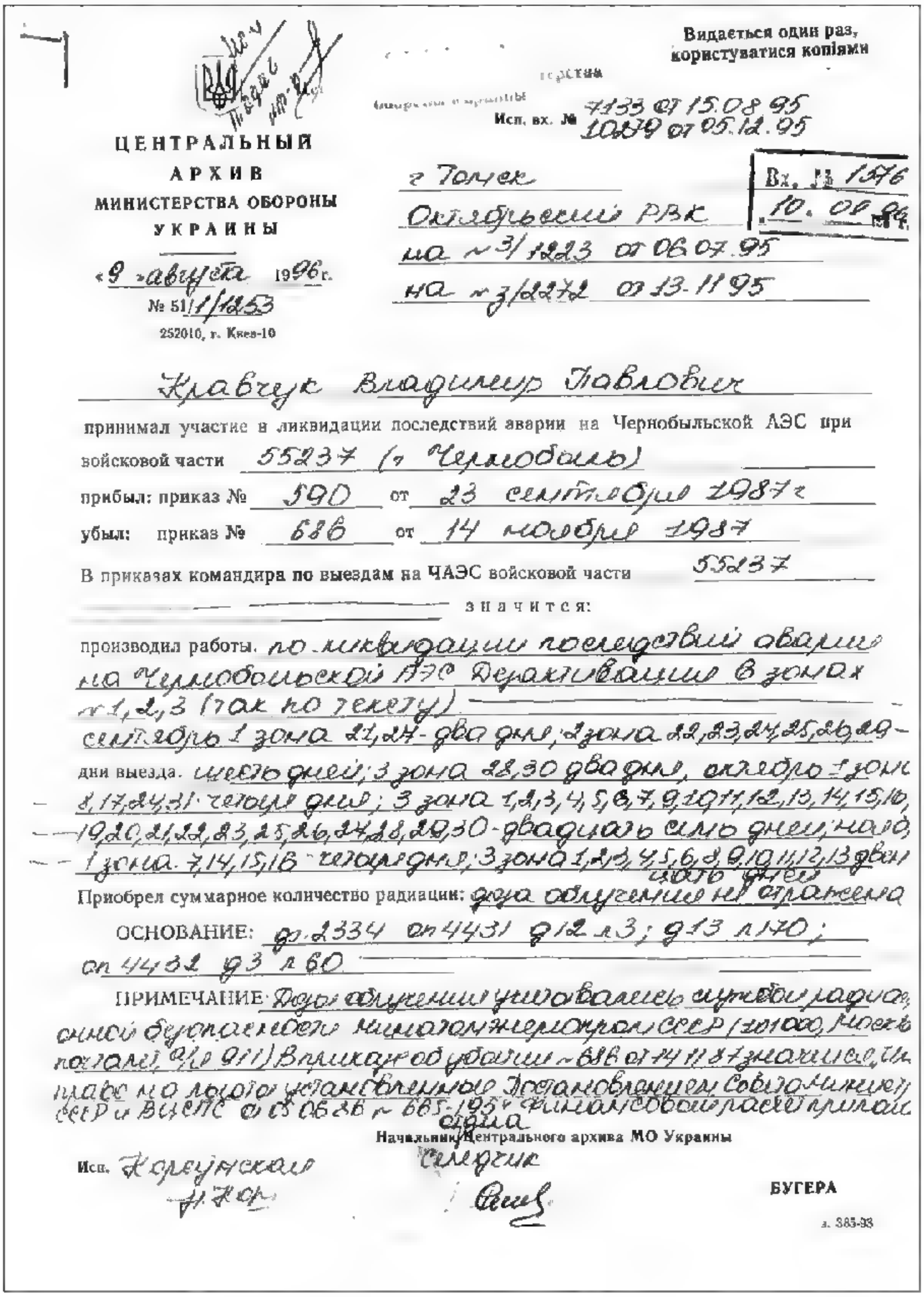
Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 23 сентября
по 14 ноября 1987 года
и с 14 сентября
по 19 декабря 1989 года

Находился в Чернобыле в составе воинской части 55237, место дислокации – г. Чернобыль. Командир военно-строительной роты, капитан. Направлялся на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС из воинской части 44165, Управление военно-строительных частей, в воинскую часть 44189 902-го Управления военно-строительных частей, воинскую часть 04201, г. Краснокаменск Забайкальского края. Выполняемые работы: снятие мягкой кровли на крыше химводоочистки; третий, четвёртый блоки – строительные и вспомогательные работы; дезактивация подъёмного крана «Демаг» на площадке «Копачи». Доза полученного мною облучения – 8,9 бэр.

Повторно направлялся из воинской части 44189 в распоряжение начальника 902-го Управления военно-строительных частей, воинская часть 04201. Выполнялись: строительство КПП и санпропускников на территории ЧАЭС, установка забора вокруг территории станции.

Доза полученного облучения во второй заезд– 5,3 бэр.

Отношения в коллективе складывались хорошие, царила атмосфера взаимопомощи и поддержки. Денежные выплаты проводились вовремя и в полном объёме. Питание было очень хорошим. Проживали в здании школы-интерната г. Чернобыля. Спали на двухъярусных кроватях. Работа была трудная, ответственная, кропотливая, но паники и возмущений не было, сохранялась нормальная рабочая обстановка.



Видается один раз, користуватися копіями

Исп. вх. № 7133 от 15.08.95 10079 от 05.12.95

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ АРХИВ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ УКРАИНЫ

«9» августа 1996 г.
№ 51/1/1253
252010, г. Киев-10

г. Томск
Октябрьский РВК
на № 3/1223 от 06.07.95
на № 3/2272 от 13.11.95

Вх. № 1576 10.08.96

Кравчук Владимир Павлович

принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС при войсковой части 55237 (г. Чернобыль)

прибыл: приказ № 590 от 23 сентября 1987 г.

убыл: приказ № 686 от 14 ноября 1987

В приказах командира по выездам на ЧАЭС войсковой части 55237

значится:

производил работы. по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС Дезактивация в зонах № 1, 2, 3 (так по тексту)

сентябрь 1 зона 21, 24 - два дня; 2 зона 22, 23, 24, 25, 26, 29 -

дни выезда. шесть дней; 3 зона 28, 30 два дня, октябрь 1 зона 8, 17, 24, 31 - четыре дня; 3 зона 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30 - двадцать семь дней; ноябрь 1 зона 7, 14, 15, 16 - четыре дня; 3 зона 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13 двенадцать дней

Приобрел суммарное количество радиации: доза облучения не отражена

ОСНОВАНИЕ: ф. 2334 оп. 4431 д. 12 л. 3; д. 13 л. 170; оп. 4432 д. 3 л. 60

ПРИМЕЧАНИЕ: Дозы облучения учитывались службой радиационной безопасности минатомэнергопрома СССР (101000, Москва, почтамт, а/я 911). В приказе об убытии № 686 от 14.11.87 значится: имеет право на льготы, установленные постановлением Совета Министров СССР и ВЦСПС от 05.06.86 № 665-195 «финансовой расчет произведен сполна»

Начальник Центрального архива МО Украины

Исп. Корчунская Н. Кор.

Семерчук

БУГЕРА

з. 385-93

14 августа 1986 года, по приказу командира воинской части 44189 я был направлен для выполнения задания по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС в часть 55237, которая дислоцировалась в посёлке Иванково, на должность заместителя командира 10-й роты по политчасти. Личный состав роты в количестве 250 человек состоял из призванных из запаса людей из всех уголков Советского Союза.

Постоянного состава роты не было, так как после нескольких поездок на станцию люди «горели» и их приходилось выводить из зоны. Это затрудняло работу, создавало порой путаницу и неразбериху. Сначала жили в палатках, но к осени стали возводить щитовые казармы со всеми удобствами. Питание было отличное.

Все офицеры и прапорщики нашей роты были призваны из военно-строительных частей Московского округа.

Наши части подчинялись Министерству среднего машиностроения, а в г. Чернобыле – 605-му Управлению строительства. Начальники строительства – Г. Д. Лыков, затем И. А. Дударев.

СЕНТЮРОВ
Пётр Филиппович, капитан

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 14 августа
по 17 октября 1986 года

Весь командный состав роты ездил с группой «партизан» в количестве тридцать–сорок человек на станцию. Работали в четыре смены. Рота занималась укрытием саркофага, расчищали и убирали «грязь» на территории станции, отмывали «грязную» технику.

Лично я со взводом в 40 человек 50 смен ездил на станцию, где заливали бетон за «стенку». В мои обязанности входило следить за дисциплиной (были случаи отказа выезжать на станцию), за полученной дозой облучения личным составом и выполнением работ. Предельная доза облучения составляла 25 бэр. Такого человека нужно было срочно выводить из зоны. Руководитель же, допустивший «пережог» подчинённого, получал «по шапке». Свои работы мы выполняли в четвёртую смену, с 2 часов до утра. От воинской части до г. Чернобыля ехали на автобусах, а в городе пересаживались на «броневики» (это «ПАЗик» с установленным компрессором внутри салона, чтобы пыль не проникала внутрь), но компрессоры никогда не работали. Индивидуальная защита – только «Лепестки» и приборы ДП-22В и ДКП-50А.

После каждой смены замерялся уровень полученной дозы и записывался в специальный журнал. Я вёл свой личный контроль. За период командировки получил 19 бэр, а когда уезжал домой, сдал приборы и «накопитель» - получил справку о 3 бэрах. Никто действительную дозу не ставил, да и накопитель не проверял.

Самую большую дозу облучения я получил, когда отмывали от пыли, грязи и мусора третий энергоблок. Средства уборки – вёдра с водой и тряпки. Привёз свою «команду» в новенькой военной форме, а выезжали в белых кальсонах.

Приходилось с начальником участка и дозиметристом входить в третий энергоблок, где я получал задание – что сделать, сколько минут работать. Показания приборов «зашкаливали». Потом я ставил задачу командирам отделений, вёл их в третий блок и показывал, где работать и сколько времени, а там они уже сами расставляли людей. Надо сказать, что это были «запасники» – призывники из Грузии. Ещё мы выполняли работы по загрузке свинцовыми болванками крана «Демаг».

Ощущения были не из приятных. Нигде не взрывалось, не свистели пули. Стояла жуткая тишина. Всё приходилось делать бегом, а в душе такое ощущение, что лежит где-то этот кусок графита и пронизывает твоё тело.

За эту командировку в «ад» получил инвалидность II группы (бластома левой почки), много разных грамот от Управления строительства и командира части, а также медаль к ордену «За заслуги перед Отечеством» II степени. Вот так «откупилась» Родина от нас, а ведь мы с вами спасли Мир от нашего «мирного атома», рискуя собой. Даже наши певцы получают ордена за «большие заслуги».

В Чернобыле побывали почти все наши офицеры и прапорщики военно-строительных частей г. Краснокаменска Забайкальского края – подполковник Смадыч В. В., капитан Андреев Н. Н., капитан Немиро К. Р., капитан Дробязко Г. Н., капитан Лебедев Н. Н., майор Музычук А. И., старший лейтенант Соболев С. А., прапорщик Байке Е. Б., Прокопцов С. Д. и другие.

Пусть такое не повторится!

КАМЫШЕВ
Виталий Иванович

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 и 1988 годах

В 1986 году нас, группу из одиннадцати человек, отправили в командировку на Чернобыльскую АЭС добровольцами. С августа по ноябрь принимали участие в возведении саркофага. В конце октября работы по закрытию реактора были закончены. Работал газоэлектросварщиком. Доза облучения в то время была 1 рентген в смену. Но это по справке и накопителю, а на самом деле всё на совести дозиметриста, потому что показания «карандаша» и накопителя нам не показывали. Домой я «привёз» в то время 12 рентген.

В 1988 году меня снова отправили в командировку в Чернобыль – на объект «Укрытие», закрывать машинный зал. Пробыл там с сентября по декабрь. Получил дозу облучения 7 рентген. Итого за две командировки у меня 19 рентген.

В 1986 году мы жили на станции Тетерев, в пионерском лагере «Голубые озёра», и нас каждый день возили на станцию. В 1988 году жили уже в самом Чернобыле.

СОБОЛЕВ
Сергей Анатольевич, майор

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 24 июля по 14 ноября 1989 года

Был направлен из воинской части 44189, в г. Краснокаменске Забайкальского края, в воинскую часть 55237, в г. Чернобыль, где проходил службу в должности начальника медицинской службы полка. Прибыл в звании старшего лейтенанта, убыл в звании капитана.

В силу своей должности и профиля подготовки я работал, в основном, по двум направлениям. Первое – оказание медицинской помощи личному составу воинской части 55237, входившей в состав Министерства среднего машиностроения (в дальнейшем – Минатомэнерго). Солдаты, сержанты, прапорщики и офицеры данной части выполняли строительно-монтажные работы на четвёртом энергоблоке ЧАЭС. Объект «Укрытие» вокруг четвёртого блока был уже в целом возведён, но работы хватало, выбросов радиации тоже.

В нашей части практически не было солдат срочной службы, а только солдаты, призванные из запаса на военные сборы, имевшие соответствующие специаль-

ности, не моложе 30-ти и не старше 49-ти лет, а также кадровые офицеры и прапорщики. Часть располагалась в райцентре Чернобыль, в здании бывшей школы. Условия размещения были удовлетворительные. Личный состав работал круглосуточно, в четыре смены; был экипирован, накормлен и имел все возможности для восстановления сил после работы.

Для медицинского обеспечения личного состава в моём распоряжении находился медицинский пункт, имевший в своём составе амбулаторию, лазарет, укомплектованный медицинским персоналом, оснащённый всем необходимым оборудованием. Хочу подчеркнуть, что снабжение лекарствами осуществлялось на высшем уровне. Медикаменты были в любом ассортименте и объёме.

Отмечу ещё одну особенность – у людей, получивших определённую дозу радиоактивного облучения при работе на ЧАЭС, возникал комплекс определённых нарушений в состоянии здоровья, как правило, состоявший в развитии слабости, сонливости, потливости, повышенной утомляемости. Для лечения пациентов с данными симптомами мы имели в своём распоряжении в неограниченном количестве различные растительные препараты, в виде настойки женьшеня, экстракта элеутерококка, и биологические стимуляторы, которые существенно помогали.

Кроме лечения, я занимался также увольнением с данных военных сборов военнослужащих, призванных из запаса, у которых обострились хронические заболевания и они не могли в полной мере выполнять свои служебные обязанности. Для этого я сопровождал их в 408-й Киевский окружной военный госпиталь, где после медицинского освидетельствования их увольняли и направляли по месту жительства.

Второе направление моей служебной деятельности заключалось в сопровождении личного состава в различные смены на четвёртый блок ЧАЭС, расстановке их по местам работ и нахождении на блоке в качестве оперативного дежурного от воинской части 55237.

Из 113 суток, проведённых мной непосредственно при исполнении служебных обязанностей, 91 день я выезжал в составе смен на четвёртый блок ЧАЭС.

Данную ответственную работу я выполнял совместно со своими сослуживцами и по предыдущей службе, и по последующей – начальником производственного отделения майором Дробязко Григорием Николаевичем, командирами рот - майорами Немира Казимиром Рышардовичем, Митрофаненко Владимиром Васильевичем, капитаном медицинской службы врачом полка Черыковым Анатолием Владимировичем и многими другими. Первые двое до сих пор проживают в г. Краснокаменске после увольнения на пенсию из Вооружённых Сил РФ.

Следует добавить, что контроль за дозой радиации, полученной каждым участником работ, был столь засекречен, что никто толком не знает, сколько бэр он получил за время работы. У каждого было несколько дозиметров: один постоянный накопительный, другие выдавались при входе на четвёртый блок. Но все они не были прямопоказывающими, проверялись дозиметристами в особых пунктах, где кроме дозиметриста находился представитель первого отдела. А дозы, которые указывались в справках, если сравнить, ставились по году нахождения на станции: сначала 25 бэр, потом 5 бэр, потом меньше. У меня в справке указано 9,2 бэр. Это при 91 дне на четвёртом блоке, где немецкие высотные краны «Демаг» открывали периодически «крышку» на блоке и «выпускали пар»!

После увольнения из Вооружённых Сил РФ по выслуге лет я работал врачом в Краснокаменском военном комиссариате, областной больнице № 4, центральной районной поликлинике Краснокаменского района, в Калганской и Александрово-Заводской районных больницах, преподавал в Краснокаменском медицинском колледже.

В марте 2008 года награждён государственной наградой Российской Федерации - медалью «За спасение погибавших» Указом Президента РФ В. В. Путина.

СТРЕМОВСКИЙ
Александр Маратович,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 26 ноября 1986 года по 30 января 1987 года

Проходил службу с ноября месяца 1985 года по 18 сентября 1995 года в рядах Внутренних войск МВД РФ (МВД СССР), с 18 сентября 1995 года по 12 сентября 2009 года – в ФБУ ИК-10 в должности заместителя начальника колонии по охране ФБУ ИК-10 УФСИН России по Забайкальскому краю.

В составе оперативной группы ГУВВ МВД СССР участвовал в выполнении особо важного и ответственного правительственного задания по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

12 сентября 2009 года умер при исполнении служебных обязанностей.

МИНАСЯН
Гаруш Срапович, рядовой

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году

Служил в УС-605 МВД СССР. Был призван на сборы и отправлен для прохождения службы водителем в населённый пункт Тетерев Иванковского района Украины.

Возил на Чернобыльскую станцию кислородные баллоны в течение тридцати дней, обеспечивал сварочные работы на четвёртом энергоблоке. Затем работал за пределами зоны.

Доза полученного облучения – 37 рентген, лучевая болезнь.

УДОСТОВЕРЕНИЕ

перенесшего (ей) лучевую болезнь или другие заболевания, связанные с радиационным воздействием, ставшего инвалидом

Серия А № 004570

Фамилия Минасян
Имя Гаруш
Отчество Грапович
Основание выдачи А№280791 7.08.93г, ВТА-102№046391, 16.02.95г
Личная подпись

Предъявитель удостоверения имеет право на компенсации и льготы, установленные Законом Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС»

УДОСТОВЕРЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

(Отдел социальной защиты населения Ингодинского района г. Читы)
(подпись руководителя учреждения)

М. П.

Дата выдачи «29» мая 1995 г.

ПОПОВА
(ГОВОРОВСКАЯ)
Жанна Владимировна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 10 августа
по 29 октября 1988 года

Работала бухгалтером в конторе филиала ОРСа ПХС в г. Чернобыль.

Наиболее яркое воспоминание того периода – брошенные дома, целые усадьбы, заросшие сады в «мёртвой зоне».

Работу выполняла обычную. С благодарностью вспоминаю начальника филиала ОРСа Г. М. Иваненко, который от всего коллектива требовал повышенной организованности, дисциплины и порядка. Условия проживания, питание, быт были организованы на должном уровне.

Доза облучения официально не задокументирована.

СЕНЕЧКИН
Юрий Васильевич,
подполковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1990 году

Время работ на ЧАЭС – 1990 год, июнь – июль, в должности начальника штаба оперативной группы особой зоны (10 км) на Чернобыльской АЭС.

Осуществляли контроль за выполнением работ на территории четвёртого энергоблока станции и за радиационной обстановкой в 10-километровой зоне.

Полученная доза облучения – 25 рентген.

ТРОИЦКАЯ
Антонина Александровна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в октябре 1986 года
и с 15 по 30 июня
1987 года

Украина, как составляющая бывшего Советского Союза, имела большой научный потенциал и сделала значительный вклад в развитие атомной энергетики.

Одну из АЭС было решено построить в центральной части Украины. 2 февраля 1967 года под грифом «Секретно» появился документ – «Обращение Совета Министров Украинской ССР к ЦК Компартии Украины о согласовании проекта строительства электростанции возле села Копачи Чернобыльского района Киевской области». В приложениях к этому документу было изложено обоснование выбора именно этого места для строительства: «Площадка возле села Копачи размещается на правом берегу реки Припять, в 12-ти километрах от города Чернобыль, в основном на малопродуктивных землях, и соответствует требованиям водоснабжения, транспорта, санитарной зоны».

Вот туда меня и отправили в октябре 1986 года. Когда прилетели в Киев, нас сразу разместили в гостинице «Борисполь» (это почти рядом с аэропортом). Уже не помню, сколько мы там находились, но за это время немного ознакомились с городом, а когда

вернулись в гостиницу, всех сильно клонило ко сну (как узнали много позже, это симптомы передозировки радиации). В Чернобыль отправили пароходом. Там поселили в двухэтажном доме, на втором этаже. В комнате было 28 кроватей. На первом этаже размещалась столовая.

Люди приезжали с разных регионов Советского Союза. Всех снабдили одинаковой одеждой. В столовой, где я работала, кормили качественными и очень свежими продуктами. Постоянно готовилось мясо (говядина), из круп — гречка, отварные овощи – свёкла, морковь; лимонов было очень много, разная выпечка.

Работали по 18 и более часов в сутки, надо было кормить людей, а их насчитывались тысячи.

Второй раз я приехала в Чернобыль в июне 1987 года. Нас разместили почти у самой Припяти, это где-то в полутора километрах от реактора. Тогда мы кормили 12 тысяч человек, это, в основном, были солдаты.

Реактор находился рядом, поэтому слышали, как гремят стёкла в окнах от выхлопов. Регулярно поливали улицы (машинами и вручную), даже после дождя не переставали поливать землю, тротуары, деревья – всё.

Поражала пышная растительность вокруг, грибы, ягоды, фрукты были огромными, сказочно красивыми; местные жители говорили, что всё это стало таким после взрыва (так подействовала радиация).

Нам выдавали дозиметр, но никому ничего при этом не объясняли, а потом потребовали вернуть приборы (в случае отказа грозили невыплатой заработной платы). Каждая смена у нас была по 15 суток (вроде бы у всех так же было), наверное, больше не выдерживал организм.

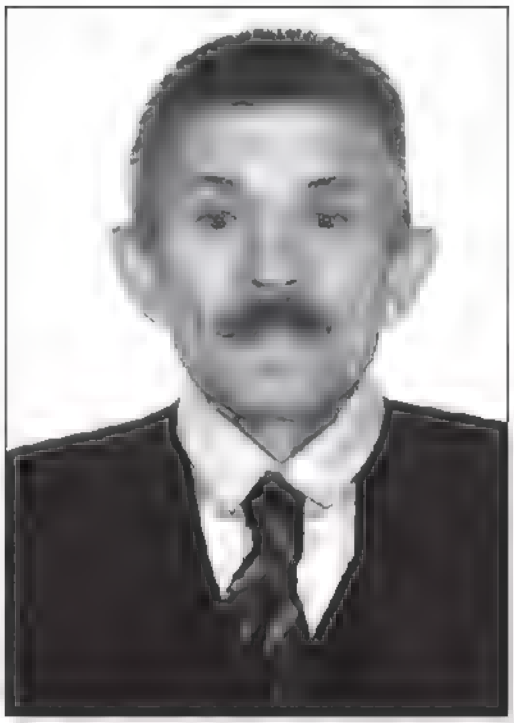
А теперь я часто и тяжело болею, медицинская книжка переполнена различными диагнозами, регулярно лежу в госпитале. Не видела статистики, сколько человек пострадали во время катастрофы, в период ликвидации последствий и позже, когда люди уже уехали по домам. Но знаю, что в связи с полученной дозой радиации многие ушли из жизни. Мне как непосредственному участнику этих событий известно, что последствия чудовищной катастрофы огромные.

Бутенко Александра Николаевича можно назвать человеком-легендой*. Он участвовал в спасении людей и в ликвидации последствий землетрясений в Армении и взрыва на Чернобыльской АЭС. Он видел страдания людей от межнациональных конфликтов. Водитель по профессии, уроженец посёлка Дровяная Забайкальского края. Некоторое время проживал в Молдавии.

26 апреля 1986 года прогремел мощный взрыв четвёртого блока Чернобыльской АЭС, принёсший нашему народу великие жертвы и страдания, прокатившийся радиоактивным облаком по соседним странам.

Александр Бутенко был срочно вызван в военкомат, якобы на переподготовку, а на самом деле его, как и многих других, в срочном порядке направили на ликвидацию аварии в Чернобыль. Перед ним открылась страшная картина разрушений, человеческих страданий, страха. Летали вертолёты, поливая разрушенный блок ре-

* Из статьи Г. Шалапугина «Человек-легенда». – Газета «Улётовский вестник», 23 января 2004 г.



БУТЕНКО
Александр Николаевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

актора бором и свинцом, после чего производилось захоронение того, что осталось от взорвавшегося блока. Водитель А. Бутенко подвозил бетонные блоки и бетон. Средств защиты не было никаких, кроме респираторов. Опасность заражения от всех спасателей скрывали. Вся зелень вокруг пожелтела. Бродили облезлые брошенные животные – собаки, коровы, лошади, свиньи.

Ликвидаторам приходилось откачивать заражённую воду, снимать лопатами слой земли, шлангами смывать радиоактивную пыль с землеройной техники и автомобилей. Работали по 12 часов, рядом с ними находились дозиметристы, контролируя их дозу облучения. Проработал там А. Бутенко два месяца.

В 1989 году из Молдавии же его командировали на два месяца на ликвидацию последствий землетрясения в Армении, где были разрушены города Демиджан, Кировокан, Ленинабад, но больше всего пострадал город Спитак. Там он видел ту же страшную картину, что и в Чернобыле. Он подвозил стройматериалы, но приходилось отвозить и трупы погибших людей, откопанные из-под развалин разрушенных зданий.

Проживая в Молдавии, А. Бутенко пришлось испытать (в 1986–1992 гг.) на себе межнациональный конфликт, потрясший всю Молдавию.

После всех трагических событий Александр в 1993 году переехал в Забайкалье. Похоронив жену, он остался вдовцом с тремя детьми на руках. Ему во всём помогала его добрая мама, так как он получал от государства всего 300 рублей на лечение как «чернобылец», награждённый в Молдавии медалью «Участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». Квартиру ему не давали, приобрёл жильё сам. Путёвку на курорт, несмотря на его просьбы, ни разу не дали.

Несколько лет Александр Николаевич работал слесарем на разрезе «Восточный», затем его сократили, не пожалели.

НОСИК

Михаил Фёдорович,

старший лейтенант

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 2 по 9 мая 1986 года и с 15 июля по 15 сентября 1987 года

Родился 26 апреля 1959 года в Днепропетровске. Окончил Днепропетровский химико-технологический институт имени Дзержинского – инженер-механик. Получил второе высшее образование: менеджмент и маркетинг (после ЧАЭС); военная специальность: дезактивация.

Взрыв реактора на ЧАЭС произошёл в мой день рождения. О катастрофе узнал по радио – сообщил «Голос Америки» (слушали тайно). Грустный вышел день рождения, и теперь он у меня ассоциируется с ЧАЭС. В это время работал по направлению института механиком производства в Крыму. Благодаря «вражеским голосам» и военной профессии, я осознавал реальную радиационную обстановку и потенциальную опасность. Поэтому мы с друзьями-однокашниками Геннадием Карайбедой и Сергеем Лавирко (ныне покойный, умер от онкологии) взяли отгулы, предварительно заехали в свой институт на военную кафедру, попросили «напрокат» прибор ДП-5 (армейский дозиметр) и поехали своим ходом на автомобиле в Чернобыль. Машину даль-

ше зоны не пустили, поэтому пришлось оставить её в селе у колхозника Володи Греся.

Прибыли во временно развёрнутый штаб Донского полка химзащиты в Чернобыле. Так как практически лишь у нас был армейский дозиметр (на ЧАЭС были дозиметры, шкала которых не позволяла замерять реальный размер радиации и ограничивались 1 рентгеном в час), послали проводить радиационную разведку вблизи села Копачи для развёртывания ПУСО (пунктов спецобработки). Место должно было соответствовать следующим условиям: наличие открытых площадок, источников воды (для дезактивации людей и техники) и иметь естественные углубления для сброса загрязнений. Ввиду значительного радиационного фона доступ к реакторным блокам был ограничен. Произвели разведку в районах строящихся пятого и шестого энергоблоков ЧАЭС, в селе Копачи и на подъездах к селу. Площадка под ПУСО была выбрана на дороге между Чернобылем и селом Копачи.

В это время уже были развёрнуты армейские части и все гражданские добровольцы из зоны выдворены. Это произошло потому, что в официальных сообщениях партийных и государственных органов радиационный фон был умышленно занижен от 10 до 100 раз. Премьер-министр (в тот период) Рыжков обещал к осени 1986 года запустить четвёртый блок ЧАЭС в работу. В тот период действительную радиационную обстановку знали лишь немногие, практически действовавшие в зоне, руководители. Были предприняты, без сомнения, грандиозные и героические меры, так как всё делалось с нуля, по наитию, в соответствии с необходимостью и моментом. Никогда раньше я не видел, чтобы в Советском Союзе так быстро принимались решения, и эти решения воплощались в реальность. Большая часть исполнителей не знали реальной радиационной нагрузки и её последствий; не хватало ни дозиметров, ни защитных средств (кроме бесполезных ОЗК), ни времени на согласования и раздумья – просто надо было сделать, и всё. При этом никто из руководителей здоровья своего не жалел – работали практически круглосуточно. Персонал старались уберечь: поясняли, предупреждали, предостерегали. Но общий настрой всех был — сделать всё воз-

можное, чтобы закончить всё побыстрее. Никого уговаривать не приходилось, а прямых приказов на рискованные действия вообще не поступало – большей частью всё исполнялось на добровольной основе и по личной инициативе. При этом государство направило на ликвидацию катастрофы поистине гигантские средства, технику и людские ресурсы. Не исключаю, что именно вначале многие ликвидаторы получили излишние дозы, но иного выхода просто не было. И на явную опасность или смерть никто никого не толкал — формально каждый мог отказаться, но на моей памяти подобного не случалось. Были и смешные казусы: привезённый рулонный свинец (им защищали технику) некоторые ликвидаторы использовали для изготовления нижнего мужского белья, при этом к этим причудам относились с юмором и подколками.

Произошёл совсем не смешной случай, когда пятидесятилетний мужчина, прибывший из колхоза, насмерть напуганный страшными рассказами местных зубоскалов о грозящих облысении и импотенции, выпил запасённый самогон и одеколон и был уличён в этом при обходе командиром полка. Мужика сфотографировали и сделали по кусочкам со снимка трёхметровый плакат: «Они позорят наш коллектив». Далее перепуганного ликвидатора пристыдили перед строем, направили «позорящее» письмо в колхоз, в профком и 90-летней старушке-матери и выгнали домой, в колхоз, «наградив» этим огромным плакатом.

Сейчас понимаю, что интуитивно люди не только выбрали разумный способ защиты, но и предохраняли себя больше психологически, чем физически. И вообще, каждый в тот период чувствовал за собой страну, и всё, что предпринималось и совершалось, называлось просто – патриотизм. Как жаль, что со страной мы практически потеряли и это... Поэтому эта книга нужна не столько старикам, тешащим своё самолюбие воспоминаниями, а именно в целях воспитания в новых поколениях той должной меры патриотизма, который реально был в СССР.

Отдельно хотел бы отметить подвиг вертолётчиков. Если лица, работавшие на земле, знали реальный размер радиационной нагрузки и могли избежать получения чрезвычайных

доз (просто уезжая, либо уходя из заражённых территорий), то пилоты шли на смертельный риск осознанно, что само по себе является подвигом. Одно дело иметь возможность предохранить себя от радиационной смерти, совершенно иная ситуация, когда человек конкретно осознаёт смертельную для себя опасность и понимает, что ему нечем себя защитить... И тем не менее – летит в самое пекло над реактором. А ведь на тот момент не было гафниевых защитных костюмов, сам вертолёт освинцевать реально нельзя было, так как это кратно уменьшало его грузоподъёмность, а при радиационном фоне в несколько тысяч рентген в час даже секундное нахождение в прямом жёстком излучении превращалось в суммарные дозы на пределе человеческой выживаемости. Ранее нас в институте учили, что летальной является доза в 500 бэр. Таким образом, при реально существовавших на тот момент лучевых нагрузках лётчики получали смертельные дозы за 2–3 вылета... И, зная об этом, ОНИ ЛЕТЕЛИ! Воистину нет предела мужественности и самоотверженности русского человека!

В июле 1987 года я из Крыма вновь добровольцем поехал на ЧАЭС, в Донской полк химзащиты (в/ч 73413). Добирались через Белую Церковь и Овруч. Полк химзащиты был развёрнут палаточным городком возле трассы Овруч – Иванков, в лесу, в относительно чистой зоне, недалеко от перекрёстка трассы на Чернобыль. Я удивился произошедшим за столь короткое время грандиозным переменам: практически готовый саркофаг, постоянно обновляемые дороги, отлично организованные работы и укомплектованные ПУСО, налаженный быт и службы. Только лес, который раньше возле ЧАЭС был зелёный, стал «рыжим». Мой 2-й батальон занимался дезактивацией территории и обслуживанием ПУСО. В качестве командира взвода радиационной защиты сразу приступил к работе по дезактивации территорий, прилегающих к ЧАЭС. В поставленные задачи входило: побудка в 2.45 ночи; построение и выезд с лагеря в 3.00; разворачивание дезактивационной техники: авто-разливочных станций (АРСов) и поливо-моечных машин (ПМов) для противорадиационной обработки дорог, обочин, территорий возле саркофага и спецтерриторий. Техника на ночь располагалась на ПУСО-1 (разведку которого я проводил ещё

в 1986 году), во второй зоне, на трассе между Чернобылем и ЧАЭС. Мы обязаны были в 4.00 ночи развернуть всю технику и провести противорадиационные мероприятия на территории до начала движения и дезактивации объектов другими подразделениями. Работы велись без выходных в две смены. Для офицеров, работавших в первую смену, график был физически тяжёлым: начало работы в 2.45 ночи и смена офицерского состава, реально происходившая, лишь где-то в 16.00.

Ежедневные штабные совещания (оперативки) в 23.00 реально изматывали, так как отдых вынужденно прерывался – усталость накапливалась. И если рядовой состав имел возможность отдохнуть, то для оперативно действующего на местности офицерского состава, в который входил и я, отдыхом считалась вторая смена, позволявшая хотя бы выспаться и восстановиться физически.

Реально полученная человеком доза измерялась носимыми накопительными дозиметрами (у нас они были «карандашного» и блочного типа). Существенным изъяном данных накопителей является их относительно малая для доз ЧАЭС шкала – где-то до 10 бэр, что предопределяло практически ежедневную их проверку и «обнуливание». Штатные блочные дозиметры, применявшиеся гражданскими лицами и работниками станции, вообще были либо разовыми, либо с «короткой» шкалой и низкой жизнеспособностью (из-за нарастающих поправок по мере накопления радиационного фона во время эксплуатации). Но и этих индивидуальных дозиметров было очень мало: в моём подчинении находилось от 20 до 44 машин с водителями, на которых (включая меня) было всего 4 – 6 накопительных дозиметров. Поэтому я, имея собственный тарированный прибор, формально раздавал эти приборы учёта на весь состав подразделения, работавший бригадно, на конкретном участке с собственным радиационным фоном. Это позволяло в конце работы выводить реально полученные людьми дозы путём их усреднения на всех, дозиметров не имевших. Но и эта деятельность формально не поощрялась. К установлению ежедневных накопленных персоналом доз был совершенно иной подход: просто «сверху» (не на уровне командования полком, а партийно-руководящими органами) был установлен лимит

ежедневно получаемой людьми дозы, в зависимости от того, в какой зоне (1-й, 2-й или 3-й) человек работал. Так, нахождение в 1-й зоне (лагере полка, в городе Чернобыль и др.) приравнивалось (и называлось) к «фону», и максимально допустимую накопленную дозу можно было ежедневно записывать не более 0,01 бэра (а в основном – 0,005 бэра); нахождение во 2-й зоне (спецобработка персонала и техники на ПУСО-1, ПУСО-2; могильники, КПП и др.) по верхним пределам ограничивалось дозами до 0,15 бэра и в среднем составляло 0,1–0,13 бэра; 3-я зона (дезактивационные работы в селе Копачи, «рыжем» лесу, ЧАЭС, саркофаге и в Припяти) ограничивалась 0,5 бэрами, а на практике записывалась от 0,2 до 0,4 бэр.

Поэтому журналов регистрации полученных доз было три: официальный – для «политически верной» регистрации установленных сверху доз; текущий – для регистрации и правки максимальных доз «под время пребывания в зонах» и хорошо скрываемый реальный – с реально полученными нами дозами.

В работах на ЧАЭС были, в основном, задействованы так называемые «партизаны», то есть «лица, призванные на специальные военные сборы из запаса», что предопределяло максимальный срок пребывания на сборах - не более шести месяцев. Формально гражданина можно было использовать до накопления им вышеуказанных доз. Таким образом, умышленно занижая накопленные дозы и регулируя их по принципу социалистической экономики, руководство добилось следующих преимуществ: даже работавший (и я – конкретный тому пример) в 3-й, самой «грязной», зоне смог бы «планово накопить» предельную дозу лишь за пару месяцев – планируемый срок применения людского ресурса; стимулировало находящихся на «фоне» (в более «чистых» зонах) стремиться попасть в 3-ю (самую «грязную») зону, чтобы побыстрее набрать предельную дозу и отбыть восвояси. Не секрет, что за работу в зонах ЧАЭС уровень оплаты напрямую зависел от того, в какой зоне находился работавший. Так, за работу в 1-й зоне выплачивался двойной среднедневной заработок конкретного человека; во 2-й - тройной, а в 3-й - четвертной. Эта градация была отнюдь не глупой,

а экономически и политически оправданной: во-первых, увеличение зарплаты от зональности работы было социально оправдано, так как работавший в более «грязной» зоне обязан был получать и соответствующие экономические преимущества; во-вторых, стимулировало лиц не отсиживаться в более «чистых» зонах, а стремиться перейти в более «грязные», что параллельно разрешало и вопрос более активного выбытия персонала из «грязных» зон.

Хотя при социализме было заведомо меньше меркантильности, но экономические стимулы народом приветствовались и воспринимались «на ура». Как бы это смешно не выглядело, но в 3.00 ночи на разводе я подводил результаты социалистического соревнования, по итогам которого направлял лучших лиц в более «грязные» и заведомо более радиоактивные зоны. И отбоя от желающих победить в этом «соцсоревновании» по приближению к смертельно опасным местам никогда не было, даже возникали ссоры и обиды,

Руководители 3 РХЗ КПП, село Копачи

если человек не попадал в сталкеры. Как это не дико сейчас звучит, но самым большим наказанием являлась «посылка на фон», то есть отсылка с «грязных» зон на работу в лагере. Я лишь два раза применял такие «драконовские» меры: один раз - за мародёрство (сбор вещей и ценностей в брошенных деревнях), второй раз – за пьянство и «поедание мёда из заражённого улья» (что, не в пример выпивке, само по себе очень опасно). Спустя годы я критически оцениваю «мародёра», который сдуру собирал возле брошенного магазина копеечные игрушки, хрусталь с «обкомовской» дачи, столовые принадлежности с могильников и весь этот радиоактивный, страшно «фонящий» мусор складывал под своей кроватью, тем самым получая от этой, никому не нужной сейчас, но такой желанной в те времена, грязи огромные дозы облучения.

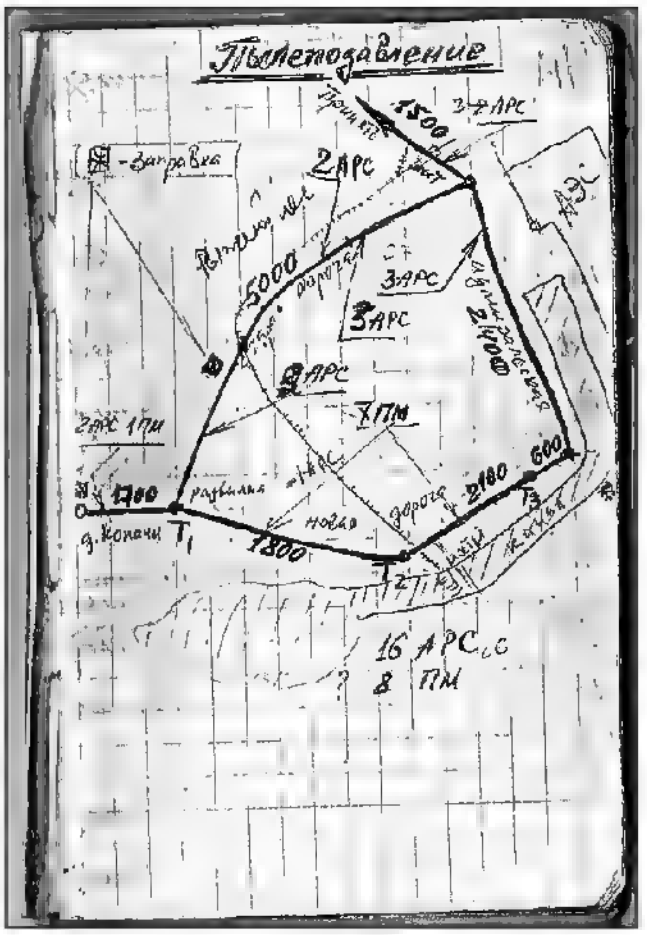
Особая борьба развязывалась за участие в так называемых «спецоперациях», когда надо было ездить за запчастями на могильники или мыть «отрыжку реактора» возле саркофага. Суть отбора состояла в соревновании водителей машин, обрабатывавших дороги и объекты от радиоактивной пыли (пылеподавление) водой и моющими составами, а обочины – пылесвязующим латексом, по большему числу ходок и качеству работ. И именно самые лучшие и выигрывали «доступ в пекло». Причём здесь уже не стоял вопрос о деньгах, так как все в 3-й зоне получали одинаково, а лишь о более высокой записанной (но ведь и реально полученной!) дозе, а также в естественном стремлении людей к славе и почёту.

Мы постоянно напоминали людям об опасностях, таящихся в радиации, на примерах разъясняли, чем грозит употребление растущих (и очень, кстати, разросшихся, ввиду отсутствия вредителей на брошенных садах и огородах) овощей и фруктов, пренебрежение гигиеной и средствами индивидуальной защиты, а также контактом с возможно сильно радиоактивными предметами и источниками.

Мы любыми способами должны были не допустить образование и поднятие радиоактивной пыли (пылеподавление) от движения техники по дорогам к ЧАЭС. Сама по себе ситуация сложной не казалась, была обыденная и рутинная: несколько АРСов и ПМов (по местному жаргону «флаконов

с водой») должны были обеспечить постоянную сырость дорог и обочин, а также заливать водой площадки возле станции. Всё было бы просто и хорошо, если бы не ряд некоторых особенностей.

Обрабатываемых дорог было несколько (план, привезённый с ЧАЭС, прилагаю): «старая», «новая» и «адмиральская». Каждую дорогу курировал свой, меняющийся ротационно, генерал. Только «адмиральская» дорога была закреплена за военно-морским министерством, так как проходила вдоль энергоблоков ЧАЭС и параллельно реке Припять. По-видимому, близость к акватории и предопределила название. Так как стояло лето, то дорожное асфальтовое покрытие высыхало быстро, его постоянно проливали водой; и жаркие солнечные дни для нас были действительно «жаркими».



Карта района работ пылеподавления на ЧАЭС

Заправка цистерн техники производилась пожарными помпами. Из открытых водоёмов заправлять «флаконы» запрещалось, они считались достаточно радиоактивными, что само по себе, быть может, и имело какой-то смысл, но реальной подоплёки не имело, так как используемая нами вода в любом случае попадала в эти водоёмы, но уже отфильтрованной через грунт. А изначально чистую воду превращать в радиоактивную было просто грешно. Тем не менее, брать воду из того же накопителя-охладителя третьего контура, которым было водохранилище возле ЧАЭС, категорически запрещалось, что приводило к необходимости постоянно искать новые источники воды, расположенные как можно ближе к заливаемым дорогам (иначе техника просто не успевала их обработать).

Один из заезжих «енералов» долго стоял и смотрел немного нетрезвым взглядом на дезактивируемое чудо пакемонской техники: телеуправляемый трактор-робот. Джапанезы подогнали его нам для дистанционной ликвидации радиационной аварии, но не учли, что требуемые данные по радиационной нагрузке на эту умную технику по официозу будут занижены в 1000 раз... От подобного «передоза» репа у робота замкнула, и он стал памятником на ПУСО-1, который (ввиду огромной по тем временам стоимости в 300 тысяч золотых целковых) различными способами пытались реанимировать.

Интересна и история японского робота «Комацу» – чтобы показать достижения в дезактивации дорогостоящего прибора, он перед приездом очередной комиссии натирался от души толстым слоем мыла, что по принципу действия камеры Вильсона создавало временный эффект «устойчивого снижения» приобретённого «Комацу» радиационного фона. Все были счастливы этим «замыливанием глаз», а трактор-манипулятор ждал приезда очередной комиссии и следующего намыливания...

«Партизаны», работавшие на могильниках, назывались сталкерами, были в почёте и уважении и при возможности поощрялись. Ввиду того, что местные жители покинули свои жилища в спешке, осталось достаточно домашнего скарба, приспособленного впоследствии к нуждам техники. Иногда приходилось для пополнения инструментария совершать «набеги» на покинутые гаражи. «Урал» с его балкой вместо бампера использовался как таран гаражных дверей, после чего инструмент собирался, а гаражные двери по возможности водружались на место.

Для кого я это пишу... Наверное, больше для себя, чем для «увековечивания памяти». Я лично уверен, что и мои однополчане не горят желанием «быть увековеченными». Главное – постараться исключить в дальнейшем подобное, оценить через время, что сделала страна в тот момент для предотвращения расползания радиации по всей Европе, понять, как за столь короткое время это стало возможным, провести аналогии с современностью, когда элементарная техногенная авария превращается в долгострой и кормушку казнокрадов,

осознать и наметить цели патриотического воспитания молодёжи - ведь если не будет патриотизма, веры в свою страну, ощущения за собой всей мощи, опеки и поддержки нашей Родины, то грош цена всем потугам деньгами заткнуть недостатки неверия народа в свою страну...

За время инвалидности (полученная доза радиации 58,235 бэр, инвалид в связи с аварией на ЧАЭС с 1997 года) я не получил ни «ежегодное санаторно-курортное обеспечение», ни на рубль лекарств из «социальной программы реабилитации чернобыльцев» (хоть бы снотворное со слабительным выписали бесплатно). Льготы по ЖКХ - вообще отдельная «песня», практически любой чиновник, подходя к нашему Закону «творчески», придумывает всё новые и новые «заборы» и препятствия для компенсации жилищно-коммунальных услуг. Последняя фишка – компенсировать только ликвидатору, без учёта членов семьи, по нормативам потребления на жилую (не общую!) площадь.

Группа сталкеров

БАЛДЕНКОВ
Виктор Валентинович

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 12 по 20 мая 1986 года

Родился 27 июля 1959 года в селе Гарт Порецкого района Чувашской республики. С 17-ти лет началась трудовая деятельность.

11 апреля 1978 года был призван на военную службу в Советскую Армию. Служил в Монголии. Летом 1980 года демобилизовался и поехал на БАМ. Трудился бурильщиком в ТО-22 треста «Бамтоннельстрой» на строительстве Северомуйского тоннеля. Там встретил свою вторую половинку – Тарасову Галину Викторовну. 24 декабря 1983 года родился первенец – Виталий.

После взрыва на Чернобыльской АЭС был призван военкоматом на ликвидацию последствий аварии. Рассказывал, что отказы не принимались, сразу предупредили, если не поедет, то тюрьма. Была создана бригада тоннельщиков из пяти человек, работавших на финских бурильных станках, их и направили в Чернобыль, там обучать людей на них работать.

БАЛДЕНКОВ
Сергей Викторович

Находились в 30-километровой зоне: бурили скважины под забивку медных труб. Ежедневно работавшим выдавали спирт для вывода радиации из организма.

После возвращения из Чернобыля, в семье 28 августа 1987 года появился второй сын – Сергей, который является пострадавшим первого поколения. Получал льготы до 18-ти лет, а потом сняли.

Рассказывает Сергей: «Отец был хорошим спортсменом, занимался боксом, был сильный и здоровый. А после Чернобыля начал худеть. В 1992 году мы переехали жить в Новую Чару. На Читинском участке БАМа он работал на строительстве Кодарского тоннеля, в «Водрем-91», МУК «Коммунальщик», ОАО «Забайкалстальинвест». Награждён медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали».

В 1995 году трагически погиб брат Виталий, в 2005-м похоронили маму. Отец сдал совсем. Болело сердце, отекали ноги. 22 июля 2008 года умер. Я в это время служил в армии. Последней нашей встрече не суждено было состояться».

(Записано со слов С. В. Балденкова мл. научным сотрудником Каларского историко-краеведческого музея Е. И. Труфановой).

ГУРТОВОЙ
Юрий Анатольевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 3 октября
по 13 декабря 1986 года

Родился в 1962 году в г. Донецке, Украина. Отслужил срочную службу в Советской Армии.

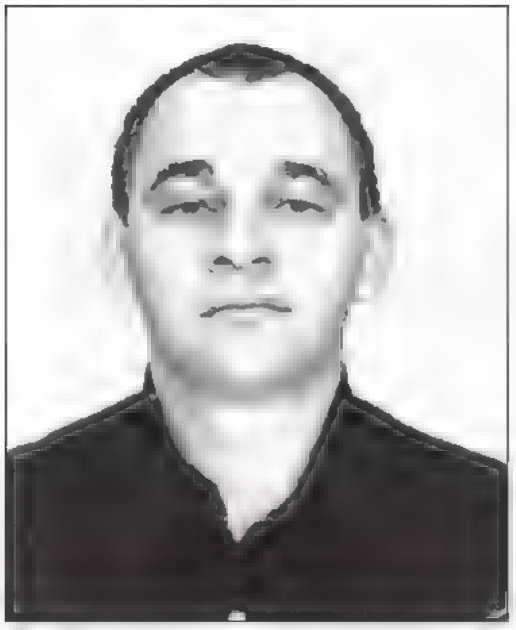
На ликвидацию аварии на Чернобыльской АЭС был призван из г. Донецка. Работал на административно-бытовом комплексе. Пост проходили со специальными жетонами. После смены спецодежда обрабатывалась. Питались в столовой на территории атомной станции.

В свободное время занимались борьбой друг с другом, ведь были молодыми, хотелось показать свою удаль. Я вспоминаю всегда Геннадия из Днепропетровска, с которым часто боролся. Работал на ликвидации последствий аварии недолго, потому что заболел желтухой, и меня отправили в Киевский госпиталь на лечение.

Получил дозу облучения – 15,22 рентгена.

Живу в напрочь прогнившем бараке без удобств.

(Записано со слов Юрия Анатольевича мл. научным сотрудником КИКМ Е. И. Труфановой).



КЛИМЕНКО
Иван Николаевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с мая по октябрь
1986 года

Родился 20 января 1968 года в селе Жеревцы Лугинского района Житомирской области Украины. После окончания школы учился в Жмеринском СПТУ по специальности «Помощник машиниста». В тот роковой год работал в депо г. Коростень.

После взрыва на Чернобыльской АЭС меня с машинистом Гордейчук Александром Владимировичем командировали в 30-километровую зону, на железнодорожную станцию Вильча. Туда подавали вагоны с грузами на разгрузочные платформы, где велись разгрузка и загрузка на автомашины. Работал с мая месяца по октябрь 1986 года, чередуя месяц работы, месяц отдыха. Не думал о последствиях и не понимал опасности, так как был молодой. Хотя нас о желании никто и не спрашивал. Был приказ по депо, вплоть до увольнения, если откажешься. Зарплату платили в два раза больше, питание было отличное.

Наши машинисты водили тепловозы по маршруту Коростень – Янов. Янов – это же-

лезнодорожная станция, а город – Припять. Очень красивый молодёжный город, стоит на реке Припять, притоке могучего Днепра. Рассказывали, какой был хаос после взрыва, когда люди бежали из этой зоны, пытались забрать имущество, даже коров толкали в вагоны. Возле взорвавшегося реактора работали два радиоуправляемых тепловоза. Они подъезжали к самому реактору.

В ноябре 1986 года меня призвали на срочную службу и попал по иронии судьбы в железнодорожные войска на полигон Байконур, где та же радиация.

Не знаю, как меня Бог сохранил, но на здоровье пока не жалуюсь. Может, отца, Клименко Николая Алексеевича, надо благодарить. Он работал экспедитором Военторга и имел доступ к винам, а они были в дефиците. После работы заставлял меня выпивать стакан красного вина, хотя я отказывался.

В ноябре 1988 года вернулся из армии на своё прежнее место работы – в депо г. Коростень. В начале 1990 года уехал на строительство Байкало-Амурской магистрали. Попал в Тынду, где не было жилья. В это время из Чары из-за слухов о землетрясении и паники многие выехали. Мне и посоветовали поехать туда. Так и работал машинистом в депо более двадцати лет.

(Записано со слов Ивана Николаевича мл. научным сотрудником КИКМ Е. И. Труфановой).

Семья Кошелевых – Александр Владимирович, Наталия Степановна и сын Андрей

Проживали на момент аварии на Чернобыльской АЭС в г. Коростень Житомирской области Украины. Узнали о взрыве только 1 мая 1986 года. Присутствие на демонстрации в советские годы было обязательным. Всё население вышло на улицы с детьми. Многим становилось плохо, тошнило и кружилась голова, чувствовалась вялость. После демонстрации Кошелевым позвонила знакомая врач и предупредила, чтобы ни в коем случае не выходили на улицу, срочно мылись и переодевались в чистую одежду. Они всё выполнили, а одежду выбросили.

Александр Владимирович работал слесарем в депо, а Наталия Степановна – на заводе «Бытовая химия». Всех людей стали проверять на состояние здоровья.

Сдавали анализы, а дозиметром измеряли дозу облучения два раза в месяц. Дети продолжали учиться в школе. Все родственники были местными, и отправить сына было некуда. Ему было 3 года. Спасибо соседке, позвонившей своей дочери, чтобы она приютила.

В мае Наталия Степановна с сыном, сестрой Ольгой Степановной, инвалидом 2-й группы, и её дочерью Надеждой приехали в город Хмельницкий. Радушно их приняла совершенно чужая женщина Галина Фёдоровна Рой. Два месяца прожили в гостеприимном доме. Потом по путёвкам от завода уехали отдыхать на Чёрное море. В августе вернулись домой и жили в радиационной зоне до 1990 года.

Разговоры о взрыве населению были строго запрещены, диагнозы медики не ставили. В городе открыли диагностический центр, где Наталия Степановна дважды обследовалась. Выявлен был «букет» болезней, связанных с радиацией. Многие люди «упали на ноги», в том числе молодые. В 7 классе Андрей стал седым. Медики не смогли установить диагноз, но сказали, что последствие чернобыльской трагедии. Люди умирали, в основном, с диагнозом «рак».

Во дворе у Кошелевых была глубоководная скважина. Воду из неё возили на анализ в Киев и удивлялись, что она самая чистая. Хозяева ею и мыли весь дом, начиная с крыши.

Сосед Кошелевых - Евгений Козаченко работал машинистом на атомной электростанции. Вблизи взорвавшегося реактора стояла платформа, обшитая свинцом. В ней располагался машинист с дистанционным управлением. Он подавал вагоны под загрузку радиоактивными отходами, которые солдаты снимали с разрушенного здания, а потом дистанционно выводил вагоны на место захоронения. Но защита не помогла и через два года он умер. Дезактивация часто делалась обычной водой, а не специальным раствором, как полагалось.

В брошенных домах процветало мародёрство. Грабили квартиры, забирали всё ценное и продавали. Машины, сброшенные в ямы, разбирали и продавали по запчастям. Этим разносили радиацию, а самое страшное, что несли беду людям.

Из города Коростень многие жители разъехались по разным местам Советского Союза. Гостившие в Коростене

бамовцы рассказывали, что на БАМе «рай». Александр Владимирович и Олег Евгеньевич Голованов уехали «на разведку» в посёлок Куанда Каларского района Забайкальского края. Начальник СМП-697 УС «Бамстройпуть» Владимир Иванович Милютин выдал чернобыльцам отношение на перевод. Уволившись в г. Коростень, две семьи приехали на чарскую землю. Вначале получили одну квартиру на две семьи, потом дали вторую. В 1997 году семья Кошелевых переехала в Новую Чару. Льгот никаких нет.

(Записано со слов членов семьи Кошелевых мл. научным сотрудником КИКМ Е. И. Труфановой).

МАСЮКОВ
Сергей Александрович

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 3 по 16 июня
1986 года

Родился и вырос в Могилёвской области Белоруссии. На момент взрыва на Чернобыльской АЭС исполнился 21 год. Только вернулся со срочной службы в Советской Армии и устроился на работу в автосервис города Рогачева трактористом-машинистом. Но, несмотря на молодость, вполне понял и осознал всю серьёзность происходящего. 3 июня 1986 года меня направили в командировку в совхоз Брагинский, который находился в 30-километровой зоне (отчуждения) от места аварии.

В приказе было отражено, что направляемся мы для заготовки кормов скоту. Тракторами зарывали во рвы погибших собак, кошек, скот, убирали 30-сантиметровый слой заражённой земли. Никто не предупредил об опасности, не выдал респираторы и такие нужные дозиметры. Время было советское, всё скрывалось, даже справки и удостоверения не выдали. Из десяти направленных в зону парней (возраст от 20 до 22 лет) восемь умерли от лучевой болезни.

Отработав 13 дней на ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы, я по комсомольской путёвке уехал на БАМ. И не помышлял тогда ни о каких льготах. Но по телевидению услышал, что, выступив с концертом перед ликвидаторами, Алла Пугачёва имеет статус. Только тогда моя жена Галина Алексеевна стала делать запросы во все инстанции. А добиться правды у нас тяжело. Дошла до президента республики Беларусь и «лёд тронулся». Но волокита тянулась 5 лет, пока был получен статус ликвидатора.

На стройке XX века я работал монтажником стальных и железобетонных конструкций. Проживая с семьёй в посёлке Куанда Каларского района Забайкальского края, работал бригадиром в котельной. В трудную минуту для Родины не пожалел своего здоровья и работал в «аду». Вот только Родина не оценила наши заслуги и живу уже 18 лет в гнилом бараке. А потерял я многое и самое дорогое... От лучевой болезни умерли все родственники: мама Екатерина Васильевна, отец Александр Васильевич, сестра Тамара Александровна, братья - Михаил Александрович, Василий Александрович и Виктор Александрович. А меня пока Бог бережёт...

СКРИННИК
Николай Степанович,
прапорщик

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 29 июня
по 7 октября 1987 года

Родился 27 мая 1957 года. Проживал на Украине, в селе Жизномир Тернопольской области. В Ивано-Франковске окончил художественное училище по специальности «Художник-резчик по дереву».

29 июня 1987 года был призван на учебные сборы. Отправили в г. Белая Церковь Киевской области на пересыльный пункт. Там переодели в военную форму и доставили в воинскую часть 43187, которая базировалась в селе Термаховка Иванковского района Киевской области. Определили во взвод связи, хотя я не имел к этому отношения – на гражданке работал художником-оформителем. Отработал около трёх недель на линии связи. Перевели в штаб части писарем, где прослужил две недели. По прибытии на Чернобыльскую АЭС был в звании старшины и почти сразу присвоили звание прапорщика. Когда первый раз увидел атомную станцию, то пережил лёгкий испуг и двойственное состояние – вроде боялся радиации и вроде нет. В августе 1987 года в г. Припять

на стенах домов внутри увидел жёлтые пятна, они произвели жуткое впечатление.

Позднее служил инспектором-контролёром. В мои задачи входило: проверка наличия людей, переписка их и составление списков. Работал над составлением сборника по льготам всем категориям ликвидаторов. Наша часть была под надзором, строго следили за полученными дозами.

Питание в офицерской столовой было отличное, но и в солдатской не хуже. Зарплату получали тройную – дома сохранялся средний заработок, в части получал офицерскую зарплату и доплату за опасную зону. Обмундирования не хватало. Дело в том, что ежедневно после работы раздевались, и одежда вся сжигалась. Мы мылись в палаточной бане и одевались в новую форму. Машинки стиральные ломались часто, не выдерживали нагрузок.

Наша часть работала в 30-километровой зоне. 5 октября 1987 года передал дела в штабе сменщику и три дня работал в колхозе, который обеспечивал нашу часть продуктами. Однажды зашёл в коровник и был поражён огромным количеством голубей. В соседней части помогали строить гараж. Раньше там стояла пожарная часть, которая тушила пожар на ЧАЭС при взрыве четвёртого энергоблока.

В 1989 году приехал на строительство Байкало-Амурской магистрали. Работал в МК-151. Ударник Коммунистического труда, награждён медалью «За строительство Байкало-Амурской магистрали», медалью «Серп и молот», орденом Трудовой Славы I степени.

Получил дозу облучения – 9,843 бэр. Это сильно отразилось на здоровье. Преследуют вялость, тошнота, головокружение, депрессия... Получаю пенсию с учётом работы по ликвидации последствий аварии и частично оплачивают за коммунальные услуги. За все годы ни разу не получил бесплатно санаторно-курортное лечение.

Беда моей Родины…

Она пришла нежданно... А через несколько дней весть докатилась до далёкого БАМа. Связи с «Большой Землёй» не было, письма не шли. А сердце ныло и предсказывало беду. Рвалась к родным, но был запрет на въезд в зону. Только в августе смогла прорваться в родные места.

Нужно было что-то знать о радиации, чтобы убедить родных уехать, ведь сведений никаких не было. В Москве подняла все свои связи. По телефону мне рассказали, что в первую группу риска входят люди с заболеваниями крови и щитовидки, потом – с ослабленным организмом и по мере получения дозы. Мне категорически не рекомендовали ехать в зону. А Чернобыль находился в 80-ти километрах напрямую от моего села, к тому же облако шло именно на Гомель и Брянскую область. Село Новые Яриловичи располагается на стыке трёх областей: Гомельской, Брянской и Черниговской. Самое пекло.

Прилетела из Москвы в Гомель. Улицы были безлюдными, транспорт пустой. Добралась до Ново-Белицы и на попутной машине поехала на Чернигов. Водитель рассказывал о страшной беде. Шёл дождь и смывал пыль с асфальта, она впитывалась в землю. Нас обогнал УАЗ, проехав по обочине дороги. На границе Белоруссии и Украины проверяли радиацию прибором. У водителя УАЗа спросили, где он «нахватался такой дозы» и отправили на мойку. Шофёр предположил, что он «хватанул» обочину, а туда смывается радиационная пыль. На нашей машине доза оказалась допустимой, и нас пропустили. Я открыла дверцу машины, высунула ноги и попросила измерить радиацию на подошвах, при этом сказав, что прие-

хала с БАМа. В ответ последовал трёхэтажный мат и: «...Дура! Куда ты прёшься? Сидела бы на своём БАМе!». Только тогда до меня дошло, куда я еду и чему себя подвергаю. Но в любом случае я бы поехала, нужно было спасать родителей и брата с семьёй, проживавших в Новых Яриловичах Репкинского района Черниговской области.

В родном селе, где прошли мои детство и юность, я ничего особенного не заметила, жизнь, как и прежде, шла своим чередом. Приехала лаборатория из Киева, и жителям объявили, чтобы несли продукты на проверку. Мама моя, Ольга Корнеевна Сотникова, понесла консервированные щавель и грибы, яйца, молоко, крупы. Во всех продуктах зафиксировали радиацию. Чем больше был срок продукта, тем значимее доза радиации, она способна накапливаться. Запрещали есть все продукты. А на лугах косили «радиационное» сено и кормили им скот. Молоко заставляли сдавать государству. А чем питаться? Выдавали на месяц по пять банок тушёнки и сгущёнки. Никто и не подумал умирать с голоду, предпочитали умереть от радиации, но своей смертью. Начали поглощать самогон в неограниченных количествах – выгоняли радиацию из организма. Грудным детям давали самогон. Другого спасения люди не видели.

Я применила все свои знания, полученные в Москве, по радиации, чтобы уговорить родителей уехать на БАМ, хотя бы на время. Мой отчим, Сотников Иван Прокофьевич, прошёл 12 лет сталинских лагерей и организм был очень ослаблен, он чувствовал, что долго не протянет, и был согласен ехать. А мама: «С ума сошла? Как бросить дом, корову, огород?..». Брат Василий с женой Светланой, сыном Иваном и дочерью Ириной остались в селе. Уезжала я с тяжёлым сердцем и уже тогда чувствовала беду. А ровно через год и месяц, 27 мая 1987 года умер папа. В больницах было специальное указание врачам: диагноз «Смерть наступила от радиации» не ставить. Написали отцу отёчность лёгких. У племянницы Ирины щитовидка. Многие люди «упали на ноги», как говорят в народе, в том числе мой брат Василий, двоюродные сёстры Надежда и Анна из Гомеля. Народ спился, а многие лежат на кладбище.

В ноябре 2006 года я была в командировке в городе Славутич. Этот город можно назвать побратимом БАМа. Как и БАМ, город Славутич строили союзные республики бывшего СССР. Каждый район построен в национальном стиле: грузинском, прибалтийском... Город - красавец!.. Но памятник в центре города первым жертвам чернобыльской трагедии, тушившим пожар, напоминает каждому о том страшном дне. А в парке видишь обуглившиеся фигуры людей, животных и понимаешь, какая беда настигла мою Родину и загубила богатейшие места.

Е. И. Труфанова, член Союза журналистов России

МАМОНТОВ
Василий Александрович,
старший прапорщик

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 7 января
по 13 марта 1987 года

Родился 18 января 1958 года в пос. Кокуй Сретенского района Забайкальского края. Сретенским райвоенкоматом в 1976 году призван на военную службу, которую проходил в Прибалтийском военном округе, в г. Каунас, в воинской части 96060.

Во время катастрофы на ЧАЭС был направлен в воинскую часть 36826, село Стечанка (30-километровая зона АЭС), в звании старшего прапорщика, на должность старшины роты. Во время ликвидации аварии проводили очистку территории, дезактивацию участков, строили дамбы. Командиром роты был капитан Венин.

Доза полученного облучения – 16,678 рентген.

За участие в ликвидации аварии на ЧАЭС Указом Президента РФ награждён орденом «За заслуги перед Отечеством» 2-й степени, № 90745, удостоверение № 558418.

ТОКТОХОЕВ
Батомунко Дашинимаевич,
капитан милиции

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 27 апреля
по 23 июля 1988 года

Родился 8 июня 1967 года, уроженец с. Гунэй Агинского района Забайкальского края. Проходил службу в 1988 году в воинской части 41173, дислоцировавшейся в с. Черемошня Иванковского района Киевской области, в должности старшего техника роты, прапорщик. Командиром роты был Александр Манакин. Меня сменил прапорщик Игорь Тутубалин.

Доза облучения – 2,175 бэр.

Проживаю в посёлке Могойтуй. Женат, воспитываю сына и дочь.

ЛЯСНИКОВ
Олег Викторович, рядовой

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986–1987 годах

В Чернобыль был направлен из воинской части 44214, г. Новгород Волынский, Украина, рядовой, автокрановщик.

Утром 27 апреля всех подняли по тревоге, посадили в «Камазы», в которых доехали до Припяти. Через речку перебрались на пароме, а дальше нас повезли на автобусах.

Разместили по три человека в жилых домах, переоборудованных в общежития. Выдали нам машины «МАЗ-537». Возили бетон, плиты в 30-километровую зону. Каждый день получали новую спецодежду и ботинки специальные.

У каждого имелся дозиметр. Получил облучение 16,5 рентген.

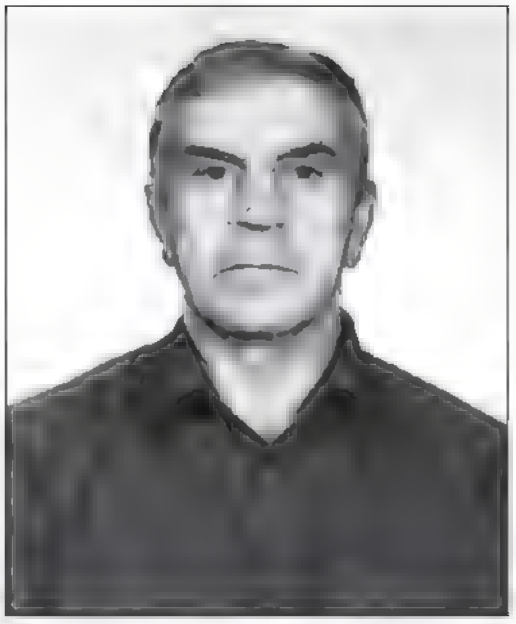
Пережил смерть своего товарища по батальону.

ПЛЮСНИН
Иван Петрович

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

Родился 15 августа 1966 года. Как участник ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году, поставлен на учёт в 2002 году.

По сертификату МЧС России на 450 тысяч рублей приобретён жилой дом с участком в посёлке Агинское, улица 2-я Ранжурова, 28 (ранее проживал по ул. Садовая, 51, Заречная, 15). Женат, трое детей. Работал в пожарной части № 1 посёлка Агинское.



МИРОНОВ
Борис Андреевич, рядовой

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1988–1989 годах

Родился 7 марта 1946 года в с. Жины Н-Ингашского района Красноярского края, в семье рабочего. В 1965 году был призван в армию. Служил в воинской части 2092, в Даурии Забайкальского края. Принимал участие в вооружённом конфликте на острове Даманский. Обладал самоотверженностью и бескорыстием, для него не существовало невыполнимых задач. Имеет знаки «Отличный пограничник» и «Отличник Советской Армии». После службы работал в родном селе, пока судьба не забросила его на Украину. Жил со своей семьёй в г. Комсомольске Полтавской области.

В 1988–1989 годах работал на земснаряде в зоне Чернобыльской АЭС, чистил русло реки Припять и возил песок для укрепления дамбы. Какую дозу облучения получил – не задокументировано.

До 2006 года был гражданином Украины, и только 30 января 2006 года получил паспорт гражданина России. Была долгая история получения гражданства. Награждён медалью от Союза «Чернобыль России». Никаких документов или фотографий о Чернобыле нет.

Б. А. Миронов умер от болезни, которую получил в «награду» от Чернобыльской АЭС, 8 декабря 2009 года.

ВОЛЕВАЧ
Пётр Иванович

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в октябре 1986 года

Родился на Украине. Жил в Черниговской области, Козелецкий район, посёлок Бобруйки. После армии работал в колхозе трактористом.

20 октября 1986 года в три часа ночи подняли военные люди, которые спросили: «Вы Волевач?». Я ответил: «Да, я». – «Одевайтесь, с собой берите документы, кружку, ложку, сменное бельё и поехали с нами».

Мы прибыли в районный военкомат. Там загрузили нас, таких как я, в автобусы. Привезли в Белую Церковь, переодели, потом уже сообщили, что катастрофа на ЧАЭС. Направили в Припять, потом машинами – до места назначения. Расселили человек по 40–50 в трёх палатках при воинской части 61538. Но там люди уже были. Одних увозили, других привозили. На второй день прибыл на вертолёте генерал-полковник, дал команду нашему начальству. Нам сказали, что надо разбирать трубы, которые запитывали воду к четвёртому реактору, тому, который взорвался. И чем быстрее их

разберём, тем лучше для всех. И мы выполняли свою работу. Разбирали эти трубы, грузили на трубовозы. Потом их промывали каким-то раствором и дальше грузили в вагоны.

Каждый день проверяли всех – кто какую дозу облучения получил. Мне записали 6 рентген, но думаю, что это обман. Позднее зубы все повыпадали.

Работали с утра до вечера ровно 35 дней. Сделали то, что было поручено. Командующий приехал, поблагодарил всех за выполненную работу и отпустил по домам. Перед отъездом нас проверила какая-то украинская служба. У меня забрали фотоаппарат, а жаль – получились бы интересные фотографии.

БАКШЕЕВА
Лидия Игнатьевна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 13 сентября
по 13 октября 1986 года

Когда случилась авария на ЧАЭС, мы и представления не имели, что это такое. В мае 1986 года главный врач санитарно-эпидемиологической станции собрал наш коллектив в конференц-зале и объявил, что пришёл приказ от министра здравоохранения о том, что нам предстоит командировка в зону аварии.

Мы, воспитанные в духе огромной любви к Родине и Отечеству, и не думали отказываться, тем более, что все были военнообязанные. Начальник спросил, кто в какой месяц желает ехать. Мне выпало на сентябрь, и надо же было так случиться, что до сентября никого не вызывали. Мне и молодому врачу Дедову Вадиму Дмитриевичу пришёл вызов с 13 сентября. Мы быстро собрались и 12 сентября вылетели в Киев. В аэропорту Борисполь нас никто не встречал, но мы благополучно добрались до города. Немного отдохнув, направились в медсанчасть № 149. Там нас посадили в санитарную машину и повезли в Тетеревский район, в зону пионерских лагерей.

Ехали мимо пустых деревень, яблочных садов, бахчевых полей и пшеничных. Всё это стояло неубранным, и аромат перезрелых фруктов доносился в окна машины, яблоки устилали землю красно-розовым ковром. Проехав это чудо, мы въехали в «рыжий» лес. Здесь уже появилось чувство тревоги, смешанное со страхом и предчувствием пришедшей беды. Где-то часов в 10 утра мы прибыли на территорию больничного городка. В штабе медсанчасти № 126 начальник Печарица объяснил вкратце обстановку, сказал, что мы находимся на военном положении, приказ начальства выполнять беспрекословно, работать будем без выходных. После этого с врачом Дедовым мы расстались, его направили в другое место. А я осталась в лагере с чудесным названием «Лесная сказка». Местность здесь была действительно сказочной, но страшной и печальной. По рыжим соснам прыгали совершенно лысые белки, а потом я встретила полуоблезлых одичавших собак. Это жуткое зрелище. В этот же день я приступила к своим лаборантским обязанностям. Заведующей лабораторией была Ирина Алексеевна Никанорова из Москвы, строгая, добрая женщина. Помню лаборанта из Дубны Ольгу Георгиевну Жигалину, медбрата Женю – молодого солдата, санитарку Галю из Припяти. Нас было человек десять. Всеми необходимыми средствами для работы лаборатория обеспечивалась. Только не выдали дозиметры и ни разу нас не проверили.

Наша работа заключалась в исследовании воды, пищевых продуктов, хирургического материала, анализов крови, мочи, кишечной группы и воздушно-капельной инфекции. Нам доставляли пробы из столовых, воду из водоёмов, иногда мы сами ездили на заборы проб.

Самочувствие было ужасным. Артериальное давление было низким, голова кружилась и болела и часто происходили носовые кровотечения. Но нам лечиться было некогда. Выпивали крепкий чай, добавляя шесть капель спирта - давление немного повышалось.

Рядом с нашим общежитием стояли лечебные корпуса терапевтического и хирургического отделений. Там на временном лечении находились облучённые больные и с травмами, и с ожогами, в основном, молодые мужчины от 18-ти

до 50-ти лет. Они кашляли кровью, лица были серо-зеленого цвета. Я остро ощущала боль и сострадание к этим людям, и от того, что ничем не могла им помочь, потихоньку плакала.

В столовой кормили всех без исключения бесплатно. Пища была самая наилучшая, но есть не хотелось, потому что постоянно мутило и тошнило.

В этой командировке я повстречалась с интересными людьми — учёными, академиками, научными сотрудниками, профессорами медицины, атомщиками, экологами, но записать их фамилии не было времени.

13 октября мы с Дедовым вернулись домой, в родное Забайкалье.

После этой командировки стали проявляться разные болячки и последовали операционные вмешательства. Зоб щитовидной железы – удалена правая доля, в онкологическом удалили главные женские органы, но инвалидность не дают.

Внимания со стороны больничного начальства и органов социальной защиты населения никакого нет. Очень хотелось бы, чтобы у нас, чернобыльцев, был свой комитет, чтобы мы как-то объединились, встречались иногда, решали какие-то вопросы, ходатайствовали друг за друга – это мои пожелания.

Я очень благодарна Валентину Алексеевичу Тугай за розыск нас и за издание книги «Командировка в ад». Благодарю Владимира Михайловича Пестова за помощь в выпуске этой книги. Желаю, чтобы переизданная книга поскорее дошла до нас.

ШАПИЕВ
Магомедрасул Шихмагомедович,
подполковник

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 17 сентября по 23 октября 1986 года

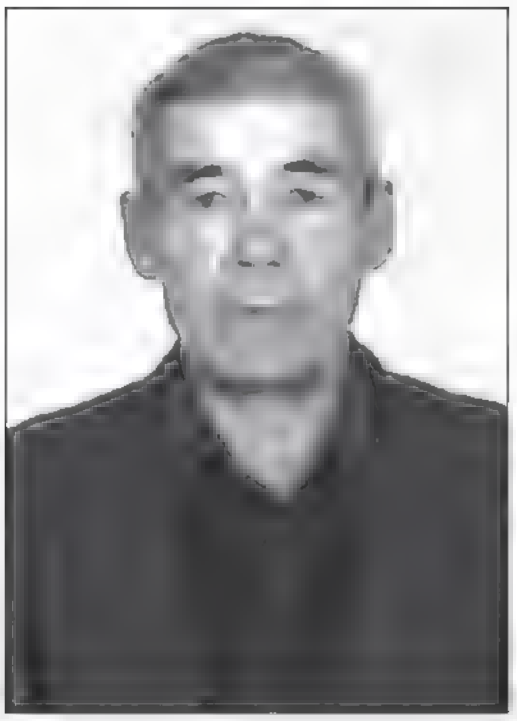
В 1986 году проходил военную службу в г. Кривой Рог Днепропетровской области Украины в воинской части 05779, в звании капитан медицинской службы и в должности начальника медицинского пункта кадрированной дивизии.

16 сентября 1986 года я получил командировочное предписание в отделении кадров части и убыл в Киев. На вертолёте нас, шесть человек, доставили в г. Чернобыль, в воинскую часть 06407, где располагалась оперативная группа ГО СССР. По прибытии меня определили в медицинский пункт. В мои обязанности входили санитарно-гигиенический контроль за объектами питания (столовые, магазины в г. Чернобыль), медицинское обеспечение и лечение персонала штаба оперативной группы. Работа начиналась с 4.00 часов утра и заканчивалась в 24.00–0.30, а оставшееся время приходилось на отдых. Я подготавливал аппаратуру для приёма больных офицеров оперативной группы МО. Затем в 5.30 утра шёл

для снятия пробы в столовые (проверял ежедневно три раза качество приготовленной пищи, санитарное состояние объектов питания), для офицеров оперативной группы раздавал медикаменты, поливитаминные препараты. Периодически приходилось выезжать за 30-километровую зону для получения медикаментов, а также для транспортировки заболевших офицеров в лечебные учреждения.

Полученная доза облучения составила 10,2 рентгена.

С 1987 по 2006 год проходил военную службу в Забайкальском, затем Сибирском военных округах. Закончил военную службу в 2006 году в звании подполковника медицинской службы, в должности начальника гастроэнтерологического отделения 321 ОВКГ. Позднее работал в 134-й консультативно-диагностической поликлинике в г. Чите заместителем заведующего по медицинской части.



ПЕШКОВ
Николай Евгеньевич, майор

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 24 апреля по 3 мая
1986 года

В те трагические дни находился в г. Киеве на высших курсах по переподготовке кадров. Нас подняли по тревоге и направили в г. Чернобыль. В то время я был капитаном. Мы эвакуировали население в безопасную зону. Старались, чтобы не было паники, жители сохраняли спокойствие, а о себе не думали.

Награждён медалью участника ликвидации последствий аварии на ЧАЭС и был представлен к званию майора.

Служил в органах МВД в Оловяннинском районе Забайкальского края. Инвалид II группы.

РАЗМАХНИН
Александр Георгиевич,
сержант

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в мае – августе 1986 года

Родился в 1967 году. 20 октября 1985 года был призван в ряды Советской Армии. Полгода проходил службу в городе Острогожске Воронежской области. После «учебки» по распределению попал на Украину, в Днепропетровскую область, посёлок Новочеркасск, воинскую часть 33816. Служил в звании ефрейтора, командир первого отделения, старший механик-водитель на МАЗ-537.

В мае 1986 года – первый выезд на Чернобыльскую АЭС. Примерно в 9-ти километрах от станции завозили технику – из Никополя аппаратуру, из Светловодска трубоукладчики, тягачи, трелёвщики – в Чернобыль.

По дороге встречались сёла, но жители были эвакуированы, окна в домах закрыты ставнями, земля красная; также не встречалось живности, не видели птиц. В августе 1986 года попал в аварию (произошло столкновение с автомобилем КамАЗ). С августа по октябрь находился в Киевском Центральном госпитале, по улице Госпитальная (перенёс операцию на левой руке – разрыв сухожилий и вен).

Ликвидатором зарегистрирован в 1994 году через запрос из военкомата Акшинского района.

ЛОСЕВ
Юрий Валентинович

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 30 июля
по 17 декабря 1986 года

Работал слесарем по ремонту реакторов от «Атомэнергоремонт». Выполнял разные работы во время пуска третьего блока ЧАЭС.

ИБРАГИМОВ
Хэсаин Романович

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с мая по август 1988 года

В1988 году был отправлен в г. Чернобыль в командировку вместе со своей техникой от автотранспортного предприятия УАТ г. Краснокаменска Забайкальского края.

По прибытии в Чернобыль на предприятии УМИаТ получил свой автобус ЛАЗ-675 и маршрут ЧАЭС – г. Чернобыль. Водителем определили «партизана» – так называли военнообязанных, призванных на переподготовку. Возили рабочих СДМ по несколько раз в смену на станцию, на объект «Укрытие». Работали со сменщиком по 12 часов, месяц – в день, месяц – в ночь, без всяких выходных.

Хорошая асфальтированная дорога постоянно поливалась множеством водовозных машин. Съезд на обочину был запрещён, потому что она была покрыта клеем ПВА, чтобы не поднималась пыль. Автобус приходилось мыть после каждой поездки на станцию как снаружи, так и внутри.

Дозиметрический контроль проводился строго – по дороге

на станцию и обратно. Автобус считался «грязным» и не имел право выезда за 30-километровую зону. Техника работала на износ и ремонту не подлежала; ремонт ходовой части был вообще запрещён.

При каждой поездке на станцию было больно видеть загубленную этой аварией природу, красивый, компактный город Припять, деревушки пустые, город Чернобыль с хорошими, но опустевшими частными домами.

В конце августа 1988 года я заболел. Командировку закрыли, и меня отправили домой лечиться. Получил дозу облучения – 12,3 рентген.

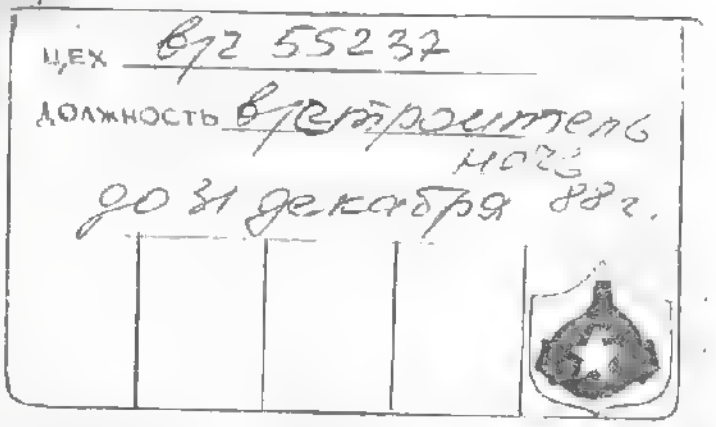
ТОРОСЯН
Сетрак Гургенович

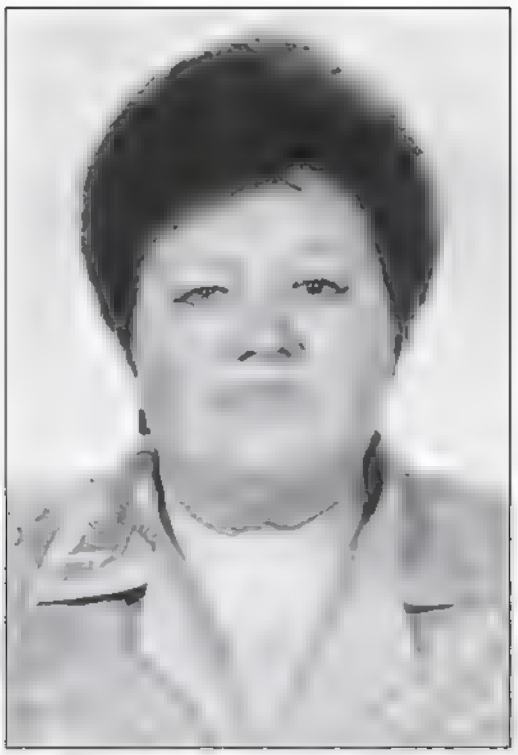
Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с июня по 1 декабря
1988 года

Родился в 1950 году. Во время катастрофы находился непосредственно в Чернобыле, в г. Припять. Выполнял работы в качестве бурильщика, устранял последствия аварии на четвёртом энергоблоке.

Находясь на пенсии, работаю мастером по строительству.

№ 1396 КПП
Я
Ф Торосян
И Сетрак
О Гургенович
/подпись/

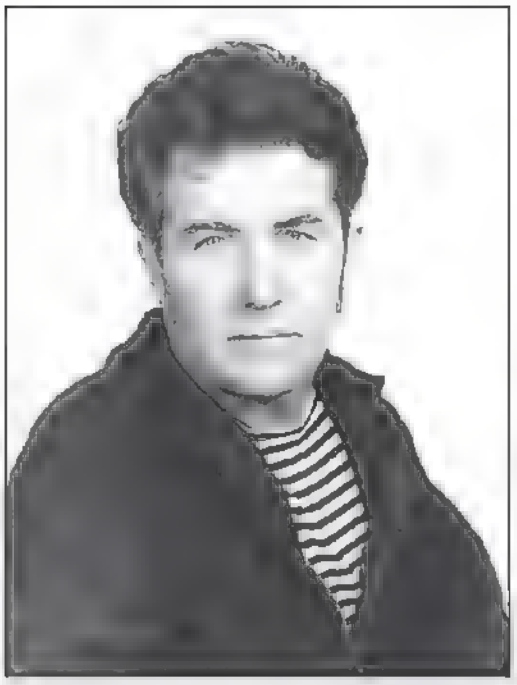

ЦЕХ в/ч 55237
ДОЛЖНОСТЬ в/ч строитель ночь
до 31 декабря 88 г.



ПЕРФИЛОВА
Екатерина Васильевна

Принимала участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 20 мая по 20 октября 1987 года

Находилась в командировке в Чернобыле. Работала нормировщицей в воинской части. Жили в Иванково, а на работу возили на автобусах; выезжали в 6 утра, возвращались в 6 вечера. Приходилось находиться и в Припяти.



ЕРМОЛИН
Николай Иванович

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1988 году

Родился 12 мая 1948 года. С 1968 года работал в Приаргунском управлении строительства водителем.

В командировку на Чернобыльскую АЭС был направлен с 1 мая 1988 года на два месяца, но в связи с производственной необходимостью пребывание там продлили ещё на два месяца.

Работать приходилось на АЭС, на объекте «Укрытие» на автомобиле «Краз». Засыпали щебнем, песком машинный зал четвёртого энергоблока, строили площадку под кран «Демаг», вывозили радиационные отходы, мусор на могильники. Имея прицеп, тяжеловоз завозил на станцию тяжёлое оборудование (трансформаторы, металлоконструкции для закрытия машинного зала).

В настоящее время пенсионер.

ОГНЕВ
Виктор Дмитриевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

Проживал в Ясногорске Забайкальского края. В сентябре 1986 года предложили поехать в опасную командировку, долго не размышлял. За плечами был и жизненный опыт, и опыт работы на бульдозере. В Чернобыль приехали, и через Припять туда, где реакторы стоят. Полоса чёрная, лес весь чёрный стоит. Конечно, картина ужасная такая. Первое гнетущее впечатление: пустота, едешь – деревни пустые, одна живность бегает. Всё, там больше ничего нет.

В общежитие поселили, наутро уже на работу направили. Рабочее задание – углубить дно реки Припять, дело знакомое. Об опасности в эпицентре аварии как-то не задумывались. Что там будет, какая радиация? Работали да работали, такая же работа, как здесь. Опасная командировка длилась 24 дня.

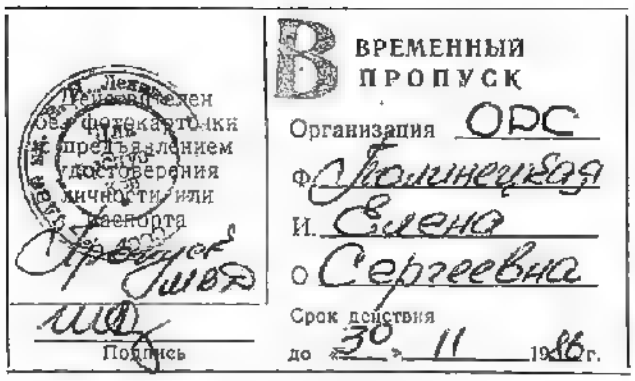
ПОЛИНЕЦКАЯ (ИВАКИНА)
Елена Сергеевна

Принимала участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

Мне был 21 год, когда случилась авария на Чернобыльской АЭС. Я жила в Одессе, работала в студенческой столовой поваром, оттуда и была откомандирована 20 октября 1986 года в Чернобыль. Работа заключалась в том, что пищу готовили на базе в детском садике (название не помню), затем в термосах увозили на станцию, где в административно-бытовом комплексе находилась столовая. Вот мы и кормили дежурную смену станции. Питание было отличное. Всегда свежее первосортное мясо, большой ассортимент овощей и фруктов.

Больше всего мне запомнилась самоотверженность людей, которые не считались ни со временем, ни с усталостью, ведь работали с 6 утра и до 12 ночи. Вот сейчас говорят, что у чернобыльцев много льгот, а ведь мы не за льготами тогда поехали, их нам никто не обещал. В данный момент у нас требуют справки о дозе облучения. А кто нам их давал?! Накопители выдавали, а в конце командировки

забрали и даже не объяснили, зачем мы их носили целый месяц. Всё же я совсем не жалею про этот период в своей жизни, и большое спасибо всем тем, кто решил отразить историю Чернобыля в книге. Нынешнее поколение даже и не знает про Чернобыль, а ведь это история, которую надо знать.



ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ПОЧЕТНАЯ ГРАМОТА

НАГРАЖДАЕТСЯ

ПОЛОНЕЦКАЯ ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА

За добросовестный труд, в выполнении работ по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и в связи с 69-й годовщиной Великой Октябрьской Социалистической революции.

Директор Э.Н.Поздышев

Секретарь парткома Е.А.Бородавко

Председатель профкома З.А.Березин

Секретарь комитета ВЛКСМ А.П.Бочаров

ноябрь 1986г.

За нашу Советскую Родину!

Товарищу ПОЛИНЕЦКОЙ
ЕЛЕНЕ СЕРГЕЕВНЕ

Выполняя задание Советского правительства в необычно сложной обстановке, Вы уверенно прошли испытание на мужество и стойкость, проявили высокие морально-политические и психологические качества. Глубокое понимание личной ответственности за порученное дело помогло Вам внести достойный вклад в дело ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции.

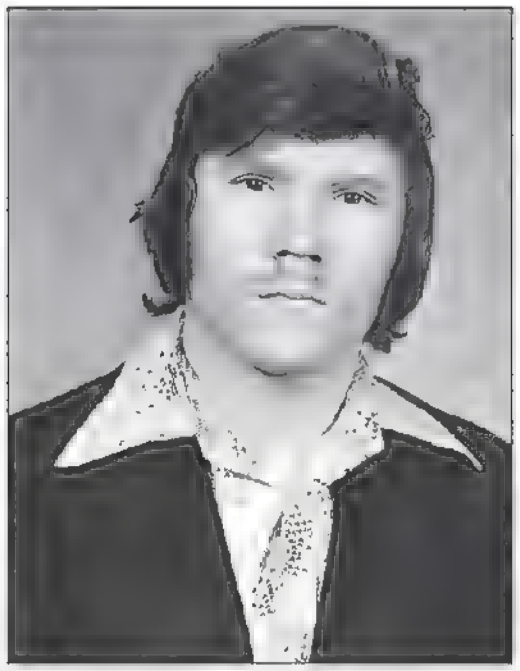
Выражаем Вам сердечную благодарность за образцовое выполнение гражданского долга перед Родиной.

генерал - майор Сидоров

Командир войсковой части

Заместитель командира
по политической части п-к Кравченко

«10» ноября 1986 г.



МАШУКОВ
Александр Кириллович

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в октябре – декабре
1986 года

Родился в 1957 году в с. Дочье Шелопугинского района Забайкальского края. В 1973 году окончил школу и поступил в СПТУ-6. В 1975–1977 годах служил в МНР. С 1982 года работал в УЧ-105, затем с 1984 года в СУ-342 бульдозеристом.

В октябре 1986 года был командирован на ЧАЭС. Выполнял разные работы в 30-километровой зоне. Инвалид II группы.

ТОВПЕГИН
Анатолий Георгиевич,
капитан

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году

Родился в 1949 году на станции Ксеньевская Могочинского района Забайкальского края.

С 1969 по 1971 год служил в Советской Армии (г. Семипалатинск-4, в/ч 62872). В 1986 году с 10 апреля по 4 июня был направлен на учебные сборы в КВИРТУ, г. Киев.

26 апреля добирались на учёбу на городском транспорте. Из разговоров узнали, что что-то случилось на Чернобыльской АЭС. В училище все офицеры ходили с индивидуальными дозиметрами. Мы попросили у нашего преподавателя замерить радиационный фон. Он оказался ниже нуля. На вопрос: «А он у вас заряжен?», услышали: «А что, он должен заряжаться?». И что нас поразило, что специализированная пожарная команда АЭС на пожар прибыла без индивидуальных средств защиты.

Через несколько дней нас перевезли на учебный полигон в селе Лютеж. Ежедневно по два-три человека отправляли помогать эвакуировать жителей из зоны пора-

жения. Этих людей расквартировывали и в наших казармах. В первые дни женщины ездили на автобусах домой за вещами. Позднее установили посты, и нас стали направлять на эти посты. В Чернобыль пропускали только по специальным пропускам.

Однажды мы оказались свидетелями разговора в соседней казарме офицеров вертолётчиков о том, чтобы достать свинцовые пластины на сидения для вертолётов, они у кого-то увидели. Тогда же мы узнали, что они сбрасывают свинец в реактор, пролетая над самим разломом.

К нам в часть приезжали проверять радиоактивность два раза в день – утром милиция, к вечеру военные. Когда смотрели показания – у одних ноль, у других зашкаливали, но нам официально заявляли, что «радиация в норме». В последних числах мая нас на охрану уже не привлекали.

ЯКУШЕВ
Анатолий Владимирович,
капитан

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 17 мая
по 30 сентября 1987 года

Ликвидировал последствия аварии в составе УС-605. Выполнял разные работы в качестве слесаря, а также подменного крановщика «ДЭМаг».

ГОГОЛЕВ
Владимир Фёдорович,
старший сержант

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

13 апреля 1986 года, как военнообязанный, я был призван на 55-дневные военные сборы офицеров запаса в КВИРТУ (Киевское высшее инженерное радиотехническое училище), г. Киев.

26 апреля 1986 года взорвался реактор на Чернобыльской АЭС. 27 апреля 1986 года в 10.00 утра нас вывезли на полигон в деревне Лютеж. Затем разделили по нарядам и выставили в оцепление в 10–20 километрах от г. Чернобыль. Приказ был такой: из Чернобыля выпускать людей, а в Чернобыль пропускать только по пропускам. 28 апреля была объявлена полная эвакуация, автобусы колонной вывозили население Чернобыля, Припяти и других близлежащих населённых пунктов. Люди бросали свои дома и всё, что в них находилось – с собой им разрешалось взять только удостоверение личности и еду на пару дней. Простояли мы трое суток, пока шла эвакуация населения. Во время эвакуации среди нас, офицеров

запаса, наблюдалась напряжённость из-за неясности обстановки.

Мы стали требовать у командования дозиметры для замера радиации. Нам сказали, что каждое утро, в обед и вечером дежурный будет объявлять уровень радиации, но никто ничего не говорил, никаких средств индивидуальной защиты не выдавали.

Через неделю нас снова завезли на сутки в тот же район, так же стояли в оцеплении, а потом вывезли в Лютеж, где я находился до 5 июня 1986 года.

Сейчас имею 2 группу инвалидности по общему заболеванию. Чтобы получать пенсию как ликвидатору, надо нашим чиновникам бумагу с дозой облучения, но нам такую на руки не выдавали, сказали, что все документы вышлют в комиссариат по месту жительства. В итоге нет таких бумаг, отсюда небольшая пенсия, из которой большая часть уходит на обезболивающие лекарства. Только через суд, заплатив «кругленькую» сумму адвокату, получил удостоверение ликвидатора. Судья меня спросил, почему раньше не обращался. Да потому, когда мы там, в Чернобыле, были, то давали подписку о неразглашении государственной военной тайны. Вот и молчали столько лет. Долг перед Родиной выполнили достойно и честно, но нет только теперь здоровья и сил, чтобы бороться с бюрократией за свои права, чтобы получать достойную пенсию, лечение и реабилитацию в санаториях и лечебницах нашей России.

13 апреля 1986 года военным комиссариатом Шилкинского района Читинской области я был призван на 55-дневные сборы офицеров запаса, которые проходили при Киевском высшем инженерном радиотехническом училище в г. Киеве. На сборах проходил подготовку по специальности начальник изделия 1 РЛ-113, ВУС – 044003.

26 апреля 1986 года произошёл взрыв на Чернобыльской АЭС. 27 апреля 1986 года в 10:00 утра участников сборов вывезли на военный полигон, который находился где-то примерно в пятистах метрах от села Лютеж. Затем распределили по нарядам и выставили в оцепление в 10–20 километрах от г. Чернобыль. Приказ был такой: из г. Чернобыль выпускать людей, а в Чернобыль пропускать только по пропускам. Мы простояли трое суток, пока шла эвакуация населения. Среди офицеров запаса началось беспокойство, даже паника, можно сказать, потребовали у командования дозиметры для за-

ЮРКИН
Илья Иванович, лейтенант

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС в 1986 году

мера радиации, но оказалось, что нам они запрещены, только дежурный каждое утро, в обед и вечером будет объявлять уровень радиации.

Через неделю нас снова завезли на сутки в тот же район, так же стояли в оцеплении. Затем всех офицеров вывезли в село Лютеж, в котором участники сборов оставались до 5 июня 1986 года. На полигоне жили в бараках для летнего проживания, одеты были в летнюю форму, носили рубашки с короткими рукавами. Никакой химзащиты не было. Вывозили нас в кузове открытой грузовой машины. Питание было нормальное, кормили, как курсантов. На территории военного полигона проводилось обучение. Ходили в наряды по столовой, мыли полы, чтобы радиационная пыль не поднималась, и т. д.

Никаких справок и карточек учёта доз радиоактивного облучения мы не получали. Командование объявило, что все документы направят в военкоматы по месту жительства. Взяли с нас расписку сроком на 5 лет о неразглашении военной тайны. Неоднократно обращался в Шилкинский военкомат, где получал ответ, что на меня ничего нет.

Попав в Чернобыль в первые дни страшной аварии, увидев плохую организацию режима радиационной безопасности, испытывал страх за себя и за своих товарищей. Кругом была неразбериха. Когда ветер гнал жёлтые облака, то сразу начинала страшно болеть голова, появлялась тошнота, часто шла носом кровь.

Домой с учебных сборов вернулся с больной рукой. Кисть была покрыта пузырями, я испытывал боль до локтя. Сразу же обратился в районную поликлинику в г. Шилка, где дали направление в г. Читу в ККВД. Был поставлен диагноз «бычий лишай». Здоровье, конечно, было неважное.

Мы оказались первыми, было тяжело и опасно, смертельно опасно, но все выполняли свой гражданский и воинский долг.

Когда на Чернобыльской АЭС произошёл взрыв ядерного реактора, был призван военкоматом для ликвидации последствий аварии.

В Чернобыле наблюдал страшную картину – местные жители в спешке покидали свои дома, бросая всё на произвол судьбы. В хозяйских дворах кричали голодные животные, которые облысели от радиации. Их было очень жалко, и ликвидаторы заходили во дворы, подкармливали домашнюю птицу, кошек и собак.

Принимал участие в дезактивации населённых пунктов, ограждении местности, где наблюдалось радиоактивное заражение.

ГАЛАГАН
Алексей Григорьевич,
старший сержант

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 16 июля
по 11 сентября 1986 года

БУБЕНКО
Борис Николаевич, майор

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1987 году

С 1958 по 1989 год проходил воинскую службу в Прикарпатском военном округе, в воинской части 40286, г. Владимир-Волынский, в должности командира сапёрной роты.

О катастрофе на ЧАЭС узнал из СМИ только 2 мая 1986 года. В десятых числах мая у нас в части стало известно о начале формирования трёх больших воинских соединений от Прикарпатского военного округа: тяжёлый механизированный полк химической защиты; ремонтно-восстановительный батальон; медико-санитарный батальон. Вскоре со всех округов начали комплектовать и собирать различное имущество и снаряжение.

Из нашей части в район катастрофы стали отправлять дорожную инженерную технику, различное снаряжение. Офицеры ездили сдавать всё это в полк формирования.

Я в июле 1986 года тоже ездил сдавать имущество, через два-три дня возвращался в часть постоянной дислокации.

Офицеры нашей части и дивизии начали уезжать в части формирования на различные должно-

сти в сентябре 1987 года. Я был откомандирован в посёлок Новая Радча, в тяжёлый механизированный полк химической защиты на должность начальника инженерной службы полка, воинская часть 55064.

В Чернобыле пришлось выполнять различного рода задачи. Почти каждый день я увозил 200–300 человек на объекты, расположенные на реакторе. Основное - это инженерное обеспечение имуществом, руководство инженерными и другими работами на реакторе, в Припяти, на объекте «рыжий лес», на ограждении могильников, захоронении радиоактивных отходов. Приходилось руководить работами на ОРУ-750 (под высоковольтными линиями), часть личного состава срезали и закапывали всё, что росло на объекте «рыжий лес». Расчищали завалы около реактора, проводили работы по снижению уровня радиации на водонасосных станциях, на крыше здания возле реактора, огораживали реактор забором. Увозили и «хоронили» отходы, заряжённые радиацией, сброшенные с крыш водонасосных станций.

Пришлось однажды летать над территорией катастрофы на вертолёте. Сверху картина - как на муравейник смотришь, огромное количество людей, техники, все куда-то двигаются, что-то делают, едут.

Часть нашего подразделения работала совместно со строительным управлением УС-605, направляли им и людей, и технику. За участие в работе с этой организацией я был награждён двумя памятными значками.

Поражает, и ранее поражал, моральный дух солдат и офицеров, призванных на ликвидацию катастрофы. За весь период времени пребывания на ЧАЭС я ни разу ни от кого не слышал нытья о том, что ему тяжело, страшно или кто-либо отказывался от выполнения поставленных задач. Какой-то невиданный энтузиазм был в людях, народ шутил, порой сочиняли песни или частушки про наш быт, жизнь, работу, правда, были стихи и с упрёком в адрес виновных в аварии.

Солдаты-партизаны проживали в палатках, офицеры – в сборных щитовых казармах. Бесперебойно работали бани. Люди могли круглосуточно после работы париться и мыться, что снижало уровни радиации, попавшей на тело.

Стояла наша часть в 76-ти километрах от места катастрофы, но каждое утро, ровно в 6.00 трогалась колонна машин с людьми на реактор, в 8.00 начинался развод около четвёртого энергоблока. Прибывшим быстро ставили задачи, и они начинали работать. Со мной всегда на станцию приезжали прапорщики части с дозиметрами, которые раздавали личному составу, в основном, работавшим на очистке крыш водонасосных станций. Вечером все сдавали свои дозиметры для проверки на уровни радиации. Но в тот период точных данных замеров нам практически не сообщали. Всем писалась очень заниженная доза. В первый период максимально допустимая доза многократного облучения была 25 рентген, затем снижена до 15 рентген. В 1987 году составляла уже 10 рентген. Таким образом, практически никто точно не знал дозу облучения. Надо было за «уровни» платить, но главная задача руководства всех степеней – это чтобы человек ушёл со станции на своих ногах.

Рядом с нашей частью стояли две такие же части – одна с Прибалтийского округа, другая с Северокавказского. Задачи у всех были примерно одинаковые - ликвидация последствий.

Большую работу мне приходилось проводить по захоронению всякого вида радиоактивных отходов с крыши, с окружающей местности. Часто бывал на могильнике Бураковка, где всё привозимое в машинах засыпалось в траншеи, разбитые по различным квадратам, которые копались экскаваторами, затем всё засыпалось и утрамбовывалось тракторами.

В период моего нахождения на ЧАЭС в 1987 году командиром нашей части был подполковник Эдуард Владимирович Гохгалтер. С нашей части в этот период времени на ЧАЭС был также командир понтонной роты Анатолий Дмитриевич Разгоняев. Работал он на должности заместителя по технике одного из дорожных батальонов. Одна из главных задач его была — обеспечение боеготовности батальона, ремонт техники, эвакуация заражённой техники, так как по сравнению с людским фактором фактор техники имеет первостепенное значение.

И мне приходилось прилагать большие усилия для поддержания боеготовности техники части, обеспечивать замену узлов и агрегатов машин, АКБ, различного инженерного

имущества, вышедшего из строя под действием радиации. Заражённое необходимо было захоронить в могильники, обозначать их, организовывать взаимодействие с органами местного управления.

Много раз оказывали помощь местному населению, которое упорно возвращалось к местам прежнего жительства. Очень часто по дороге с места дислокации в Новой Радче до Чернобыля приходилось видеть старых людей, которые ходили за пределы зоны в посёлки за продуктами. Случалось, если позволяло время, подвозить их в попутном направлении. Один раз подвёз одного пожилого человека, а он мне показал свой сад. Был сентябрь месяц, на деревьях много яблок и груш, большие, наверное вкусные, но при проверке прибором стрелка показывала большие уровни заражения.

Работая на могильниках в мелких населённых пунктах, часто встречали такие места – едешь дорогой, смотришь, вроде небольшой уровень радиации. И тут же, рядом, участок дороги огорожен с обозначением больших доз радиоактивного загрязнения.

Волынская область, где я проживал с семьёй, тоже подверглась радиоактивному загрязнению, местному населению выплачивалась компенсация в размере 15 рублей. Народ их так и называл – «гробовые».

Вернувшись в ноябре месяце после участия в ликвидации последствий аварии, я вынужден был лечь в госпиталь в г. Ровно, так как кровь у меня перестала сворачиваться при порезах, начался рост белых кровяных телец, стали выпадать зубы. После прохождения курса реабилитации здоровье вроде пошло чуть на поправку.

При первой возможности перевода по службе я уехал с семьёй в г. Архангельск. Из участников ликвидации аварии поддерживаю связь с майором запаса Разгонеевым Анатолием Дмитриевичем, который проживает в г. Тюмень.

СИНЯКИН
Николай Александрович,
младший лейтенант

Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС в 1986 году

11 апреля 1986 года Синякин Николай Александрович, 20 июля 1960 года рождения, Железнодорожным райвоенкоматом г. Читы на основании директивы Читинского облвоенкомата от 21.03.1986 г. № 3/0195 был призван на 55-дневные военные сборы офицеров запаса в Киевское высшее инженерное радиотехническое училище. В связи с аварией на Чернобыльской АЭС, произошедшей 26 апреля 1986 года, призванных на сборы вывезли на полигон в окрестностях села Лютеж Киевской области, распределили группами по нарядам и выставили в оцеплении в десяти-двадцати километрах от Чернобыльской АЭС. На постах участники сборов, в том числе Синякин Н. А., находились трое суток и были освобождены от выполнения приказа по осуществлению контроля за зоной Чернобыльской АЭС только по завершении эвакуации из г. Чернобыль. Кроме этого, Синякин Н. А. с 28 по 30 апреля 1986 года в качестве водителя во-

зил на автомобиле «КАМаз» бетон в г. Припять, а обратным рейсом на грузовике «ЗИЛ-131» вывозил людей из Припяти в аэропорт г. Киева. В общей сложности в лагере офицеров запаса на учебных сборах в селе Лютеж он находился до 5 июня 1986 года.

Вот как рассказывал сам Николай Александрович, когда был жив (умер, к сожалению, в возрасте 52-х лет, 29.07.2012 г.): «Когда произошла авария, нас построили на плацу и спросили, есть ли водители с правами. Вышли семь человек, в том числе и я. Тогда нам приказали из Киева до Припяти возить товарный бетон. В Припяти этот бетон забирали уже другие люди, а мы везли до киевского аэропорта детей и женщин».

По возвращении в г. Читу Н. А. Синякин сразу же попал в больницу, где пробыл всё лето. Врачи старались повысить ему гемоглобин, который упал до 2,6. С тех пор здоровым он себя уже не чувствовал. Николай перенёс четыре хирургические операции, каждые полгода ему требовалось лечение в больнице. Дали II группу инвалидности, которая позволила получать чуть больше 4-х тысяч рублей пенсии. Инвалида не берут даже дворником. Медицинская карточка с историей болезни была, но этот документ не принимали в доказательство прав на «чернобыльское» удостоверение.

«Я обратился в военкомат, откуда призывался. Нужно было подтверждение, что я был на месте событий. Оттуда меня отправили в областной военкомат, а там ответили, надо делать запрос, потому что никакой отметки, что вы участвовали в ликвидации аварии, в документах нет. Нас просто наглым образом обманули ещё там, в Киеве» – рассказал Николай.

Отстаивать свои права он начал ещё в 1995 году и добился только через суд в 2011 году статуса «чернобыльца» и удостоверения участника ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Потеряв остатки здоровья и силы в чиновничьих кабинетах, Синякин Н. А. не успел воспользоваться законным правом на компенсации и льготы, установленные Законом РФ «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС».

КИЇВСЬКИЙ
ВІЙСЬКОВИЙ ІНСТИТУТ
УПРАВЛІННЯ ТА ЗВ'ЯЗКУ

«18» декабря 1996 г
№ 18/384
252143, м. Київ

[illegible]

г. Чит[illegible] 1

На Ваш № 4/2100 от 18 октября 1996 г.:

Подтверждаю что ст.лейтенант запаса Синякин Николай Александрович 1960 г.рождения прибыл на учебные сборы в КВИРТУ ПВО, приказ № 78 от 4.04.86 г. и убыл 4.06.86 г. пр.№122

Сборы проходили в с.Лютеж Киевской обл., которое относится к 4 зоне радиологического контроля. Со слов начальника кафедры полковника КОВАЛЬЧУКА Е.Д., который руководил сборами офицеров запаса в 1986 г., ст.л/т запаса СИНЯКИН Н.А. привлекался для перевозки спецгрузов,техники, семей военнослужащих из района Чернобыльской АЭС.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ КВИУС
полковник ЗАВИДОНОВ

Вечная память Синякину Николаю Александровичу – участнику ликвидации последствий чернобыльской аварии в 1986 году.

(Записано со слов Н. А. Синякина Т. И. Пасынковой)

Рассвет 26 апреля 1986 года Степан встретил в Литовской ССР. Сюда, на площадку Ингалинской атомной электростанции, он попал десять лет назад. Город энергетиков строился на его глазах. Тогда ведь существовал ещё СССР, и не было в паспорте отметки о гражданстве республиканском. Работы проводились под руководством Минсредмаша, у которого уже был опыт возведения Ленинградской АЭС. Буквально за год было готово благоустроенное жильё, и Степан смог перевезти из Красноярска-45 семью. За два года до Чернобыльской трагедии на Ингалинской станции был запущен первый реактор.

Весна в 1986 году выдалась жаркой, накануне Степан с женой Галиной весь день провели на даче. Утром он привычно сделал несколько гимнастических упражнений и пошёл в ванную. Вдруг показалось, что пол поплыл под ногами. Степан глянул в зеркало. Успевшее загореть, лицо было бледным. Подступила тошнота. Ухватившись за стену, Степан постоял, пережидая неприятные

ОСИПОВ
Степан Николаевич

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 9 июня
по 22 декабря 1987 года

симптомы... Только на работе узнал, что на Чернобыльской АЭС случилась авария. Официальной информации было мало. В кабинете у начальника шёл обмен «секретной» информацией. Степан рассказал об утреннем случае. Шеф резко пресёк домыслы: «Это ты перегрелся на солнце». Возможно, что ему самому в тот момент не хотелось думать, что радиационная волна уже докатилась до Литвы. Но, работая на подобном предприятии, не нужно было иметь «семь пядей во лбу», чтобы не догадываться об истинных масштабах трагедии.

Прошёл год. До Степана стали доходить слухи, что готовится замена очередной вахты и рассматривается его кандидатура. Он давно был готов к этому. Знал, что опыт работы на секретных предприятиях может пригодиться, поэтому вызов к начальнику не был неожиданным. Через несколько дней на имя руководителя стройки пришла официальная телеграмма из Главного Управления за № Ж-05–09/42–72 от 09.06.1987 г.: «Командировать в г. Чернобыль начальника планового отдела Управления автомобильного транспорта предприятия С. Н. Осипова сроком на два месяца».

Так началась чернобыльская эпопея Степана Осипова, которая продлилась полгода, превысив допустимые сроки в три раза. На окраине небольшого городка Иванков был построен вахтовый посёлок, где предстояло жить, отдыхать в короткие ночные часы. А на работу ездили в Чернобыль. Там, в здании бывшего автовокзала, размещалось предприятие Управления строительства № 605, созданное Минсредмашем для ведения работ по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. В основные обязанности Степана входило составление сводного отчёта о расходах предприятия за истекший период и отправка его в главный вычислительный центр министерства. А побочные обязанности возникали спонтанно, исходя из ситуации, когда не было специалистов. Чернобыльский рабочий график только на бумаге был законным восьмичасовым. Ежедневно, без выходных и праздничных дней он продолжался 10–11 часов. Два-три дня в неделю приходилось работать на основном объекте - территории, прилегающей к саркофагу. Радиация сжигала даже деревья. «Рыжий лес», так его окрестили чернобыльцы, срубали, чтобы утилизировать, а на пнях вырастали

гигантские листья. Вряд ли уцелело дерево, увиденное однажды Степаном. Известно, что во время Великой Отечественной войны одна из его ветвей на высоте 2,5–3 метра служила немцам виселицей. Здесь казнили партизан. Металлические ржавые скобы, к которым привязывались верёвки, врезались в ветку. Рядом с деревом был памятник партизанам в металлической оградке. Кто теперь его восстановит в 30-километровой зоне?

Построенные контрольно-пропускные пункты работали 24 часа в сутки. Спустя год-два режим стал ослабевать, и эвакуированные люди преклонного возраста возвращались. Подходили к КПП и просили со слезами: «Сынок, пусти меня домой, я хочу помереть в доме, где родился!». И то ли охрана пропускала, то ли люди шли в обход, но жизнь в отдельных хатах появлялась. А для ликвидаторов правила на КПП были жёсткими. Все люди, машины строго проверялись, каждый должен был выйти из машины, предъявить пропуск, вещи для досмотра, пройти индивидуальный дозиметрический контроль.

Один потрясающий случай, когда сработал японский «ревун», истошно заорав и замигав красным фонарём, врезался в память Степана на всю оставшуюся жизнь. Обычно на КПП в конце рабочего дня образовывалась «пробка». Остановился и их автобус. Ликвидаторы гуськом отправились на контроль. Несколько раньше к КПП подъехал новенький, сверкающий военный автомобиль ЗИЛ-157 с личным составом и попытался сходу проехать через КПП. Как только он оказался под шлагбаумом, взревел «японец» и зажёгся красный «глаз». Автомобиль резко затормозил и попятился. Дозиметрист подошёл к вышедшему полковнику, приказал выгрузиться личному составу и пройти пешком через КПП. Молодые ребята-срочники чётким строем пересекли границу 30-километровой зоны. «Японец» молчал. Прозвучала команда проехать автомобилю. Офицер садится в кабину рядом с шофёром, и «ревун» снова захлёбывается от возмущения. Дозиметрист просит офицера выйти из машины, и автомобиль благополучно проезжает под шлагбаумом. В очевидный страшный вывод не верится. Дозиметрист негромко произносит: «Ну, теперь

Вы, товарищ полковник, идите». Вой «ревуна» заставляет вздрогнуть. Побледневший полковник приостанавливается и снова делает шаг в сторону «японца». Сирена заглушает всё... Попытка улыбнуться превращается на лице полковника в жалкую гримасу. Дозиметрист, справившись с шоком, спрашивает: «Где вы сегодня работали?» – «Убирали оборудование в третьем энергоблоке». До Иванкова в автобусе никто не произнёс ни слова. Каждый думал о своём.

На демонтаже крыши третьего энергоблока радиации «нахватывали» больше всего. С помощью высотных кранов сорванная с крыши кровля, пропитанная специальным клеевым составом «промокашек», укладывалась в кузов самосвала, кабина которого была полностью обшита свинцовыми листами. Оставалось небольшое смотровое окошечко для водителя. Замерялась общая радиоактивность смертельного груза, чтобы знать возможную дозу облучения водителя. Через два-три рейса он получал суточную дозу и его заменяли «свежим». Сменщики сидели рядом с местом погрузки в бункере-укрытии. Что касается прораба и других специалистов, они работали смену полностью, никто их не заменял. Хотя крышу блока с виду реконструировали очень хорошо, встречались участки, где радиометры зашкаливали, и приходилось вновь и вновь делать мощные свинцовые заплаты.

Из Чернобыля Степан выехал 22 декабря 1987 года. Ратный подвиг на ЧАЭС был отмечен Благодарностью Правительственной комиссии и трижды – Почётными грамотами предприятия. После распада СССР в Литве строительство атомной электростанции было остановлено, и Степану в поисках заработка пришлось ещё дважды побывать в Чернобыльской зоне.

И. Котельникова, член Союза журналистов России

ЖОРНИК
Владимир Иванович,
полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 8 февраля
по 24 апреля 1987 года

Когда произошла авария на Чернобыльской АЭС, проходил службу в ЦГВ в отдельном батальоне РХБЗ группового подчинения, в должности секретаря партбюро. В послеобеденное время 27 апреля поступила команда собраться на внеплановое совещание. Некоторые прибывающие в тактический класс офицеры говорили, что из местных СМИ слышали о какой-то аварии на ЧАЭС.

Командир части подполковник Г. И. Богданов сообщил, что произошёл взрыв четвёртого реактора и попросил эту информацию не выносить за пределы кабинета. На следующий день поступило указание на усиление круглосуточного наблюдения за радиационной обстановкой. Были подготовлены дополнительные отделения радиационной разведки и развёрнуты посты наблюдения. Информации об истинном положении дел на ЧАЭС мы почти не получали, узнавали, в основном, из телефонных разговоров.

В это время я получил предписание для убытия к новому месту службы, и 11 июля 1986 года

с семьёй поездом Миловицы – Москва выехал в Союз. Так как ехали через Киев, решил на денёк заехать к родителям, которые проживали в г. Смела Черкасской области, в трёхстах километрах от Чернобыля.

В Киеве поразили безлюдные улицы, по ним постоянно курсировали автомойки. Проведав родных, я самолётом улетел в Саратов, так как должен был прибыть в 25-й отдельный батальон РХБЗ Приволжского военного округа, который дислоцировался в г. Вольск Саратовской области.

Командир подполковник Н. В. Пулькин обрисовал обстановку, сложившуюся в части; фактически все офицеры и прапорщики были или откомандированы в район Чернобыля, или находились на обследовании и излечении после командировки на ЧАЭС.

Оставшимся личным составом готовили технику, проводили сборы с призванными с запаса для отправки в батальон РХБЗ от Приволжского военного округа, который дислоцировался в с. Оранное Иванковского района Киевской области. Обстановка была напряжённой, и каждый из нас знал, что не сегодня, так завтра поступит команда на убытие. В последних числах января 1987 года начальник политотдела спецчастей Саратовского гарнизона сообщил, что 2 февраля я должен прибыть в г. Куйбышев (г. Самара) для дальнейшего убытия в командировку на должность заместителя командира по политчасти отдельного батальона РХБЗ от ПриВО.

В штабе округа, пройдя инструктаж, получив необходимые документы, я в составе команды из десяти офицеров, убывавших на замену в район ЧАЭС, выехал в г. Киев. Переночевав в мотострелковом полку, 7 февраля 1987 года автобусом мы отправились в отдельный батальон РХБЗ Приволжского военного округа (с. Оранное).

Командир подполковник И. Седов предупредил, что кроме обязанностей замполита, главная моя задача - следить за соблюдением мер радиационной безопасности личным составом, особенно при выполнении работ в 30-километровой зоне.

Личный состав батальона занимался проведением радиационной разведки, дозиметрическим контролем и дезактивацией непосредственно на третьем энергоблоке. К моменту

моего прибытия в часть заместитель командира батальона майор Светлов фактически становился «невыездным» в зону, так как набрал допустимую норму облучения (25 бэр), поэтому предстояло быть в готовности и самостоятельно организовывать работу личного состава непосредственно на станции.

Помимо работы на третьем энергоблоке, приходилось организовывать проведение радиационной разведки и дезактивации зданий в городе Чернобыле (бывшего универмага, детсада). Вспоминаю, как мы впервые вскрыли замки в здании универмага, увидели везде брошенные товары, взломанные сейфы, на окнах шторы из плотной ткани – и на всём уровень радиации не намного ниже, чем непосредственно на станции, где уже был выполнен огромный объём работ по дезактивации. Пришлось многое оборудование демонтировать и готовить к отправке в могильники. Благодаря высокой профессиональной подготовке и инициативы личного состава работы по приведению к допустимой норме по уровню радиации зданий были выполнены к указанному сроку.

От батальона на объектах работали ежедневно в две смены 80–100 человек, естественно, без выходных. Личный состав задачи выполнял беспрекословно, никаких отказников не было, проявляли разумную инициативу. Особая ответственность ложилась на разведчиков, понимавших, что в зависимости от их профессионализма, добросовестности, правильных показаний будет устанавливаться допустимое время работы людей, а это – здоровье сослуживцев.

Нужно сказать о хорошо налаженном быте, досуге личного состава. Смена обмундирования, белья проводилась без срывов, баня ежедневно, питание усиленное, и всё находилось под постоянным контролем командования батальона.

Партийно-политическая работа имела практическую направленность. Военнослужащие, призванные с запаса, имевшие большой жизненный опыт, оказывали большую помощь в проведении культурно-досуговых мероприятий, в оформлении наглядной агитации, стенной печати. Ежедневно после ужина в столовой разворачивался экран и начиналась демонстрация художественных фильмов. Каждую неделю из штаба части направлялись лекторы или концертные коллективы.

Перед личным составом выступали артисты из Киевской филармонии и Укрконцерта. Все эти мероприятия позволяли снять усталость личного состава после напряжённой работы.

Что осталось в памяти? Сосны «рыжего» леса с коричневой хвоёй, мёртвый город Припять, пустые дома, брошенные сёла, трава выше крестов на сельских кладбищах. Очень тяжело было видеть местное население, играющих детей на пыльных улицах села Оранное – по этим же улицам ежедневно проходило огромное количество техники, курсирующей в 30-километровую зону и обратно. Мы после окончания командировки убывали домой, а эти малыши оставались заложниками радиации.

Вспоминаются скорбные лица стариков, вернувшихся после эвакуации на свои «насиженные» места, они говорили, что вернулись умирать там, где корни предков. Эти люди фактически были брошены. Мы знали, в какой деревне, на каком дворе проживает тот или иной старик или старуха и, проезжая мимо этих усадеб, останавливались, узнавали их просьбы, доставляли им самое необходимое.

За период командировки моя доза облучения составила 23,8 бэр. 24 апреля 1987 года я убыл в свою часть для продолжения службы на своей штатной должности; 14 апреля 1990 года прибыл для дальнейшего прохождения службы в ЗабВО.

Почти три месяца, проведённые на искалеченной земле, памятны на всю жизнь, и особенно – самоотверженный ратный труд всех без исключения ликвидаторов.

ПОГОДАЕВ
Александр Леонтьевич,
старший лейтенант
Принимал участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС с 26 апреля по 17 июня 1987 года

Службу проходил в воинской части 83217 с мая 1979 по май 1981 года в г. Улан-Удэ на должностях рядового и сержантского состава.

На ЧАЭС был направлен в составе воинской части 41173, которая была расположена в посёлке Черемошня Киевской области. Служил лейтенантом на должности заместителя командира роты по политической части. Принимал участие в чистке кровли третьего энергоблока, который примыкал к разрушенному четвёртому блоку. Как правило, офицер был руководителем группы из 8–10 солдат, которым в каждом случае ставили определённую задачу. Запомнилось время работы на объекте – от 40 секунд до 5 минут. А время ожидания выхода на объект могло составлять до трёх часов. Присутствовало огромное количество людей на станции, в результате чего порой мешала неразбериха и частично – дезорганизованность. В случае перебора разрешённой суточной дозы (1 рентген/сутки) превышение записывали на следующий день.

Ощущения какой-то катастрофы не было, но масштабы разрушения впечатляли. А ещё там не было птиц. Это хорошо запомнили все.

В то время уже монтировали саркофаг, а рядом на крышах первого и второго энергоблоков даже не приступали к чистке.

Доза полученного мной облучения – 9,594 рентген.

Вместе со мной служили лейтенант Стужук С. А., младший лейтенант Вихор В. В. Поскольку все были из Красноярска, то поддерживаем отношения.

«И не рукой, а сердцем ощущаю...»

Чернобыль начинает уходить в глубь времени, откладывается в дальних пластах памяти, обрастает легендами. Но это вовсе не означает, что боль и тревога, рождённые чернобыльским шоком, уже освободили людские сердца, ушли, развеялись навсегда по ветру, словно то радиоактивное облако, что успело весной 1986 года несколько раз облететь земной шар. След Чернобыля стойким радиоактивным пятном лег на души сотен тысяч людей России, Белоруссии и Украины. Радиоактивному загрязнению подверглись 15 регионов Российской Федерации. Чтобы понять масштабы трагедии для России, сопоставлю несколько цифр. Если на Украине в зоне жёсткого радиационного контроля проживали 50 тысяч человек, во всей Белоруссии – 110 тысяч человек, то в одной только Брянской области – 112 тысяч человек. Из них 56 тысяч пришлось переселить. При всей ужасающей величине заражённых территорий эти цифры могли быть значительно больше, не приди на борьбу с огромной стихией человек в военной форме.

КОНОВАЛОВ
Пётр Петрович,
полковник

Принимал участие
в ликвидации последствий
аварии на Чернобыльской
АЭС с 18 мая по 18 августа
1987 года

Вечное наше признание и глубокая благодарность всем, кто принял на себя бунт атомного чудовища, но пусть никогда больше не пригодится человечеству их опыт ликвидаторов – так называют людей, принимавших участие в ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС.

Многие считают катастрофу в Чернобыле самым страшным событием в стране после Второй мировой войны. Исторический виток длиной в шестьдесят лет вновь привёл страну к точке, требующей огромного напряжения сил тысяч и тысяч людей, ставшей новой мерой отсчёта жизни «до» и «после» трагедии.

Из понятия географического, физического, экологического Чернобыль стал категорией нравственной. В те дни в Чернобыле собрались лучшие люди со всей страны. Это фантастическая ситуация.

Ликвидаторы – это кадровые офицеры и генералы Советской Армии, военнообязанные запаса, призванные на специальные пятимесячные сборы, сотрудники УВД, КГБ, штабов ГО и обслуживающий гражданский персонал.

Для меня «до» закончилось 16 мая 1987 года, когда я был вызван в г. Киев на собеседование к командующему войсками Краснознамённого Киевского военного округа и его приказом назначен начальником штаба 442-го отдельного механизированного полка гражданской обороны. К исполнению обязанностей приступил 18 мая. Полк дислоцировался на террито-

рии 30-километровой зоны, на окраине населённого пункта Рудня-Ильинецкое, на стыке Чернобыльского и Полесского районов. Личный состав размещался в хорошо оборудованном палаточном городке.

Следует заметить, что полк уже через два дня после аварии приступил к выполнению оперативной задачи. Пришлось дважды менять место расположения из-за высокого уровня радиации. Командование и управление полка, командиры батальонов были из числа кадровых офицеров, остальной личный состав – из призванных военных специалистов запаса, по возрасту – от 25 до 45 лет.

Два механизированных батальона, имевшие свыше четырехсот единиц колёсной и гусеничной техники – скреперы, бульдозеры, грейдеры, экскаваторы, занимались расчисткой завалов, снимали загрязнённый слой почвы. Свои задачи выполняли батальон специальной защиты, инженерно-сапёрная и пожарная роты и рота химической защиты, а также подразделения тылового обеспечения.

В посёлке Лелев на базе полка был развёрнут пункт санитарной обработки (ПуСО). Дозиметристы тщательно обследовали технику (трактора, дорожные машины, бульдозеры, экскаваторы, самосвалы, грузовые и легковые автомобили и автобусы), устанавливали особо заражённые радиацией места. И в случае необходимости выбраковывали сильно заражённую радиацией (более двух рентген в час) технику, которая впоследствии установленным порядком направлялась к могильникам для захоронения.

А техника, подлежащая отмывке, поступала на специальные моечные эстакады, где отмывалась специальными растворами пара под большим давлением или способом пескоструйки. Далее техника проходила контрольный осмотр на сортировочных площадках.

Каждый день наши машины «утюжили» дороги на Янов, Копачи, Чернобыль и проводили пылеподавление, проще говоря, с раннего утра и до позднего вечера поливали дороги водой.

Условия жизни, питание были хорошие. В свободное время – просмотр кинофильмов в клубе или телепередач

в палатках, оформление боевых листков, «молний», стенных газет. Приезжали к нам и артисты.

Задачу личный состав полка выполнял сложную: на крыше реактора вырезали застывшие в битуме куски графита, хоронили «рыжий» лес. От него осталось только одно дерево недалеко от развилки дорог – старая, корявая от времени, многоствольная сосна, похожая на подсвечник. Под сосной – памятные знаки из нержавейки, напоминающие надгробья: здесь, на этой сосне, оккупанты во время войны вешали партизан. Символ народной беды годов сороковых.

Строили отводную железнодорожную ветку для подвоза техники, но больше всего занимались дезактивацией как на станции, так и в населённых пунктах Полесского района.

Большинство солдат и сержантов были из сельской местности. Каждый знал без подсказки, чем заниматься. Многие умели работать керосиновыми и газовыми резаками, электросваркой, перфоратором, топором, пилой и другими подручными средствами. Каждый видел, где нужна его помощь. Одним словом, народ был мастеровой, к труду привычный, халтуры никто не допускал.

Для защиты органов дыхания личному составу ежедневно перед посадкой в автобусы на КПП выдавали респираторы. Они были самой разной конструкции, а всеобщий любимец — «лепесток». Этот респиратор заслуженно пользовался спросом буквально у всех.

По внешнему виду «лепесток» представляет собой трехслойный круг хлопчатобумажной ткани диаметром 150 миллиметров. Между двух слоёв батиста — лист чистой целлюлозы. По краю застрочена тесьма с резиной, вытянув которую, получишь корзинку. Поистине гениальное изобретение, не имеющее аналогов в мире. Его пропускная способность – всего 0,5–4 микрона частиц пыли, во много раз меньше, чем любой другой конструкции. Кроме этого — удобство пользования, очень маленький объём, лёгкость производства, дешевизна, удобство утилизации и хранения.

Большое внимание уделялось соблюдению норм гигиены. При работе в местах с повышенным источником радиационного излучения верхняя одежда, обувь, нательное бельё

сдавались для утилизации, а личный состав проходил обработку в санпропускнике. По возвращении в часть в обязательном порядке направлялись в полковую баню, которая была оборудована душевыми кабинками, сауной и парной.

Штабом полка предъявлялись жёсткие требования по организации дозиметрического контроля. В особых журналах систематически вёлся контроль доз облучения, полученных личным составом, работавшим в 30-километровой зоне.

Спустя год после аварии, методом проб и горьких ошибок, были отработаны определённые меры безопасности. К этому времени группы дозиметрического контроля были обеспечены более совершенной и проверенной аппаратурой и приборами. Но, несмотря на строжайшее соблюдение мер безопасности, солдат, сержантов и офицеров приходилось заменять раньше времени, так как, работая в опасных зонах, они в более короткие сроки набирали предельно допустимые нормы. А эти нормы с мая по декабрь 1987 года были установлены Правительством СССР в пределах 10 рентген. (До этого предельная норма была установлена в 25 рентген).

Подошёл и мой черёд замены. Получив за период прохождения специальных сборов по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС дозу облучения 9 рентген и 998 м/рентген, 18 августа 1987 года сдал дела и должность исполняющего обязанности командира полка и убыл к месту службы в г. Днепропетровск.

Прошли три жарких месяца – в прямом и переносном смысле, лето 1987 года на Украине было сухим и знойным, три месяца атомного ада, завершение которого ожидал с нетерпением. Противоречивые чувства я испытывал, выступая в день отъезда перед личным составом полка. Помню, как подступивший к горлу ком мешал говорить, но, преодолев волнение, я обратился к однополчанам: «Нас сплотила общая беда. Каждый честно исполнял свои служебные обязанности. Спасибо за кровавые мозоли, пот и кровь. Спасибо вам за мужество. Спасибо судьбе, что она подарила мне встречу с вами – настоящими людьми, проверенными делом, дружбой, совестью».

Где сегодня друзья-однополчане, как сложились судьбы подполковников Григория Букатинского, Валентина Вознюка, Владимира Кинзерского, майоров Рашида Мустафина, Николая Пугача, Алексея Фляги, старшего лейтенанта Валентина Алфимова? Надеюсь, что они живы-здоровы и всё у них нормально.

Шофёром на «газике» начальника штаба был симпатичный сельский мужичок Иван. Умный, деловой, весёлый, он умел в дороге своими шутками-прибаутками поднять настроение, увести от тяжёлых мыслей. Машина у него всегда была в идеальном состоянии, ездить с таким водителем было приятно.

Что осталось в памяти, кроме исполнения своих непосредственных служебных обязанностей?

Лебеда и крапива в рост человека непроходимой зелёной стеной заслоняли красивые, добротные хаты, с любовью построенные людьми для счастливой жизни и в одночасье брошенные на произвол судьбы. Без человеческого тепла они превратились в холодные, серые, мёртвые дома. С глубокой болью вспоминаю скорбные лица и сгорбленные фигуры «самоселов» – так называли местных жителей, самовольно вернувшихся лесными тропами в свои дома. На все убеждения, что жить здесь опасно, они твердили одно - нам, старым, уже всё равно, мол, не можем оставить здесь корни предков. Пожилые люди, как заклинание, твердили: «Будем жить, кому сколько выпадет. На родной стороне и помирать не страшно». И жалко этих стариков, и нельзя было не восхищаться их любовью к родной земле. Но таких домов, дождавшихся возвращения хозяев, было не много. В основном, сёла встречали нас заброшенными домами с мёртвыми глазницами окон.

Щемяще болело сердце, видя, как привезли хоронить селянина с «чистой» земли в зону. Старухи в чёрных платках, молчаливые старики в ободранном «пазике», где стоял деревянный гроб. «Мы хотим вернуть его земле, родным местам, где вырос и где прожил всю жизнь», – убеждали односельчане сотрудника милиции на контрольно-радиационном посту.

А как больно было за природу! Особенно за сады. Хочется яблоко, грушу, сливу или вишню попробовать – и нельзя.

Очень страшное ощущение – бессилие перед невидимым врагом. Трудно было мириться с мыслью, что природа никогда уже не будет прежней, хотя раньше человек никогда не испытывал страха перед землёй, воздухом, водой.

Трехмесячные чернобыльские события в корне изменили мои взгляды на природу, как на естественного друга, союзника и защитника человека. Очень трудно было адаптироваться к такой ситуации – враждебности природы. Зелёная трава, прозрачная вода, сады зелёные, буйные, ветки от плодов гнутся, привычные домашние коты и собаки... Только там я с потрясением увидел ночующих на деревьях домашних птиц: кур, индюков и гусей. И всё это в зоне несло опасность и тревогу, всё казалось противоестественным. Такая зловещая «нейтронная» ситуация порождала у офицеров и солдат смятение, ломала тонкие психологические механизмы, вызывала (и продолжает вызывать) душевные разлады. Это тоже след Чернобыля, и непросто от него освободиться.

В животном мире в то чернобыльское лето была зарегистрирована большая вспышка численности мышей-полевок, связанная с тем, что урожай зерна в предыдущем году не был убран. Но тут же сработали механизмы природы, регулирующие это явление: сразу же появилось множество хищных птиц, лис – и установилось динамическое равновесие. Вначале мы даже боялись, что увеличение числа грызунов может привести к эпидемии, в частности, туляремии. Но животный мир очень чутко отреагировал на уход человека из зоны: примерно с расстояния 80–100 километров в округе дичь пошла в зону.

Признаться, никогда не думал, что три месяца, проведённые на искалеченной чернобыльской земле, так сохранятся в душе. Они стали дорогими, памятными и, несмотря на трагизм ситуации, впечатления оставили незабываемые. Перед моими глазами прошли тысячи людей – от крупнейших учёных и военачальников, партийно-правительственных руководителей до простого колхозника или рабочего, которые честно и мужественно выполняли порученную Правительством и Родиной тяжёлую и опасную работу. Таких было несоизмеримо больше тех, кто суетился «около». И за встречи с насто-

ящими людьми, которые так или иначе помогали мне исполнять поставленные задачи, я благодарен судьбе.

В завершение своих воспоминаний-рассуждений хочу обратиться к побратимам-ликвидаторам:

Мне есть за что ценить вас, мужики,
Я видел вас в делах, вам цену знаю.
И не рукой, а сердцем ощущаю,
В любом прикосновении руки,
Как дороги вы мне и как близки,
Коллеги, побратимы, земляки!

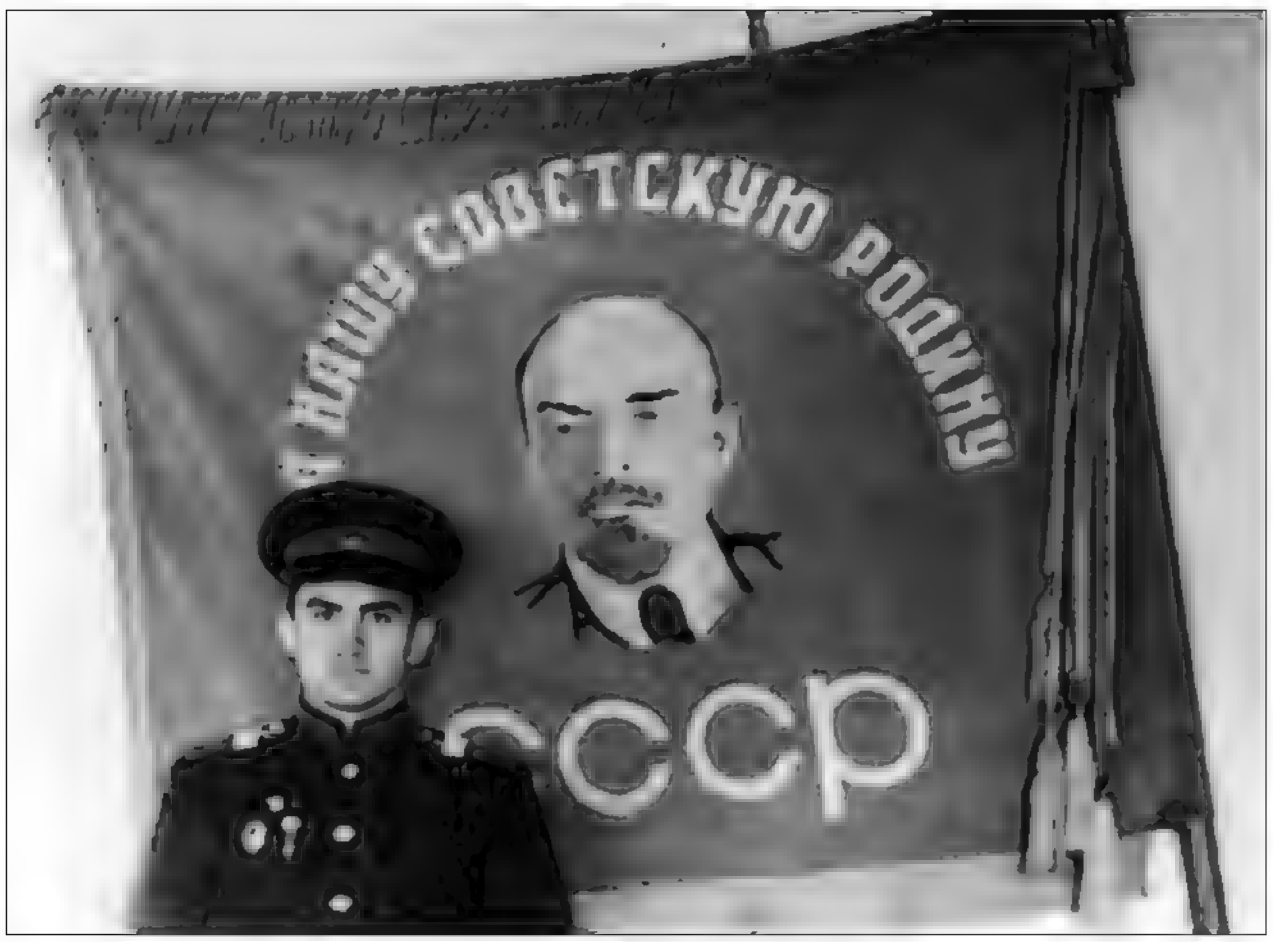
ГЛУЩЕНКО
Владимир Филиппович,
инженер–конструктор

Я проходил срочную службу в воинской части 93629 воздушно-десантных войск Московского военного округа, расположенной в городе Костроме. С апреля по август 1957 года – старший сержант, первый батальон, батарея безоткатных орудий 82 мм. Командиром батареи был гвардии капитан Владимир Николаевич Мясоедов, командиром части – Герой Советского Союза гвардии подполковник Юдин.

Первый батальон принимал участие в опытных учениях с применением взрыва атомной бомбы на Семипалатинском полигоне в Казахстане.

В момент взрыва мы находились на расстоянии 25-ти километров, на противоположном склоне сопки в окопах, в противогазах, химических чулках и химических накидках. После взрыва, помещённые в вертолёты с орудиями и боекомплектом, были десантированы на расстояние 800 метров от эпицентра взрыва. Пролетали около тёмно-коричневого облака. Взрыв был в котловине, грозное облако с потоком воздуха уходило в противоположную сторону.

Выгрузившись из вертолётов, мы в развёрнутом порядке вышли на расстояние двух километров, заняли оборону, отстрелялись со своего боевого оружия. Затем была дана команда «отбой». Мы сняли костюмы химической защиты, сели



Гвардии старший сержант
Г Л У Щ Е Н К О Владимир Филиппович

За отличную боевую и политическую подготовку и примерную дисциплину награждается личной фотокарточкой при РАЗВЕРНУТОМ ЗНАМЕНИ ЧАСТИ.

КОМАНДИР В/ЧАСТИ 93629
ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО С О Ю З А
гв.подполковник /ЮДИН/

"19" апреля 1957 г.

01.24 26.04.1986 на четвертом энергоблоке произошло два мощных взрыва с разрушением реакторного блока и машинного зала.
1 час 26 минут 03 секунды – сработала пожарная сигнализация.
1 час 28 минут – к месту аварии прибыл дежурный караул станции.
1 час 35 минут – на станцию прибыл караул г. Припять.
Борьба со стихией шла на высоте от 27 до 72 метров, а внутри помещений четвертого энергоблока тушением занимался дежурный персонал станции. О том, что реактор раскрыт, пожарные не знали.
2 часа 10 минут – сбит огонь на крыше машинного зала.
2 часа 30 минут – подавлен очаг пожара на крыше реакторного отделения.
4 часа 50 минут – огонь в основном локализован.
6 часов 35 минут – пожар ликвидирован.

Утро 26 апреля 1986 года

Перевёрнаутая крышка аварийного реактора с датчиками измерения параметров

Одна из неудачных попыток закрыть жерло аварийного реактора бетонной крышей

Площадка загрузки вертолётов

Необходимая для сброса в аварийный реактор «химия» и другие материалы

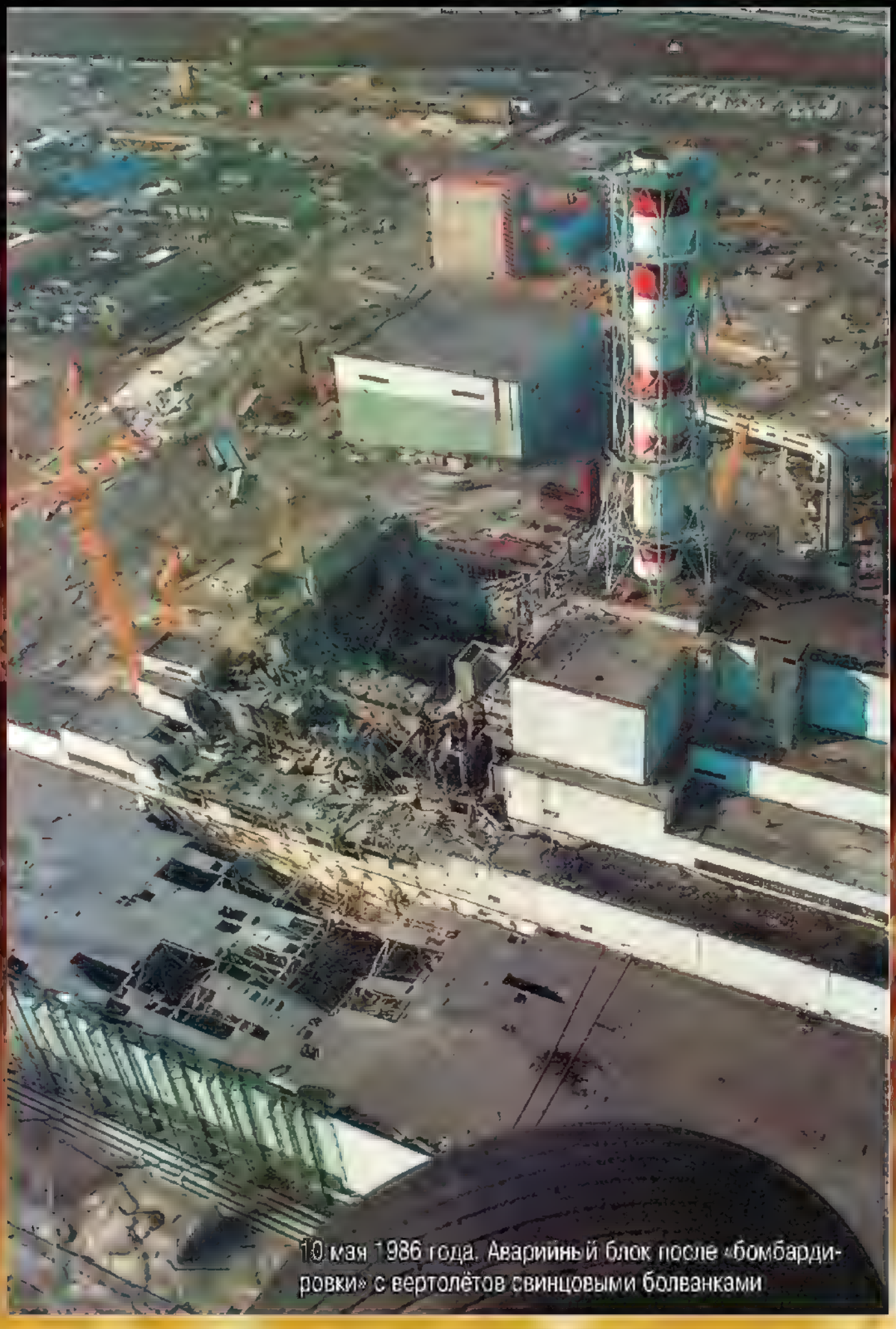
Свинец в болванках и в виде обычной охотничей дроби
груз для сброса вертолетами в аварийный реактор

Оформление груза

Взлёт

Заход на сброс груза

Над реактором



10 мая 1986 года. Аварийный блок после «бомбардировки» с вертолётов свинцовыми болванками

«Броневичок» – трактор с обшитой свинцом кабиной на крыше аварийного реактора

Полёт над «рыжим» лесом

Могильник – вечная стоянка
радиоактивной техники

Припять – город-призрак.
Граффити..., а как живые!

Вечный дозор. Промзона, пожарная часть № 1

Колокол скорби над Припятью

Чернобыль. Мемориал...

с. Андріївка
с. Бички
с. Буда
с. Бенівка
...канувшие в Лету

«Упакованный» атом

ПО «Маяк»

Семипалатинский полигон

АЭС «Фукусима-1» (Япония)

ДИПЛОМ ЛАУРЕАТА

Международной Премии

В ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА

"Звезда Спасения"

НАСТОЯЩИМ ДИПЛОМОМ И МЕДАЛЬЮ ЛАУРЕАТА НАГРАЖДАЕТСЯ

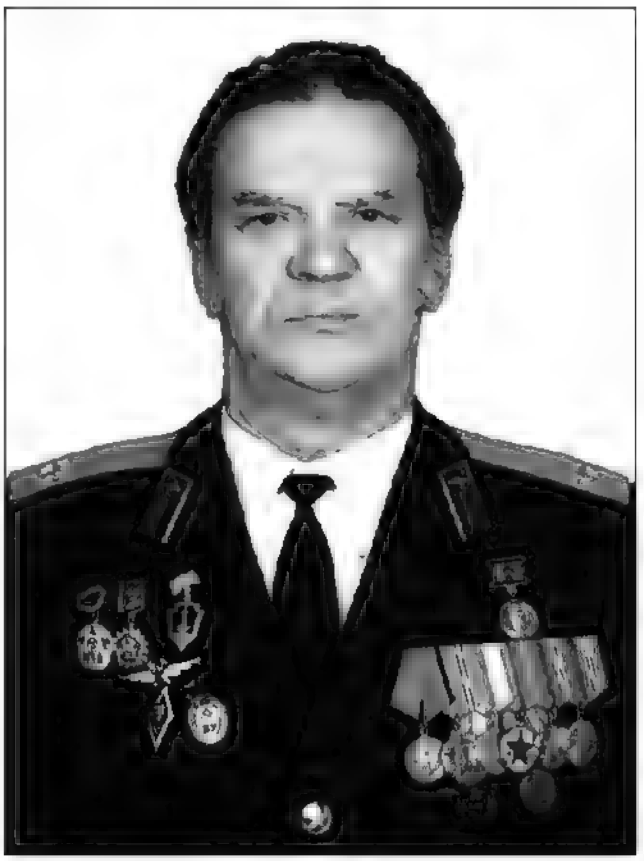
ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ КРАЕВАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «СОЮЗ ЧЕРНОБЫЛЬ»

за публицистический сборник «Командировка в ад»

в автомашины и направились в дезактивационный пункт, где прошли дезактивацию.

За сутки до учения была генеральная репетиция с полной выкладкой, только без взрыва бомбы и стрельб. О проведении взрыва было краткое сообщение в газете «Правда». Перед этим взрывом были ещё два. Учением руководил министр Вооружённых Сил СССР Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

Мы были добровольцами, давали подписку о неразглашении тайны сроком на 25 лет. У нас были дозиметры в виде авторучки, полученную дозу радиации зафиксировали письменно. Эти учения были засняты на киноплёнку, мой расчёт был снят крупным планом.

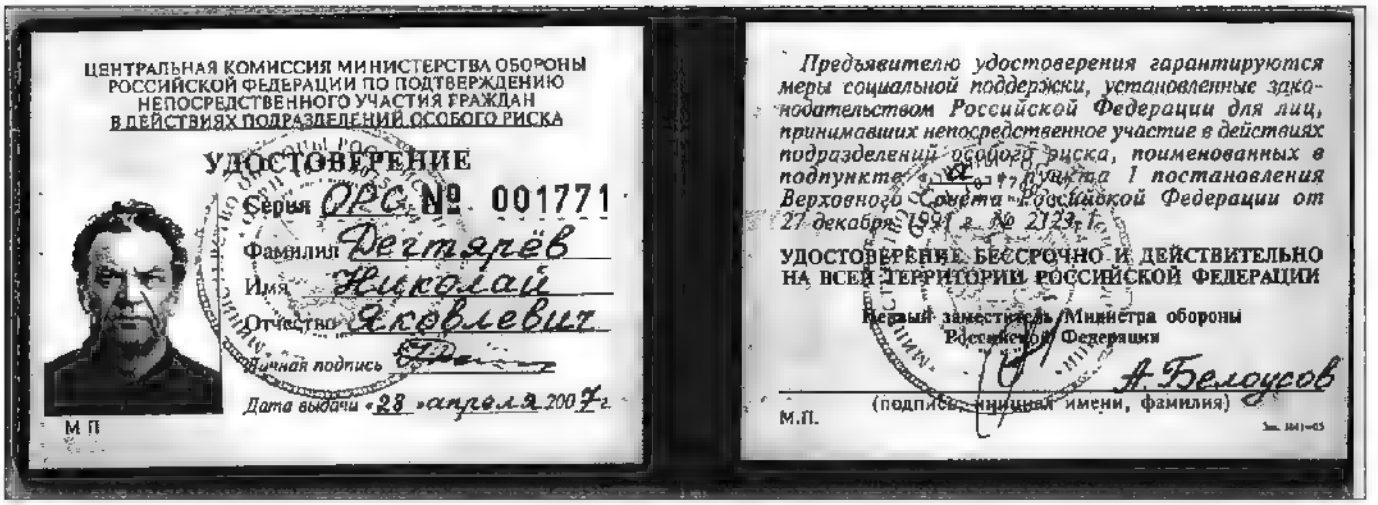


ДЕГТЯРЁВ
Николай Яковлевич,
подполковник

В сентябре 1957 года, окончив школу младших авиаспециалистов 47 ШМАС (в/ч 13729) в г. Морозовск Северо-Кавказского военного округа по специальности «Авиационный механик по вооружению самолёта-бомбардировщика», прибыл для прохождения службы в воинскую часть 61657 и был определён в группу авиаспециалистов, обеспечивавших обслуживание и подготовку авиатехники, предназначенной для испытания при ядерном взрыве на Семипалатинском полигоне.

После проведения взрыва самолёты, установленные на площадках, проверялись на предмет повреждений, изымалось установленное вооружение (пулемёты, пушки, стрелковые и бомбардировочные прицелы), а также другое оборудование для сдачи в лаборатории на исследование.

Непосредственно при проведении ядерного взрыва выполнял неоднократно работы по фотографированию с башни развитие ядерного взрыва, начиная с момента вспышки и до образования ядерного гриба, с помощью авиационного фотоаппарата АФА. Отработанный материал и полученные снимки передавались в управление, где в лабораториях обрабатывались, затем строились по ним специалистами графики прохождения поражающих факторов, рост столба пыли, поднимаемого с Земли, и рост самого гриба по времени и т. д.


ЦЕНТРАЛЬНАЯ КОМИССИЯ МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПОДТВЕРЖДЕНИЮ НЕПОСРЕДСТВЕННОГО УЧАСТИЯ ГРАЖДАН В ДЕЙСТВИЯХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОСОБОГО РИСКА

УДОСТОВЕРЕНИЕ

Серия ОРС № 001771

Фамилия Дегтярёв

Имя Николай

Отчество Яковлевич

Личная подпись

Дата выдачи «28» апреля 2007 г.

М.П.

Предъявителю удостоверения гарантируются меры социальной поддержки, установленные законодательством Российской Федерации для лиц, принимавших непосредственное участие в действиях подразделений особого риска, поименованных в подпункте «а» пункта 1 постановления Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2123-1.

УДОСТОВЕРЕНИЕ БЕССРОЧНО И ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Первый заместитель Министра обороны Российской Федерации

А. Белоусов

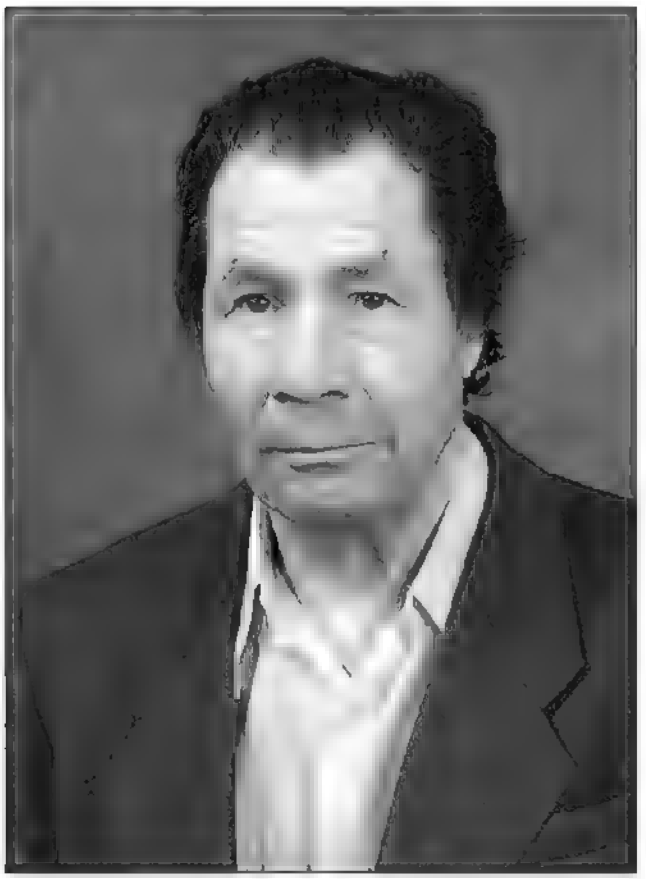
(подпись, инициал имени, фамилия)

М.П.

Зак. 3041-05

Особенно интенсивная работа проводилась в летний период 1958 года, когда на полигоне была проведена целая серия ядерных взрывов как раз перед заключением договора о запрещении испытаний ядерного оружия.

В августе 1958 года я убыл для поступления в Харьковское военное авиационно-техническое училище. Окончил его в 1961 году с отличием и проходил службу в Вооружённых Силах до сентября 1985 года на различных должностях: от бортового техника вертолёта Ми-4, старшего бортового техника-инструктора самолётов Ли-2, Ил-14, начальника воинской части 16614 (ПАРМ) при ракетной армии 74102 до старшего инженера авиационного отдела воинской части 74102 в звании подполковника. Был уволен по возрасту. С 1966 года – житель Забайкалья.



ЗАХАРОВ
Николай Павлович, ветеран подразделений особого риска РФ

«Привет из армии...» – вывел первую строчку рядовой Захаров и задумался. О чём написать брату? Мастером сочинять письма он не был, а тут ещё сплошные запреты. Рассказывать не разрешалось не только о том, где служишь, чем занимаешься, а даже о, казалось бы, нейтральной теме: природе и погоде, а то, не дай Бог, кто-нибудь по этим приметам вычислит место дислокации секретной части.

Вспомнилось, как военком на призывном пункте городка под Ленинградом очередной команде новобранцев посоветовал тёплых вещей с собой не брать, потому что на Кавказе, куда их отправляют, мол, тепло. Но повезли призывников в совершенно другую сторону – в Новосибирск. А уже оттуда в Казахстан, в Семипалатинскую область. Дата прибытия хорошо запомнилась: 11 ноября 1961 года – в день 20-летия Николая. Определили парня водителем ГАЗ-69 в команду дозиметрической разведки на полигон, где проводились ядерные испытания.

Ему доводилось до этого слышать о японском городе Хиросима, на который американцы сбросили первую атомную бомбу. Но какого-то страха впервые увиденный собственными глазами атомный взрыв не вызвал. Скорее, любопытство. От эпицентра Николай с товарищами находился километрах в двенадцати, лёжа, как и положено, в сторону взрыва ногами. Позже, привыкнув, наблюдал, сидя за рулём своего “газика”.

Иногда казалось, что от взрывной волны в автомобиле стёкла вылетят. Зато атомным грибом, стремительно растущим в небо, невольно любовался.

Практически сразу после произведённого взрыва пять-шесть машин с дозиметристами неслись к эпицентру разными маршрутами. В их числе и «газик» Захарова. Замеры снимались через каждый километр. В общей сложности на всё это уходило около часа. Особых защитных средств на людях не было: высокие резиновые сапоги, комбинезоны, респираторы-лепестки. В таком облачении не просто переносить летнюю жару. Да и кормили солдат без изысков, если не считать, что после дозиметрической разведки дополнительно на пятерых выдавалось по банке сгущёнки и тушёнки. А производились взрывы довольно часто, особенно в августе 1962 года. Наверное, не случайно через 30 лет, когда Николай Павлович собирал документы для получения удостоверения ветерана подразделений особого риска, у него поинтересовались, был ли он на Семипалатинском полигоне 7 августа 1962-го. Видать, в истории полигона этот день отмечен особо. А для него он ничем не отличался от других.

О силе каждого взрыва можно было судить по состоянию различной военной техники, которая специально устанавливалась для испытаний в том районе. Видел он и танки, у которых гусеницы с противоположной к эпицентру стороны были занесены песком. Скорее всего, многотонные машины нагребали его, когда их двигала по земле огромная мощь взрывной волны. После этого танки дымились несколько дней.

Как-то Николай полюбопытствовал, что находится в кузове подъехавшего грузовика. Оказалось, трупы собак. Он слышал до того, что животных привязывают перед испытанием на разном расстоянии от эпицентра. Рассказывали, что некоторые псы, выжившие во время взрыва, наученные горьким опытом, во второй раз успевали зарываться в песок. Спасало ли их это?

Не щадил атом и людей. Однажды группа из шести человек пробыла в заражённой зоне дольше, чем положено. Их «обманул» испортившийся прибор. Как выяснилось позже, радиоактивность была выше в десятки раз, чем он показы-

вал. После этого людей, почувствовавших головную боль, тошноту, госпитализировали, а затем комиссовали из армии. Напоминанием об опасности служили и три обелиска, установленные возле испытательной вышки, людям, погибшим, как говорили, от облучения.

Сам Николай на здоровье не жаловался. У него здесь даже перестала болеть голова, которая часто давала о себе знать до службы. "Держись подальше, заражённый", — с напускной строгостью говорили товарищи, когда после дозиметрической разведки и, естественно, после душа он возвращался в казарму, врытую по окна в землю, чтобы была устойчивой и не рассыпалась от ударов взрывной волны.

Среди офицеров встречались такие, кто понимал, чем грозит служба на полигоне, и всеми правдами и неправдами, даже ценой нарушения дисциплины, добивались увольнения из армии. Но они были, скорее, исключением, большинство честно выполняли опасную работу.

Отслужив три года, в 1964 году Николай Захаров демобилизовался, но остался там же по договору строить штольни для подземных ядерных испытаний. Зарплату по тем временам платили хорошую: выходило 400, а то и 500 рублей в месяц.

В 1968-м вместе с бригадой он приехал в Краснокаменск, когда город только начинал строиться. Работать устроился в геологоразведочную экспедицию № 32, строил шахты, дело-то знакомое. Бывал в командировках в Монголии, пробивал штольни под Тындой. Об армии вспоминает, пожимая плечами – служба как служба. И даже шутит, что закалён ураном: в молодости на Семипалатинском полигоне воочию видел его силу, позже его добывал, к тому же много лет прожил в посёлке Октябрьском, расположенном в экологически неблагоприятной зоне. А свои болезни связывает с тем, что долго работал в шахтах, в воде, вот теперь то ноги болят, то спина. Но даже выйдя на пенсию продолжал работать сторожем. Без дела-то ему скучно, да и прибавка к семейному бюджету не лишняя.

(Дерешев В. Закалённый атомом. - Газета «Забайкальский рабочий», 11 мая 2006 г.)

ПЕРМИНОВ
Пётр Васильевич,
ветеран подразделений
особого риска РФ

Каждый из нас, ныне живущих, особенно молодые люди, и те, кто будет связан по долгу своей деятельности с атомной энергетикой, должны чётко понимать, что атомные станции, атомное и термоядерное оружие не терпят халатного, непродуманного к ним отношения; и как результат – трагедии. Примеров этому есть достаточно.

Я в Чернобыле не был и не участвовал в устранении последствий аварии, но правительственным Постановлением от 27.12.1991 г. № 2123-1 приравнен к чернобыльцам. Я прекрасно понимаю, что пришлось каждому из них пережить. Восхищаюсь их героизмом, жизнелюбием и говорю им всем от души большое спасибо. Желаю им только здоровья и долгих лет жизни. А понимаю их потому, что сам на Центральном ядерном полигоне «Новая земля» был непосредственным участником испытаний ядерного и термоядерного оружия в военных целях, причём во много раз мощнее, чем Чернобыль, по разрушению и уничтожению всего живого.

С 1955 по 1958 год я служил командиром отделения 100 мм зенитного орудия на сторожевом корабле «Кондор» Северного Флота.

В 1957 году деревенскому пареньку из Забайкальской глубинки в составе корабельной команды было доверено выполнение важнейшей государственной задачи, исключительной для обороноспособности страны и отечественной науки –

участие в обеспечении испытаний ядерного и термоядерного оружия, межконтинентальной баллистической ракеты как средства доставки ядерного оружия и осуществления полёта будущих космонавтов СССР.

За участие в обеспечении испытаний ядерного оружия награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ, «за безупречное выполнение воинского долга» в период военной службы во флоте награждён именными часами Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР. В 1996 году на основании Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2123–1 «О распространении действия Закона РСФСР «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» на граждан из подразделений особого риска» мне присвоили статус «Ветеран подразделений особого риска».

Моя судьба схожа с судьбой многих чернобыльцев. Как и они, я получил облучение и всю жизнь борюсь с этим недугом. Но больше всего удручает борьба с бюрократией за свои права, заслуженные за выполнение столь ответственных государственных задач, имеющих большое значение для страны. Я горд тем, что был причастен к испытанию такого грозного оружия.

Несмотря на то, что мне было доверено Правительством Союза выполнение государственной значимости задачи, нужной для защиты Отечества, с годами пришёл к выводу, что такое оружие, как термоядерное, надо запретить. Лучше жить в мире и согласии. Поэтому призываю своим поэтическим словом:

К братству, земляне!
Нет смысла губить нам
Нашу планету, где живём мы, друзья.
Беречь её надо!
В ядерном чтоб не сгореть нам пожаре,
К миру! Согласию! Без войн жить зову Я!!!

ФЛЕШЛЕР
Владимир Исаакович,
заслуженный геолог Читинской области, академик МАНЭБ

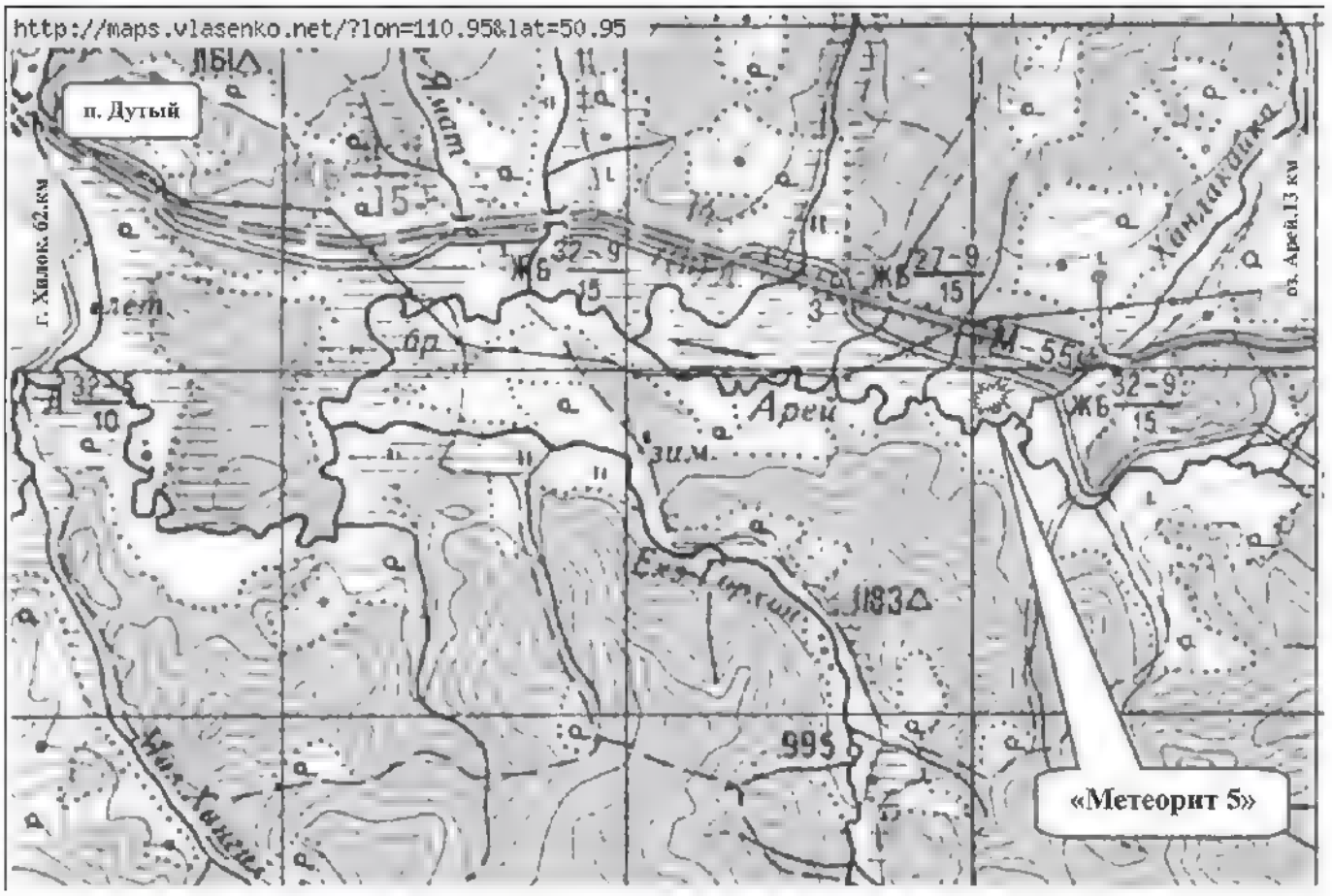
В Забайкальском крае подземный ядерный взрыв под кодовым названием «Метеорит-5» был осуществлён в мирных целях в 1977 году.

Сейсмическое зондирование (исследование распространения упругих волн) земной коры с целью поисков полезных ископаемых Министерство геологии и Академия наук СССР проводили в соответствии с советской программой № 7 «Ядерные взрывы для народного хозяйства», разработанной в 1965 году. Для изучения глубоких горизонтов земной коры применялись подземные ядерные взрывы (ПЯВ) камуфлетного типа – без образования воронки разрушения на поверхности земли.

Применение химических взрывов как источников упругой энергии позволяло «просвечивать» земную кору на глубину до 15-ти километров, а более мощными и сосредоточенными ядерными зарядами – изучать структуру Земли на глубину до 150-200 километров при значительной экономии средств и меньшем ущербе для ландшафтов и экосистем (карта «География подземных ядерных взрывов, произведённых в СССР в мирных целях в 1965–1988 годах», книга «Мирные ядерные взрывы», Москва, 2001 г.).

Одним из таких профилей являлся профиль «Метеорит», проходящий с северо-запада на юго-восток от Таймыра до Забайкалья. Из нескольких ядерных взрывов того перио-

да один был произведён в 60-ти километрах от города Хилок Забайкальского края – правобережье реки Арей (бассейн озера Байкал). Объект «Метеорит-5» – единственный в зоне речного стока в Байкал и самый мелкозалегающий на территории Сибири: глубина заложения заряда – 494 метра от поверхности.



Место заложения взрывного устройства

Скважину в 508 метров бурили нефтяники из Иркутска около двух месяцев – с 30 апреля по 20 июня 1977 года. Обсадные колонны после проектных испытаний были опущены в скважину и зацементированы. В вертикальную скважину было опущено взрывное устройство. Изделием занимались специалисты Министерства среднего машиностроения СССР, в официальных документах о нём было сказано: «Нам ничего не известно». Место заложения скважины было очерчено радиусом 80 метров и находится в непосредственной близости от сопряжения различных тектонических зон долин реки Арей и её притоков: Дусалея, Хандагайки и Эхе-Горхона.

Информация о взрыве международной системы мониторинга

Взрыв «прогремел» в 7 часов утра 11 августа 1977 года (в 22.00 10 августа по Гринвичу). Мощность взрыва составляла 8,5 кт, или 8 млн 500 тыс. кг в тротиловом эквиваленте (что примерно равно 200 вагонам тротила). По словам очевидцев, ...сначала что-то щёлкнуло, затем сильно тряхнуло. Всё длилось секунды... Машина с приборами, буровая вышка и вагончик устояли..., выброса не было. Внутри скважины образовалась полая камера, 10–20 метров в диаметре, при взрыве температура в которой поднялась до 1 млн градусов.

Специалисты утверждают, что это очень мощное воздействие на геологическую среду. При таком влиянии даже с соблюдением всех требований технологического регламента, и при отсутствии выброса любых продуктов взрыва в атмосферу, необходим постоянный мониторинг за радиоактивностью всех природных сред, как в точке заложения скважины – эпицентра ПЯВ, так и на прилегающей территории, где могут

быть проявлены восходящие из глубин потоки вещества, прежде всего, в составе напорных вод зон глубинных разломов.

Боевая скважина «Метеорит-5», комплекс измерения радиоактивности, 1996 г.

Что представляет собой объект «Метеорит-5»? На глубине в 500 метров находится относительно малый полый объём, содержащий не только значительное количество продуктов взрыва, но и остатки непрореагировавшего плутония. Летальная доза этого элемента, например, для одного человека, составляет всего один микрограмм.

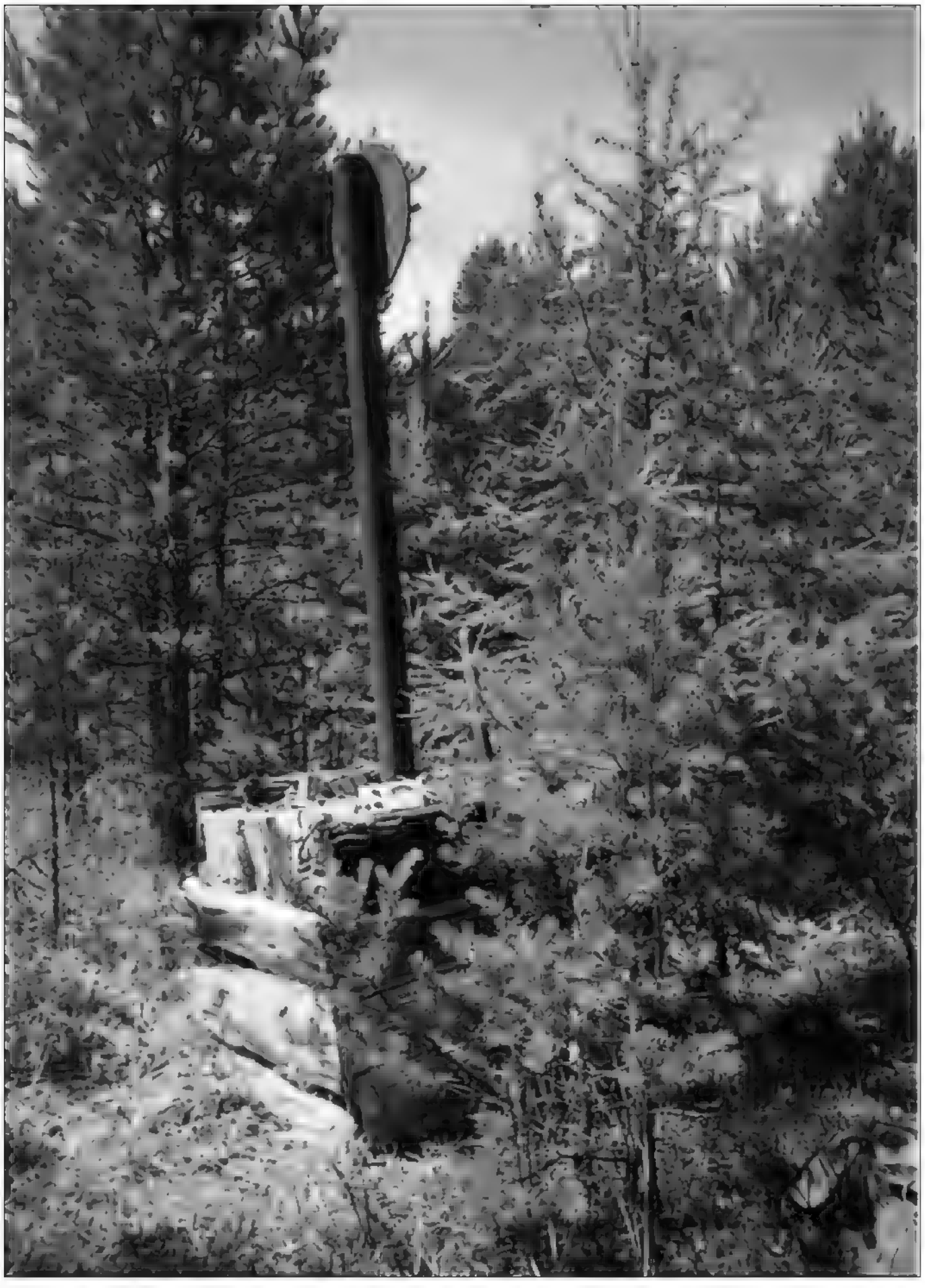
На участке подземного взрыва для получения достоверной информации о радиационном загрязнении данной местности и путей миграции подземных вод специалистами ВНИПИПТ (г. Москва) и лабораторией радиационной и экологической геохимии ЗабНИИ (г. Чита) проводились периодические наблюдения. По их результатам, остаётся бесспорным, во-первых, то, что объект «Метеорит-5» — это источник радиоактивной опасности, находящийся в недрах Земли на относительно небольшой глубине. Следует заметить, что срок «жизни» некото-

рых опасных радиоактивных продуктов взрыва (плутоний-239, америций-241, стронций-90 и др.) намного превышает продолжительность жизни человеческого поколения.

Полевой лагерь исследователей на террасе реки Арей, 1996 г.

Во-вторых, в результате взрыва по разломам и трещинам в горных породах могут мигрировать флюиды (вода и природный газ), радон и продукты его распада, а в случае нарушения герметичности камеры взрыва – техногенные радионуклиды. Кроме того, при проведении горно-буровых работ в неблагоприятных тектонических условиях взрывная камера с остатками непрореагировавшего ядерного заряда и «долгоживущими» продуктами деления, недостаточно изолированная от путей миграции подземных вод и флюидов, может оказать серьёзное негативное воздействие на радиационную обстановку в подземных, а затем и в поверхностных водах.

Вот он урок Чернобыля!



Опознавательный знак подземного ядерного взрыва

Чернобыль: версии о диверсии

На 25 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС было намечено проведение проектных испытаний одной из систем обеспечения безопасности на четвёртом энергоблоке, после чего реактор планировалось остановить для проведения плановых ремонтных работ. В ходе испытаний предполагалось обесточить оборудование АЭС и использовать механическую энергию вращения останавливающихся турбогенераторов (так называемого выбега) для обеспечения работоспособности систем безопасности энергоблока. Стоит отметить, что программа эксперимента на четвёртом блоке не была согласована с научным руководителем и конструктором данного реактора.

К настоящему времени далеко не все эксперты согласны с выводами Госатомнадзора, официальной правительственной комиссии под председательством Н. А. Штейнберга, расследовавшей причины Чернобыльской катастрофы, о том, что во время проведения эксперимента персонал станции нарушил ряд требований безопасности, что привело к неконтролируемому росту мощности реактора, к взрывам и разрушениям значительной части энергоблока в 1 час 24 минуты 26 апреля 1986 года.

Другую версию аварии на Чернобыльской АЭС выдвинули специалисты МАГАТЭ. По их мнению, причина аварии кроется в самой конструкции ядерного реактора РБМК-1000.

Так, западные специалисты по атомной энергетике считают, что РБМК-1000 обладал рядом конструктивных недостатков и по состоянию на апрель 1986 года имел десятки нарушений и отступлений от действующих правил ядерной безопасности. Непосредственное отношение к причинам аварии имели якобы положительная обратная связь между мощностью и реактивностью, возникавшая при некоторых режимах эксплуатации реактора, и наличие так называемого концевого эффекта, проявлявшегося при определённых условиях эксплуатации.

Однако, компьютерное моделирование не подтвердило ни выводы комиссии Штейнберга, ни версию экспертов МАГАТЭ. На Ленинградской АЭС, где также работают реакторы РБМК-1000, в 1989 году провели натурные испытания: на её четвёртом энергоблоке, введённом в строй в 1981 году, были специально созданы те же заштатные условия, которые возникли на Чернобыльской АЭС в ночь на 26 апреля 1986 года. Как и следовало ожидать, ничего подобного чернобыльскому взрыву не произошло – реактор РБМК-1000 оказался настолько надёжным, что работа в самых критических режимах не вывела его из строя.

После этого учёные вынуждены были рассмотреть версию о диверсии. Первым её высказал бывший заместитель начальника штаба войск Особой зоны, работавших непосредственно на Чернобыльской АЭС, полковник Подсвиров. Однако доказательств этой версии полковник привести не смог. Он лишь указал на маловероятные совпадения. Так, например, время взрыва совпало со временем пролёта над Чернобылем американского разведывательного спутника Феррет-Д, разрушенный блок был сфотографирован американским спутником, который, по их мнению, оказался в нужный момент на нужной орбите над ЧАЭС, точно так же, как это было в случае со сбитым южнокорейским самолётом 31 августа 1983 года.

В поддержку диверсионного акта на Чернобыльской АЭС выступал академик В. А. Легасов, который в 1986 году отвечал за ликвидацию последствий аварии, а спустя два года, в 1988 году, ученый покончил жизнь самоубийством (которое многие называют наме-

ренным убийством). Удивляет странный способ уйти из жизни, выбранный Легасовым. В ящике письменного стола в его рабочем кабинете лежал именной пистолет, но академик почему-то предпочёл удавиться, а не покончить счёты с жизнью более благородным способом - застрелившись из этого именного пистолета. Причина, по которой ушёл из жизни Легасов, возможно, кроется в его аудиопослании М. Горбачёву, в котором он приводил свои данные по факту взрыва.

Некоторые эксперты считают, что в пользу версии о диверсионном акте говорит тот факт, что за несколько минут до аварии сейсмологические станции по всему миру отметили активность движения почвы с эпицентром под четвёртым энергоблоком Чернобыльской АЭС.

Эта версия появилась в год десятилетия аварии и выдвинута была сотрудником Института физики Земли РАН Е. В. Барковским. (Опубликована в журнале «Техника – Молодёжи» № 12 в 1996 году). По мнению Барковского, причиной аварии могло стать землетрясение, зафиксированное сейсмографами сейсмических станций Норинск, Глушковичи и Подлубы за 22 секунды до взрыва на ЧАЭС.

Сторонники версии утверждают, что толчок был зарегистрирован до, а не в момент взрыва (это утверждение оспаривается), а сильная вибрация, по их мнению, предшествовавшая катастрофе, могла быть вызвана не процессами внутри реактора, а землетрясением. Причиной того, что соседний третий блок не пострадал, они считают тот факт, что испытания проводились только на четвёртом энергоблоке. Сотрудники АЭС, находившиеся на других блоках, никаких вибраций не почувствовали.

Кстати говоря, землетрясения отмечались в этом районе и раньше. Однако в последние столетия тектоническая активность значительно уменьшилась, и землетрясения, способные что-либо разрушить в этих местах, больше не случались. Что же тогда вызвало подземный толчок?

Существуют свидетельства о том, что в те годы, как в США, так и в СССР, усиленно разрабатывалось тектоническое оружие. Особенность его действия заключается в том, что его применение трудно отличить от обычного землетрясения, и этот толчок очень похож на действие именно тектонического оружия – маломощный

ядерный заряд закладывается в тектонический разлом, и ядерный взрыв провоцирует подземный толчок.

Ещё одна гипотеза связана с тем, что неподалёку от Чернобыля находилась советская загоризонтная радиолокационная станция «Дуга», предназначенная для раннего обнаружения запусков межконтинентальных баллистических ракет. Станция была построена за год до этого и в апреле 1986 года проходила государственные испытания. Авторы этой гипотезы считают, что мишенью тектонического оружия была не АЭС, а РЛС, но по какой-то случайности не она от толчка пострадала, а именно реактор.

Толчок произошёл в самый критический момент его работы. Операторы, чтобы не произошла внеплановая остановка, отключили аварийную защиту. Аварийная система сработала, но стержни аварийной защиты заклинило, и заглушить реактор не успели.

Конечно, можно списать версию «специально организованной диверсии» на Чернобыльской АЭС на «увлечение конспирологией», но 25 марта 2012 года на заседании в Государственной Думе первый заместитель председателя комитета Госдумы по природным ресурсам, природопользованию и экологии И. И. Никитчук заявил: «Как человек, проработавший в атомной отрасли почти тридцать лет, я склонен считать диверсией случившуюся аварию на Чернобыльской АЭС»*.

Альтернативные версии

Причины чернобыльской аварии невозможно понять без знаний о тонкостях физики ядерных реакторов и технологии работы энергоблоков АЭС с РБМК-1000. Первичные данные об аварии не были известны широкому кругу специалистов. Кроме версий, признанных экспертным сообществом, появилось много других, не требующих глубокого проникновения в предмет, предложенные профессионалами из других областей науки и техники. В этих гипотезах авария представляется результатом действия совершенно других физических процессов, не тех, которые лежат в основе работы АЭС, но хорошо известных авторам по их деятельности.

Так, согласно ещё одной версии, высказанной сотрудником Института проблем информатики Российской академии наук В. П. Торчигиным, причиной взрыва могла быть искусственная

* Тимур Куприянов, 26 апреля 2012. Мониторинг СМИ: Я репортер.

шаровая молния, возникшая при проведении электротехнических испытаний в 1:23:04, которая проникла в активную зону реактора и вывела его из штатного режима. Автор утверждает, что ему удалось установить природу шаровой молнии и объяснить многие её загадочные свойства, в частности, способность двигаться с большой скоростью. Он предполагает, что возникшая шаровая молния могла в доли секунды проникнуть по паропроводу в активную зону реактора.

Наиболее экзотической является версия, предложенная Л. И. Уруцкоевым, сотрудником ИАЭ им. И. В. Курчатова, и встречающая принципиальные возражения в академических кругах. По мнению автора и его сторонников, ряд экспериментальных фактов не имеет убедительных объяснений; в качестве основного физического механизма аварии предполагается образование магнитных монополей в ходе «выбега» турбогенератора и попадание их вместе с паром в ядерный реактор.

Существуют и конспирологические версии, например, что взрыв явился результатом диверсии, скрытой властями. Способы диверсии предполагаются различные: взрывчатка, подложенная под реактор, следы которой якобы обнаружены на поверхности расплавов топливных масс; вставленные в активную зону специальные твэлы из высокообогащённого (оружейного) урана; применение пучкового оружия, установленного на искусственном спутнике Земли, либо так называемого дистанционного геотектонического оружия.

Рассматривались также различные сценарии того, как конкретно развивались процессы, приведшие к разрушению реактора после скачка мощности, и что происходило с топливом после этого. Некоторые из версий были опровергнуты исследованиями, проведёнными в последующие годы, другие остаются актуальными до сих пор. Несмотря на то, что среди специалистов существует консенсус по вопросу о главных причинах аварии, некоторые детали до сих пор остаются неясными.

По версии, предложенной К. П. Чечеровым, взрыв имел ядерную природу. Причём основная энергия взрыва высвободилась не в шахте реактора, а в пространстве реакторного зала, куда активная зона вместе с крышкой реактора и загрузочно-разгрузочной машиной была поднята, по его предположению, реактивной си-

лой, создаваемой паром, вырывающимся из разорванных каналов. За этим последовало падение крышки реактора в шахту. И этот удар был интерпретирован очевидцами как второй взрыв. Этим якобы можно объяснить предполагаемое отсутствие топлива внутри саркофага. По данным Чечерова, в шахте реактора, подреакторных и других помещениях было обнаружено не более 10% ядерного топлива, находившегося в реакторе. На территории станции ядерного топлива не было найдено, однако имелось множество фрагментов циркониевых трубок длиной в несколько сантиметров с характерными повреждениями - как будто они были разорваны изнутри. По данным других источников, внутри саркофага находилось около 95% топлива.

Сотрудником Института проблем безопасности АЭС Академии наук Украины Б. И. Горбачёвым была предложена версия, представляющая вольное публицистическое изложение общепринятого сценария аварии, с обвинениями экспертов, расследовавших аварию, и персонала АЭС в совершении подлога в отношении первичных исходных данных. По его версии, взрыв произошёл из-за того, что операторы при подъёме мощности после её провала (в 0:28) извлекли слишком много управляющих стержней, делая это произвольно и бесконтрольно вплоть до момента взрыва, не обращая внимания на растущую мощность. На основании сделанных допущений автор выстроил новую хронологию событий, которая противоречит зарегистрированным данным и физике процессов, протекающих в ядерном реакторе. Так, например, по его хронологии взрыв реактора произошёл за 25–30 секунд до нажатия кнопки аварийной защиты (АЗ-5), а не через 6–10 секунд после, как считают эксперты. Нажатие кнопки АЗ-5 Б. И. Горбачёв совмещает в точности со вторым взрывом, который для этого переносится им на 10 секунд назад. По его версии, этот второй взрыв был взрывом водорода; и он зарегистрирован сейсмическими станциями как слабое землетрясение.

Версия Б. И. Горбачёва содержит очевидные для специалистов внутренние нестыковки, не согласуется с физикой процессов, протекающих в ядерном реакторе, и противоречит зарегистрированным фактам.

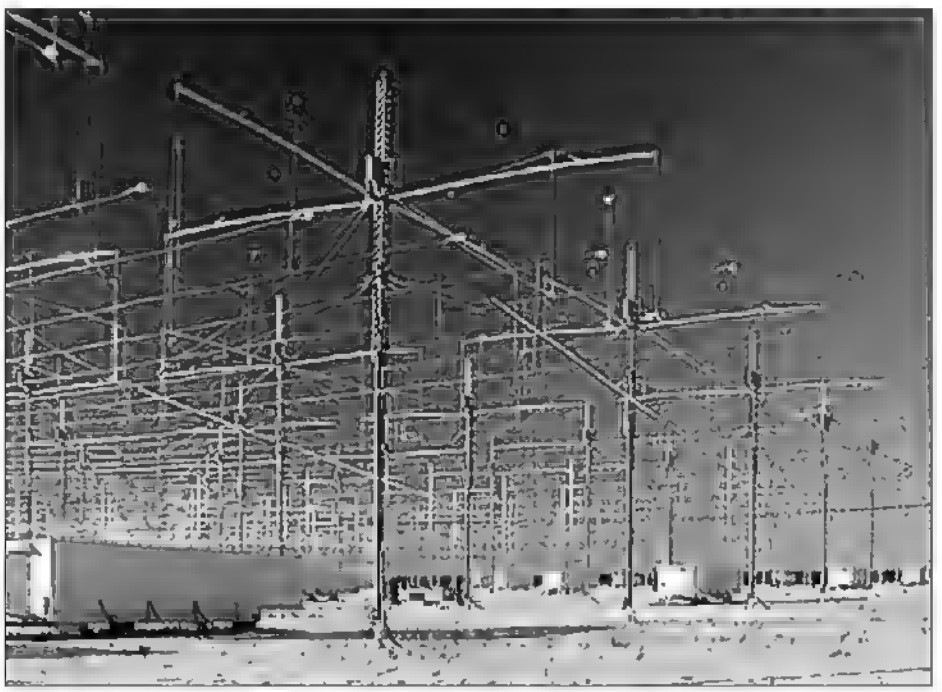
Штаб Правительственной комиссии, Чернобыль: «...Мы также не исключаем использования потенциальным противником (пучкового) лазерного оружия, направленного с военного спутника...

Выдвинуто также предположение, что причиной сбоев в работе аппаратуры реактора стала случайная высокочастотная «атака» радара секретной РЛС противника, находящегося недалеко отсюда».

Версия сбоя электронных систем управления реактором во время эксперимента на четвёртом блоке вполне вероятная, можно предполагать, что на электронную аппаратуру воздействовали в этот момент очень мощные электромагнитные поля, создаваемые загоризонтной РЛС «Дуга», расположенной вблизи Чернобыля и проходившей государственные испытания в это же время (в апреле 1986 года), или американской системой «HAARP». Возможно одновременное суммарное воздействие двух систем – РЛС «Дуга» и «HAARP»*.

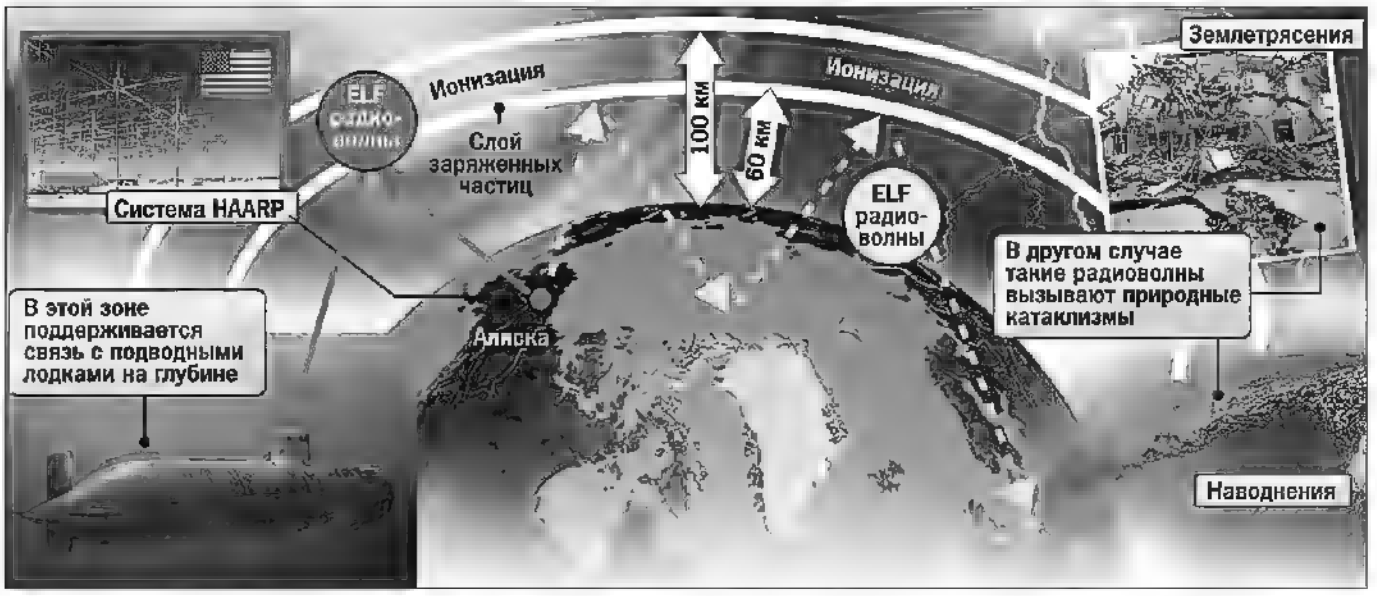
HAARP, психотропное и климатическое оружие

США, Аляска, в двухстахпятидесяти километрах к северо-востоку от Анкориджа, военный полигон Гакона, расположен необычный объект. Огромный участок территории «засеян» лесом из 25-метровых антенн. Это «HAARP» («High Frequency Active Auroral Research Program» – «Программа активного исследования авроральной области «Северное сияние»), максимальный режим секретности. По сути, это огромная плазменная пушка. Все эти антенны и передатчики объединены в единое целое. Они посылают



* Версия опубликована в журнале «Тайны XX века» № 3 (Эпоха катастроф), Золотая серия, издание Пресс-Курьер, Санкт-Петербург, 2012 г., глава 2, статья «Свидетельства журналистов», с. 14.

радиоволны в диапазоне частот от 2,8 до 10 мегагерц, суммарной мощностью в 10 гигаватт, что превышает солнечное излучение в этом частотном диапазоне почти на шесть порядков. Своим сверхмощным излучением объект нагревает ионосферу Земли – слой околоземного пространства, заполненный ионизированными атомами. Нагреваясь, эти атомы приобретают дополнительную энергию, в результате их электронные оболочки увеличиваются в сто пятьдесят раз. Ученые называют эти атомы сверхбольшими, а этот процесс – накачкой.



Эта установка была построена совместными силами ВМС и ВВС США для изучения возможностей боевого применения воз-

мущений в ионосфере и магнитосфере Земли. В научных журналах утверждают, что с помощью «HAARP» можно вызывать искусственные северные сияния, забивать помехами загоризонтные радиолокационные станции раннего обнаружения пусков баллистических ракет, выжигать электронику, выводить из строя космические спутники, воздействия на атмосферу, вызывать изменения погоды вплоть до возбуждения стихийных бедствий (мощных ливней, землетрясений, наводнений и ураганов).

Загоризонтная РЛС Дуга-1, Чернобыль-2

Чернобыль-2 – это военный городок и одноимённый объект (он же – Дуга-1). Загоризонтная радиолокационная станция Дуга (5Н32) – советская радиолокационная станция для раннего обнаружения запусков межконтинентальных баллистических ракет, созданная с целью зафиксировать ядерное нападение на СССР в первые две-три минуты после запуска баллистических ракет.

Строительство станции вблизи Чернобыльской АЭС объяснялось ее высокой энергоемкостью. По имеющейся информации, ЗГРЛС потребляла около 10 мегаватт энергии. Радар радиолокационного узла, часто называемый «Чернобыль-2», работал на частотах между 5 и 28 Мгц.

Высота мачт низкочастотной антенны радара составляет от 135 до 150 метров, а длина второго радара – порядка 250 метров в длину и до 100 метров в высоту. Передающие и приемные антенны построены по принципу фазированной антенной решётки.

От Америки до Союза ракеты летят 25 30 минут, и можно было успеть принять контрмеры. Задача этой станции – обнаруживать пуски ракет по изменениям состава ионосферы, вызываемого ракетными двигателями, с помощью коротких радиоволн, способных распространяться на тысячи километров, постоянно сканировать территорию США. Этот метод слежения называется загоризонтной радиолокацией, позволяет фиксировать взлетающие ракеты по их огненному факелу, вытягивающемуся на десятки километров.

Государственные испытания станции были начаты в апреле 1986 года, но с момента аварии на ЧАЭС станция законсервирована. В 1987 году было принято решение о закрытии объекта.

Чернобыль был взорван

Трагедия на Чернобыльской АЭС умышленно спровоцирована с целью развала СССР и отрыва Украины от России. Таковы результаты независимого физико-технического расследования, проведённого физиком-ядерщиком Н. Кравчуком, изложенные им в книге «Загадка Чернобыльской катастрофы». (Опубликована в 2011 г. в Москве). Ещё до издания, после первых утечек в украинской прессе, Кравчук был уволен с работы в Институте теоретической физики НАНУ.

Выводы физика-ядерщика поддержали в рецензии на книгу профессор, д-р техн. наук И. А. Кравец и д-р физ.-мат. наук В. А. Вышинский. Учёный утверждает, что взрыв реактора был заранее спланирован и осуществлён под руководством горбачёвского ЦК КПСС, а вина свалена на персонал станции, оказавшийся «козлом отпущения». Атомщики были вынуждены оправдываться в условиях круговой поруки и давления «перестройщиков». Что и было косвенно признано перед мировым сообществом горбачёвским руководством.

В августе 1986 года официальная версия развёртывания событий на ЧАЭС была представлена на сессии МАГАТЭ, и вот её главный вывод: «Первопричиной аварии является совсем маловероятное сочетание нарушений порядка и режима эксплуатации,

допущенное персоналом энергоблока» - утверждает Н. Кравчук. То есть взорвать Чернобыль без заранее продуманного внешнего вмешательства персонал станции просто не смог бы.

С 1 по 23 апреля 1986 года «состояние активной зоны реактора существенно изменилось. Такие изменения произошли не случайно, а в результате хорошо спланированных, заранее реализованных действий» – пишет Кравчук.

К моменту испытаний реактор находился в крайне неустойчивом состоянии с падениями мощности. Кроме того, в некоторых ячейках реактора находилось более высокообогащённое топливо с атомных подводных лодок (плутоний-239), что привело к резкому росту мощности и температуры в активной зоне. Вместе с тем, запас графитовых стержней, заглушающих реактор, был исчерпан.

Квалифицированные специалисты ЧАЭС, кто были тогда на станции, «просили убедить руководителя испытаний А. Дятлова немедленно прекратить испытания, остановить реактор». Он же, вероятно, получал прямо противоположные указания. «Эксперимент проводили именно с тем турбогенератором (ТГ-8), на котором был сломан подшипник, а не с исправным ТГ-7».

После парового взрыва, наступила «реакция превращения воды и пара в гремучую водородно-кислородную смесь (то есть второй этап взрывного процесса), утверждает учёный.

После водородного объёмного взрыва в замкнутом пространстве реактора произошло уплотнение к стенкам ядерного топлива из «двух или более полиячеек», почему-то оказавшегося в реакторе в избытке, и была достигнута локальная критическая масса, приведшая к «квазиядерному» взрыву. И только он мог сдвинуть на 90 градусов «верхнюю крышку» «кастрюли» весом более 2000 тонн, размещавшейся над активной зоной», «внутри блока образовалось облако плазмы с температурой 40 тысяч градусов», которое и отметили очевидцы аварии. Наличие скрытого персоналом высокообогащённого урана 238U «проявилось в наличии избытка калифорния в продуктах аварии» в первые сутки, утверждает Николай Кравчук, «именно он давал 17% гамма-активности, превращаясь опять-таки в плутоний-239 (с периодом полураспада чуть более двух суток – что существенно для последующего)! Стоит отметить и сейсмическое воздействие взрыва такой силы, таких масштабов, потрясшего здание блока массой в десятки тысяч тонн. Он безус-

ловно мог индуцировать локальное землетрясение», которое и было зарегистрировано.

Резкий рост радиации произошёл в последующие сутки из-за постепенного нарастания реакции плутония и серии взрывов, значительно усиленных неправильным тушением с помощью воды и песка в расчёте на то, что содержимое реактора цело.

«Именно тогда, с 27 апреля, резко возросло радиационное загрязнение окрестностей – в десятки раз, так что случившееся вечером 26 апреля было неотвратимо, и никакая борная кислота не помогла бы в тот момент... И если бы это было понятно сразу, то стало бы очевидным, что самой первоочередной задачей было: сосредоточиться на немедленной эвакуации населения из 50-километровой зоны». Однако и этого не было сделано.

Примечательна судьба одного из непосредственных виновников катастрофы, Анатолия Дятлова, выполнявшего преступные приказы и осведомлённого ещё и о других испытаниях на блоке, которые должны были, по замыслу стоявших за ним руководителей, гарантированно «добить» Чернобыль, даже если бы это не удалось сделать на предыдущем этапе. (Это, увы, удалось). Что, по мнению Кравчука, «позволяет понять и его действия, и поведение после аварии – как будто у него была гарантия от слишком тяжёлого наказания?».

Через четыре года, в октябре 1990 года, после официальных писем за подписью академика Сахарова, Елены Боннер и других видных либеральных могильщиков СССР, Дятлов был досрочно освобождён, в связи с заболеванием. Лечился в ожоговом центре в Мюнхене. Умер в 1995 году от инфаркта. А команды Дятлову отдавал Г. Копчинский, тогда заведующий сектором атомной энергетики ЦК КПСС в Отделе тяжёлой промышленности и энергетики ЦК КПСС, ранее работавший на ЧАЭС, бывший руководитель Департамента атомной энергетики и промышленности Совета Министров СССР, затем бывший заместитель председателя Государственного комитета Украины по ядерной и радиационной безопасности, наконец, в 2000 году гендиректор Госатома Украины. И ныне дающий советы в сфере атомной безопасности!

(Украина NR2.ru: http://nr2.ru/kiev/441823.html)

В заключение

Мы живем в век радиации.

В настоящее время государства мира, обеспечивая себя энергией, эксплуатируют 440 атомных реакторов, но аварии на предприятиях, работающих на этом виде топлива, - объективная реальность, с которой нельзя не считаться. Атомное оружие по-прежнему не выведено из мировых военных арсеналов.

За более чем 75-летнюю историю освоения атома в мире зарегистрировано свыше 300 аварийных ситуаций на гражданских и военных ядерных объектах, а общее число жертв и пострадавших от радиации на планете Земля составляет более 2-х млрд человек.

Авария на Чернобыльской АЭС признана крупнейшей в истории всей атомной энергетики и по предполагаемому количеству погибших, и по числу пострадавших от ее последствий. Эта катастрофа внесла в жизнь человеческой цивилизации и новую разновидность войны - войну с невидимым, но очень опасным врагом, втянувшую в «битву» более 600 тысяч участников и унесшую на сегодня свыше 36 тысяч жизней.

В «бой» с радиацией в едином строю вступили татары и азербайджанцы, украинцы и белорусы, армяне и казахи, русские и буряты, представители других национальностей и сословий, руководители и работники ведомств, организаций и учреждений, по направлению и добровольно - по зову сердца, души и разума они устраняли последствия катастрофы, просто выполняя свой долг. Девятнадцать человек, получивших звание Героя (11 из них – посмертно), десятки тысяч награжденных орденами и медалями – эти люди не считали себя героями, но то, что они сделали, было истинным героизмом.

Генеральная Ассамблея ООН 17 декабря 2003 года поддержала решение Совета глав государств СНГ о провозглашении 26 апреля **Международным днём памяти жертв радиационных аварий и катастроф**, а так же призвала все государства - члены ООН отмечать этот день и проводить в его рамках соответствующие мероприятия.

Указом Президента Украины № 945/2006 от 10 ноября 2006 года определён **День чествования участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС**, который принято отмечать в Украине ежегодно 14 декабря, в день завершения строительства саркофага над разрушенным четвёртым энергоблоком Чернобыльской АЭС.

Указом Президента РФ от 4 апреля 2012 года введён в действие Федеральный закон «О внесении изменений в статью 1.1. Федерального закона «О днях воинской славы и памятных датах России»: согласно которому 26 апреля в Российской Федерации отмечается, как **«День участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф и памяти жертв этих аварий и катастроф».**

8 декабря 2016 года Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 71/125, провозглашающую **26 апреля Международным днём памяти о чернобыльской катастрофе.**

Масштабы трагедии могли бы стать неизмеримо большими, если бы не мужество, самоотверженность ликвидаторов, прибывших в Чернобыль со всей страны, в том числе из Забайкалья.

Из 300 забайкальцев, участников событий на Чернобыльской АЭС, более половины работали на реакторе и в зараженной зоне с начала аварии, и в числе первых - работники Приаргунского горно-химического комбината, военнослужащие и военнообязанные ЗабВО.

В. М. Пестов

Список имён

А

Алексеев Г. Г. 226
Анастасова Т. С. 317
Антошкин Н. Т. 51
Астракова В. М. 340

Б

Бакшеева Л. И. 408
Балденков В. В. 386
Балденков С. В. 387
Батракова Г. К. 332
Башкатов Н. М. 286
Бедрин В. В. 295
Белолугов С. А. 164
Березин А. Г. 176
Бодерко С. В. 229
Боровиков В. И. 145
Бочкарёва В. А. 356
Брезгина В. В. 344
Бубенко Б. Н. 438
Бутенко А. Н. 373
Бушков С. Б. 261

В

Вещев В. С. 199
Власенко В. В. 81
Волевач П. И. 406
Воробьёв В. К. 245
Воронов А. Н. 59
Выскобчук Г. А. 318
Выскобчук С. И. 319

Г

Галаган А. Г. 437
Гаммершмидт В. А. 269
Гладков С. Г. С..... 296
Глазков С. В. 353
Глущенко В. Ф. 463
Гоголев В. Ф. 433
Горбачёв В. Я. 338
Гранина Т. А. 343
Гребенчук А. П. 235
Гречихина Н. В. 356
Гуренко Л. Н. 356
Гуртовой Ю. А. 388

Д

Дегтярёв Н. Я. 466
Дедов В. Д. 336
Дучинский О. Г. 191

Е

Елохин С. В. 283
Ермолин Н. И. 422

Ж

Жовтя Ю. Г. 289
Жорник В. И. 449
Жуков А. Н. 183
Журавлёв А. В. 198
Журавлёв И. Г. 342

З

Захаров Н. П. 468
Здоровенко А. А. 280

И

Ибрагимов Х. Р. 416

К

Казанцев К. В. 272
Калимулин В. С. 228
Камышев В. И. 362
Карпушенко В. К. 262
Катков С. И. 222
Ким Г. И. 307
Клименко И. Н. 389
Ковалёва С. В. 328
Козлов А. М. 282
Колесников В. С. 298
Коллегов В. П. 256
Коновалов П. П. 455
Кот С. Ф. 214
Кочнева Р. Д. 310
Кошеватая З. А. 333
Кошелевы (семья) 391
Кравчук В. П. 357
Кубединов А. М. 216
Кульбин А. Н. 173
Кульчицкий О. М. 61
Кушнаренко А. И. 217

Л

Лебедев Н. Н. 346
Леонтьев А. Ю. 75
Лишманов В. Ю. 277
Лосев Ю. В. 415
Лузина Н. Д. 346
Лясников О. В. 403

М

Маврина Л. С. 350
Максимов А. А. 347
Мамонтов В. А. 401
Марченко Ю. П. 195
Масюков С. А. 394
Маханьков А. Л. 300
Машуков А. К. 429
Мельник А. А. 285
Минасян Г. С. 367
Миронов Б. А. 405
Моисеева Н. В. 317
Муравьёв В. К. 127

Н

Неуймин С. К. 260
Нечипуренко В. Н. 305
Новиков В. А. 151
Носенко В. П. 186
Носик М. Ф. 375

О

Огнев В. Д. 424
Осипов С. Н. 445
Остапец А. Н. 355
Остроумов В. К. 206

П

Панфилов С. Г. 259
Перелыгин М. Ю. 276
Перминов П. В. 471
Перфилова Е. В. 419
Пестов В. М. 131
Пешков Н. Е. 413
Питомец А. В. 230
Плюснин И. П. 404
Погодаев А. Л. 453
Полинецкая Е. С. 425
Полканов В. П. 232
Попова Ж. В. 369
Приходько С. П. 57
Прокопцов С. Д. 349
Путинцев В. Н. 302

Р

Размахнин А. Г. 414
Рычков И. Д. 184

С

Савчук Н. В. 60
Салмыков Н. С. 210
Сауров О. Ю. 345
Семейкин Л. И. 233
Сенечкин Ю. В. 370
Сентюров П. Ф. 359
Сенченко В. В. 75
Середин А. А. 160
Синякин Н. А. 442
Скринник Н. С. 396
Славинский В. Д. 177
Смирнов Н. Н. 297
Соболев С. А. 363
Сомов В. В. 291
Степанищев А. Г. 212
Стремовский А. М. 366
Сурков В. Ю. 193

Т

Тарабакин В. А. 142
Товпегин А. Г. 430
Токтохоев Б. Д. 402
Толстых В. В. 157
Торосян С. Г. 418
Троицкая А. А. 371
Тугай В. А. 53
Тупиневич Ю. В. 263

Ф

Фёдорова Л. В. 317
Флешлер В. И. 473

Х

Хмаренко В. М. 252
Хуторянский В. П. 330

Ц

Цой В. В. 273

Ч

Черняев Я. Я. 320
Чингишбаева Л. И. 329
Чугунов А. Ю. 169

Ш

Шалашов В. Ф. 60
Шапиев М. Ш. 411

Ю

Юриков В. Т. 59
Юркин И. И. 435

Я

Якушев А. В. 432
Яценко А. В. 197

От издателя

Для меня работа над этой книгой началась с небольшого курьёза. Как-то Надежда Давыдовна Димова (Книжное издательсво «Поиск») сообщила мне, что готовится материал книги воспоминаний «чернобыльцев» и спросила, не возьмусь ли я её сверстать. Я сказал: «Почему бы и нет»... Прошли месяцы, в 2011 году она позвонила мне и спросила: «Серёжа, ну как насчёт командировки?». У меня в голове – Новосибирск, Москва, Самара... Давно не выбирался из Читы – не плохо бы.

Спрашиваю: «А куда командировка?» Надежда Давыдовна почти с возмущением: «Ну ты что, забыл? Командировка в ад!». А я не знал ещё, что книгу воспоминаний так озаглавили. У меня немного мороз по коже... Говорю: «Надя, хоть в ад!.. Только, пожалуйста, билет в оба конца».

Развеселил я её, объяснила, что к чему, посмеялись вместе. Началась работа. Но с того дня у меня пока так и нет «обратного билета» – это издание третье за 10 лет. Мы уже крепко сдружились с участниками тех давних событий – автором-составителем этой книги Валентином Алексеевичем Тугай и ответственным редактором Владимиром Михайловичем Пестовым. Но если моя «командировка в ад» затянулась с 2011 года, то для Валентина Алексеевича она началась осенью 2005-го, когда он изложил свою идею о создании книги воспоминаний В. М. Пестову и Б. Г. Родикову. Тогда и началась кропотливая работа по сбору материалов – поиск участников по всему Советскому Союзу, переписка с ними, ожидание их воспоминаний, документов, фотографий... Систематизация материалов и многое другое, что составляет рутинную работу по изданию книги. Не могу не упомянуть ещё одного постоянного члена нашей команды – это литературный редактор Татьяна Павловна Прокопенко. Именно благодаря её кропотливой работе эмоциональные письма «чернобыльцев» обрели читабельную, понятную форму. Работа не прекращалась все эти годы, потому что после каждого очередного переиздания объявлялись новые участники и дополняли следующее новое издание. А если брать по большому счёту, то для составителей этой книги «Командировка в ад» началась ещё тогда, когда они были призваны погасить этот адский ядерный вулкан, и не прекращается по сей день. Из такой командировки нет «билета в обратный конец».

Хочу выразить своё признание и восхищение самоотверженностью тех, кто на протяжении более десяти лет посвятил себя работе над увековечиванием памяти о героях Чернобыля, и призвать к этому всех, кто держит эту книгу в руках.

С. Я. Непомнящих, издатель

Командировка в ад

Очерки, воспоминания

Литературный редактор Т. П. Прокопенко
Дизайн, вёрстка С. Я. Непомнящих

На обложке стихи А. Викулина из поэмы «Чернобыль»

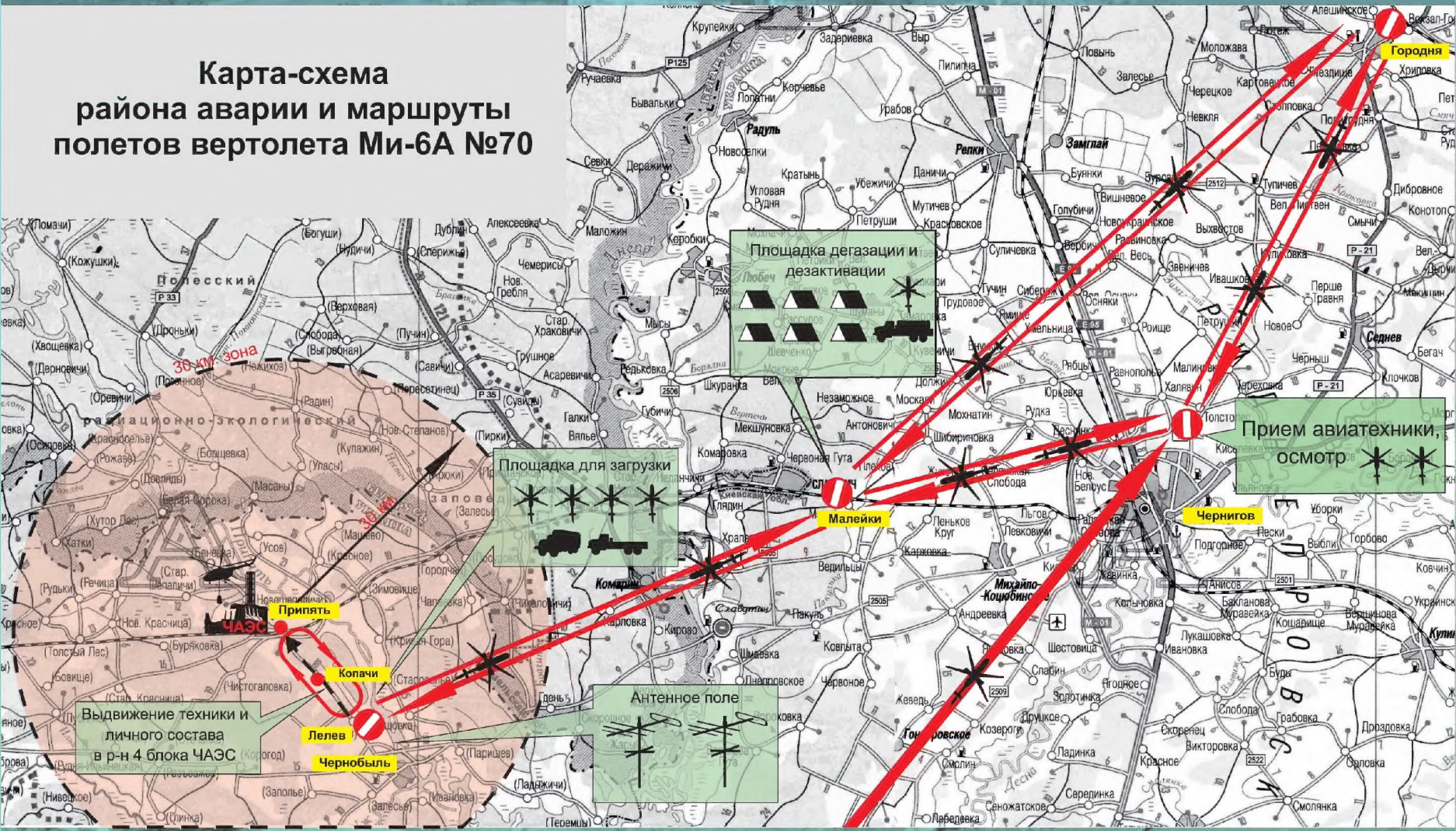
ISBN 978-5-901856-42-0

Подписано в печать 21.12.2021.
Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.
Уч.-изд. л. 20,7. Усл. печ. л. 28,95. Тираж 200 экз. Заказ № 07/2021.

ИП Непомнящих (Издательская мастерская Стиль).
Тел. 914 467 6955
672039, г. Чита, ул. Александровозаводская, д. 30, к. 415А

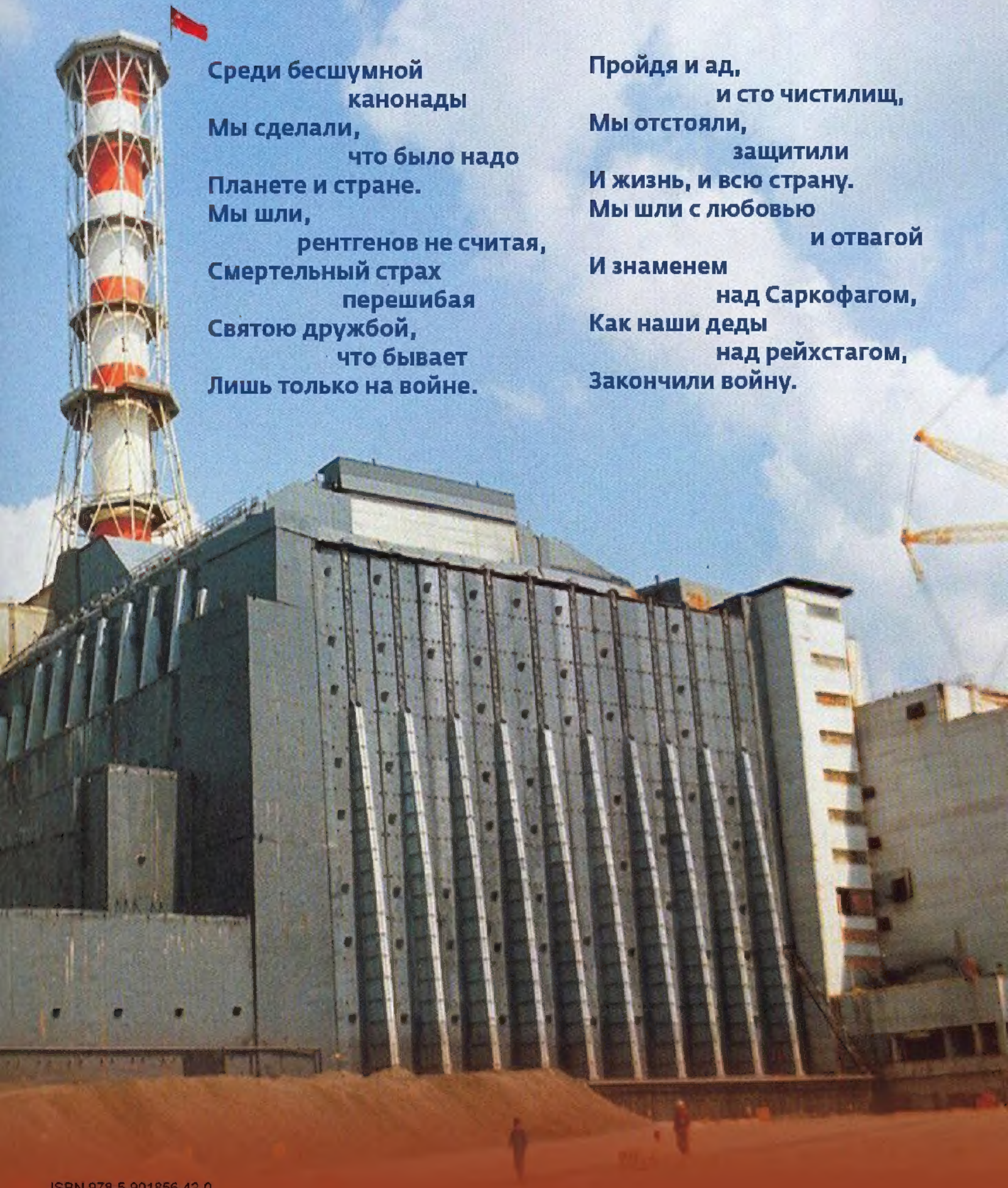
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО "Республиканская типография"
Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, д. 13. Заказ № 22-108

Карта-схема района аварии и маршруты полетов вертолета Ми-6А №70



Среди бесшумной
канонады
Мы сделали,
что было надо
Планете и стране.
Мы шли,
рентгенов не считая,
Смертельный страх
перешибая
Святою дружбой,
что бывает
Лишь только на войне.

Пройдя и ад,
и сто чистилищ,
Мы отстояли,
защитили
И жизнь, и всю страну.
Мы шли с любовью
и отвагой
И знаменем
над Саркофагом,
Как наши деды
над рейхстагом,
Закончили войну.



ISBN 978-5-901856-42-0

9 785901 856420